UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00290451 4

СОСТАВИЛЪ

Владиміръ Бончъ-Бруевичъ.

ИЗБРАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ РУССКОЙ ПОЭЗІИ.

«Сѣйте разумное, доброе, вѣчное
Сѣйте! Спасибо вамъ скажетъ сердечное
Русскій народъ»....

Н. А. Некрасовъ.

Изданіе О. Н. ПОПОВОЙ.

Спб. 1899 г.

Текстъ печатанъ въ типографіи А. Лейферта, Б. Морская, 65.
Обложка и титулъ въ типографіи Исидора Гольдберга, Екатерин. кан., 94.

Оглавленіе.

Стр.

А. С. Хомяковъ.

А. И. Полежаевъ.

А. В. Кольцовъ.

М. Ю. Лермонтовъ.

Н. П. Огаревъ.

Графъ А. Толстой.

Я. П. Полонскій.

А. Н. Майковъ.

Л. А. Мей.

И. С. Аксаковъ.

Н. А. Некрасовъ.

Н. Д. Хвощинская (В. Крестовскій).

И. С. Никитинъ.

М. Л. Михайловъ.

Д. Л. Михаловскій.

П. И. Вейнбергъ.

В. С. Курочкинъ.

Стр.

Д. Д. Минаевъ.

Н. А. Добролюбовъ.

Омулевскій (И. В. Ѳедоровъ).

А. П. Барыкова.

Стр.

А. Н. Апухтинъ.

Ф. Н. Бергъ.

В. С. Лихачевъ.

И. З. Суриковъ.

Л. И. Пальминъ.

Стр.

Н. А. Вроцкій (А. А. Навроцкій).

В. Мартовъ.

С. Я. Надсонъ.

С. Г. Фругъ.

Н. М. Минскій.

П. Я. (М. Рамшевъ).

Л. Н. Трефолевъ.

Ив. Горбуновъ-Посадовъ.

С. А. Андреевскій.

К. М. Фофановъ.

Д. С. Мережковскій.

К. Н. Льдовъ.

В. Л. Величко.

Л. М. Медвѣдевъ.

Ф. Филимоновъ.

В. Гиляровскій.

А. А. Коринфскій.

О. Н. Чумина.

Ивановъ-Классикъ (А. Ѳ. Ивановъ). *Стр.*

П. В. Быковъ.

Д. Н. Садовниковъ.

Якунинъ (И. Н. Захарьинъ).

Н. М. Соколовъ.

В. Н. Симборскій.

От составителя.

Составить сборникъ стихотвореній на тѣ мотивы, которые проходятъ красной нитью въ предлагаемыхъ вниманію читателя «Избранныхъ произведеніяхъ русской поэзіи», было моимъ давнишнимъ желаніемъ.

Къ сожалѣнію, въ первомъ изданіи сборникъ появился далеко не въ томъ видѣ, какъ бы этого хотѣлось. Болѣе ста стихотвореній не пришлось напечатать по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ; нѣкоторыя же изъ напечатанныхъ были сокращены.

Я, конечно, никогда не претендовалъ и не претендую на полноту моего сборника; я знаю, что тамъ, какъ и во всякомъ дѣлѣ, есть и были ошибки, опущенія, пропуски и пр. Но все это, въ моихъ глазахъ, не особенно сильно вредило тому значенію сборника, которое, мнѣ думалось, онъ могъ бы имѣть.

Публика встрѣтила мое изданіе весьма сочувственно. Въ теченіе года я имѣлъ много случаевъ убѣдиться, что мой сборникъ пришелся по вкусу разнообразнѣйшимъ представителямъ нашего общества, и вскорѣ изданіе все разошлось.

Ободренный такимъ сочувствіемъ, я, съ еще большей охотой, приступилъ къ обработкѣ второго изданія, и предлагаемая книга появляется теперь сильно дополненной. Но

и при второмъ изданіи мнѣ не удалось достигнуть той полноты, которую я намѣтилъ раньше. Этому помѣшало мнѣ то обстоятельство, что я рѣшилъ, на нѣкоторое время, уѣхать за границу, и здѣсь не могъ имѣть подъ руками весь необходимый матеріалъ.

Въ настоящее время я продолжаю собирать произведенія русской поэзіи на тѣ же темы и мотивы, на которые составленъ предлагаемый сборникъ

Всѣхъ интересующихся моимъ сборникомъ прошу помочь мнѣ въ этомъ дѣлѣ и присылать какъ рукописи, такъ уже и отпечатанныя произведенія по нижеуказанному моему адресу.

Въ заключеніе считаю необходимымъ принести мою глубокую признательность и благодарность: А. Н. Ленцевичу какъ за его большую, совмѣстную работу со мной по первому изданію, такъ и за тотъ выборъ его собственныхъ стихотвореній, которыми онъ меня снабдилъ; П. Я. и А. М. Ѳедорову—за присланный ими личный выборъ стихотвореній, и, наконецъ, В. М. Величкиной, которая очень много потрудилась и помогла мнѣ при обработкѣ второго изданія «Избранныхъ произведеній русской поэзіи».

Очень буду радъ получать всевозможныя замѣчанія на мой сборникъ и всѣми цѣнными изъ нихъ съ благодарностью воспользуюсь.

Мой адресъ: Purleigh, Maldon, Essex, England.

Владиміръ БОНЧЪ-БРУЕВИЧЪ

Walton-on-Naze (England).
25-го октября (нов. ст.) 1898 г.

А. С. ПУШКИНЪ.

Пророкъ.

Духовной жаждою томимъ,
Въ пустынѣ мрачной я влачился,
И шестикрылый серафимъ
На перепутьѣ мнѣ явился;
Перстами, легкими, какъ сонъ,
Моихъ зѣницъ коснулся онъ:
Отверзлись вѣщія зѣницы,
Какъ у испуганной орлицы.
Моихъ ушей коснулся онъ,
И ихъ наполнилъ шумъ и звонъ.
И внялъ я неба содроганье,
И горній ангеловъ полетъ,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы прозябанье.
И онъ къ устамъ моимъ приникъ,
И вырвалъ грѣшный мой языкъ,
И празднословный, и лукавый,
И жало мудрыя змѣи
Въ уста замерзшія мои

Вложилъ десницею кровавой.
И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечемъ,
И сердце трепетное вынулъ,
И угль, пылающій огнемъ,
Во грудь отверстую водвинулъ.
Какъ трупъ въ пустынѣ я лежалъ
И Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:
«Возстань, пророкъ, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей!»

Анчаръ.

Въ пустынѣ чахлой и скупой
На почвѣ, зноемъ раскаленной,
Анчаръ, какъ грозный часовой,
Стоитъ одинъ во всей вселенной.

Природа жаждущихъ степей
Его въ день гнѣва породила
И зелень мертвую вѣтвей,
И корни ядомъ напоила.

Ядъ каплетъ сквозь его кору,
Къ полудню растопясь отъ зною,
И застываетъ ввечеру
Густой, прозрачною смолою.

Къ нему и птица не летитъ,
И тигръ нейдетъ; лишь вихорь черный
На древо смерти набѣжитъ—
И мчится прочь уже тлетворный.

И если туча оросить,
Блуждая, листъ его дремучій,
Съ его вѣтвей ужъ ядовитъ
Стекаетъ дождь въ песокъ горючій.

Но человѣка человѣкъ
Послалъ къ Анчару властнымъ взглядомъ.
И тотъ послушно въ путь потекъ,
И къ утру возвратился съ ядомъ.

Принесъ онъ смертную смолу,
Да вѣтвь съ увядшими листами,—
И потъ по блѣдному челу
Струился хладными ручьями;

Принесъ—и ослабѣлъ, и легъ
Подъ сводомъ шалаша, на лыки,
И умеръ бѣдный рабъ у ногъ
Непобѣдимаго владыки.

А царь тѣмъ ядомъ напиталъ
Свои послушливыя стрѣлы,
И съ ними гибель разослалъ
Къ сосѣдямъ въ чуждые предѣлы.

Къ П. Я. Чаадаеву.

Любви, надежды, гордой славы!
Недолго тѣшилъ насъ обманъ:
Исчезли юныя забавы,
Какъ дымъ, какъ утренній туманъ
Но въ насъ кипятъ еще желанья
Подъ гнетомъ власти роковой

Нетерпѣливою душой
Отчизны внемлемъ призыванья!
Мы ждемъ, съ томленьемъ упованья,
Минуты сладкаго свиданья.
Пока свободою горимъ,
Пока сердца для чести живы,—
Мой другъ, отчизнѣ посвятимъ
Души высокіе порывы.
Товарищъ, вѣрь: взойдетъ она,
Заря плѣнительнаго счастья,
Россія вспрянетъ ото сна,
И на обломкахъ самовластья
Напишетъ наши имена.

Деревня.

Привѣтствую тебя, пустынный уголокъ,
Пріютъ спокойствія, трудовъ и вдохновенья,
Гдѣ льется дней моихъ невидимый потокъ
На лонѣ счастья и забвенья!
Я твой: я промѣнялъ порочный дворъ царей,
Роскошные пиры, забавы, заблужденья,
На мирный шумъ дубровъ, на тишину полей,
На праздность вольную, подругу размышленья.
Я твой: люблю сей темный садъ
Съ его прохладой и цвѣтами,
Сей лугъ, уставленный душистыми скирдами,
Гдѣ свѣтлые ручьи въ кустарникахъ шумятъ.
Вездѣ передо мной подвижныя картины:
Здѣсь вижу двухъ озеръ лазурныя равнины,
Гдѣ парусъ рыбаря бѣлѣетъ иногда,
За ними рядъ холмовъ и нивы полосаты,
Вдали разсыпанныя хаты,

На влажныхъ берегахъ бродящія стада,
Овины дымные и мельницы крылаты:
Вездѣ слѣды довольства и труда.
Я здѣсь, отъ суетныхъ оковъ освобожденный,
Учуся въ истинѣ блаженство находить,
Свободною душой законъ боготворить,
Роптанью не внимать толпы непросвѣщенной,
Участьемъ отвѣчать застѣнчивой мольбѣ
И не завидовать судьбѣ
Злодѣя иль глупца въ величіи неправомъ.
Оракулы вѣковъ, здѣсь вопрошаю васъ!
Въ уединеньи величавомъ
Слышнѣе вашъ отрадный гласъ:
Онъ гонитъ лѣни сонъ угрюмый,
Къ трудамъ рождаетъ жаръ во мнѣ,
И ваши творческія думы
Въ душевной зрѣютъ глубинѣ.

Но мысль ужасная здѣсь душу омрачаетъ:
Среди цвѣтущихъ нивъ и горъ
Другъ человѣчества печально замѣчаетъ
Вездѣ невѣжества губительный позоръ.
Не видя слезъ, не внемля стона,
На погубу людей избранное судьбой,
Здѣсь барство дикое, безъ чувства, безъ закона,
Присвоило себѣ насильственной лозой
И трудъ, и собственность, и время земледѣльца.
Склонясь на чуждый плугъ, покорствуя бичамъ,
Здѣсь рабство тощее влачится по браздамъ
Неумолимаго владѣльца.
Здѣсь тягостный яремъ до гроба всѣ влекутъ:
Надеждъ и склонностей въ душѣ питать не смѣя,
Здѣсь дѣвы юныя цвѣтутъ
Для прихоти развратнаго злодѣя;

Опора милая старѣющихъ отцовъ,
Младые сыновья, товарищи трудовъ,
Изъ хижины родной идутъ собою множить
Дворовыя толпы измученныхъ рабовъ.
О, если бъ голосъ мой умѣлъ сердца тревожить!
Почто въ груди моей горитъ безплодный жаръ
И не данъ мнѣ въ удѣлъ витійства грозный даръ?
Увижу-ль я, друзья, народъ неугнетенный
И рабство, падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ-ли, наконецъ, прекрасная заря?

*
* *

Сказали разъ царю, что, наконецъ,
Мятежный вождь Ріэго былъ удавленъ.
„Я очень радъ“ сказалъ усердный льстецъ.
„Отъ одного мерзавца міръ избавленъ.“
Всѣ смолкнули, всѣ потупили взоръ,—
Всѣхъ удивилъ нежданный приговоръ.
Ріэго былъ, конечно, очень грѣшенъ,
Согласенъ я,—но онъ зато повѣшенъ.
Пристойно ли, скажите, сгоряча
Ругаться этакъ намъ надъ жертвой палача?
Самъ государь такого доброхотства
Не захотѣлъ своей улыбкой ободрить.
Льстецы, льстецы! старайтесь сохранить
И въ самой подлости оттѣнокъ благородства.

Узникъ.

Сижу за рѣшеткой въ темницѣ сырой.
Вскормленный на волѣ орелъ молодой,

Мой грустный товарищъ, махая крыломъ,
Кровавую пищу клюетъ подъ окномъ.

Клюетъ и бросаетъ, и смотритъ въ окно,
Какъ будто со мною задумалъ одно,
Зоветъ меня взглядомъ и крикомъ своимъ,
И вымолвить хочетъ: „давай улетимъ!“

„Мы вольныя птицы; пора, братъ, пора!
Туда гдѣ за тучей бѣлѣетъ гора,
Туда, гдѣ синѣютъ морскія края,
Туда, гдѣ гуляемъ... лишь вѣтеръ да я!...“

К. Ѳ. РЫЛѢЕВЪ.

Гражданинъ

Я-ль буду въ роковое время
Позорить гражданина санъ
И подражать тебѣ, изнѣженное племя
Переродившихся славянъ?
Нѣтъ, неспособенъ я въ объятьяхъ сладострастья,
Въ постыдной праздности влачить свой вѣкъ младой
И изнывать кипящею душой

. . . .

Пусть юноши, не разгадавъ судьбы,
Постигнуть не хотятъ предназначенья вѣка,
И не готовятся для будущей борьбы
За угнетенную свободу человѣка;
Пусть съ хладнокровіемъ бросаютъ хладный взоръ
На бѣдствія . . . .
И не читаютъ въ нихъ грядущій свой позоръ
И справедливыя потомковъ укоризны.
Они раскаются....

Стансы

(А. А. Бестужеву).

Не сбылись, мой другъ, пророчества
Пылкой юности моей:
Горькій жребій одиночества
Мнѣ сужденъ въ кругу людей!
Слишкомъ рано мракъ таинственный
Опытъ грозный разогналъ,
Слишкомъ рано, другъ единственный,
Я серца людей узналъ.
Страшно дней не вѣдать радостныхъ,
Быть чужимъ среди своихъ;
Но ужаснѣй—истинъ тягостныхъ
Быть сосудомъ съ дней младыхъ.
Съ тяжкой грустью, съ черной думою
Я съ тѣхъ поръ одинъ брожу,
И могилою угрюмою
Міръ печальный нахожу.
Всюду встрѣчи безотрадныя!
Ищешь, суетный, людей;
А встрѣчаешь трупы хладные
Иль безсмысленныхъ дѣтей...

КНЯЗЬ А. И. ОДОЕВСКІЙ.

Полночь.

Пробила полночь... Грянулъ громъ.
И грохотъ радостный раздался:
Отъ звона воздухъ колебался,
Отъ пушекъ въ сумракѣ ночномъ,
По небу зарева бѣжали
И разлетаяся во тьмѣ,
Меня, забытаго въ тюрьмѣ,
Багровымъ свѣтомъ освѣщали.
Я, на колѣняхъ стоя, пѣлъ:
Съ любовью къ небесамъ свободный взоръ летѣлъ...
И серафимовъ тьмы внезапно запылали
Въ надзвѣздной вышинѣ.
Ихъ пѣсни слышалися мнѣ,
Съ ихъ гласомъ всѣ міры гармонію сливали,
Средь горнихъ силъ воскресшій Богъ стоялъ,
И день, блестящій день сіялъ
Надъ сумраками ночи;
Стоялъ Онъ, радостный, средь волнъ небесныхъ силъ
И полныя любви, божественныя очи
На міръ спасенный низводилъ.
И славу Вышняго, и на землѣ спасенье
Я тихимъ гласомъ воспѣвалъ.
И мой, мой также гласъ къ Воскресшему взлеталъ:
Изъ гроба пѣлъ я воскресенье.

Балъ.

(Князю П. А. Вяземскому)

Открылся балъ. Кружась, летѣли
Чета младая за четой;
Одежды роскошью блестѣли,
А лица—свѣжей красотой.
Усталый, изъ толпы я скрылся
И, жаркую склоня главу,
Къ окну въ раздумьи прислонился
И заглядѣлся на Неву.
Она покоилась, дремала
Въ своихъ гранитныхъ берегахъ,
И въ тихихъ сребряныхъ водахъ
Луна, купаясь, трепетала.
Стоялъ я долго; залъ гремѣлъ...
Вдругъ безъ размѣра полетѣлъ
За звукомъ звукъ. Я оглянулся,
Вперилъ глаза, весь содрогнулся,
Морозъ по тѣлу пробѣжалъ.
Свѣтъ меркнулъ. Весь огромный залъ
Былъ полонъ остововъ... Четами
Сплетясь, толпясь, другъ друга мча,
Обнявшись желтыми костями,
Кружася, по полу стуча,
Они залъ быстро облетали.
Лицъ прелесть, становъ красота,
Съ костей ихъ всѣ покровы спали.
Одно осталось: ихъ уста,
Какъ прежде, все еще смѣялись,
Но одинаковъ былъ у всѣхъ
Широкихъ устъ безгласный смѣхъ.
Глаза мои въ толпѣ терялись:

Я никого не видѣлъ въ ней;
Всѣ были сходны, всѣ смѣшались:
Плясало сборище костей.

Въ альбомъ Маріи Николаевнѣ Волконской.

Былъ край, слезамъ и скорби посвященный,
Восточный край, гдѣ розовыхъ зарей
Лучъ радостный, на небѣ томъ рожденный
Не услаждалъ страдальческихъ очей;
Гдѣ душенъ былъ и воздухъ вѣчно ясный,
И узникамъ кровъ свѣтлый докучалъ,
И весь обзоръ обширный и прекрасный
Мучительно на волю вызывалъ.

* *
*

Вдругъ ангелы съ лазури прилетѣли
Съ отрадою къ страдальцамъ той страны,
Но прежде свой небесный духъ одѣли
Въ прозрачныя, земныя пелены.
И вѣстники благіе Провидѣнья
Явилися, какъ дочери земли,
И узникамъ, съ улыбкой утѣшенья,
Любовь и миръ душевный принесли.
И каждый день садились у ограды,
И сквозь нея небесныя уста
По каплѣ имъ точили медъ отрады...
Съ тѣхъ поръ лились въ темницѣ дни, лѣта:
Въ затворникахъ печали всѣ уснули,
И лишь они страшились одного,
Чтобъ ангелы на небо не вспорхнули,
Не сбросили покрова своего.

Е. А. БАРАТЫНСКІЙ.

На смерть Гете.

Предстала,—и старецъ великій смежилъ
Орлиныя очи въ покоѣ;
Почилъ безмятежно, зане совершилъ
Въ предѣлѣ земномъ все земное.
Надъ дивной могилой не плачь, не жалѣй,
Что генія черепъ—наслѣдье червей.

Погасъ, но ничто не оставлено имъ
Подъ солнцемъ живымъ безъ привѣта,
На все отозвался онъ сердцемъ своимъ,
Что проситъ у сердца отвѣта:
Крылатою мыслью онъ міръ облетѣлъ,
Въ одномъ безпредѣльномъ нашелъ ей предѣлъ.

Все духъ въ немъ питало: труды мудрецовъ,
Искусствъ вдохновенныхъ созданія,
Преданья, завѣты минувшихъ вѣковъ,
Цвѣтущихъ временъ упованья,
Мечтою по волѣ проникнуть онъ могъ
И въ нищую хату, и въ царскій чертогъ.

Съ природой одною онъ жизнью дышалъ;
Ручья разумѣлъ лепетанье,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
И чувствовалъ травъ прозябанье;
Была ему звѣздная книга ясна,
И съ нимъ говорила морская волна.

Извѣданъ, испытанъ имъ весь человѣкъ!
И ежели жизнью земною
Творецъ ограничилъ летучій нашъ вѣкъ,
И насъ за могильной доскою,
За міромъ явленій не ждетъ ничего:
Творца оправдаетъ могила его...

И если загробная жизнь намъ дана,
Онъ, здѣшней вполнѣ отдышавшій,
И въ звучныхъ, глубокихъ отзывахъ сполна
Всё дольное долу отдавшій,
Къ Предвѣчному легкой душой возлетитъ,—
И въ небѣ земное его не смутитъ.

Н. М. ЯЗЫКОВЪ.

Поэту.

Когда съ тобой сроднилось вдохновенье,
И сильно имъ твоя трепещетъ грудь,
И видишь ты свое предназначенье,
И знаешь свой благословенный путь;
Когда тебѣ на подвигъ все готово,
Въ чемъ на землѣ небесный явенъ даръ,
Могучей мысли свѣтъ и жаръ
И огнедышащее слово:
Иди ты въ міръ,—да слышитъ онъ пророка!
Но въ мірѣ будь величественъ и святъ.
Не лобызай сахарныхъ устъ порока,
И не проси, и не бери наградъ.
Привѣтно ли сіяніе денницы,
Ужасенъ ли судьбины произволъ:
Невиненъ будь, какъ голубица,
Смѣлъ и отваженъ, какъ орелъ!
И стройные, и сладостные звуки
Поднимутся съ гремящихъ струнъ твоихъ.
Въ тѣхъ звукахъ рабъ свои забудетъ муки,
И царь Саулъ заслушается ихъ.

И жизнію торжественно-высокой
Ты процвѣтешь,—и будетъ вѣкъ свѣтло
Твое открытое чело
И зорко—пламенное око!
Но если ты похвалъ и наслажденій
Исполнился желаніемъ земнымъ:
Не собирай богатыхъ приношеній
На жертвенникъ предъ Господомъ твоимъ.
Онъ на тебя немилосердно взглянетъ,
Не приметъ жертвъ лукавыхъ; дымъ и громъ
Размечутъ ихъ,—и жрецъ отпрянетъ,
Дрожащій страхомъ и стыдомъ!

Д. В. ВЕНЕВИТИНОВЪ.

Пѣснь грека.

Подъ небомъ Аттики богатой
Цвѣла счастливая семья.
Какъ мой отецъ, простой оратай,
За плугомъ пѣлъ свободу я.
Но турокъ злыя ополченья
На наши хлынули владѣнья...
Погибла мать, отецъ убитъ,
Со мной спаслась сестра младая.
Я съ нею скрылся, повторяя:
За все мой мечъ вамъ отомститъ.

Не лилъ я слезъ въ жестокомъ горѣ,
Но грудь стѣснило и свело;
Нашъ легкій челнъ помчалъ насъ въ море,
Пылало бѣдное село,
И дымъ столбомъ чернѣлъ надъ валомъ.
Сестра рыдала,—покрываломъ
Печальный взоръ полузакрытъ;
Но, слыша тихое моленье,

Я припѣвалъ ей въ утѣшенье:
За все мой мечъ вамъ отомститъ.

Плывемъ и, при лунѣ сребристой,
Мы видимъ крѣпость надъ скалой.
Вверху, какъ тѣнь, на башнѣ мшистой
Шагалъ турецкій часовой;
Чалма склонилася къ пищали,—
Внезапно волны засверкали,
И вотъ—въ рукахъ моихъ лежитъ
Безъ жизни дѣва молодая.
Я обнялъ тѣло, повторяя:
За все мой мечъ вамъ отомститъ.

Востокъ румянился зарею,
Пристала къ берегу ладья,
И надъ шумящею волною
Сестрѣ могилу вырылъ я.
Не мраморъ съ надписью унылой
Скрываетъ тѣло дѣвы милой,—
Нѣтъ, подъ скалою трупъ зарытъ;
Но на скалѣ сей неизмѣнной
Я начерталъ обѣтъ священный:
За все мой мечъ вамъ отомститъ.

Съ тѣхъ поръ меня магометане
Узнали въ стычкѣ боевой,
Съ тѣхъ поръ, какъ часто въ шумѣ браней
Обѣтъ я повторяю свой!
Отчизны гибель, смерть прекрасной,
Все, все припомню въ часъ ужасный;
И всякій разъ, какъ мечъ блеститъ
И падаетъ глава съ чалмою,
Я говорю съ улыбкой злою:
За все мой мечъ вамъ отомститъ.

Сонетъ.

Къ тебѣ о, чистый Духъ, источникъ вдохновенья,
На крыліяхъ любви несется мысль моя;
Она затеряна въ юдоли заточенья,
И все зоветъ ее въ небесные края.
Но ты облекъ себя въ завѣсу тайны вѣчной;
Напрасно силится мой духъ къ тебѣ парить.
Тебя читаю я во глубинѣ сердечной;
И мнѣ осталося надѣяться, любить.

Греми надеждою, греми любовью, лира!
Въ преддверьи вѣчности греми его хвалой!
И если-бъ рухнулъ міръ, затмился свѣтъ эѳира
И Хаосъ задавилъ природу пустотой,—
Греми! Пусть сѣтуютъ среди развалинъ міра
Любовь съ надеждою и вѣрою святой!

Утѣшеніе.

Блаженъ, кому судьба вложила
Въ уста высокій даръ рѣчей,
Кому она сердца людей
Волшебной силой покорила;
Какъ Прометей, похитилъ онъ
Творящій лучъ, небесный пламень
И вкругъ себя, какъ Пигмальонъ,
Одушевляетъ хладный камень.
Немногіе сей дивный даръ
Въ удѣлъ счастливый получаютъ,
И рѣдко, рѣдко сердца жаръ
Уста послушно выражаютъ.

Но если въ душу вложена
Хоть искра страсти благородной,—
Повѣрь, недаромъ въ ней она;
Не теплится она безплодно...
Не съ тѣмъ судьба ее зажгла,
Чтобъ смерти хладная зола
Ее навѣки потушила.
Нѣтъ! что въ душевной глубинѣ,
Того не унесетъ могила:
Оно останется во мнѣ.
Души пророчества правдивы.
Я зналъ сердечные порывы,
Я былъ ихъ жертвой, я страдалъ;
И на страданья не роапталъ;
Мнѣ было въ жизни утѣшенье,
Мнѣ тайный голосъ обѣщалъ,
Что не напрасное мученье
До срока растерзало грудь.
Онъ говорилъ: «когда-нибудь
«Созрѣетъ плодъ сей муки тайной,
«И слово сильное случайно
«Изъ груди вырвется твоей.
«Уронишь ты его недаромъ:
«Оно чужую грудь зажжетъ,
«Въ нее какъ искра упадетъ,
«А въ ней пробудится пожаромъ.»

Ѳ. И. ТЮТЧЕВЪ.

* *
*

Пошли Господь свою отраду
Тому, кто въ лѣтній жаръ и зной,
Какъ бѣдный нищій мимо саду,
Бредетъ по жаркой мостовой;

Кто смотритъ вскользь черезъ ограду
На тѣнь деревьевъ, злакъ долинъ,
На недоступную прохладу
Роскошныхъ свѣтлыхъ луговинъ.

Не для него гостепріимной
Деревья сѣнью разрослись;
Не для него, какъ облакъ дымный,
Фонтанъ на воздухѣ повисъ.

Лазурный гротъ, какъ изъ тумана,
Напрасно взоръ его манитъ,
И пыль росистая фонтана
Главы его не освѣжитъ.

Пошли Господь свою отраду
Тому, кто жизненной тропой,
Какъ бѣдный нищій мимо саду,
Бредетъ по знойной мостовой.

*
* *

Надъ этой темною толпой
Непробужденнаго народа
Взойдешь ли ты когда, свобода,
Блеснетъ ли лучъ твой золотой?

Блеснетъ твой лучъ и оживитъ,
И сонъ разгонитъ, и туманы...
Но старыя, гнилыя раны,
Рубцы насилій и обидъ,

Растлѣнье душъ и пустота,
Чтò гложетъ умъ и въ сердцѣ ноетъ...
Кто ихъ излѣчитъ, кто прикроетъ?—
Ты, риза чистая Христа...

Слезы.

Слезы людскія, о, слезы людскія,
Льетесь вы ранней и поздней порой,
Льетесь безвѣстныя, льетесь незримыя,
Неистощимыя, неисчислимыя,—
Льетесь, какъ льются струи дождевыя
Въ осень глухую, порою ночной.

А. С. ХОМЯКОВЪ.

Звѣзды.

Въ часъ полночный, близъ потока,
Ты взгляни на небеса:
Совершаются далеко
Въ горнемъ мірѣ чудеса.

Ночи вѣчныя лампады,
Невидимы въ блескѣ дня,
Стройно ходятъ тамъ громады
Негасимаго огня.

Но впивайся въ нихъ очами—
И увидишь, что вдали.
За ближайшими звѣздами,
Тьмами звѣзды въ ночь ушли.

Вновь вглядись,—и тьмы за тьмами
Утомятъ твой робкій взглядъ:
Всѣ звѣздами, всѣ огнями
Бездны синія горятъ.

*

Въ часъ полночнаго молчанья,
Отогнавъ обманы сновъ,

Ты вглядись душой въ писанья
Галилейскихъ рыбаковъ,—

И въ объемѣ книги тѣсной
Развернется предъ тобой
Безконечный сводъ небесный
Съ лучезарною красой.

Узришь—звѣзды мыслей водятъ
Тайный хоръ свой вкругъ земли,
Вновь вглядись—другія всходятъ,
Вновь вглядись,—и тамъ, вдали,

Звѣзды мыслей, тьмы за тьмами,
Всходятъ, всходятъ безъ числа,
И зажжется ихъ огнями
Сердца дремлющая мгла.

* *
*

Какъ часто во мнѣ пробуждалась
Душа отъ лѣниваго сна,
Просилася людямъ и братьямъ
Сказаться словами она!

Какъ часто, о Боже, рвалася
Вѣщать Твою волю землѣ,
Да свѣтъ осіяетъ разумный
Безумцевъ, бродящихъ во мглѣ!

Какъ часто, безсильемъ томимый,
Съ глубокой и тяжкой тоской,
Молилъ Тебя, дать имъ пророка
Съ горячей и крѣпкой душой!

Молилъ Тебя въ часъ полуночи,
Пророку дать силу рѣчей,
Чтобъ міръ оглашалъ онъ далеко
Глаголами правды Твоей!

Молилъ Тебя съ плачемъ и стономъ,
Во прахѣ простертъ предъ Тобой,
Дать міру и уши и сердце
Для слушанья рѣчи святой!

Ночь.

Спàла ночь съ померкшей вышины
Въ небѣ сумракъ, надъ землею тѣни,
И подъ кровомъ темной тишины
Ходитъ сонмъ обманчивыхъ видѣній.

Ты вставай, во мракѣ спящій братъ!
Освяти молитвой часъ полночи!
Божьи духи землю сторожатъ,
Звѣзды свѣтятъ, словно Божьи очи.

Ты вставай, во мракѣ спящій братъ!
Разорви ночныхъ обмановъ сѣти!
Въ городахъ къ заутрени звонятъ,
Въ Божью церковь идутъ Божьи дѣти.

Помолися о себѣ, о всѣхъ,
Для кого тяжка земная битва,—
О рабахъ безсмысленныхъ утѣхъ!..
Вѣрь, для всѣхъ нужна твоя молитва.

Ты вставай, во мракѣ спящій братъ!
Пусть зажжется духъ твой пробужденный,

Такъ, какъ звѣзды на небѣ горятъ,
Какъ горитъ лампада предъ иконой.

Труженикъ.

По жесткимъ глыбамъ сорной нивы,
Съ утра до истощенья силъ,
Довольно, пахарь терпѣливый,
Я плугъ тяжелый свой водилъ.
Довольно, дикою враждою
И злымъ безумьемъ окруженъ,
Боролся крѣпкой я борьбою...
Я утомленъ, я утомленъ!

Пора на отдыхъ. О, дубравы!
О, тишина полей и водъ!
И надъ оврагами кудрявый
Вѣтвей сплетающихся сводъ!

Хоть разъ одинъ въ тѣни отрадной,
Склонившись къ звонкому ручью,
Хочу всей грудью, грудью жадной,
Вдохнуть вечернюю струю!

Стереть бы потъ дневного зноя!
Стряхнуть бы грузъ дневныхъ заботъ!..
«Безумецъ! Нѣтъ тебѣ покоя,
Нѣтъ отдыха: впередъ, впередъ!

Взгляни на ниву: пашни много,
А дня немного впереди,—
Вставай же, рабъ лѣнивый Бога,
Господь велитъ: иди, иди!

Ты куплен дорогой цѣною,
Крестомъ и кровью куплен ты:
Сгибайся-жъ, пахарь, надъ браздою!
Борись, борецъ, до поздней тьмы!»

Предъ словомъ грознаго призванья
Склоняюсь трепетнымъ челомъ,
А Ты безумнаго роптанья
Не помяни въ судѣ Твоемъ!

Иду свершать, въ трудѣ и потѣ,
Удѣлъ назначенный Тобой;
И не сомкну очей въ дремотѣ,
И не ослабну предъ борьбой.

Не брошу плуга, рабъ лѣнивый,
Не отойду я отъ него,
Покуда не прорѣжу нивы,
Господь, для сѣва Твоего.

А. И. ПОЛЕЖАЕВЪ.

Пѣснь плѣннаго ирокезца.

Я умру! На позоръ палачамъ
Беззащитное тѣло отдамъ!
Равнодушно они,
Для забавы дѣтей,
Отдирать отъ костей
Будутъ жилы мои!
Обругаютъ, убьютъ,
И мой трупъ разорвутъ!
Но стерплю! не скажу ничего;
Не наморщу чела моего!
И, какъ дубъ вѣковой,
Неподвижный отъ стрѣлъ,
Неподвиженъ и смѣлъ
Встрѣчу мигъ роковой,
И какъ воинъ и мужъ
Перейду въ страну душъ.
Передъ сонмомъ тѣней воспою
Я безстрашную гибель мою.
И разсказъ мой плѣнитъ
Ихъ внимательный слухъ,

И воинственный духъ
Стариковъ оживитъ;
И пройдетъ по устамъ
Слава громкимъ дѣламъ
И рекутъ они въ голосъ одинъ:
«Ты достойный прапрадѣдовъ сынъ!»
Совокупной толпой
Мы на землю сойдемъ
И въ родникъ разольемъ
Пылъ вражды боевой;
Побѣдимъ, поразимъ
И врагамъ отомстимъ.
Я умру! На позоръ палачамъ
Беззащитное тѣло отдамъ!
Но, какъ дубъ вѣковой,
Неподвижный отъ стрѣлъ,
Я, недвижимъ и смѣлъ,
Встрѣчу мигъ роковой!

Тоска.

Бываютъ минуты душевной тоски,
Минуты ужасныхъ мученій...
Тогда мы злодѣи, тогда мы враги
Себѣ и милльонамъ твореній.
Тогда въ безконечной цѣпи бытія
Не видимъ мы цѣли высокой,—
Повсюду встрѣчаемъ несчастное «я»,
Какъ жертву надъ бездной глубокой;
Тогда, безотрадно блуждая во мглѣ,
Хранимъ мы одно впечатлѣнье,
Одно ненавистное—холодъ къ землѣ
И горькое къ жизни презрѣнье.

Блестящее солнцѣ въ огнистыхъ лучахъ
И неба роскошнаго своды
Теряютъ въ то время сіянье въ очахъ
Несчастнаго сына природы.
Тоска роковая—убійца тоска
Надъ нимъ тяготѣетъ, какъ мраморъ могилы,
И губитъ холодная смерти рука
Души изнуренныя силы.
Но зачѣмъ же вы убиты,
Силы мощныя души?
Или были вы сокрыты
Для бездѣйствія въ тиши?
Или не было вамъ воли
Въ этой пламенной груди,
Какъ въ широкомъ чистомъ полѣ,
Пышнымъ цвѣтомъ расцвѣсти?
. . . .
. . . .

Грѣшница.

И говорятъ Ему: «она
Была въ грѣхѣ уличена
На самомъ мѣстѣ преступленья;
А по закону, мы ее
Должны казнить безъ сожалѣнья:
Скажи намъ мнѣніе свое».
И на лукавое воззванье
Храня глубокое молчанье,
Онъ нѣчто—грустенъ и унылъ—
Перстомъ Божественнымъ чертилъ,
И, наконецъ, сказалъ народу:
«Даю вамъ полную свободу

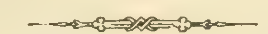
Исполнить праотцевъ законъ;
Но гдѣ тотъ праведный, гдѣ онъ,
Который первый на блудницу
Подниметъ тяжкую десницу?»
И вновь писалъ Онъ на землѣ...
Тогда, съ печатью поношенья
На обезславленномъ челѣ,
Сокрылись дѣти ухищренья,—
И предъ лицомъ Его одна
Стояла грѣшная жена.
И онъ съ улыбкой благотворной
Сказалъ: «покинь твою боязнь!
Гдѣ твой синедріонъ упорный?
Кто осудилъ тебя на казнь?»
Она въ отвѣтъ: «никто, Учитель!»—
«И такъ, и я твоей души
Не осужу, сказалъ Спаситель,
Иди въ свой домъ и не грѣши!»

Негодованіе.

Гдѣ ты, время невозвратное
Незабвенной старины?
Гдѣ ты, солнце благодатное
Золотой моей весны?
Какъ видѣніе прекрасное,
Въ блескѣ радужныхъ лучей,
Ты мелькнуло, самовластное,—
И сокрылось отъ очей!
Ты не свѣтишь мнѣ попрежнему,
Не горишь въ моей груди,—
Преданъ року неизбѣжному
Я на жизненномъ пути.

Тучи мрачныя, громовыя
Надъ главой моей висятъ;
Предвѣщанія суровыя
Духъ унылый тяготятъ.
Какъ я много драгоцѣннаго
Въ этой жизни погубилъ!
Какъ я идола презрѣннаго—
Жалкій міръ боготворилъ!
Съ силой дивной и кичливою
Добровольнаго бойца
И съ любовію ревнивою
Изступленнаго жреца
Я служилъ ему торжественно,
Безъ раскаянья страдалъ
И разсудка лучъ божественный
На безумство промѣнялъ!
Какъ преступникъ, лишь окованный
Правосудною рукой,
Грозенъ умъ, разочарованный
Свѣтомъ истины нагой!
Что же!... Страсти ненасытныя
Я таилъ среди огня,
И друзья—злодѣи скрытные—
Злобно предали меня!
Подъ эгидою ласкательства,
Подъ личиною любви,
Роковой кинжалъ предательства
Потонулъ въ моей крови!
Грустно видѣть бездну черную
Послѣ неба и цвѣтовъ,
Но грустнѣе жизнь позорную
Убивать среди рабовъ,
И, попранному обидою,

Видѣть вѣчно за собой,
Съ неотступной Немезидою,
Безотвѣтственный разбой!
Гдѣ-жъ вы, громы истребители,
Что-жъ вы кроетесь во мглѣ,
Между тѣмъ какъ притѣснители—
Властелины на землѣ!
Люди, люди развращенные—
То рабы, то палачи—
Бросьте, злобой изощренные,
Ваши копья и мечи!
Не тревожьте сталь голодную—
Лютой ярости кумиръ!
Вашу внутренность холодную
Не насытитъ цѣлый міръ.
Ваши зубы кровожадные
Блещутъ лезвіемъ косы—
Такъ грызитесь, плотоядные
До послѣдняго, какъ псы!...



А. В. КОЛЬЦОВЪ.

Пѣсня пахаря.

Ну! тащися, сивка,
Пашней десятиной,
Выбѣлимъ желѣзо
О сырую замлю.

Красавица зорька
Въ небѣ загорѣлась,
Изъ большого лѣса
Солнышко выходитъ.

Весело на пашнѣ;
Ну! тащися, сивка!
Я самъ—другъ съ тобою,
Слуга и хозяинъ.

Весело я лажу
Борону и соху,
Телѣгу готовлю,
Зерна насыпаю.

Весело гляжу я
На гумно, на скирды,
Молочу и вѣю...
Ну тащися, сивка!

Пашенку мы рано
Съ сивкою распашемъ,
Зернышку сготовимъ
Колыбель святую.

Его вспоитъ, вскормитъ
Мать земля сырая;
Выйдетъ въ полѣ травка.—
Ну! тащися, сивка!

Выйдетъ въ полѣ травка,—
Выростетъ и колосъ,
Станетъ спѣть, рядиться
Въ золотыя ткани.

Заблеститъ нашъ серпъ здѣсь
Зазвенятъ здѣсь косы;
Сладокъ будетъ отдыхъ
На снопахъ тяжелыхъ!

Ну! тащися, сивка!
Накормлю досыта,
Напою водою,
Водой ключевою.

Съ тихою молитвой
Я вспашу, посѣю:
Уроди мнѣ, Боже,
Хлѣбъ—мое богатство!

Урожай.

Краснымъ полымемъ
Заря вспыхнула,
По лицу земли
Туманъ стелется;

Разгорѣлся день
Огнемъ солнечнымъ,
Подобралъ туманъ
Выше темя горъ,

Нагустилъ его
Въ тучу черную;
Туча черная
Понахмурилась,

Понахмурилась,
Что задумалась,
Словно вспомнила
Свою родину...

Понесутъ ее
Вѣтры буйные
Во всѣ стороны
Свѣта бѣлаго...

Ополчается
Громомъ-бурею,
Огнемъ-молніей,
Дугой-радугой;

Ополчилася—
И расширилась,
И ударила,
И пролилася

Слезой крупною,—
Проливнымъ дождемъ
На земную грудь,
На широкую.

И съ горы небесъ
Глядитъ солнышко.
Напилась воды
Земля досыта.

На поля, сады,
На зеленые,
Люди сельскіе
Не насмотрятся;

Люди сельскіе
Божьей милости
Ждали съ трепетомъ
И молитвою.

Заодно съ весной
Пробуждаются
Ихъ завѣтныя
Думы мирныя.

Дума первая:
Хлѣбъ изъ закрома
Насыпать въ мѣшки,
Убирать воза.

А вторая ихъ
Была думушка:
Изъ села гужомъ
Въ пору выѣхать.

Третью думушку
Какъ задумали, —
Богу-Господу
Помолилися,

Чѣмъ-свѣтъ по полю
Всѣ разъѣхались
И пошли гулять
Другъ за дружкою,

Горстью полною
Хлѣбъ раскидывать,
И давай пахать
Землю плугами,

Да кривой сохой
Перепахивать,
Бороны зубьемъ
Порасчесывать...

Посмотрю пойду,
Полюбуюся.
Что послалъ Господь
За труды людямъ?

Выше пояса
Рожь зернистая
Дремитъ колосомъ
Почти до земли;

Словно Божій гость,
На всѣ стороны
Дню веселому
Улыбается;

Вѣтерокъ по ней
Плыветъ-лоснится,
Золотой волной
Разбѣгается...

Люди сѐмьями
Принялися жать,
Косить пóдъ корень
Рожь высокую.

Въ копны частыя
Снопы сложены;
Отъ возовъ всю ночь
Скрыпитъ музыка.

На гумнахъ, вездѣ,
Какъ князья, скирды
Широко̀ сидятъ,
Поднявъ головы.

Видитъ солнышко,—
Жатва кончена:
Холоднѣй оно
Пошло къ осени;

Но жарка свѣча
Поселянина
Предъ иконою
Божьей Матери.

Деревенская бѣда.

На селѣ своемъ жилъ молодецъ,
Ничего не зналъ, не вѣдывалъ—
Со друзьями гулялъ, бражничалъ,
По всему селу роскошничалъ.

Въ день воскресный, съ утра до ночи,
Въ хороводѣ пѣсни игрывалъ;
Вмѣстѣ съ дѣвицей—красавицей
Пляски новыя выдумывалъ.

Полюбилъ я эту дѣвушку:
Что душою—больше разумомъ,
Больше поступью павлиною,
Да что рѣчью соловьиною...

Какъ бывало, лѣтомъ съ улицы
Мы пойдемъ съ ней, рука—объ руку,
До двора ея богатаго,
До крыльца ея высокаго;

Да какъ гляну, противъ зорюшки,
На ея глаза, бровь черную,
На ея лицо, грудь бѣлую,
Всю монистами покрытую,—

Аль ни потъ съ лица посыпится,
Аль ни въ грудь душа застукаетъ,
Мѣсяцъ въ облака закроется,
Звѣзды мелкія попрячутся...

Такъ, за полночь съ нею сидючи,
По душѣ мы рѣчь затѣяли:
Поцѣлуями помолвились,
Другъ за другомъ быть условились.

На погибель мою, староста
За сынка впередъ посватался,
И его казна несмѣтная
Повернула все по-своему.

Тошно, грустно было на сердцѣ,—
Какъ изъ церкви мою милую,
При народѣ, взялъ онъ за руку
Съ похвальбою поклонился мнѣ.

Тошно, грустно было на сердцѣ,—
Какъ онъ съ нею, вдоль по улицѣ,
Что есть духу поскакалъ, злодѣй,
Къ своему двору широкому.

Я стоялъ, глядѣлъ, задумался;
Снявши шапку,—хватилъ объ землю
И пошелъ себѣ загуменьемъ—
Подъ его окошки красныя.

Тамъ огни горятъ; тамъ дѣвушки
Поютъ пѣсни; тамъ товарищи
Пьютъ, играютъ, забавляются;
Съ молодыми всѣ цѣлуются.

Вотъ проходитъ полночь мертвая,—
Разошлися гости пьяные,
Добры молодцы разъѣхались,
И ворота затворилися:

Въ эту пору, для пріятеля,
Заварилъ я брагу хмѣльную,
Заигралъ я свадьбу новую,
Что бесѣду небывалую:

Аль ни дымъ пошелъ подъ облаки,
Аль ни пламя закрутилося:
По сосѣдямъ—черезъ улицу—
На мою избушку бросилось.

Гдѣ стоялъ его богатый домъ,
Гдѣ была избушка бѣдная,
Утромъ все съ землей сравнялося,—
Только уголья чернѣлися...

Съ той поры я съ горемъ—нуждою
По чужимъ угламъ скитаюся,
За дневной кусокъ работаю,
Кровнымъ потомъ умываюся.

Раздумье селянина.

Сяду я за столъ—
Да подумаю:
Какъ на свѣтѣ жить
Одинокому?

Нѣтъ у молодца
Молодой жены.
Нѣтъ у молодца
Друга вѣрнаго,

Золотой казны,
Угла теплаго,
Бороны—сохи,
Коня—пахаря...

Вмѣстѣ съ бѣдностью,
Далъ мнѣ батюшка
Лишь одинъ талантъ—
Силу крѣпкую:

Да и ту, какъ разъ,
Нужда горькая
По чужимъ людямъ
Всю истратила.

Сяду я за столъ—
Да подумаю:
Какъ на свѣтѣ жить
Одинокому?

Пѣсня.

Ахъ, зачѣмъ меня
Силой выдали
За немилаго—
Мужа стараго?

Небось весело
Теперь матушкѣ
Утирать мои
Слезы горькія?

Небось весело
Глядѣть батюшкѣ
На житье-бытье
Горемышное!

Небось сердце въ нихъ
Разрывается,
Какъ приду одна
На великій день;

Отъ дружка дары
Принесу съ собой:
На лицѣ—печаль,
На душѣ—тоску!

Поздно, рòдные,
Обвинять судьбу,
Ворожить, гадать,
Сулить радости!

Пусть изъ-за моря
Корабли плывутъ,
Пущай золото
На полъ сыплется:

Не расти травѣ
Послѣ осени;
Не цвѣсти цвѣтамъ
Зимой по снѣгу!

Доля бѣдняка.

У чужихъ людей
Горекъ бѣлый хлѣбъ,
Брага хмѣльная—
Не разымчива!

Рѣчи вольныя—
Все какъ связаны;
Чувства жаркія
Мрутъ безъ отзыва.

Изъ души-ль порой
Радость вырвется,—
Злой насмѣшкою
Вмигъ отравится,

И бѣлъ-ясенъ день
Затуманится;
Грустью черною
Міръ одѣнется.

И сидишь, глядишь,
Улыбаючись;
А въ душѣ клянешь
Долю горькую!

М. Ю. ЛЕРМОНТОВЪ.

Поэтъ.

Отдѣлкой золотой блистаетъ мой кинжалъ:
Клинокъ надежный, безъ порока;
Булатъ его хранитъ таинственный закалъ—
Наслѣдье браннаго Востока.
Наѣзднику въ горахъ служилъ онъ много лѣтъ,
Не зная платы за услугу;
Не по одной груди провелъ онъ страшный слѣдъ
И не одну прорвалъ кольчугу.
Забавы онъ дѣлилъ послушнѣе раба;
Звенѣлъ въ отвѣтъ рѣчамъ обиднымъ;
Въ тѣ дни была бъ ему богатая рѣзьба
Нарядомъ чуждымъ и постыднымъ.
Онъ взятъ за Терекомъ отважнымъ казакомъ
На хладномъ трупѣ господина,
И долго онъ лежалъ, заброшенный потомъ,
Въ походной лавкѣ армянина.
Теперь родныхъ ножонъ, избитыхъ на войнѣ,
Лишонъ героя спутникъ бѣдный;
Игрушкой золотой онъ блещетъ на стѣнѣ—
Увы! безславный и безвредный!
Никто привычною, заботливой рукой
Его не чиститъ, не ласкаетъ,

И надписи его, молясь передъ зарей,
Никто съ усердьемъ не читаетъ...

*

Въ нашъ вѣкъ изнѣженный не такъ-ли ты, поэтъ,
Свое утратилъ назначенье,
На злато промѣнявъ ту власть, которой свѣтъ
Внималъ въ нѣмомъ благоговѣньи?
Бывало, мѣрный звукъ твоихъ могучихъ словъ
Воспламенялъ бойца для битвы;
Онъ нуженъ былъ толпѣ, какъ чаша для пировъ,
Какъ ѳиміамъ въ часы молитвы.
Твой стихъ, какъ Божій духъ, носился надъ толпой,
И отзывъ мыслей благородныхъ
Звучалъ, какъ колоколъ на башнѣ вѣчевой
Во дни торжествъ и бѣдъ народныхъ.
Но скученъ намъ простой и гордый твой языкъ,
Насъ тѣшутъ блестки и обманы;
Какъ ветхая краса, нашъ ветхій міръ привыкъ,
Морщины прятать подъ румяны...
Проснешься ль ты опять, осмѣянный пророкъ,
Иль никогда, на голосъ мщенья,
Изъ золотыхъ ноженъ не вырвешь свой клинокъ,
Покрытый ржавчиной презрѣнья?

Пророкъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Вѣчный Судія
Мнѣ далъ всевѣдѣнье пророка,
Въ очахъ людей читаю я
Страницы злобы и порока.

Провозглашать я сталъ любви
И правды чистыя ученья:
Въ меня всѣ ближніе мои
Бросали бѣшенно каменья.

Посыпалъ пепломъ я главу,
Изъ городовъ бѣжалъ я нищій,
И вотъ, въ пустынѣ я живу,
Какъ птицы—даромъ Божьей пищи.

Завѣтъ Предвѣчнаго храня,
Мнѣ тварь покорна тамъ земная,
И звѣзды слушаютъ меня,
Лучами радостно играя.

Когда же черезъ шумный градъ
Я пробираюсь торопливо,
То старцы дѣтямъ говорятъ
Съ улыбкою самолюбивой:

«Смотрите: вотъ примѣръ для васъ!
Онъ гордъ былъ, не ужился съ нами;
Глупецъ—хотѣлъ увѣрить насъ,
Что Богъ гласитъ его устами!

Смотрите-жъ, дѣти, на него,
Какъ онъ угрюмъ, и худъ, и блѣденъ!
Смотрите, какъ онъ нагъ и бѣденъ!
Какъ презираютъ всѣ его!»

На смерть Пушкина.

Погибъ поэтъ, невольникъ чести,
Палъ, оклеветанный толпой,

Съ свинцомъ въ груди и съ жаждой мести,
Поникнувъ гордой головой.
Не вынесла душа поэта
Позора мелочныхъ обидъ;
Возсталъ онъ противъ мнѣній свѣта
Одинъ, какъ прежде,—и убитъ!
Убитъ!.. Къ чему теперь рыданья,
Похвалъ и слезъ ненужный хоръ,
И жалкій лепетъ оправданья—
Судьбы свершился приговоръ!
Не вы ль сперва такъ долго гнали
Его свободный, чудный даръ
И, для потѣхи, возбуждали
Чуть затаившійся пожаръ...
Что-жъ? Веселитесь!.. Онъ мученій
Послѣднихъ перенесть не могъ.
Угасъ, какъ свѣточъ, дивный геній,
Увялъ торжественный вѣнокъ!..
Его убійца хладнокровно
Навелъ ударъ—спасенья нѣтъ:
Пустое сердце бьется ровно,
Въ рукѣ не дрогнетъ пистолетъ.
И что за диво?.. Издалека,
Подобно сотнямъ бѣглецовъ,
На ловлю счастья и чиновъ
Заброшенъ къ намъ по волѣ рока,
Смѣясь, онъ дерзко презиралъ
Земли чужой языкъ и нравы:
Не могъ щадить онъ нашей славы,
Не могъ понять въ сей мигъ кровавый
На что онъ руку подымалъ!

*

И онъ погибъ и взятъ могилой,
Какъ тотъ пѣвецъ, невѣдомый, но милый,
Добыча ревности нѣмой,
Воспѣтый имъ съ такою чудной силой,
Сраженный, какъ и онъ, безжалостной рукой.
Зачѣмъ отъ мирныхъ нѣгъ и дружбы простодушной
Вступилъ онъ въ этотъ свѣтъ, завистливый и душный
Для сердца вольнаго и пламенныхъ страстей?
Зачѣмъ онъ руку далъ клеветникамъ безбожнымъ,
Зачѣмъ повѣрилъ онъ словамъ и ласкамъ ложнымъ—
Онъ, съ юныхъ лѣтъ постигнувшій людей!
И прежній снявъ вѣнокъ, они вѣнецъ терновый,
Увитый лаврами, надѣли на него;
Но иглы тайныя сурово
Язвили славное чело...

Отравлены его послѣднія мгновенья
Коварнымъ шопотомъ безчувственныхъ невѣждъ,
И умеръ онъ съ глубокой жаждой мщенья,
Съ досадой тайною обманутыхъ надеждъ...
Замолкли звуки дивныхъ пѣсенъ,
Не раздаваться имъ опять,
Пріютъ пѣвца угрюмъ и тѣсенъ
И на устахъ его печать!

*

А вы, надменные потомки
Извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ,
Пятою рабскою поправшіе обломки
Игрою счастія обиженныхъ родовъ!
Вы, жадною толпой стоящіе у трона,
Свободы, генія и славы палачи!
Таитесь вы подъ сѣнію закона,
Предъ вами судъ и правда—все молчи!

Но есть и Божій судъ, наперстники разврата,
Есть грозный судія, онъ ждетъ,
Онъ недоступенъ звону злата
И мысли, и дѣла онъ знаетъ напередъ.
Тогда напрасно вы прибѣгнете къ злословью:
Оно вамъ не поможетъ вновь,
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

Дума.

Печально я гляжу на наше поколѣнье!
Его грядущее—иль пусто, иль темно,
Межъ тѣмъ, подъ бременемъ познанья и сомнѣнья,
Въ бездѣйствіи состарится оно.
Богаты мы, едва изъ колыбели,
Ошибками отцовъ и позднимъ ихъ умомъ,
И жизнь ужъ насъ томитъ, какъ ровный путь безъ цѣли,
Какъ пиръ на праздникѣ чужомъ.
Къ добру и злу постыдно равнодушны,
Въ началѣ поприща мы вянемъ безъ борьбы,
Передъ опасностью позорно-малодушны,
И передъ властію презрѣнные рабы.
Такъ тощій плодъ, до времени созрѣлый,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глазъ,
Виситъ между цвѣтовъ, пришлецъ осиротѣлый,
И часъ ихъ красоты—его паденья часъ!

Мы изсушили умъ наукою безплодной,
Тая завистливо отъ ближнихъ и друзей
Надежды лучшія и голосъ благородный
Невѣріемъ осмѣянныхъ страстей.
Едва касались мы до чаши наслажденья,

Но юныхъ силъ мы тѣмъ не сберегли;
Изъ каждой радости, боясь пресыщенья,
Мы лучшій сокъ навѣки извлекли.

Мечты поэзіи, созданія искусства
Восторгомъ сладостнымъ нашъ умъ не шевелятъ,
Мы жадно бережемъ въ груди остатокъ чувства—
Зарытый скупостью и безполезный кладъ.
И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви,
И царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный,
Когда огонь кипитъ въ крови.
И предковъ скучны намъ роскошныя забавы,
Ихъ добросовѣстный, ребяческій развратъ;
И къ гробу мы спѣшимъ безъ счастья и безъ славы,
Глядя насмѣшливо назадъ.

Толпой угрюмою и скоро позабытой,
Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда,
Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой,
Ни геніемъ начатаго труда.
И прахъ нашъ, съ строгостью судьи и гражданина,
Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ,
Насмѣшкой горькою обманутаго сына
Надъ промотавшимся отцомъ.

Родина.

Люблю отчизну я, но странною любовью;
Не побѣдитъ ея разсудокъ мой!
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордаго довѣрія покой,
Ни темной старины завѣтныя преданья
Не шевелятъ во мнѣ отраднаго мечтанья.

Но я люблю—за что, не знаю самъ—
Ея степей холодное молчанье,
Ея лѣсовъ безбрежныхъ колыханье,
Разливы рѣкъ ея, подобные морямъ;
Проселочнымъ путемъ люблю скакать въ телѣгѣ
И, взоромъ медленнымъ пронзая ночи тѣнь,
Встрѣчать по сторонамъ, вздыхая о ночлегѣ,
Дрожащіе огни печальныхъ деревень.
Люблю дымокъ спаленной жнивы,
Въ степи кочующій обозъ,
И на холмѣ, средь желтой нивы,
Чету бѣлѣющихъ березъ.
Съ отрадой, многимъ незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
Съ рѣзными ставнями окно;
И въ праздникъ, вечеромъ росистымъ,
Смотрѣть до полночи готовъ
На пляску съ топаньемъ и свистомъ,
Подъ говоръ пьяныхъ мужиковъ.

Бѣглецъ.

(Горская легенда).

Гарунъ бѣжалъ быстрѣе лани,
Быстрѣй, чѣмъ заяцъ отъ орла:
Бѣжалъ онъ въ страхѣ съ поля брани,
Гдѣ кровь черкесская текла.
Отецъ и два родные брата
За честь и вольность тамъ легли,—
И подъ пятой у супостата

Лежатъ ихъ головы въ пыли.
Ихъ кровь течетъ и проситъ мщенья,
Гарунъ забылъ свой долгъ и стыдъ,
Онъ растерялъ въ пылу сраженья
Винтовку, шапку—и бѣжитъ.
И скрылся день; клубясь, туманы
Одѣли темныя поляны
Широкой бѣлой пеленой.
Пахнуло холодомъ съ востока,
И надъ пустынею пророка
Всталъ тихо мѣсяцъ золотой.
Усталый, жаждою томимый,
Съ лица стирая кровь и потъ,
Гарунъ, межъ скалъ, аулъ родимый
При лунномъ свѣтѣ узнаетъ.
Подкрался онъ, никѣмъ незримый;
Кругомъ молчанье и покой.
Съ кровавой битвы невредимый
Лишь онъ одинъ пришелъ домой,
И къ саклѣ онъ спѣшитъ знакомой;
Тамъ блещетъ свѣтъ: хозяинъ—дома;
Скрѣпясь душой, какъ только могъ,
Гарунъ ступилъ черезъ порогъ,
Селима звалъ онъ прежде другомъ;
Старикъ пришельца не узналъ;
На ложѣ, мучимый недугомъ,
Одинъ онъ молча умиралъ.
«Великъ Аллахъ: отъ злой отравы
Онъ свѣтлымъ ангеламъ своимъ
Велѣлъ беречь тебя для славы...
Что новаго?...» спросилъ Селимъ,
Поднявъ слабѣющія вѣжды.
И взоръ блеснулъ огнемъ надежды,
И онъ привсталъ, и кровь бойца

Вновь разыгралась въ часъ конца.
—Два дня мы бились въ тѣснинѣ:
Отецъ мой палъ и братья съ нимъ,
И скрылся я одинъ въ пустынѣ.
Какъ звѣрь преслѣдуемъ, гонимъ,
Съ окровавленными ногами
Отъ острыхъ камней и кустовъ,
Я шелъ безвѣстными тропами
По слѣду вепрей и волковъ.
Черкесы гибнутъ. Врагъ повсюду.
Прими меня, мой старый другъ,
И, вотъ пророкъ!—твоихъ заслугъ
Я до могилы не забуду.—
А умирающій въ отвѣтъ:
«Ступай! достоенъ ты презрѣнья.
Ни крова, ни благословенья
Здѣсь у меня для труса нѣтъ!»
Стыда и тайной муки полный,
Безъ гнѣва вытерпѣвъ упрекъ,
Ступилъ опять Гарунъ безмолвный
За непривѣтливый порогъ.
И саклю новую минуя,
На мигъ остановился онъ,
И прежнихъ дней летучій сонъ
Вдругъ обдалъ жаромъ поцѣлуя
Его холодное чело.
И стало сладко и свѣтло
Его душѣ: во機мракѣ ночи,
Казалось, пламенныя очи
Блеснули ласково предъ нимъ,
И онъ подумалъ: «я любимъ...
Она лишь мной живетъ и дышитъ»...
И хочетъ онъ войти—и слышитъ...

И слышитъ пѣсню старины.
И сталъ Гарунъ блѣднѣй луны.
«Мѣсяцъ плыветъ,
И тихъ, и спокоенъ,
А юноша—воинъ
На битву идетъ.
Ружье заряжаетъ джигитъ,
И дѣва ему говоритъ:
«Мой милый, смѣлѣй
Ввѣряйся ты року,
Молися Востоку,
Будь вѣренъ пророку,
Будь славѣ вѣрнѣй!
Своимъ измѣнившій—
Измѣной кровавой,
Врага не сразивши,
Погибнетъ безъ славы;
Дожди его ранъ не обмоютъ,
И звѣри костей не зароютъ.—
Въ горахъ никого нѣтъ,
Кто бъ вынесъ позоръ,
И труса прогонитъ
Красавица горъ».

Главой поникнувъ, съ быстротою
Гарунъ свой продолжаетъ путь,
И крупная слеза, порою,
Съ рѣсницы падаетъ на грудь.
Но вотъ, отъ бури наклоненный,
Предъ нимъ родной бѣлѣетъ домъ;
Надеждой снова ободренный,
Гарунъ стучится подъ окномъ;
Тамъ, вѣрно, теплыя молитвы
Восходятъ къ небу за него;

Старуха—мать ждетъ сына съ битвы,
Но ждетъ его—не одного.
«Мать, отвори! Я странникъ бѣдный,
Я твой Гарунъ, твой младшій сынъ,
Сквозь пули русскія безвредно
Пришелъ къ тебѣ»...
—Одинъ?
«Одинъ!»
— А гдѣ отецъ и братья?
«Пали.
Пророкъ ихъ смерть благословилъ,
И ангелы ихъ души взяли».
— Ты отомстилъ?
«Не отомстилъ...
Но я стрѣлой пустился въ горы,
Оставилъ мечъ въ чужомъ краю,
Чтобы твои утѣшить взоры
И утереть слезу твою».
— Молчи, молчи! гяуръ лукавый,
Ты умереть не могъ со славой!
Такъ удались, живи одинъ.
Твоимъ стыдомъ, бѣглецъ свободы,
Не омрачу я стары годы.
Ты рабъ и трусъ... а мнѣ не сынъ!—
Умолкло слово отверженья,
И все кругомъ объято сномъ.
Проклятья, стоны и моленья
Звучали долго подъ окномъ,
И, наконецъ, ударъ кинжала
Пресѣкъ несчастнаго позоръ,
И мать по утру увидала,
И хладно отвернула взоръ.
И трупъ, отъ праведныхъ изгнанный,
Никто къ кладбищу не отнесъ,

И кровь его съ глубокой раны
Лизалъ, рыча, домашній песъ.
Ребята малые ругались
Надъ хладнымъ тѣломъ мертвеца;
Въ преданьяхъ вольности остались
Позоръ и гибель бѣглеца.
Душа его отъ глазъ пророка
Со страхомъ удалилась прочь,
И тѣнь его въ горахъ Востока
Понынѣ бродитъ въ темну ночь;
И подъ окномъ, по утру рано,
Онъ въ саклю просится, стуча;
Но, внемля громкій стихъ Корана,
Бѣжитъ опять подъ сѣнь тумана,
Какъ прежде бѣгалъ отъ меча.

Н. П. ОГАРЕВЪ.

Монологъ.

Чего хочу?... чего?... О! такъ желаній много,
Такъ къ выходу ихъ силѣ нуженъ путь,
Что кажется порой—ихъ внутренней тревогой
Сожжется мозгъ и разорвется грудь.
Чего хочу? Всего, со всею полнотою!
Я жажду знать, я подвиговъ хочу,
Еще хочу любить съ безумною тоскою,
Весь трепетъ жизни чувствовать хочу!
А втайнѣ чувствую, что всѣ желанья тщетны,
И жизнь скупа, и внутренно я хилъ,
Мои стремленія замолкнутъ, безотвѣтны,
Въ попыткахъ я запасъ растрачу силъ.
Я самъ себѣ кажусь, подавленный страданьемъ,
Какимъ-то жалкимъ, маленькимъ глупцомъ,
Среди безбрежности затеряннымъ созданьемъ,
Томящимся въ броженіи пустомъ...
Духъ вѣчности обнять заразъ не въ нашей долѣ,
А чашу жизни пьемъ мы по глоткамъ,
О томъ, что выпито, мы все жалѣемъ болѣ,
Пустое дно все больше видно намъ;
И съ каждымъ днемъ душѣ тяжелѣ устарѣлость,
Больнѣе помнить и страшнѣй желать.

И кажется, что жить—отчаянная смѣлость;
Но биться пульсъ не можетъ перестать,
И дальше я живу въ стремленьи безотрадномъ,
И жизни крестъ беру я на себя,
И весь душевный жаръ несу въ движеньи жадномъ,
За мигомъ мигъ хватая и губя,
И все хочу!... чего?... О! такъ желаній много,
Такъ къ выходу ихъ силѣ нуженъ путь,
Что кажется порой—ихъ внутренней тровогой
Сожжется мозгъ и разорвется грудь.

Монологъ.

Какъ школьникъ на скамьѣ, опять сижу я въ школѣ
И съ жадностью внимаю и молчу;
Пусть длиненъ знанья путь, но духъ мой крѣпокъ волей,
Не страшенъ трудъ—я вѣрю и хочу.
Вокругъ все юноши: учительское слово,
Какъ я, они всѣ слушаютъ въ тиши;
Для нихъ все истина, имъ все еще такъ ново,
Въ нихъ судитъ пылъ неопытной души.
Но я уже сюда явился съ мыслью зрѣлой,
Сомнѣніемъ испытанный боецъ,
Но не убитый имъ... Я съ призраками смѣло
И искренно расчелся наконецъ;
Я отстоялъ себя отъ внутренней тревоги,
Съ терпѣніемъ пустился въ новый путь,
И не собьюсь теперь съ разсчитанной дороги—
Свободна мысль, и силой дышетъ грудь.
Что, Мефистофель мой, завистникъ закоснѣлый?
Отнынѣ власть твою разрушилъ я,
Болѣзненную власть насмѣшки устарѣлой;

Я скорбью многой выкупилъ себя:
Теперь товарищъ мнѣ иной духъ отрицанья;
Не тотъ насмѣшникъ черствый и больной,
Но тотъ всесильный духъ движенья и созданья,
Тотъ вѣчно юный, новый и живой;
Въ борьбѣ безстрашенъ онъ, ему губить—отрада,
Изъ праха онъ все строитъ вновь и вновь,
И ненависть его къ тому? что рушить надо,
Душѣ свята такъ, какъ свята любовь.

Прометей.

Прочь, коршунъ! больно, подлый рабъ,
Палачъ Зевеса!... О, когда бъ
Мнѣ эти цѣпи не мѣшали,
Какъ безпощадно бъ руки сжали
Тебя за горло! Но безъ силъ,
Къ скалѣ прикованный, безъ воли,
Я грудь мою тебѣ открылъ
И каждый мигъ кричу отъ боли,
И замираю каждый мигъ...
На мой безумно-жалкій крикъ
Проснулся отголосокъ дальній,
И вѣтеръ жалобно завылъ,
И прочь рванулся, что есть силъ,
И закачался лѣсъ печальный;
Испуга барсъ не превозмогъ—
Сверкая желтыми глазами,
Онъ въ чащу кинулся прыжками;
Туманъ сѣдой на горы легъ,
И море дальнее, о скалы
Дробяся, глухо застонало...

Одинъ спокоенъ царь небесъ—
Ничѣмъ не тронулся Зевесъ!

Завистникъ! онъ забыть не можетъ,
Что я—творецъ, что онъ моихъ
Созданій ввѣкъ не уничтожитъ;
Что я съ небесъ его для нихъ
Унесъ огонь неугасимый...
Ну что же, богъ неумолимый,
Ну, мучь меня! еще ко мнѣ
Пошли хоть двадцать птицъ голодныхъ,
Неутомимыхъ, безотходныхъ,
Чтобъ рвали сердце мнѣ онѣ,—
А все-жъ людей я создалъ!—Твердый,
Смѣясь надъ злобою твоей,
Смотрю я, непокорный, гордый,
На красоту моихъ людей.
О! хорошо ихъ сотворилъ я,
Во всемъ подобными себѣ:
Огонь небесный въ нихъ вселилъ я
Съ враждою вѣчною къ тебѣ.
Съ гордыней вольною Титана
И непокорностью судьбѣ.

Рви, коршунъ, глубже въ сердцѣ рану—
Она Зевесу лишь позоръ!
Мой крикъ пронзительный—укоръ
Родитъ въ душахъ моихъ созданій;
За даръ томительный страданій
Дойдутъ проклятья до небесъ—
Къ тебѣ, завистливый Зевесъ!
А я, на вѣчное мученье
Тобой прикованный къ скалѣ,
Найду повсюду сожалѣнье,

Найду любовь по всей землѣ,
И въ людяхъ, гордый самъ собою,
Я наругаюсь надъ тобою!

На сонъ грядущій.

Ночная тьма безмолвіе приноситъ
И къ отдыху зоветъ меня.
Пора, пора! покоя тѣло проситъ,
Душа устала въ вихрѣ дня.
Молю тебя, предъ сномъ грядущимъ, Боже
Дай людямъ миръ; благослови
Младенца сонъ и нищенское ложе,
И слезы тихія любви!
Прости грѣху, на жгучее страданье
Успокоительно дохни,
И всѣ твои печальныя созданья
Хоть сновидѣньемъ обмани!

Арестантъ.

Ночь темна. Лови минуты!
Но стѣна тюрьмы крѣпка,
У воротъ ея замкнуты
Два желѣзные замка;
Да горитъ вдоль корридора
Огонекъ сторожевой,
И звеня, о шпору шпорой,
Ходитъ часовой.

«Часовой!» — «Что, баринъ, надо?»
«Притворись, что ты заснулъ:

Я бы вмигъ черезъ ограду
Тѣнью быстрой промелькнулъ!
Край родной мнѣ видѣть нужно,
Да друзей поцѣловать,
А потомъ пришелъ бы снова
Въ казематъ я умирать! »

«Радъ помочь! Куда ни шло бы!
Божья тварь, чай, тоже я!
Пуля, баринъ, ничего бы,
Да боюсь я батожья!
Посѣдѣлъ подъ шумъ военный...
А сквозь полкъ какъ проведутъ
Только трупъ окровавленный
На тележкѣ увезутъ! »

Шопотъ смолкъ... Все тихо снова...
Гдѣ то Богъ подастъ пріютъ?
Иль схоронятъ здѣсь живого?
Иль на каторгу ушлютъ?
Будетъ вѣчно цѣпь надѣта,
Да начальство станетъ бить...
Ни ножа! ни пистолета!..
Чѣмъ бы жизнь укоротить.

ГРАФЪ А. ТОЛСТОЙ.

Я васъ узналъ, святыя убѣжденья,
Вы, спутники моихъ минувшихъ дней,
Когда за бѣглой не гоняясь тѣнью,
И думалъ я, и чувствовалъ вѣрнѣй,
И юною душою ясно видѣлъ
Все, что любилъ, и все, что ненавидѣлъ.

Средь міра лжи средь міра, мнѣ чужого,
Не навсегда моя остыла кровь;
Пришла пора,—и вы воскресли снова
Мой прежній гнѣвъ и прежняя любовь!
Разсѣялся туманъ и, слава Богу,
Я выхожу на старую дорогу.

Попрежнему сіяетъ правды сила,
Ее сомнѣнья болѣ не затмятъ,
Неровный кругъ планета совершила
И къ солнцу снова катится назадъ.
Зима пришла, природа зеленѣетъ,
Луга цвѣтутъ, весной душистой вѣетъ.

Мадонна Рафаэля.

Склоняся къ юному Христу,
Его Марія осѣнила,—
Любовь небесная затмила
Ея земную красоту.

А Онъ, въ прозрѣніи глубокомъ,
Уже вступая съ міромъ въ бой,
Глядитъ впередъ—и яснымъ окомъ
Голгоѳу видитъ предъ Собой.

* *
*

Горними тихо летѣла душа небесами,
Грустныя долу она опускала рѣсницы;
Слезы, въ пространство отъ нихъ упадая звѣздами,
Свѣтлой и длинной вилися за ней вереницей;

Встрѣчныя тихо ее вопрошали свѣтила:
Что ты грустна? и о чемъ эти слезы во взорѣ?
Имъ отвѣчала она:—Я земли не забыла,
Много оставила тамъ и страданья, и горя.

Здѣсь я лишь ликамъ блаженства и радости внемлю,
Праведныхъ души не знаютъ ни скорби, ни злобы—
О, отпусти меня снова, Создатель, на землю,
Было-бъ о комъ пожалѣть и утѣшить кого-бы.

Колодники.

Спускается солнце за степи,
Вдали золотится ковыль,—
Колодниковъ звонкія цѣпи
Взметаютъ дорожную пыль.

Идутъ они съ бритыми лбами,
Шагаютъ впередъ тяжело,
Угрюмыя сдвинули брови,
На сердце раздумье легло.

Идутъ съ ними длинныя тѣни,
Двѣ клячи телѣгу везутъ,
Лѣниво сгибая колѣни,
Конвойные съ ними идутъ.

—Что, братцы, затянемте пѣсню,
Забудемъ лихую бѣду!
Ужъ видно, такая невзгода
Написана намъ на роду!

И вотъ, повели, затянули,
Поютъ, заливаясь, они
Про Волги широкой раздолье,
Про даромъ минувшіе дни;

Поютъ про свободныя степи,
Про дикую волю поютъ,
День меркнетъ все болѣ, а цѣпи
Дорогу метутъ да метутъ...

Илья Муромецъ.

1.

Подъ броней, съ простымъ наборомъ,
Хлѣба кусъ жуя,
Въ жаркій полдень ѣдетъ боромъ
Дѣдушка Илья;

2.

Ѣдетъ боромъ,—только слышно,
Какъ бряцаетъ бронь.
Топчетъ папоротникъ пышный
Богатырскій конь.

3.

И ворчитъ Илья сердито:
—Ну, Владимиръ, что-жъ,
Посмотрю я, безъ Ильи-то
Какъ ты проживешь!

4.

Дворъ мнѣ, княже, твой не диво,
Не пировъ держусь;
Я мужикъ не прихотливый,
Былъ бы хлѣба кусъ!

5.

Но обнесъ меня ты чарой
Въ очередь мою—
Такъ шагай же, мой чубарый,
Уноси Илью!

6.

Безъ меня другихъ довольно,
Сядутъ—полонъ столъ;
Только лакомы ужъ больно,
Любятъ женскій полъ.

7.

Всѣ твои богатыри-то
Значитъ—молодежъ—
Вотъ безъ стараго Ильи-то
Какъ ты проживешь!

8.

Тѣмъ то я ихъ болѣ стою,
Что забылъ ужъ бабъ;
А какъ тресну булавою—
Такъ еще не слабъ!

9.

Правду молвить,—для княжого
Не гожусь двора,
Погулять по свѣту снова
Безъ того пора.

10.

Не терплю богатыхъ сѣней,
Мраморныхъ тѣхъ плитъ;
Отъ царьградскихъ отъ куреній
Голова болитъ.

11.

Душно въ Кіевѣ, что въ скринѣ,
Только киснетъ кровь,
Государынѣ—пустынѣ
Поклонюся вновь!

12.

Вновь извѣдаю я, старый,
Волюшку мою—
Ну же, ну, шагай, чубарый,
Уноси Илью!

13.

И старикъ лицомъ суровымъ
Просвѣтлѣлъ опять,
Понутру ему здоровымъ
Воздухомъ дышать.

14.

Снова вѣетъ воли дикой
На него просторъ;
И смолой, и земляникой
Пахнетъ темный боръ.

*
* *

Ой, ка-бы Волга—матушка да вспять побѣжала!
Кабы можно, братцы, начать жить сначала!
Ой, кабы зимою цвѣты расцвѣтали!
Кабы мы любили, да не разлюбляли!
Кабы дно морское достать да измѣрить!
Кабы можно, братцы, краснымъ дѣвкамъ вѣрить!
Ой, кабы всѣ бабы были-бъ молодицы!
Кабы въ полугарѣ поменьше водицы!
Кабы всегда чарка доходила до рту!
Кабы кривосудье по боку да къ чорту!
Да кабы голодный всякій день обѣдалъ,
Да кабы неправды человѣкъ не вѣдалъ.

Я. П. ПОЛОНСКІЙ.

Голодъ.

Словно злое чудище,
Голодъ зарождается;
Онъ въ дырявомъ рубищѣ
За гумномъ слоняется,
Въ огородахъ прячется,
Зимы дожидается,
На распутьи плачется.—
Буря ли проносится
Али дождикъ хлещется—
Вахарю мерещется,
Голодъ въ избу просится—
Поетъ волкомъ—скоблется,
Съ домовыми борется....
Какъ мятель поднимется
Голодъ съ мѣста двинется;
Нѣтъ его скуластѣе!
Нѣтъ его зубастѣе!
Сокрушитъ онъ вдовушку
Съ малыми ребятами,
Уведетъ коровушку,
Порѣшитъ съ телятами,
И продастъ онъ пѣгую—
Съ хомутомъ, съ телѣгою,
За ведро съ сивухою,
За кочанъ съ краюхою,
Съ алчною утробою,
Съ ненасытной злобою,
Съ вѣщими угрозами.
Голодъ подъ морозами
Не боится холода,
Добѣжитъ до города....
Кто его подслушаетъ
Съ блюдца не докушаетъ
Ананаса въ сахарѣ,
И быть можетъ справится
Свѣтская красавица
О голодномъ пахарѣ.
Все, что пышно, весело,
Носу не повѣсило,
Все, что живо, молодо
Встаньте противъ голода!
Всѣ мы имъ обижены....

Изъ послѣдней хижины
Выбейте костлявое
Чудище—мозглявое,
Хриплое, увѣчное,
И безчеловѣчное!

Голодъ—врагъ Создателя,
Мудрецамъ—безчестіе.
Хуже непріятеля
Голода нашествіе....

Нищій.

Знавалъ я нищаго: какъ тѣнь,
Съ утра, бывало, цѣлый день
Старикъ подъ окнами бродилъ
И подаянія просилъ;
Но все, что въ день ни собиралъ,
Бывало, къ ночи раздавалъ
Больнымъ, калѣкамъ и слѣпцамъ—
Такимъ же нищимъ, какъ и самъ

Казиміръ Великій.

(Посв. памяти А. Ф. Гильфердинга).

I.

Въ расписныхъ саняхъ, ковромъ покрытыхъ,
На распашку, въ буркѣ боевой,
Казиміръ, круль польскій, мчится въ Краковъ
Съ молодой, веселою женой.

Къ ночи онъ домой спѣшитъ съ охоты;
Позвонки бренчатъ на хомутахъ;
Впереди, на всемъ скаку, не видно,
Кто трубитъ, вздымая снѣжный прахъ;

Позади, въ саняхъ несется свита ..
Ясный мѣсяцъ выглянулъ едва...
Изъ саней торчатъ сабачьи морды,
Свѣсилась оленья голова...

Казиміръ на пиръ спѣшитъ съ охоты;
Въ новомъ замкѣ ждутъ его давно
Воеводы, шляхта, краковянки,
Музыка, и танцы, и вино;

Но не въ духѣ круль: насупилъ брови,
На морозѣ дышетъ горячо.
Королева съ ласкою склонилась
На его могучее плечо.

— Что съ тобою, государь мой?! другъ мой!?
У тебя такой сердитый видъ...
Или ты охотой недоволенъ?
Или мною?—на меня сердитъ?...

— «Хороши мы!» молвилъ онъ съ досадой:
«Хороши мы! Голодаетъ край,
Хлопы мрутъ,—а мы и не слыхали,
Что у насъ въ краю неурожай!...

Погляди-ка, ѣдетъ ли за нами
Тотъ гусляръ, что встрѣтили мы тамъ...
Пусть-ка онъ споетъ магнатамъ нашимъ
То, что спьяна пѣлъ онъ лѣсникамъ...»

Мчатся кони, рѣзче раздается
Звукъ роговъ, и топотъ,—и встаетъ
Надъ заснувшимъ Краковомъ зубчатой
Башни тѣнь, съ огнями у воротъ.

II.

Въ замкѣ свѣтятъ фонари и лампы.
Музыка и пиръ идетъ горой:
Казиміръ сидитъ въ полукафтаньѣ,
Подпираетъ бороду рукой.

Борода впередъ выходитъ клиномъ,
Волосы подстрижены въ кружокъ.
Передъ нимъ, съ виномъ стоитъ на блюдѣ
Въ золотой оправѣ турій рогъ:

Позади,—въ чешуйчатыхъ кольчугахъ,
Стражниковъ колеблющійся строй,—
Надъ его бровями дума бродитъ,
Точно тѣнь отъ тучи грозовой.

Утомилась пляской королева,
Дышетъ зноемъ молодая грудь,
Пышутъ щеки, свѣтится улыбка...
«Государь мой, веселѣе будь!...

«Гусляра вели позвать, покуда
Гости не успѣли задремать».
И къ гостямъ идетъ она, и гости
— Гусляра, кричатъ, скорѣй позвать!

III.

Стихли трубы, бубны и цимбалы;
И, венгерскимъ жажду утоля,
Чинно сѣли подъ столбами залы
Воеводы, гости короля.

А у ногъ хозяйки—королевы,
Не на табуретахъ и скамьяхъ,
На ступенькахъ трона сѣли панны
Съ розовой усмѣшкой на устахъ.

Ждутъ, и вотъ на праздникъ королевскій
Сквозь толпу идетъ, какъ на базаръ,
Въ сѣрой свиткѣ, въ обуви ремянной
Изъ народа вызванный гусляръ.

Отъ него надворной вѣетъ стужей,
Искры снѣга таютъ въ волосахъ,
И, какъ тѣнь, лежитъ румянецъ сизый
На его обвѣтренныхъ щекахъ.

Низко передъ царственной четою
Преклонясь косматой головой,
На ремняхъ повиснувшія гусли
Поддержалъ онъ лѣвою рукой,

Правую подобострастно къ сердцу
Онъ прижалъ, отдавъ поклонъ гостямъ
— «Начинай!»—и дрогнувшіе пальцы
Звонко пробѣжали по струнамъ.

Подмигнулъ король своей супругѣ,
Гости брови подняли: гусляръ
Затянулъ про славные походы
На сосѣдей, нѣмцевъ и татаръ...

Не успѣлъ онъ кончить этой пѣсни,
Крики: „Vivat!“ огласили залъ;
Только круль махнулъ рукой, нахмурясь
Дескать, пѣсни эти я слыхалъ!

— «Пой другую!» — и, потупивъ очи,
Прославлять сталъ молодой пѣвецъ
Молодость и чары королевы,
И любовь—щедротъ ея вѣнецъ.

Не успѣлъ онъ кончить этой пѣсни,
Крики: „Vivat!“ огласили залъ,—
Только круль сердито сдвинулъ брови:
Дескать, пѣсни эти я слыхалъ!

— «Каждый шляхтичъ», — молвилъ онъ, — «поетъ ихъ
На ухо возлюбленной своей,
Спой мнѣ пѣсню ту, что́ пѣлъ ты въ хатѣ
Лѣсника,—та будетъ поновѣй...
Да не бойся!»

Но гусляръ, какъ будто
Къ пыткѣ присужденный, поблѣднѣлъ...
И, какъ плѣнникъ, дико озираясь,
Заунывнымъ голосомъ запѣлъ:

«Ой, вы хлопы, ой, вы Божьи люди!
Не враги трубятъ въ побѣдный рогъ,
По пустымъ полямъ шагаетъ голодъ
И кого не встрѣтитъ—валитъ съ ногъ.

Продаетъ за пудъ муки корову,
Продаетъ послѣдняго конька.
Ой, не плачь, родная, по ребенкѣ!
Грудь твоя давно безъ молока.

«Ой, не плачь ты, хлопецъ, по дѣвчинѣ!
По веснѣ авось помрешь и ты...
Ужъ растутъ, должно быть къ урожаю,
На кладбищахъ новые кресты.

«Ужъ на хлѣбъ, должно быть къ урожаю,
Цѣны, что ни день, растутъ, растутъ.
Только паны потираютъ руки—
Выгодно свой хлѣбецъ продаютъ...»

Не успѣлъ онъ кончить этой пѣсни:
«Правда ли?!» вдругъ вскрикнулъ Казиміръ,
И привсталъ, и въ гнѣвѣ, весь багровый,
Озираетъ онѣмѣвшій пиръ.

Поднялись, дрожатъ, блѣднѣютъ гости...
«Что же вы не славите пѣвца?
Божья правда шла съ нимъ изъ народа
И дошла до нашего лица.

Завтра же, въ подрывъ корысти вашей,
Я мои амбары отопру...
Вы... лжецы! глядите: я, король вашъ,
Кланяюсь за правду гусляру»...

И, пѣвцу поклонъ отвѣсивъ, вышелъ
Казиміръ,—и пиръ его притихъ...
«Хлопскій круль!» въ сѣняхъ бормочутъ паны...
«Хлопскій круль!» лепечутъ жены ихъ.

Онѣмѣлъ гусляръ, поникъ, не слышитъ
Ни угрозъ, ни ропота кругомъ...
Гнѣвъ Великаго великъ былъ, страшенъ—
И отраденъ, какъ въ засуху громъ!

На кораблѣ.

Стихаетъ. Ночь темна. Свисти, чтобъ мы не спали.
Еще вчерашняя гроза не унялась:
Тѣ жъ волны бурныя, что̀ съ вечера плескали,

Не закачавъ, еще качаютъ насъ.
Въ безлунномъ мракѣ мы дорогу потеряли,
Разбитымъ фонаремъ не освѣщенъ компасъ.
Неси огня! звони, свисти, чтобъ мы не спали!—
Еще вчерашняя гроза не унялась...
Нашъ флагъ порывисто и безпокойно вѣетъ:
Нашъ капитанъ впотьмахъ стоитъ, раздумья полнъ...

Заря!... друзья, заря! Глядите, какъ яснѣетъ
И капитанъ, и мы, и гребни черныхъ волнъ.
Кто боленъ, кто усталъ, кто бодръ еще, кто плачетъ,
Что бурей сломано, разбито, снесено—
Все ясно: Божій день, вставая, зла не прячетъ...
Но—не погибли мы!... и много спасено...
Мы мачты укрѣпимъ, мы паруса подтянемъ,
Мы нашимъ топотомъ встревожимъ праздныхъ лѣнь—
И дальше въ путь пойдемъ, и дружно пѣсню грянемъ...
Господь, благослови грядущій день!

Тяжелая минута.

Гдѣ вы, источники вѣчной любви—
Жажда всѣхъ видѣть счастливыми—
Кладъ дорогой, скрытый въ нервахъ, въ крови,
Въ пламенномъ сердцѣ съ порывами?
Гдѣ та великая вѣра въ людей—
Въ славу всего человѣчества?
Или хоть въ смѣлую правду друзей,
Шедшихъ страдать за отечество?..
Гдѣ та заря, что вставала?—скажи:
Гдѣ та душа, что проснулася...
Или земля—это скопище лжи—
Въ грозныя тучи замкнулася?

Или опять племенная вражда
        Въ каждый народъ протѣснилася,
И, какъ осенняя, съ грязью, вода
        Въ сердце мое проточилася...
Или въ умы замѣшался хаосъ—
        Или опять первобытная
Дичь разростается—крови и слезъ
        Требуетъ власть ненасытная!?
Если погаснетъ священный огонь,—
        Что впереди?—Тьма бездонная...
Милая! въ эту минуту не тронь
        Сердце мое омраченное...
Можетъ быть, эта минута пройдетъ,
        Можетъ быть, завтра-жъ попутная
Звѣздочка лучъ свой уронитъ,—сойдетъ
        Въ душу хоть радость минутная.
Радъ буду встрѣтить я гостью мечту,
        И принести ей раскаянье
За ненавистную мнѣ слѣпоту
        И за минуту отчаянья.

*
* *

Царство науки не знаетъ предѣла,
Всюду слѣды ея вѣчныхъ побѣдъ—
        Разума слово и дѣло,
                Сила и свѣтъ.

Гордая Муза! не бойся коварства!
Крикни толпѣ: отзовись хоть одинъ
        Этого свѣтлаго царства
                Кто гражданинъ.

Въ темной толпѣ мы не много услышимъ
Братски отзывныхъ, живыхъ голосовъ:
Много ли-жъ дѣлъ мы запишемъ,
Много-ли словъ?

Словъ, разрѣшающихъ наше сомнѣнье,
Въ чемъ наша сила и гдѣ нашъ покой?
Вѣщихъ и полныхъ значенья
Правды святой.

Міру, какъ новое солнце, сіяетъ
Свѣточъ науки, и только при немъ
Муза чело украшаетъ
Свѣжимъ вѣнкомъ.

Молитва.

Отче нашъ! сына моленью внемли
Всепроникающую
Всесозидающую,
Братскую дай намъ любовь на земли!

Сыне, распятый во имя любви,
Ожесточаемое,
Оскудѣваемое
Сердце Ты въ насъ освѣжи, обнови!

Духъ Святый! правды источникъ живой
Силы дай страждущему.
Разуму жаждущему
Ты вожделѣнныя тайны открой!

Боже! спаси Ты отъ всякихъ цѣпей
Душу проснувшуюся
И ужаснувшуюся
Мрака и зла, и неправды людей!

Вставшихъ на гласъ Твой услыши мольбу,
И цѣпенѣющую,
Въ лѣни коснѣющую
Жизнь разбуди на святую борьбу!

* *
*

Что мнѣ она!—не жена, не любовница,
И не родная мнѣ дочь!
Такъ отчего-жъ ея доля проклятая
Спать не даетъ мнѣ всю ночь!

Спать не даетъ, оттого, что мнѣ грезится
Молодость вь душной тюрьмѣ;
Вижу я своды... окно за рѣшеткою,
Койку въ сырой полутьмѣ...

Съ койки глядятъ лихорадочно-знойныя
Очи безъ мысли и слезъ,
Съ койки висятъ чуть не до полу темныя
Космы тяжелыхъ волосъ.

Не шевелятся ни губы, ни блѣдныя
Руки на блѣдной груди,
Слабо прижатыя къ сердцу безъ трепета
И безъ надеждъ впереди...

Что мнѣ она!—не жена, не любовница
И не родная мнѣ дочь!
Такъ отчего-жъ ея образъ страдальческій
Спать не даетъ мнѣ всю ночь!

А. Н. МАЙКОВЪ.

PALAZZO.

Войдемте: вотъ чертогъ съ богатыми столбами,
Земнымъ полубогамъ сооруженный храмъ.
Прохлада царствуетъ межъ этими стѣнами,
Лѣниво бьетъ фонтанъ по мраморнымъ плитамъ;
Террасы убраны роскошными цвѣтами,
И древніе гербы блистаютъ по стѣнамъ—
Эмблемы доблести фамилій, гордыхъ властью:
Кабаньи головы да львы съ открытой пастью.

Здѣсь все еще хранитъ слѣды временъ былыхъ;
Вездѣ минувшаго остатки вѣковые.
Вотъ груды пышныя доспѣховъ боевыхъ
И исполинскій мечъ, и латы пудовыя,
И Палестины вѣтвь, и кость мощей святыхъ;
Тамъ пытокъ варварскихъ орудья роковыя,
Колеса и зубцы; вкругъ дивныхъ даръ руинъ,
Антики желтые и длинный рядъ картинъ:

То предки гордые фамиліи высокой.
Тамъ старцы: латы ихъ изрублены въ бояхъ,
И страшенъ яркій взглядъ, съ улыбкою жестокой...

Тамъ красный кардиналъ, въ маститыхъ сѣдинахъ,
Колѣнопреклоненъ, съ молитвою глубокой,
Передъ Мадонною, съ Младенцемъ на рукахъ;
Тамъ юноша, средь музъ, любимый Аполлономъ,
Вѣнчанный миртами лукавымъ Купидономъ.

Тамъ жены: та—бѣла, какъ мраморъ гробовой,
Въ потускшемъ взглядѣ скорбь и ужасъ затаенный...
То жизнь, убитая боязнью и тоской,
То жалоба души, судьбою обреченной
Служить для деспота свирѣпаго рабой
И сластолюбія забавою презрѣнной.
Какъ будто говоритъ она: „здѣсь дни губя,
Жила и умерла я въ мукахъ, не любя...“

Та—жизни полная, и въ блескѣ самовластья—
Сомкнутыя уста, нахмуренная бровь...
Обыкновенныхъ женъ ей мало было счастья
И гордая душа прорвалась изъ оковъ;
Служили ей кинжалъ, и ядъ, и сладострастье
На шумныхъ оргіяхъ, и мщенье, и любовь—
И взоръ ее горитъ насмѣшкой изступленной,
Всей гордостью души глубоко оскорбленной...

. . . .

И нынѣ пусто все въ блестящей галлереѣ...
На этихъ мраморахъ, густая пыль лежитъ;
Оборванный лакей, въ истасканной ливреѣ,
На креслахъ бархатныхъ раскинувшись, храпитъ;
И въ залахъ, какъ среди развалинъ Колизея,
Семейство Англичанъ кочуетъ и шумитъ...
А вы—вы кинули отцовъ чертогъ печальный,
Наслѣдники ихъ правъ и чести феодальной?

Благословенье вамъ! не злато, не гербы
Вамъ стали божествомъ, а разумъ и природа,

И громко отреклись вы отъ даровъ судьбы—
Отъ правъ, украденныхъ отцами у народа,
И вняли вы призывъ торжественной борьбы,
И движетъ вами кликъ: „Италіи свобода!“
И гордо шелеститъ, за честь страны родной,
Болонская хоругвь надъ вашей головой!

Благословенье вамъ! Италіи спасенной
Въ васъ избавителей увидѣть суждено!..
Но тише... Здѣсь живутъ: раскинутъ столъ зеленый;
Вчера здѣсь пиръ былъ: все исписано сукно;
Тамъ дребезги стекла... Бокалъ неосушенный...
И солнце облило лучами, сквозь окно,
Перчатки женскія и бюстъ Сократа важный,
Накрытый шляпкою красавицы продажной.

Мать.

«Бѣдный мальчикъ! весь въ огнѣ,
Все ему неловко!—
Лягъ на плечико ко мнѣ,
Прислонись головкой!....
Я съ тобою похожу....
Подремли, мой мальчикъ,
Хочешь, сказочку скажу:
Жилъ былъ мальчикъ съ пальчикъ...
Нѣтъ! не хочешь?... сказки—вздоръ!
Пѣсня лучше будетъ....
Зашумѣлъ сыръ-теменъ боръ,
Лисъ лисичку будитъ;
Во сыромъ-темномъ бору....

Задремалъ мой крошка!...
....Я малинки наберу
Полное лукошко....
Во сыромъ темномъ бору....
Тише! засыпаетъ...
Словно птенчикъ, все въ жару
Губки открываетъ....

«*Во сыромъ бору*» поетъ
Мать, и ходитъ, ходитъ...
Тихо, долго ночь идетъ....
Ночь ужъ день наводитъ—
Мать поетъ... рука у ней
Затекла, устала,
И не разъ слезу съ очей
Бѣдная роняла...
И едва дитя, въ жару,
Вздрогнувъ, встрепенется—
«*Во темномъ-сыромъ бору*»
Снова раздается...

Отклони ударъ, уйди,
Смерть съ своей косою!
Мать дитя съ своей груди
Не отдастъ безъ бою!
Заслонитъ, средь всѣхъ тревогъ,
Всей душой своею,
Жизни чудный огонекъ,
Что затепленъ ею!
И едва онъ засвѣтилъ,—
Вдругъ ей ясно стало
Что́ любви, что́ чудныхъ силъ
Сердце въ ней скрывало!...

Нива.

По нивѣ прохожу я узкою межой,
Поросшей кашкою и цѣпкой лебедой;
Куда ни оглянусь—повсюду рожь густая!
Иду,— съ трудомъ ее руками разбирая.
Мелькаютъ и жужжатъ колосья предо мной,
И колютъ мнѣ лицо... Иду я, наклоняясь,
Какъ будто бы отъ пчелъ тревожныхъ отбиваясь,
Когда, перескочивъ чрезъ ивовый плетень,
Средь яблонь въ пчельникѣ проходишь въ ясный день.

О, Божья благодать!.. о, какъ прилечь отрадно
Въ тѣни высокой ржи, гдѣ сыро и прохладно!
Заботы полные, колосья надо мной
Бесѣду важную ведутъ между собой.
Имъ внемля, вижу я—на всемъ полей просторѣ
И жницы, и жнецы, ныряя точно въ морѣ,
Ужъ вяжутъ весело тяжелые снопы;
Вонъ—на зарѣ стучатъ проворные цѣпы:
Въ амбарахъ воздухъ полнъ и розана, и меда;
Вездѣ скрипятъ возы; средь шумнаго народа
На пристаняхъ кули валятся; вдоль рѣки,
Гуськомъ, какъ журавли, проходятъ бурлаки,
Нагнувши головы, плечами напирая,
И длинной бечевой по влагѣ ударяя...

О, Боже! Ты даешь для родины моей
Тепло и урожай, дары святого неба,—
Но, хлѣбомъ золотя просторъ ея полей,
Ей также, Господи, духовнаго дай хлѣба!
Уже надъ нивою, гдѣ мысли сѣмена
Тобой насажены, повѣяла весна,
И непогодами несгубленныя зерна

Пустили свѣжіе ростки свои проворно—
О, дай намъ солнышка! пошли ты ведра намъ,
Чтобъ вызрѣлъ ихъ побѣгъ по тучнымъ бороздамъ!
Чтобъ намъ, хоть опершись на внуковъ, стариками
Прійти на тучныя ихъ нивы подышать,
И позабывъ, что мы ихъ полили слезами,
Промолвить: «Господи! какая благодать!»

Картинка.

(Послѣ манифеста 19-го февраля 1861 года).

Посмотри: въ избѣ, мерцая,
Свѣтитъ огонекъ,
Возлѣ дѣвочки малютки
Собрался кружокъ;

И съ трудомъ, отъ слова къ слову
Пальчикомъ водя,
По печатному читаетъ
Мужичкамъ дитя.

Мужички въ глубокой думѣ
Слушаютъ, молчатъ;
Развѣ крикнетъ кто, чтобъ бабы
Уняли ребятъ.

Бабы суютъ дѣтямъ соску,
Чтобы ротъ заткнуть,
Чтобъ самимъ хоть краемъ уха
Слышать что-нибудь.

Даже, съ печи не слѣзавшій
Много-много лѣтъ,

Свѣсилъ голову и смотритъ,
Хоть не слышитъ, дѣдъ.

Что-жъ такъ слушаютъ малютку —
Аль ужъ такъ умна?..
Нѣтъ! одна въ семьѣ умѣетъ
Грамотѣ она.

И пришлося ей, младенцу,
Старикамъ прочесть
Про желанную свободу
Дорогую вѣсть.

Самой вѣсти смыслъ покамѣсть
Теменъ имъ и ей:
Но всѣ чуютъ надъ собою
Зорю новыхъ дней...

Вспыхнетъ, братья, эта зорька!
Тьма идетъ къ концу!
Ваши дѣтки ужъ увидятъ
Свѣтъ лицомъ къ лицу

Тьма пускай еще ярится!
День взойдетъ могучъ!
Вѣщимъ окомъ я ужъ вижу
Первый свѣтлый лучъ.

Онъ горитъ ужъ на головкѣ,
Онъ горитъ въ очахъ
Этой умницы — малютки
Съ книжкою въ рукахъ!

Воля, братья, — это только
    Первая ступень
Въ царство мысли, гдѣ сіяетъ
    Вѣковѣчный день.

Поля.

Въ телѣгѣ ѣду по холмамъ;
Порой для взора нѣтъ границъ...
И все поля по сторонамъ,
И надъ полями стаи птицъ...

Я ѣду день, я ѣду два, —
И все поля, кругомъ поля!
Мелькнетъ жилье, мелькнетъ едва,
А тамъ поля, опять поля!

Порой ручей, порой оврагъ,
А тамъ поля, опять поля!
И въ золотыхъ опять волнахъ
Съ холма на холмъ взлетаю я...

Но гдѣ же люди? Ни души
Среди безмолвныхъ деревень...
Не вѣрится такой глуши!
Хотя бы встрѣча въ цѣлый день!

Лишь утромъ сѣрый четверикъ
Передо мною пролетѣлъ...
Въ пыли лишь красный воротникъ
Да черный усъ я разглядѣлъ...

Вотъ, наконецъ, бредетъ старикъ...
Остановился, шляпу снялъ,

Бормочетъ что-то... „Стой, ямщикъ!
Эй, дядя! съ чѣмъ Господь послалъ?“

— „Осмѣлюсь, баринъ, попросить —
Не подвезете-ль старика?“
— „Садись! Зачѣмъ не услужить!
Услуга жъ такъ не велика!“

„Садись!“ — „Я здѣсь, на облучекъ“..
— „Да мѣсто есть: садись рядкомъ!“
Но тутъ ужъ взять никто-бъ не могъ:
Старикъ уперся на своемъ;

Твердилъ, что въ людяхъ онъ пожилъ,
И къ обращенію привыкъ,
И знаетъ свѣтъ; иначе-бъ былъ
„Необразованный мужикъ!“

У старика былъ хмурый видъ,
Цвѣтистовычурная рѣчь;
Одѣтъ былъ бѣдно, но обритъ,
И бакенбардъ висѣлъ до плечъ.

— „Я былъ дворовый человѣкъ“ —
Онъ говорилъ — „у князя Б.!
Да вотъ, пришлось кончать свой вѣкъ
На волѣ! самъ ужъ по себѣ!“

— „И слава Богу!“ — „Какъ кому!
И какъ кто разумѣетъ свѣтъ!
А по понятью моему,
Отъ всей ихъ воли—толку нѣтъ!

„Еще я понѣшнихъ князей,
Выходитъ, дѣдушкѣ служилъ...

Князь различать умѣлъ людей:
Я въ домѣ, можетъ, первый былъ!

„Да вотъ, настали времена!
Теперь иди, хоть волкомъ вой!
Стара собака, не годна,
Ѣстъ даромъ хлѣбъ,—такъ съ глазъ долой!

„Еще скажу: добры князья!
— Съ тебя оброку не хотимъ;
А хочешь землю, молъ,—такъ я:
— Покорно васъ благодаримъ!—

„Жаль ихъ самихъ!"—И тутъ старикъ
Повелъ разсказъ, какъ врозь идетъ
Весь княжій дворъ: шалитъ мужикъ,
Заброшенъ сахарный заводъ;

Слѣда ужъ нѣтъ оранжерей,
Охота, птичникъ и пруды,
И всѣ забавы для гостей,
И карусели, и сады—

Все въ запущеньи, все гніетъ...
Усадьба —прежде городокъ
Была! Вездѣ присмотръ, народъ!
И пей, и ѣшь! Все было впрокъ!

„Да, вспомянешь про старину!"
Онъ заключилъ, „былъ складъ да ладъ!
Э, ну ихъ съ волей! право, ну!
Да что она? одинъ развратъ!

„Одинъ развратъ!" онъ повторялъ...
Отжившій міръ въ его лицѣ,

Казалось, силы напрягалъ,
Какъ пламя, вспыхнуть при концѣ...

„Вотъ парень вамъ изъ молодыхъ“,
Сказалъ онъ, кинувъ грозный взглядъ
На ямщика: „спросите ихъ,
Куда глядятъ? чего хотятъ“?

Тотъ поглядѣлъ ему въ лицо,
Но за отвѣтомъ сталъ втупикъ:
Никакъ желанное словцо
Не попадало на языкъ...

„Чего?..“ онъ началъ было вслухъ...
Да вдругъ какъ кудрями встряхнетъ,
Да вдругъ какъ свиснетъ во весь духъ,—
И тройка ринулась впередъ!

Впередъ—въ пространство безъ конца!
Впередъ—не внемля ничему!
То былъ отвѣтъ ли молодца,
И кони ль вторили ему,—

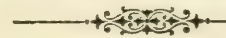
Но мы неслись, какъ отъ волковъ,
Какъ изъ-подъ тучи грозовой,
Какъ бы мучителей—бѣсовъ
Погоню слыша за собой...

Неслись... а вкругъ по сторонамъ
Поля мелькали, и не разъ
Овечье стадо здѣсь и тамъ
Кидалось въ сторону отъ насъ. .

Неслись... „Куда жъ те дьяволъ мчитъ!“
Вдругъ сорвалось у старика.
А тотъ летитъ, лишь вдаль глядитъ,
А даль-то, даль—какъ широка!..

Эоловы арфы.

Засуха!.. Воздухъ спитъ... и небеса молчатъ...
И арфъ эоловыхъ безмолвенъ грустный рядъ...
Тѣ арфы—это вы, пѣвцы моей отчизны!
То образъ вашихъ душъ, исполненный тоской,
Мечтой заоблачной и грустной укоризной!..
Молчатъ онѣ, молчатъ какъ арфы, въ этотъ зной!..
Но, если бъ мимо ихъ промчался вихремъ генiй,
И жизни духъ пахнулъ въ родимой сторонѣ,—
На встрѣчу новыхъ силъ и новыхъ откровенiй
Какими бъ звуками откликнулись онѣ!..



Л. А. МЕЙ.

Хозяинъ.

Въ низенькой свѣтелкѣ съ створчатымъ окномъ,
Свѣтится лампада въ сумракѣ ночномъ.
Слабый огонечекъ то совсѣмъ замретъ,
То дрожащимъ свѣтомъ стѣны обольетъ.
Новая свѣтелка чисто прибрана:
Въ темнотѣ бѣлѣетъ занавѣсь окна,
Полъ остругань гладко, ровенъ потолокъ,
Печка развальная стала въ уголокъ.
По стѣнамъ—укладки съ дѣдовскимъ добромъ
Узкая скамейка, крытая ковромъ,
Крашеныя пяльцы съ стуломъ раздвижнымъ
И кровать рѣзная съ пологомъ цвѣтнымъ.
На кровати крѣпко спитъ сѣдой старикъ:
Видно пересыпалъ хмѣлемъ пуховикъ,
Крѣпко спитъ—не слышитъ хмѣльный старина,
Что во снѣ лепечетъ подъ ухомъ жена;
Душно ей, неловко возлѣ старика:
Свѣсилась съ кровати полная рука,

Губы раскраснѣлись, словно корольки,
Кинули рѣсницы тѣнь на полъ щеки,
Одѣяло сбито, свернуто въ комокъ,
Съ головы свалился шелковый платокъ,
На груди сорочка ходитъ ходуномъ
И коса сползаетъ по плечу ужомъ.
А за печкой кто-то нехотя ворчитъ,
Знать, другой хозяинъ по ночамъ не спитъ!
На жену, на мужа смотритъ домовой
И качаетъ тихо дряхлой головой:
«Сладко имъ соснулось! Полночь на дворѣ:
Жучка призатихла въ теплой конурѣ...
Обошелъ обычнымъ я дозоромъ домъ:
Весело хозяить въ домикѣ такомъ!
Погреба набиты, закрома полны,
И на сѣновалѣ сѣна съ три копны.
Отъ конюшни кучки снѣга отгребешь,
Корму дашь лошадкамъ, гривы заплетешь,
Сходишь въ кладовыя, отомкнешь замки,—
Клади дорогія ломятъ сундуки.
Все бы было ладно, все мнѣ понутру,
Только вотъ хозяйка намъ не ко двору:
Больно черноброва, больно молода—
На сердцѣ тревога, въ головѣ бѣда!
Кровь то говорлива, грудь то высока:
Мигомъ одурачитъ мужа старика!
Знать, и домовому не сплести порой
Бороду сѣдую съ черною косой!
При людяхъ смѣется, а глядишь, тайкомъ
Плачетъ, да вздыхаетъ,—знаю я по комъ!
Погоди жъ, я съ нею шуточку сшучу
И отъ черной думы разомъ отучу:
Только обоймется съ грезой горячо—
Я тотчасъ голубкѣ лапу на плечо,

За косу поймаю, сдерну простыню
Волей аль неволей грезу отгоню,
Этимъ не проймется,—пропадай она,
Баба-переметка, мужняя жена!
Всей косматой грудью лягу ей на грудь
И не дамъ ни разу наливной вздохнуть,
Защемлю ей сердце въ крѣпкіе тиски;
Скажутъ, что зачахла съ горя и тоски".

Запѣвка.

Охъ, пора тебѣ на волю, пѣсня русская,
Благовѣстная, побѣдная, раздольная,
Погородная, посельная, попольная,
Непогодою—невзгодою повитая,
Во крови, въ слезахъ крещеная—омытая!
Охъ, пора тебѣ на волю, пѣсня русская!
Не сама собой ты спѣлася—сложилася,
Съ пустырей тебя намыло снѣгомъ, дождикомъ,
Нанесло тебя съ пожарищъ дымомъ—копотью,
Намело тебя съ сырыхъ могилъ метелицей!

Пѣсня.

Какъ у всѣхъ то людей свѣтлый праздничекъ,
День великій—поминъ по родителямъ,
Только я, сиротинка безродная,
На погостѣ поминокъ не правила.
Я у мужа вечоръ отпросилася:
— „Отпусти, осударь,—похристосуюсь
На могилѣ со свекоромъ батюшкой."
Идучи, я съ дороженьки сбилася,

Во темномъ во лѣсу заплуталася,
У оврага въ лѣсу опозналася.
Въ томъ оврагѣ могила безкрестная;
Всю размыло ее ливнемъ-дождикомъ,
Размело-разнесло непогодушкой...
Подошла я къ могилѣ, шатнулася,
Бѣлой грудью о землю ударилась:
— „Ты скажи мнѣ, сырая могилушка,
Таково ли легко было молодцу
Загубить свою душеньку грѣшную,
Каково-то легко было дѣвицѣ
Подъ невольный вѣнецъ снаряжатися?"

Фейерверкъ.

Много взвивалось потѣшныхъ огней,
Брошенныхъ смѣлой рукою людей —
Дна допроситься у неба,
Да не извѣдано дно въ небеси,
И въ бирюзовой бездонной выси
Звѣзды, сопутницы Феба,
Не увидали взлетѣвшихъ ракетъ,
Будто ихъ не было въ небѣ и нѣтъ,
Будто изъ темнаго сада,
Съ каждаго дерева, съ вѣтки, съ листка.
Не разбросала ихъ чья-то рука,
И не глядѣла дріада...
Нѣтъ: межъ вѣтвей не глядитъ ужъ она...
Но, какъ богиня лѣсовъ, зелена—
Въ дымкѣ струистой хитона,
Вся, какъ цвѣтокъ, создана для вѣнца,
Кисти и пѣсенъ, струны и рѣзца,
Ты поглядѣла съ балкона.

Вслѣдъ за ракетой, и быстрой мечтой
Обогнала ее въ мглѣ голубой,
Выше надзвѣздной границы,
И замечталася—Богъ вѣсть о чемъ?...
Между тѣмъ тѣни вставали кругомъ
Изъ повседневной гробницы;
Шли по аллеямъ, дорожкамъ, кустамъ,
По закуреннымъ до сна цвѣтникамъ
Ладаномъ ночи; скользили—
Гдѣ межъ толпы, обогнувшей балконъ,
Гдѣ межъ далеко бѣлѣвшихъ колоннъ
Черный свой саванъ спустили,
Гдѣ охватили, припавши за кустъ,
Мраморный цоколь, иль бронзовый бюстъ,
Или предсѣніе храма...
Вотъ и бенгальскіе гаснутъ огни—
И потонуло въ росистой тѣни
Все—и картина, и рама...
Все... Воцарилась ночная краса...
Что жъ ты пытливо глядишь въ небеса?
Что же не сводишь съ нихъ взора?
Что тебѣ звѣзды съ небесъ говорятъ?
То ли, что гаснетъ и огненный взглядъ
Такъ же безвременно-скоро,
Какъ и ракета; что въ ихъ вышинѣ
Дщерямъ земли недоступны онѣ,
И что лазурной стезею
Много земныхъ звѣздъ умчалось туда,
Только назадъ ни одна никогда
Съ неба не спала звѣздою?
То ли онѣ говорятъ, что, пока
Лѣтній день долог и ночь коротка,
Надо ловить наслажденья,
Что предъ святымъ алтаремъ красоты

Надо кошницами сыпать цвѣты,
Жечь фиміамъ воскуренья;
Что потому-то все дышетъ кругомъ
И красоты, и любви торжествомъ:
Пышныя эти палаты,
Статуи, куполы, арки, столпы,
Шелестъ внизу изумленной толпы,
Стройные звуки сонаты,
Сдержанный шопотъ привычныхъ похвалъ.
Вся эта роскошь, весь блескъ и весь балъ—
Все для тебя?.. Отчего же,
Въ небо взглянувши, задумалась ты?
Знаю: ты свѣтской бѣжишь суеты,
Да и оковъ ея тоже;
Знаю: устала ты сердце губить,—
Хочется жить тебѣ, хочется жить
Страстью разумно-свободной,
И отрекаешься ты со стыдомъ—
Быть человѣку потѣшнымъ огнемъ,
А не звѣздой путеводной.

И. С. АКСАКОВЪ.

Добро-бъ мечты!

Добро-бъ мечты, добро-бы страсти,
Съ мятежной прелестью своей,
Держали насъ въ могучей власти.
Сбивали насъ съ прямыхъ путей!
Нѣтъ! счастьемъ мелкаго объема
Довольны мы, безъ бурь и грома,
И мирно путь проходимъ свой,
И, тратя жизнь разумной мѣрой,
Съ туманнымъ днемъ, съ погодой сѣрой
Въ согласный ладъ живемъ душой.

Но эта жизнь—ни сонъ, ни бдѣнье,
Богъ знаетъ что. Подъ часъ, друзья,
Какое горькое презрѣнье
Къ себѣ и къ вамъ питаю я!
Намъ все дано! Мы грубой ложью
Затмить не въ силахъ правду Божью,—
Такъ ярокъ свѣтъ ея вдали!

Ее мы чтимъ, о ней мы тужимъ...
Но гдѣ же храмъ, въ которомъ служимъ?
Какія жертвы принесли?

А впрочемъ мы, дворянской лѣнью
Врачуя совѣсти недугъ,
Святому истины служенью
Свой барскій жертвуемъ досугъ!
Мы любимъ къ пышному обѣду
Прибавить мудрую бесѣду,
Иль въ поздней ужина порѣ,
Въ роскошно убранной палатѣ
Потолковать о бѣдномъ братѣ,
Погорячиться о добрѣ!

Что-жъ толку въ томъ? Проходятъ лѣта, —
Любовь попрежнему мертва!
О, слово старое поэта:
«Слова̀, слова̀, одни слова̀!»
Не то, чтобъ лгали мы безстыдно,
Но спимъ, но дремлемъ мы обидно;
Но постепенно силы въ насъ,
Пугаясь подвиговъ суровыхъ,
Средь мелкихъ благъ, средь благъ дешевыхъ,
Счастливо гаснутъ каждый часъ!

Не все-же сонъ! Худыхъ желаній
Соблазнъ послышавъ иногда,
Обману ловкихъ оправданій
Мы поддаемся безъ труда.
Мудрецъ умомъ, хитрецъ душою,
Какъ примирился ты съ собою?
Какъ столько выгодъ согласилъ
Ты съ духомъ мудрости змѣиной,

Какой «златою серединой»
Ты путь опасный проходилъ?...

Нѣтъ! темныхъ сдѣлокъ, Боже правый,
Съ неправдой намъ не допусти,
Покрой стыдомъ совѣтъ лукавый,
Блаженство сонныхъ возмути!
Да̀ пробудясь въ восторгѣ смѣломъ
Съ отвагой пылкою любви,
Мы жизнью всей, мы самымъ дѣломъ
Почтимъ велѣнія Твои!

На новый 1858 годъ.

День встаетъ, багрянъ и пышенъ,
Долгой ночи скрылась тѣнь,
Новой жизни трепетъ слышенъ,
Чѣмъ-то вѣщимъ смотритъ день!
Съ сонныхъ вѣждъ стряхнувъ дремоту,
Бодрой свѣжести полна,
Вышла съ Богомъ на работу
Пробужденная страна.

Такъ торжественно прекрасно
Блещетъ утро на землѣ;
На душѣ свѣтло и ясно,
И не помнится о злѣ,
Объ истекшихъ дняхъ страданья.
О потратѣ многихъ силъ
Въ скорбныхъ мукахъ ожиданья,
Въ безвременности могилъ!

Пусть почіютъ мирно гробы
Тщетно ждавшихъ столько лѣтъ!

Память имъ! Но въ сердцѣ злобы,
Ни вражды, ни мести нѣтъ.
Все проститъ онъ безъ расчета,
Устоявшій въ дни тревогъ,—
Онъ, чей духъ годину гнета
Пережилъ и перемогъ.

Слышишь,—новому онъ лѣту
Пѣсню радости поетъ:
Благо всѣмъ, ведущимъ къ свѣту,
Братьямъ, съ братьевъ снявшихъ гнетъ,
Людямъ миръ, благословенье,
Долгихъ мукъ исчезнетъ слѣдъ,
Дню вчерашнему забвенье,
Дню грядущему привѣтъ!

*
* *

Усталыхъ силъ я долго не жалѣлъ.
Не упрекнутъ бездѣйствіемъ позорнымъ
Мою тоску; какъ труженикъ, умѣлъ
Работать я съ усердіемъ упорнымъ.

Моей душѣ тѣ годы не легки;
Скупымъ трудомъ не брезгалъ я лукаво,
И мнится мнѣ,—досуга и тоски
Купилъ себѣ я дорогое право!...

Въ былые дни поэтовъ чаровалъ—
Блаженства сонъ, эдемъ въ неясной дали...
Почуявъ ложь, безумецъ тосковалъ,—
И намъ теперь смѣшны его печали!

Но, осмѣявъ его безсильный плачъ,
Я въ жизнь вступилъ путемъ иныхъ мечтаній
Къ трудамъ благимъ, къ рѣшенію задачъ,
На жаркій бой, на подвигъ испытаній

Всѣ помыслы, всѣ силы, всю любовь
Направилъ я, и громъ далекій слышалъ!...
Лгала и ты, о, молодая кровь,
Исчезъ обманъ, едва я въ поле вышелъ!

И понялъ я, что спитъ желанный громъ!
Что, вмѣсто битвъ, нерѣдко съ браннымъ духомъ
За комаромъ бѣжимъ мы съ топоромъ,
За мухою гоняемся съ обухомъ!

И понялъ я, что подвиговъ живыхъ,
Блестящихъ жертвъ, борьбы великодушной
Пора прошла,—и намъ, въ замѣну ихъ,
Борьбы глухой достался подвигъ скучный!

Отважныхъ силъ не нужно въ наши дни!
И юности лукавые порывы
Опасны намъ—затѣмъ, что всѣ они
Такъ хороши, такъ ярки, такъ красивы.

Есть путь иной, гдѣ вѣра не легка:
Сгораетъ въ немъ порыва скорый пламень;
Есть долгій трудъ, есть подвигъ червяка:
Онъ точитъ дубъ... Долбитъ и капля камень.

Невзрачный путь! тебѣ я вѣренъ былъ!
Лишенъ ты всей отрады упоенья,
И дерзко я на сердце наложилъ
Тяжелый гнетъ упорнаго терпѣнья!...

Но слышно мнѣ, порой въ тиши работъ,
Что бурныхъ силъ не укротило время!
Когда же власть, скажи, твоя пройдетъ,
О, молодость, о тягостное бремя?...

*
* *

Зачѣмъ душа твоя смирна?
Чѣмъ въ этомъ мірѣ ты утѣшенъ?
Твой праздный день предъ Богомъ грѣшенъ,
Душа призванью не вѣрна!
Вокругъ тебя кипятъ задачи,
Вокругъ тебя мольбы и плачи,
И торжествующее зло,
А ты... Уже ль, хотя однажды,
Ты боевой не свѣдалъ жажды,
Тебя въ борьбу не увлекло?

Ты возлюбилъ свое бездѣлье
И сна душевнаго недугъ.
Въ пустыхъ рѣчахъ, въ тупомъ весельи,
Чредою гибнетъ твой досугъ.!
На царство лжи глядя незлобно,
Ты примиряешься удобно
Съ неправдой быта своего,
Съ уродствомъ всѣхъ его увѣчій,
Не разъяснивъ противорѣчій,
Не разрѣшая ничего!

Предъ Богомъ лѣнью не грѣши!
Стряхни ярмо благоразумья!
Люби ревниво, до безумья,
Всѣмъ пыломъ дерзостнымъ души!

Освободясь, въ стремленьи новомъ,
Отъ плѣна ложнаго стыда,
Позоръ, греми укорнымъ словомъ,
Подъемля насъ всевластнымъ зовомъ
На тяжесть общаго труда!

Безумцемъ слыть тебѣ у всѣхъ!
Но для святыни убѣжденья
Полезнѣй казни и гоненья,
Чѣмъ славы суетной успѣхъ.
О, въ этой душной нашей ночи,
Кому изъ насъ безстрашной мочи
Достанетъ правду возлюбить?
Кто озаритъ насъ правды свѣтомъ? .
Однимъ безумцамъ въ мірѣ этомъ
Дано лучей ея добыть!...

*
* *

Пусть сгибнетъ все, къ чему сурово,
Такъ долго духъ готовленъ былъ:
Трудилась мысль, дерзало слово,
Въ запасѣ много было силъ...
Слабѣйте, силы! вы не нужны!
Засни ты, духъ! давно пора!
Разсѣйтесь всѣ, кто были дружны
Во имя правды и добра!

Безплодны всѣ труды и бдѣнья,
Безплоденъ слова даръ живой,
Безсиленъ подвигъ обличенья,
Безуменъ всякій честный бой!
Безумна честная отвага
Правдивой юности,—и съ ней

Безумны всѣ желанья блага,
Святыя бредни юныхъ дней!

Такъ сокрушись, души гордыня!
Въ борьбѣ неравной ты падешь:
Сплошного зла стоитъ твердыня,
Царитъ безсмысленная ложь!
Она страшнѣй враговъ опасныхъ,—
Сильна не внѣшнею бѣдой,
Но тратой дней и силъ прекрасныхъ—
Въ борьбѣ пустой, тупой, нѣмой!..

Ликуй же, ложь, и насъ, безумцевъ,
Урокомъ горькимъ испытуй,
Гони со свѣта вольнодумцевъ,
Казни, цари и торжествуй!..
Слабѣйте жъ, силы! вы не нужны!
Засни ты, духъ! давно пора!
Разсѣйтесь всѣ, кто были дружны
Во имя правды и добра!

Послѣднее стихотвореніе изъ прежнихъ.

Къ тишинѣ, къ примиренью, къ покою
Мнѣ пора-бы склониться давно.
Порѣшить я намѣренъ съ тоскою!..
Но могу-ли? удастся-ль оно?

Отвращусь-ли отъ грустной юдоли,
Убаюкаю-ль скорбные сны?—
Сердцу страшно не чувствовать боли,
Самъ своей я боюсь тишины!

Все какъ будто обманъ и забвенье
Притаились подъ мудрости сѣнь:
Мыслимъ—въ душу сошло примиренье,
А въ душѣ лишь усталость да лѣнь!

Все какъ будто готовлю измѣну
Я великому множеству ихъ—
Обреченныхъ работѣ и плѣну
Бѣдныхъ, страждущихъ братьевъ моихъ.

Насъ роднятъ лишь печали да горе.
Только тамъ я не чуждый имъ братъ,
Только въ скорбномъ сливаяся хорѣ,
Наши пѣсни согласно звучатъ!..

*

И сдается—надъ всей безконечной
Жизнью міра проносится стонъ,
Стонъ тоски міровой, вѣковѣчной,
Порожденный въ пучинѣ временъ,—

Въ тѣ творенія дни молодые,
Какъ, собравшись на жизненный пиръ,
Человѣческимъ воплемъ впервые
Огласился ликующій міръ...

Съ той поры и понынѣ, ты съ нами
Неразлучно проходишь вѣка,
О, всесильная, ветхая днями,
О, владычица міра—тоска!

Н. А. НЕКРАСОВЪ.

Несжатая полоса.

Поздняя осень. Грачи улетѣли,
Лѣсъ обнажился, поля опустѣли.

Только не сжата полоска одна...
Грустную думу наводитъ она.

Кажется, шепчутъ колосья другъ другу:
«Скучно намъ слушать осеннюю вьюгу,

Скучно склоняться до самой земли,
Тучныя зерна купая въ пыли!

Насъ, что ни ночь, разоряютъ станицы
Всякой пролетной прожорливой птицы,

Заяцъ насъ топчетъ, и буря насъ бьетъ...
Гдѣ же нашъ пахарь? чего еще ждетъ?

Или мы хуже другихъ уродились?
Или не дружно цвѣли, колосились?

Нѣтъ! мы не хуже другихъ,—и давно
Въ насъ налилось и созрѣло зерно.

Не для того же пахалъ онъ и сѣялъ,
Чтобы насъ вѣтеръ осенній развѣялъ?..»

Вѣтеръ несетъ имъ печальный отвѣтъ:
Вашему пахарю моченьки нѣтъ.

Зналъ, для чего и пахалъ онъ, и сѣялъ,
Да не по силамъ работу затѣялъ.

Плохо бѣднягѣ,—не ѣстъ и не пьетъ:
Червь ему сердце больное сосетъ,

Руки, что вывели борозды эти,
Высохли въ щепку, повисли, какъ плети,

Очи потускли и голосъ пропалъ,
Что заунывную пѣсню пѣвалъ,

Какъ, на соху налегая рукою,
Пахарь задумчиво шелъ полосою.

Забытая деревня.

1.

У бурмистра Власа бабушка Ненила
Починить избенку лѣсу попросила.
Отвѣчалъ: нѣтъ лѣсу, и не жди—не будетъ!
«Вотъ пріѣдетъ баринъ—баринъ насъ разсудитъ,
Баринъ самъ увидитъ, что плоха избушка,
И велитъ дать лѣсу»—думаетъ старушка.

2.

Кто-то по сосѣдству, лихоимецъ жадный,
У крестьянъ землицы косячекъ изрядный
Оттягалъ, отрѣзалъ плутовскимъ манеромъ.—
«Вотъ пріѣдетъ баринъ: будетъ землемѣрамъ!»
Думаютъ крестьяне: «скажетъ баринъ слово,—
И землицу нашу отдадутъ намъ снова».

3.

Полюбилъ Наташу хлѣбопашецъ вольный,
Да перечитъ дѣвкѣ нѣмецъ сердобольный,
Главный управитель. „Погодимъ, Игнаша,
„Вотъ пріѣдетъ баринъ!“ говоритъ Наташа.
Малые, большіе—дѣло чуть за споромъ—
„Вотъ пріѣдетъ баринъ!“—повторяютъ хоромъ...

4.

Умерла Ненила; на чужой землицѣ
У сосѣда плута—урожай сторицей;
Прежніе парнишки ходятъ бородаты;
Хлѣбопашецъ вольный угодилъ въ солдаты
И сама Наташа свадьбой ужъ не бредитъ...
Барина все нѣту... баринъ все не ѣдетъ!

5.

Наконецъ, однажды середи дороги
Шестернею цугомъ показались дроги:
На дрогахъ высокихъ гробъ стоитъ дубовый,
А въ гробу то баринъ, а за гробомъ новый.
Стараго отпѣли, новый слезы вытеръ,
Сѣлъ въ свою карету—и уѣхалъ въ Питеръ.

Страда.

Въ полномъ разгарѣ страда деревенская...
Доля ты!—русская долюшка женская!
Врядъ-ли труднѣе сыскать.

Не мудрено, что ты вянешь до времени,
Все выносящаго русскаго племени
Многострадальная мать!

Зной нестерпимый: равнина безлѣсная,
Нивы, покосы да ширь поднебесная—,
Солнце нещадно палитъ.

Бѣдная баба изъ силъ выбивается,
Столбъ насѣкомыхъ надъ ней колыхается,
Жалитъ, щекочетъ, жужжитъ!

Приподнимая косулю тяжелую,
Баба порѣзала ноженьку голую—
Некогда кровь унимать!

Слышится крикъ у сосѣдней полосыньки,
Баба туда—растрепалися косыньки—
Надо ребенка качать!

Что же ты стала надъ нимъ въ отупѣніи?
Пой ему пѣсню о вѣчномъ терпѣніи,
Пой, терпѣливая мать!...

Слезы ли, потъ ли у ней надъ рѣсницею,
Право, сказать мудрено.
Въ жбанъ этотъ, заткнутый грязной тряпицею
Канутъ они—все равно!

Вотъ она губы свои опаленныя
Жадно подноситъ къ краямъ...
Вкусны-ли, милая, слезы соленыя
Съ кислымъ кваскомъ пополамъ?...

Размышленія у параднаго подъѣзда.

Вотъ парадный подъѣздъ. По торжественнымъ днямъ,
Одержимый холопскимъ недугомъ,
Цѣлый городъ съ какимъ-то испугомъ
Подъѣзжаетъ къ завѣтнымъ дверямъ;
Записавъ свое имя и званье,
Разъѣзжаются гости домой,
Такъ глубоко довольны собой.
Что подумаешь—въ томъ ихъ призванье!
А въ обычные дни этотъ пышный подъѣздъ
Осаждаютъ убогія лица:
Прожектеры, искатели мѣстъ,
И преклонный старикъ, и вдовица.
Отъ него и къ нему то-и-знай по утрамъ
Все курьеры съ бумагами скачутъ.
Возвращаясь, иной напѣваетъ „трамъ-трамъ“,
А иные просители плачутъ.
Разъ я видѣлъ, сюда мужики подошли,
Деревенскіе русскіе люди,
Помолились на церковь и стали вдали,
Свѣсивъ русыя головы къ груди.
Показался швейцаръ.—„Допусти“, говорятъ
Съ выраженьемъ надежды и муки.
Онъ гостей оглядѣлъ: некрасивы на взглядъ!
Загорѣлыя лица и руки,
Армячишка худой на плечахъ,
По котомкѣ на спинахъ согнутыхъ,

Крестъ на шеѣ и кровь на ногахъ.
Въ самодѣльные лапти обутыхъ
(Знать, брели-то долгонько они
Изъ какихъ-нибудь дальнихъ губерній).
Кто-то крикнулъ швейцару: „гони!
Нашъ не любитъ оборванной черни!“
И захлопнулась дверь. Постоявъ,
Развязали кошли пилигримы,
Но швейцаръ не пустилъ, скудной лепты не взявъ
И пошли они, солнцемъ палимы,
Повторяя: суди его Богъ!
Разводя безнадежно руками,
И, покуда я видѣть ихъ могъ,
Съ непокрытыми шли головами...

А владѣлецъ роскошныхъ палатъ
Еще сномъ былъ глубокимъ объятъ...
Ты, считающій жизнью завидною
Упоеніе лестью безстыдною,
Волокитство, обжорство, игру,
Пробудись! Есть еще наслажденіе:
Вороти ихъ! въ тебѣ ихъ спасеніе!
Но счастливые глухи къ добру...

Не страшатъ тебя громы небесные,
А земные ты держишь въ рукахъ.
И несутъ эти люди безвѣстные
Неисходное горе въ сердцахъ.

Что тебѣ эта скорбь вопіющая,
Что тебѣ этотъ бѣдный народъ?
Вѣчнымъ праздникомъ быстро бѣгущая
Жизнь очнуться тебѣ не даетъ.
И къ чему? Щелкоперовъ забавою

Ты народное благо зовешь;
Безъ него проживешь ты со славою
И со славой умрешь!

Безмятежнѣй аркадской идилліи
Закатятся преклонные дни:
Подъ плѣнительнымъ небомъ Сициліи
Въ благовонной древесной тѣни,
Созерцая, какъ солнце пурпурное
Погружается въ море лазурное,
Полосами его золотя,—
Убаюканный ласковымъ пѣніемъ
Средиземной волны,—какъ дитя,
Ты уснешь, окруженъ попеченіемъ
Дорогой и любимой семьи,
(Ждущей смерти твоей съ нетерпѣніемъ).
Привезутъ къ намъ останки твои,
Чтобъ почтить похоронною тризною,
И сойдешь ты въ могилу... герой,
Втихомолку проклятый отчизною,
Возвеличенный громкой хвалой!...

Впрочемъ, что-жъ мы такую особу
Безпокоимъ для мелкихъ людей?
Не на нихъ-ли намъ выместить злобу?
Безопаснѣй... Еще веселѣй
Въ чемъ-нибудь пріискать утѣшенье...
Не бѣда, что потерпитъ мужикъ.
Такъ ведущее насъ Провидѣнье
Указало... да онъ же привыкъ!
За заставой, въ харчевнѣ убогой,
Все пропьютъ бѣдняки, до рубля,
И пойдутъ, побираясь дорогой,
И застонутъ... Родная земля!

Назови мнѣ такую обитель,
Я такого угла не видалъ,
Гдѣ бы сѣятель твой и хранитель,
Гдѣ бы русскій мужикъ не стоналъ?
Стонетъ онъ по полямъ, по дорогамъ,
Стонетъ онъ по тюрьмамъ, по острогамъ,
Въ рудникахъ, на желѣзной цѣпи;
Стонетъ онъ подъ овиномъ, подъ стогомъ,
Подъ телѣгой, ночуя въ степи:
Стонетъ въ собственномъ бѣдномъ домишкѣ
Свѣту Божьяго солнца не радъ;
Стонетъ въ каждомъ глухомъ городишкѣ,
У подъѣзда судовъ и палатъ.
Выдь на Волгу: чей стонъ раздается
Надъ великою русской рѣкой?
Этотъ стонъ у насъ пѣсней зовется—
То бурлаки идутъ бичевой!...
Волга! Волга! Весной многоводной
Ты не такъ заливаешь поля,
Какъ великою скорбью народной
Переполнилась наша земля!
Гдѣ народъ, тамъ и стонъ... Эхъ сердечный!
Что же значитъ твой стонъ безконечный?
Ты проснешься-ль исполненный силъ
Иль, судебъ повинуясь закону,
Все, что могъ, ты уже совершилъ,—
Создалъ пѣсню, подобную стону,
И духовно на вѣки почилъ?

Орина мать солдатская.

День-деньской моя печальница,
Въ ночь—ночная богомольница,
Вѣковая моя сухотница...
(*Изъ народной пѣсни*).

Чуть живые, въ ночь осеннюю
Мы съ охоты возвращаемся,
До ночлега прошлогодняго,
Славу Богу, добираемся.

— Вотъ и мы! Здорово старая!
Что насупилась ты, кумушка!
Не о смерти ли задумалась?
Брось! пустая это думушка!

Посѣтила ли кручинушка?
Молви—может, и размыкаю.—
И повѣдала Оринушка
Мнѣ печаль свою великую.

— Восемь лѣтъ сынка не видѣла
Живъ ли, нѣтъ—не откликается,
Ужъ и свидѣться не чаяла,
Вдругъ сыночекъ возвращается.

Вышло молодцу въ безсрочные...
Истопила жарко банюшку,
Напекла блиновъ Оринушка,
Не насмотрится на Ванюшку!

Да не долги были радости.
Воротился сынъ больнёхонекъ,
Ночью кашель бьетъ солдатика.
Бѣлый платъ въ крови мокрёхонекъ

Говоритъ: „поправлюсь матушка!“
Да ошибся—не поправился,
Девять дней хворалъ Иванушка,
На десятый день преставился...“ —

Замолчала—не прибавила
Ни словечка, безталанная.
— Да съ чего же привязалася
Къ парню хворость окаянная?

Хилый, что-ли, былъ съ рожденія?—
Встрепенулася Оринушка:
„Богатырскаго сложенія,
Здоровенный былъ дѣтинушка!

„Подивился самъ изъ Питера
Генералъ на парня этого,
Какъ въ рекрутское присутствіе
Привели его раздѣтаго...

„На избенку эту брёвнушки
Онъ одинъ таскалъ сосновыя...
И вилися у Иванушки
Русы кудри, какъ шелковыя.“

И опять молчитъ несчастная...
— Не молчи—развѣй кручинушку!
Что сгубило сына милаго—
Чай, спросила ты дѣтинушку?—

„Не любилъ, сударь, разсказывать
Онъ про жизнь свою военную,
Грѣхъ мірянамъ-то показывать
Душу—Богу обреченную!

„Говорить—гнѣвить Всевышняго,
Окаянныхъ бѣсовъ радовать...
Чтобъ не молвить слова лишняго,
На враговъ не подосадовать.

„Нѣмота передъ кончиною
Подобаетъ христіанину.
Знаетъ Богъ, какія тягости
Сокрушили силу Ванину!

„Я узнать не добивалася.
Никого не осуждаючи,
Онъ одни слова утѣшныя
Говорилъ мнѣ, умираючи.

„Тихо по двору похаживалъ
Да постукивалъ топорикомъ,
Избу ветхую облаживалъ,
Огородъ обнесъ заборикомъ;

„Перекрыть сарай задумывалъ.
Не сбылись его желанія:
Слегъ—и всталъ на ноги рѣзвыя
Только за день до скончанія!

„Поглядѣть на солнце красное
Пожелалъ,—пошла я съ Ванею:
Попрощался со скотинкою,
Попрощался съ ригой, съ банею.

„Сѣнокосомъ шелъ—задумался.
— Ты прости, прости, полянушка!
Я косилъ тебя во младости!“
И заплакалъ мой Иванушка!

„Пѣсня вдругъ съ дороги грянула,
Подхватилъ, что было голосу:
—„Не бѣлы снѣжки“... закашлялся,
Задышался—пàлъ на полосу!

„Не стояли ноги рѣзвыя,
Не держалася головушка!
Съ часъ домой мы возвращалися...
Было время—пѣлъ соловушка!

„Страшно въ эту ночь послѣднюю
Было: память потерялася,
Все ему передъ кончиною,
Служба эта представлялася.

„Ходитъ, чиститъ амуницію,
Набѣлилъ ремни солдатскіе,
Языкомъ игралъ сигналики,
Пѣсни пѣлъ—такія хватскія!

„Артикулъ ружьемъ выкидывалъ,
Такъ, что весь домишка вздрагивалъ;
Какъ журавль, стоялъ на ноженькѣ
На одной—носокъ вытягивалъ.

„Вдругъ—метнулся... смотритъ жалобно...
Повалился—плачетъ, кается,
Крикнулъ: „ваше благородіе!“
„Ваше!..“ вижу—задыхается;

„Я къ нему. Утихъ, послушался—
Легъ на лавку. Я молилася:
Не пошлетъ ли Богъ спасеніе?...
Къ утру память воротилася,

„Прошепталъ: прощай, родимая!
Ты опять одна осталася!...
Я надъ Ваней наклонилася,
Покрестила, попрощалася,

„И погасъ онъ, словно свѣченька
Восковая, предъ-иконная...“

Мало словъ, а горя рѣченька,
Горя рѣченька бездонная!...

Зеленый шумъ. *

Идетъ—гудетъ Зеленый Шумъ,
Зеленый Шумъ, весенній шумъ!

Играючи расходится
Вдругъ вѣтеръ верховой;
Качнетъ кусты ольховые,
Подниметъ пыль цвѣточную,
Какъ облако: все зелено,
И воздухъ и вода!

Идетъ—гудетъ Зеленый Шумъ!
Зеленый Шумъ, весенній шумъ!

Скромна моя хозяюшка
Наталья Патрикѣевна,
Водой не замутитъ!
Да съ ней бѣда случилася,
Какъ лѣто жилъ я въ Питерѣ...
Сама сказала, глупая,
Типунъ ей на языкъ!

*) Такъ народъ называетъ пробужденіе природы весной.

Въ избѣ самъ другъ съ обманщицей
Зима насъ заперла,
Въ мои глаза суровые
Глядитъ,—молчитъ жена.
Молчу... а дума лютая
Покоя не даетъ!
Убить...—такъ жаль сердечную!
Стерпѣть—такъ силы нѣтъ!
А тутъ зима косматая
Реветъ и день и ночь:
«Убей, убей измѣнницу!
«Злодѣя изведи!
«Нето весь вѣкъ промаешься,
«Ни днемъ, ни долгой ноченькой
«Покоя не найдешь.
«Въ глаза твои безстыжіе
«Сосѣди наплюютъ!...»
Подъ пѣсню-вьюгу зимнюю
Окрѣпла дума лютая,—
Припасъ я вострый ножъ...
Да вдругъ весна подкралася...

Идетъ—гудетъ Зеленый Шумъ,
Зеленый Шумъ, весенній шумъ!

Какъ молокомъ облитые,
Стоятъ сады вишневые,
Тихохонько шумятъ;
Пригрѣты теплымъ солнышкомъ,
Шумятъ повеселѣлые
Сосновые лѣса,
А рядомъ, новой зеленью
Лепечутъ пѣсню новую
И липа блѣдно-листая,

И бѣлая березонька
Съ зеленою косой!
Шумитъ тростинка малая,
Шумитъ высокій кленъ...
Шумятъ они по новому,
По новому, весеннему...

Идетъ—гудетъ Зеленый Шумъ!
Зеленый Шумъ, весенній шумъ!

Слабѣетъ дума лютая,
Ножъ валится изъ рукъ,
И все мнѣ пѣсня слышится
Одна—въ лѣсу, въ лугу:
„Люби, покуда любится,
Терпи, покуда терпится,
Прощай, пока прощается,
И—Богъ тебѣ судья!“

Свобода.

Родина—мать! по равнинамъ твоимъ
Я не ѣзжалъ еще съ чувствомъ такимъ!

Вижу дитя на рукахъ у родимой,
Сердце волнуется думой любимой:

Въ добрую пору дитя родилось,
Милостивъ Богъ, не узнаешь ты слезъ!

Съ дѣтства никѣмъ не запуганъ, свободенъ,
Выберешь дѣло, къ которому годенъ;

Хочешь—останешься вѣкъ мужикомъ,
Сможешь—подъ небо взовьешься орломъ.

Въ этихъ фантазіяхъ много ошибокъ:
Умъ человѣческій тонокъ и гибокъ;

Знаю! на мѣсто сѣтей крѣпостныхъ
Люди придумали много иныхъ,

Такъ!... но распутать ихъ легче народу.
Муза! съ надеждой привѣтствуй свободу!

Сѣятелямъ.

Сѣятель знанья на ниву народную!
Почву ты, что-ли, находишь безплодную?
Худы-ль твои сѣмена?
Робокъ-ли сердцемъ ты? слабъ-ли ты силами?
Трудъ награждается всходами хилыми,
Добраго мало зерна!
Гдѣ-жъ вы, умѣлые, съ добрыми лицами?
Гдѣ-же вы, съ полными жита кошницами?
Трудъ засѣвающихъ робко, крупицами,
Двиньте впередъ!
Сѣйте разумное, доброе, вѣчное,
Сѣйте! Спасибо вамъ скажетъ сердечное
Русскій народъ...

* *
*

Что ни годъ—уменьшаются силы,
Умъ лѣнивѣе, кровь холоднѣй!..
Мать—отчизна! дойду до могилы,
Не дождавшись свободы твоей!
Но желалъ бы я знать, умирая,
Что стоишь ты на вѣрномъ пути,
Что твой пахарь, поля засѣвая,
Видитъ ведреный день впереди;
Чтобы вѣтеръ родного селенья
Звукъ единый до слуха донесъ,
Подъ которымъ не слышно кипѣнья
Человѣческой крови и слезъ.

---

* *
*

О, Муза! я у двери гроба!
Пускай я много виноватъ,
Пусть увеличитъ во сто кратъ
Мои вины людская злоба—
Не плачь! завиденъ жребій нашъ,
Не наругаются надъ нами:
Межъ мной и честными сердцами
Порваться долго ты не дашь
Живому, кровному союзу!
Не русскій—взглянетъ безъ любви
На эту блѣдную, въ крови,
Кнутомъ изсѣченную Музу...

---

* *
*

Блаженъ незлобливый поэтъ,
Въ комъ мало желчи, много чувства:

Ему такъ искрененъ привѣтъ
Друзей спокойнаго искусства;

Ему сочувствіе въ толпѣ,
Какъ ропотъ волнъ, ласкаетъ ухо;
Онъ чуждъ сомнѣнія въ себѣ—
Сей пытки творческаго духа;

Любя безпечность и покой,
Гнушаясь дерзкою сатирой,
Онъ прочно властвуетъ толпой
Съ своей миролюбивой лирой.

Дивясь великому уму,
Его не гонятъ, не злословятъ,
И современники ему
При жизни памятникъ готовятъ...

Но нѣтъ пощады у судьбы
Тому, чей благородный геній
Сталъ обличителемъ толпы,
Ея страстей и заблужденій.

Питая ненавистью грудь,
Уста вооруживъ сатирой,
Проходитъ онъ тернистый путь
Съ своей карающею лирой.

Его преслѣдуютъ хулы:
Онъ ловитъ звуки ободренья
Не въ сладкомъ ропотѣ хвалы,
А въ дикихъ крикахъ озлобленья.

И вѣря, и не вѣря вновь

Мечтѣ высокаго призванья,
Онъ проповѣдуетъ любовь
Враждебнымъ словомъ отрицанья,—

И каждый звукъ его рѣчей
Плодитъ ему враговъ суровыхъ,
И умныхъ, и пустыхъ людей,
Равно клеймить его готовыхъ.

Со всѣхъ сторонъ его клянутъ,
И только трупъ его увидя,
Какъ много сдѣлалъ онъ, поймутъ,
И какъ любилъ онъ—ненавидя!

Въ больницѣ.

Вотъ и больница. Свѣтя, показалъ
Въ уголъ намъ сонный смотритель.
Трудно и медленно тамъ угасалъ
Честный бѣднякъ сочинитель.
Мы попрекнули невольно его,
Что, зануждавшись въ столицѣ,
Не извѣстилъ онъ друзей никого,
А пріютился въ больницѣ...

«Что за бѣда», онъ шутя отвѣчалъ:
«Мнѣ и въ больницѣ покойно.
Я все сосѣдей моихъ наблюдалъ:
Многое, право достойно
Гоголя кисти. Вотъ этотъ субъектъ,
Что межъ кроватями бродитъ:—
Есть у него превосходный проектъ,

Только—бѣда! не находитъ
Денегъ... а то бы давно превращалъ
Онъ въ брилліанты крапиву.
Онъ покровительство мнѣ обѣщалъ
И милліонъ на разживу!

«Вотъ старикашка-актеръ: на людей
И на судьбу негодуетъ;
Перевирая, изъ старыхъ ролей
Всюду двустишія суетъ;
Онъ добродушенъ, задоренъ и милъ;
Жалко—уснулъ (или умеръ?)—
А то бы вѣрно онъ васъ посмѣшилъ...
Смолкъ и семнадцатый нумеръ!

А какъ онъ бредилъ деревней своей,
Какъ, о семействѣ тоскуя,
Ласки послѣдней просилъ у дѣтей,
А у жены поцѣлуя!
Не просыпайся же, бѣдный больной
Такъ въ забытьи и умри ты...
Очи твои не любимой рукой—
Сторожемъ будутъ закрыты!

Завтра дежурные насъ обойдутъ,
Саваномъ мертвыхъ накроютъ,
Счетомъ въ мертвецкій покой отнесутъ,
Счетомъ въ могилу зароютъ.
И ужъ тогда не являйся жена,
Чуткая сердцемъ, въ больницу—
Бѣднаго мужа не сыщетъ она,
Хоть раскопай всю столицу!

«Случай надавно ужасный тутъ былъ:

Пасторъ какой-то нѣмецкій
Къ сыну пріѣхалъ — и долго ходилъ...
«Вы поищите въ мертвецкой»,
Сторожъ ему равнодушно сказалъ:
Бѣдный старикъ пошатнулся,
Въ страшномъ испугѣ туда побѣжалъ
Да, говорятъ, и рехнулся!
Слезы ручьями текутъ по лицу,
Онъ между трупами бродитъ!
Молча заглянетъ въ лицо мертвецу,
Молча къ другому подходитъ...

«Впрочемъ, не вѣчно чужою рукой
Здѣсь закрываются очи.
Помню: съ прошибленной въ кровь головой
Къ намъ привели, среди ночи,
Стараго вора: въ острогѣ его
Буйный товарищъ изранилъ.
Онъ не хотѣлъ исполнять ничего,
Только грозилъ и буянилъ.
Наша сидѣлка къ нему подошла,
Вздрогнула вдругъ — и ни слова...
Въ странномъ молчаньи минута прошла:
Смотрятъ одинъ на другого!

Кончилось тѣмъ, что угрюмый злодѣй,
Пьяный, обрызганный кровью,
Вдругъ зарыдалъ — передъ первой своей
Свѣтлой и честной любовью...
(Смолоду знали другъ друга они)...
Круто старикъ измѣнился:
Плачетъ да молится цѣлые дни,
Передъ врачами смирился.
Не было средства, однако, помочь...

Часъ его смерти былъ страненъ
(Помню я эту печальную ночь):
Онъ уже былъ бездыханенъ,
А всепрощающій голосъ любви,
Полный мольбы безконечной,
Тихо надъ нимъ раздавался: «живи,
Милый, желанный, сердечный!»
Все, что̀ имѣла, она продала—
Съ честью его схоронила...
Бѣдная! какъ она мало жила!
Какъ она много любила!
А что́ любовь ей дала, кромѣ бѣдъ,
Кромѣ печали и муки?
Смолоду—стыдъ, а на старости лѣтъ—
Ужасъ послѣдней разлуки!...

«Есть и писатели здѣсь, господа,
Вотъ, посмотрите: украдкой,
Блѣденъ и робокъ, подходитъ сюда
Юноша съ толстой тетрадкой.
Съ юга пѣшкомъ привела его страсть
Въ дальнюю нашу столицу—
Думалъ бѣдняга въ храмъ славы попасть—
Радъ, что попалъ и въ больницу!
Всѣмъ онъ читалъ свой ребяческій бредъ—
Было тутъ смѣху и шуму!
Я лишь одинъ не смѣялся... о, нѣтъ!
Думалъ я горькую думу.
Братья-писатели! въ нашей судьбѣ
Что-то лежитъ роковое:
Если бы всѣ мы, не вѣря себѣ,
Выбрали дѣло другое—
Не было-бъ, точно, согласенъ и я,
Жалкихъ писакъ и педантовъ—

Только бы не было также, друзья,
Скоттовъ, Шекспировъ и Дантовъ!
Чтобъ одного возвеличить, борьба
Тысячи слабыхъ уноситъ—
Даромъ ничто не дается: судьба
Жертвъ искупительныхъ проситъ.
Тутъ нашъ пріятель глубоко вздохнулъ,
Началъ метаться тревожно;
Мы посидѣли, пока онъ уснулъ—
И разошлись осторожно...

---

* *
*

Праздникъ жизни—молодости годы—
Я убилъ подъ тяжестью труда,
И поэтомъ, баловнемъ свободы,
Другомъ лѣни— не былъ никогда.

Если долго сдержанныя муки,
Накипѣвъ, подъ сердце подойдутъ,
Я пишу: риѳмованные звуки
Нарушаютъ мой обычный трудъ.

Все-жъ они не хуже плоской прозы
И волнуютъ мягкія сердца,
Какъ внезапно хлынувшія слезы
Съ огорченнаго лица.

Но не льщусь, чтобъ въ памяти народной
Уцѣлѣло что-нибудь изъ нихъ...
Нѣтъ въ тебѣ поэзіи свободной,
Мой суровый, неуклюжій стихъ!

Нѣтъ въ тебѣ творящаго искусства...
Но въ тебѣ кипитъ живая кровь,
Торжествуетъ мстительное чувство,
Догорая, теплится любовь,—

Та любовь, что добрыхъ прославляетъ,
Что клеймитъ злодѣя и глупца,
И вѣнкомъ терновымъ надѣляетъ
Беззащитнаго пѣвца...

Родина.

И вотъ они опять, знакомыя мѣста,
Гдѣ жизнь отцовъ моихъ, безплодна и пуста,
Текла среди пировъ, безсмысленнаго чванства,
Разврата грязнаго и мелкаго тиранства;
Гдѣ рой подавленныхъ и трепетныхъ рабовъ
Завидовалъ житью послѣднихъ барскихъ псовъ,
Гдѣ было суждено мнѣ Божій свѣтъ увидѣть,
Гдѣ научился я терпѣть и ненавидѣть,
Но, ненависть въ душѣ постыдно притая,
Гдѣ иногда бывалъ помѣщикомъ и я;
Гдѣ отъ души моей, довременно-растлѣнной,
Такъ рано отлетѣлъ покой благословенный,
И не ребяческихъ желаній и тревогъ
Огонь томительный до срока сердце жогъ...
Воспоминанія дней юности—извѣстныхъ
Подъ громкимъ именемъ роскошныхъ и чудесныхъ,—
Наполнивъ грудь мою и злобой, и хандрой,
Во всей своей красѣ проходятъ предо мной!...
Вотъ темный, темный садъ... Чей ликъ въ аллеѣ дально
Мелькаетъ межъ вѣтвей, болѣзненно-печальный?
Я знаю, отчего ты плачешь, мать моя!

то жизнь твою сгубилъ!... О! знаю, знаю я!...
а вѣки отдана угрюмому невѣждѣ,
е предавалась ты несбыточной надеждѣ—
ебя пугала мысль возстать противъ судьбы,
ы жребій свой несла въ молчаніи рабы...
о знаю: не была душа твоя безстрастна;
на была горда, упорна и прекрасна,
все, что вынести въ тебѣ достало силъ,
редсмертный шопотъ твой губителю простилъ!
ты, дѣлившая съ страдалицей безгласной
горе, и позоръ судьбы ея ужасной,—
ебя ужъ также нѣтъ, сестра души моей!
зъ дома крѣпостныхъ любовницъ и псарей
онимая стыдомъ, ты жребій свой вручила
ому, котораго не знала, не любила...
о матери своей печальную судьбу
а свѣтѣ повторивъ, лежала ты въ гробу,
ъ такой холодною и строгою улыбкой,
то дрогнулъ самъ палачъ, заплакавшій ошибкой...
отъ сѣрый, старый домъ... Теперь онъ пустъ и глухъ:
и женщинъ, ни собакъ, ни гаеровъ, ни слугъ...
А встарь?... Но помню я: здѣсь что-то всѣхъ давило,
дѣсь въ маломъ и въ большомъ тоскливо сердце ныло.
къ нянѣ убѣгалъ... Ахъ, няня! Сколько разъ
слезы лилъ о ней въ тяжелый сердцу часъ;
ри имени ея впадая въ умиленье,
авно ли чувствовалъ я къ ней благоговѣнье?...
и безсмысленной и вредной доброты
а память мнѣ пришли немногія черты,
грудь моя полна враждой и злостью новой...
ѣтъ! Въ юности моей, мятежной и суровой,
отраднаго душѣ воспоминанья нѣтъ;
о все, что жизнь мою опутавъ съ первыхъ лѣтъ,
роклятьемъ на меня легло неотразимымъ—

Всему начало здѣсь, въ краю моемъ родимомъ!...
И съ отвращеніемъ кругомъ кидая взоръ,
Съ отрадой вижу я, что срубленъ темный боръ—
Въ томящій лѣтній зной защита и прохлада,—
И нива выжжена, и праздно дремлетъ стадо,
Понуривъ голову надъ высохшимъ ручьемъ,
И на бокъ валится пустой и мрачный домъ,
Гдѣ вторилъ звону чашъ и гласу ликованій
Глухой и вѣчный гулъ подавленныхъ страданій,
И только тотъ одинъ, кто всѣхъ собой давилъ,
Свободно и дышалъ, и дѣйствовалъ, и жилъ...

Поэту.

(*Памяти Шиллера*).

Гдѣ вы—пѣвцы любви, свободы, мира
И доблести?... Вѣкъ „крови и меча!“
На тронъ земли ты посадилъ банкира,
Провозгласилъ героемъ палача...

Толпа гласитъ: „пѣвцы не нужны вѣку!“
И нѣтъ пѣвцовъ... Замолкло божество...
О, кто-жъ теперь напомнитъ человѣку
Высокое призваніе его?...

Прости слѣпцамъ, художникъ вдохновенный,
И возвратись!... Волшебный факелъ свой,
Погашенный рукою дерзновенной,
Вновь засвѣти надъ гибнущей толпой!

Вооружись небесными громами!
Нашъ падшій духъ взнеси на высоту,

Чтобъ человѣкъ не мертвыми очами
Могъ созерцать добро и красоту...

Казни корысть, убійство святотатство!,
Сорви вѣнцы съ предательскихъ головъ,
Увлекшихъ міръ съ пути любви и братства,
Стяжаннаго усильями вѣковъ,

На путь вражды!... Въ его дѣла и чувства
Гармонію внести лишь можешь ты.
Въ твоей груди, гонимый жрецъ искусства,
Тронъ истины, любви и красоты.

А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВЪ.

Притча о сѣятелѣ и сѣменахъ.

Шелъ сѣятель съ зернами въ полѣ и сѣялъ;
И вѣтеръ повсюду тѣ зерна развѣялъ.
Одни при дорогѣ упали; порой
Ихъ топчетъ прохожій небрежной ногой,
И птицъ, изъ окрестныхъ степей пролетая,
На нихъ нападаетъ голодная стая.
Другія на камень безплодный легли
И вскорѣ безъ влаги и корня взошли,—
И въ пламенный полдень дневное свѣтило
Былинку палящимъ лучомъ изсушило.
Средь тернія пало иное зерно,
И въ терніи дикомъ заглохло оно...
Напрасно шелъ дождь, и съ прохладной зарею
Поля освѣжались небесной росою;
Одни за другими проходятъ года,—
Отъ зеренъ тѣхъ нѣтъ и не будетъ плода.
Но въ добрую землю упавшее сѣмя,
Какъ жатвы настанетъ урочное время,

Готовя стократно умноженный плодъ,
Высоко и быстро, и сильно растетъ,
И блещетъ красою, и жизнію дышитъ...
Имѣющій уши, чтобъ слышать,—да слышитъ!

Почему?

Съ тѣхъ поръ, какъ міръ живетъ и страждетъ человѣкъ
Подъ игомъ зла и заблужденья,—
Въ стремленіи къ добру и къ правдѣ каждый вѣкъ
Намъ бросилъ слово утѣшенья.
Умомъ ужъ не одинъ разоблаченъ кумиръ;
Но мысль трудиться не устала,
И рвется изъ оковъ обмана плѣнный міръ,
Прося у жизни идеала...
Но почему-жъ досель и сердцу, и уму
Такъ оскорбительно, такъ тѣсно?
Такъ много льется слезъ и крови? Почему
Такъ все запугано, что честно?
О, слово первое изъ всѣхъ разумныхъ словъ!
Оно, звуча неумолимо,
Срываетъ съ истины обманчивый покровъ
И въ жизни не проходитъ мимо.
Да! *почему:* и смерть, и жизнь, и мы, и свѣтъ,
И все, что радуетъ и мучитъ?
Хотя бы мы пока и вызвали отвѣтъ,
Который знанью не научитъ,—
Все будемъ требовать отвѣта: *почему?*
И снова требовать, и снова...
Какъ ночью молнія прорѣзываетъ тьму,
Такъ свѣтитъ въ жизни это слово.

Возрожденіе.

Вступилъ я въ жизнь къ борьбѣ готовый,—
Не скоро кончилась борьба!...
Неумолимъ былъ рокъ суровый
И на меня надѣлъ оковы,
Какъ на мятежнаго раба.
Покорно несъ я злую долю,
И совѣсть робкая лгала;
Она меня на свѣтъ, на волю
Изъ тьмы безмолвной не звала.
Шла мимо жизнь, шло время даромъ.
Вотще я братьевъ слышалъ стонъ,—
Не ударялъ мнѣ въ сердце онъ
Больнымъ, сочувственнымъ ударомъ...
Когда теперь смотрю назадъ,
На время юности порочной,—
Среди пустыни, въ тьмѣ полночной
Блуждаетъ мой печальный взглядъ.
Вотъ мной пройденная дорога...
Ея предательскій изгибъ
Велъ къ страшной безднѣ!... Много, много
Изъ насъ погибло... Воля Бога
Меня спасла,—я не погибъ.
Но не стою я горделиво,
Увѣнчанъ славою побѣдъ...
Еще въ душѣ воскресшей нѣтъ
Съ минувшимъ полнаго разрыва,—
Я долго жилъ средь сквернъ и золъ!
У ихъ нечистаго подножья
Тупѣла мысль, нѣмѣлъ глаголъ,
Изнемогала сила Божья.
Еще я трепетомъ объятъ,
Еще болитъ живая рана,

И на меня, какъ изъ тумана,
Видѣнья прежнія глядятъ, —
И, полнъ знакомой мнѣ боязнью,
Еще я взгляды ихъ ловлю,
Мнѣ угрожающіе казнью
За то, что мыслю и люблю...

Мыслителю.

Орелъ взмахнетъ могучими крылами
И, вольный, отрѣшившись отъ земли,
О немощныхъ, влачащихся въ пыли,
Не думаетъ, паря подъ небесами...

Но, отъ мертвящей лжи освободясь
И, окрыленный мыслью животворной,
Когда для сферы свѣтлой и просторной
Ты, возлетѣвъ, покинешь мракъ и грязь;

Когда почувствуешь, какъ послѣ смрадной
И долго угнетавшей тѣсноты
Трепещетъ грудь отъ радости, и ты
Вдыхаешь воздухъ чистый и прохладный, —

О, ты начнешь невольно вспоминать
О долѣ смертныхъ, темной и ничтожной:
Взирая сверху, будетъ невозможно
Тебѣ, счастливому, не пожелать,

Чтобъ братьевъ, пресмыкающихся долу,
Свѣтъ истины скорѣй освободилъ!...
Когда жъ они безъ воли и безъ силъ,
Не будутъ твоему внимать глаголу, —

Съ высотъ своихъ ты властно имъ кричи!
Окованныхъ невѣжественнымъ страхомъ,
Заставь ты ихъ разстаться съ тьмой и съ прахомъ
И смѣлому полету научи!...

Превращенія.

Внушаетъ старость мнѣ почтеніе невольно...
Не даромъ старъ я самъ. Но какъ зато мнѣ больно,
Когда приходится увидѣть старика
Еще здороваго, который даже въ силахъ
И тяжкій трудъ подъять, и пошалить слегка,
Но ужъ носителя и чувствъ, и мыслей хилыхъ!
По жизненной стезѣ осмысленно онъ шелъ;
Когда-то былъ уменъ, и сердцемъ былъ нечерствымъ,
И различать умѣлъ причины благъ и золъ;
И правду защищалъ съ безтрепетнымъ упорствомъ...
Вдругъ—превращеніе. Великій въ жизни даръ,
Такъ свойственный тому, кто опытенъ и старъ,
Даръ прозорливости смѣнился почему-то
Въ немъ дальновидностью дѣвицъ изъ института.
Отчизну возлюбивъ теперь еще сильнѣй,
Онъ духа доблести страшиться началъ въ ней;
Блеснетъ ли свѣта лучъ,—ручьемъ онъ слезы точитъ;
Гдѣ плакать надо бы,—онъ чуть что не хохочетъ.
Онъ въ смерти видитъ жизнь, онъ въ камнѣ видитъ хлѣб
Такъ сердцемъ онъ заглохъ! такъ умственно ослѣпъ!..
Онъ—чадо времени. Насъ злой какой-то геній
Дурачитъ зрѣлищемъ волшебныхъ превращеній,
И за людей нельзя ручаться въ наши дни.
Что ежели и мнѣ... о, Боже сохрани!..
И мнѣ, на старости, вдругъ станетъ неизвѣстно:
Что̀ глупо, что̀ умно, что̀ честно, что̀ безчестно?

* *
*

Сняла съ меня судьба, въ жестокій этотъ вѣкъ,
Такой великій страхъ и жгучую тревогу,
Что я сравнительно—счастливый человѣкъ:
Нѣтъ сына у меня, онъ умеръ, слава Богу!
Ребенкомъ умеръ онъ. Хорошій мальчикъ былъ;
Съ улыбкою доброю; отзывчивый на ласки;
И, мнилось, огонекъ загадочный таилъ,
Которымъ вспыхивали глазки.

Онъ былъ-бы юношей теперь. Въ томъ и бѣда.
О, какъ невесело быть юнымъ въ наше время!
Не столько старости недужные года,
Какъ молодость теперь есть тягостное бремя.
А впрочемъ, удрученъ безвыходной тоской,
Которая у насъ на утрѣ жизни гложетъ,
Въ самоубійствѣ бы обрѣлъ уже, быть можетъ,
Онъ преждевременный покой.

Но еслибъ взяли верхъ упорство и живучесть,
Въ ряды преступные не сталъ ли бы и онъ?
И горько я его оплакивалъ бы участь—
Изъ міра, въ цвѣтѣ лѣтъ, быть выброшеннымъ вонъ.
Иль, можетъ быть въ средѣ распутства и наживы
Соблазномъ окруженъ и юной волей слабъ,
Онъ духа времени покорный былъ бы рабъ...
Такіе здравствуютъ и живы.

А сколько юношей на жизненномъ пути,
Какъ бы блуждающихъ средь мрака и въ пустынѣ!
Гдѣ цѣль высокая, къ которой имъ итти?
Въ чемъ жизни смыслъ? Въ чемъ идеалы нынѣ?

Съ кого примѣры брать? Гдѣ подвигъ дѣлъ благихъ,
Гдѣ торжество ума и доблестнаго слова?...
Какъ страшно было бы за сына мнѣ родного,
Когда такъ жутко за другихъ!

Прелюдія къ прощальнымъ пѣснямъ.

Дни жизни моей пронеслись быстролетной чредою.
И утро, и полдень, и вечеръ мои позади.
Все ближе ночной надвигается мракъ надо мною;
Напрасно просить: подожди!

Такъ пусть же пылаетъ свѣтильникъ души среди ночи;
Пусть въ пѣсняхъ прощальныхъ я выскажу душу мою,
Пока еще сномъ непробуднымъ смежающій очи
Конецъ не пришелъ бытію.

Пусть выскажу то, о чемъ прежде молчалъ я лѣниво;
И то, что позднѣе мнѣ опытомъ жизни дано.
Моя не заглохла средь терній духовная нива,
Въ ней новое зрѣетъ зерно.

Добромъ помяну все, что было хорошаго въ жизни;
Что умъ мой будило, что сердце плѣняло мое!
Въ послѣднемъ признаніи выскажу бѣдной отчизнѣ,
Какъ больно люблю я ее.

Напутствовать юное хочется мнѣ поколѣнье;
Отъ мрака и грязи умы и сердца уберечь.
Быть можетъ, средь нравственной скверны, иныхъ отъ паденья
Спасетъ задушевная рѣчь.

А если-бы пѣсни мои прозвучали въ пустынѣ,—
Я все же сказалъ бы, имъ честность въ заслугу вмѣня:
«Что сдѣлать я могъ, то я сдѣлалъ, и съ миромъ ты нынѣ,
О, жизнь, отпускаешь меня».

Всѣмъ хлѣба!

Рабочій людъ едва не весь
На нашей родинѣ—безъ хлѣба.
«Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь!»
Такъ онъ, голодный, молитъ небо.

О, братья! хлѣба—бѣднякамъ:
Въ мірѣ дни нужды народной;
И хлѣба умственнаго—намъ,
Стоящимъ внѣ толпы голодной!

Утробной пищей сыты мы;
Но безъ духовнаго питанья
Ослабли тощіе умы,
Безплодны скудныя познанья.

Хоть удается намъ порой,
Пускаясь въ хитрость и обманы,—
Прикрыть дешевой мишурой
Неблаговидные изъяны;

Хоть, искусившись въ похвальбѣ,
Среди народовъ даже нынѣ
Мы покланяемся себѣ,
Какъ между нечистью святынѣ;

Но жизнь освѣтитъ темный путь
И правду горькую откроетъ,
Разоблачивъ когда-нибудь,
Чего гордыня наша стоитъ.

О, никогда и никому
Кто льститъ вамъ, братья, вы не вѣрьте!
Безъ пищи умственной—уму
Грозитъ бѣда голодной смерти.

Всѣмъ хлѣба! Хлѣба—бѣднякамъ
Въ лихіе дни нужды народной;
И хлѣба умственнаго—намъ,
Стоящимъ внѣ толпы голодной!

А. Н. ЯХОНТОВЪ.

* * *

Къ чему, мнѣ шепчетъ тайный голосъ:—
Зачѣмъ, по скользкому пути,
Свой тощій плодъ, невсхожій колосъ
На свѣтъ, на торжище нести!
Тамъ—свой кумиръ, своя забота,
Тамъ жизнь мятется и снуетъ
И силой злой водоворота
Охватитъ, смоетъ, унесетъ!...
Умы тамъ преданы всецѣло
Тому, что вѣсъ имѣетъ, тѣло,
Тамъ—нѣтъ восторженныхъ дѣтей...
Пойми-жъ: кому какое дѣло
До пѣсенъ, грезъ души твоей?
  Есть мощная потребность духа,
  Потребность высказаться: глухо—
  Средою чуждой смущена—
  Порой, звучитъ ея струна;
  Но и подъ гнетомъ невниманья,
  Насмѣшки ѣдкой, порицанья
  Не можетъ замолчать она!

Раздолье пѣснямъ, на свободѣ,
Тамъ, гдѣ широкій кругозоръ:
На солнцѣ, при честномъ народѣ,
Давай ей судъ и приговоръ.
Какъ цвѣтъ дающее и колосъ,
Простое, доброе зерно
Въ землѣ заглохнуть не должно,
Такъ слово правды, чувства голосъ
Таить въ груди не суждено.

Ленъ.

Ленъ, нашъ кормилецъ, ленокъ,
Вся на тебя лишь надежа.
Подать ты намъ и оброкъ,
Ты намъ и хлѣба кусокъ,
Ты и одежа!
Всѣмъ бы хорошъ ты, да вотъ—
Губишь землицу безмѣрно:
Слава такая идетъ...
Выпустилъ славу народъ,
Значитъ—ужъ вѣрно!
Грѣхъ есть еще за тобой:
Вволю съ тобою работы,—
Послѣ страды полевой,
Всѣмъ о тебѣ, мой родной,
Мало-ль заботы?
Вытянулъ—въ снопъ увяжи,
Косами срѣзывай сѣмя,
Теплымъ денькомъ дорожи,
Да на мочила сложи—
Все надо время!
Въ воду холодную лѣзь,

Камни грузи пудовые,
По поясъ вымокнешь весь.
Долго промаешься здѣсь;
Дни трудовые!
Вынулъ,—на *стлище* клади:
Долго ленку еще сохнуть!
Пусть полежитъ—погоди,
Не *перешелъ-бы* гляди,
Послѣ бъ не охнуть!
Подняли—*мять* ужъ пора:
Тянутся съ скрипомъ телѣги!..
Встанешь—куда до утра,
Жнешь—вѣдь не мало добра—
Тутъ не до нѣги!
Время *трепать* подошло,
Мятаго кучу нарыли!
Треплешь: въ рубахѣ тепло—
Наполъ костры отошло;
Пыли-то, пыли!
Вышелъ и ростомъ ленокъ,
И волокномъ-то казистый,
Въ городъ вести тебя срокъ:
Сталъ ты цѣною высокъ,—
Мягкій и чистый.
Снѣгу на дворъ намело,
Сталъ первопутокъ исправный.
Тронулось въ городъ село...
Ну! подыми же чело,
Людъ православный!
Ты, безъ сознанья скорбя,
Былъ безотвѣтно покорнымъ,
Мяли, трепали тебя,
Силы твоей не сгубя
Рабствомъ позорнымъ.

Льготъ не знавалъ ты и нѣгъ,
Вылежалъ долго подъ спудомъ...
Русскій, простой человѣкъ!
Не помяни ихъ вовѣкъ
Лихомъ да худомъ!

Безвѣтріе.

Широ́ко спитъ морская глубина,
И одинокъ, въ равнинахъ океана,
Стоитъ корабль, какъ призракъ великана;
Въ пучинѣ тѣнь его отражена
Недвижимъ онъ среди недвижной влаги,
Какъ саваны, повисли паруса,
Вкругъ мачтъ его пестро обвились флаги,
Заволокло туманомъ небеса.
Не можетъ встать отъ сна, или отъ лѣни—
Какъ будто очарована волна;
На палубѣ матросы, точно тѣни,—
Зловѣщая межъ ними тишина.
Безсильные, въ томительномъ покоѣ,
Толпой они стоятъ, оцѣпенѣвъ,
А голодъ, какъ чудовище морское,
Встаетъ изъ безднъ и раскрываетъ зѣвъ!...
Извѣдалъ все пловецъ морей отважный
И между скалъ подводныхъ уцѣлѣлъ,
Широкъ ему разбѣгъ въ равнинѣ влажной
И плаванья—неизмѣримъ предѣлъ.
Онъ крѣпокъ, гордъ, готовъ на испытанья,
Готовъ свершить свой одинокій путь
И только ждетъ попутнаго дыханья,
Чтобъ крыльями могучими взмахнуть...
Но дни идутъ, мгновенье за мгновеньемъ,

Его, съ бѣдой, оставивъ назади,
И ни одинъ отраднымъ дуновеньемъ
Не освѣжилъ еще его груди.
Когда-то онъ изъ пристани счастливой,
Исполненный надеждами, спѣшилъ,
Онъ испытать стремился, горделивый,
Свой быстрый бѣгъ и крѣпость юныхъ силъ...
И вотъ теперь! безвѣтріемъ томимый—
При свѣтѣ дня, безъ бурь и непогодъ—
Надводный царь, боецъ несокрушимый,
Судьбы своей, безпомощный, онъ ждетъ!
Ты твердъ, корабль, но въ силѣ несвободной
Спасенья нѣтъ!... О, лучше бы впилась
Скала въ тебя изъ пропасти подводной
И смерть съ тобой, какъ витязь благородный,
Лицомъ къ лицу, свирѣпая, сошлась!

. . . .

Но пеленой тяжелаго тумана
Все небо надъ тобой обложено,
И солнце въ немъ—какъ блѣдное пятно,
И мертвый сонъ—въ равнинахъ океана!

Когда-жъ, пловецъ, желанный часъ придетъ?
И мощный вихрь на парусъ твой дохнетъ,
Зыбь сонную расшевеливъ потокомъ,
И встанетъ валъ и, на хребтѣ широкомъ
Поднявъ тебя, высоко понесетъ?!

Зимой въ деревнѣ.

Сколько за ночь снѣгу навалило
Какъ съ утра морозно и свѣтло!
Не пройти вчера отъ грязи было,

А теперь сугробы намело.
Зимникъ сталъ до города на диво!
Деревушка бѣдная, лѣниво
Развалясь на плоскомъ берегу,
Потонула съ крышами въ снѣгу.
Весь облитъ холодно-блѣднымъ свѣтомъ,
Распушился инеемъ лѣсокъ,
А во рву бѣжитъ себѣ, какъ лѣтомъ,
Подо льдомъ проворный ручеекъ.
Не слыхать ни шума, ни тревоги,
Смотришь, смотришь въ даль и пустоту.
Кустъ-ли голый, странникъ-ли убогій.
Кляча-ль съ возомъ—видно за версту.
Дымно въ хатѣ бѣдненькой, да сыто.
Нынче богъ благословилъ поля!
Послѣ долгой осени сердитой
Отдохнетъ кормилица земля.
Ужъ ее довольно бороздили,
Бороной желѣзною скребли,
Льны тягали, озими травили—
Не всегда родную берегли.
Всѣхъ прогнала вьюга снѣговая,
Подо льдомъ, какъ сердце отъ тоски,
Сжалась робко зелень полевая.
Прилегли и спутались ростки;
Но въ корняхъ не умираетъ сила,
Но зерно неслышимо ростетъ;
Жизнь—дыханье только притаила;
А весна когда-нибудь придетъ!
И прорвутся глыбы ледяныя:
Имъ живыхъ потоковъ не сдержать,
Ярко брызнутъ злаки молодые.
Прилетятъ пѣвцы передовые,
Про весну и волю распѣвать.

И природа въ праздникъ обновленья
Позабудетъ горе прежнихъ дней,
Ей присуща сила возрожденья,
Ненавистна сила гнета ей!

Природа человѣку.

Если ты, переживъ свое счастье,
Истомленный отъ бурь и тревогъ,
Убѣжавъ отъ людского участья,
Неиспорченнымъ сердце сберегъ;
Если вѣдалъ ты въ жизненномъ морѣ
Жажду истины, знанья, труда,—
Приходи! Я уйму твое горе,
Я утѣшу тебя навсегда.
Приходи и въ сближеньи со мною,
Позабудь о житейской борьбѣ:
Я пытливому взгляду открою
То, о чемъ и не снилось тебѣ.
Что̀ невѣрныя блага людскія,
Что̀ ихъ слава, любовь и привѣтъ?
Дамъ тебѣ я богатства такія,
О которыхъ не вѣдаетъ свѣтъ.
Разорви же мірскія оковы,
Окунися въ живыя струи!
Какъ свободны и свѣжи, и новы
Будутъ мысли и чувства твои!
Погружаясь душой въ созерцанье
Вѣчно юной моей красоты,
Каждый день и Творца, и созданье,
Все полнѣй понимать будешь ты.
Погляди, какъ, проснувшись весною
Отъ глубокаго мертваго сна,

Вся въ цвѣтахъ, я опять предъ тобою,
Новой жизни и силы полна!
Я въ объятья зову тебя снова,
Я зову тебя къ жизни, къ труду...
Всякій трудъ наградить я готова,
Только Божьяго ведрышка жду,
Одинокому сердцу подруга,
Сномъ любви я повѣю надъ нимъ;
Страждешь ты?—исцѣлю отъ недуга
Всецѣлебнымъ дыханьемъ моимъ;
Жаждешь?—свѣтелъ мой ключъ животворный;
Изнемогъ?—широка моя сѣнь;
Тѣсно ль груди?—вотъ лугъ мой просторный,
Даль небесъ и безоблачный день!

Болѣзнь вѣка.

Рыбацкій людъ столпился у рѣки,
Да не шумна и не крикливa сходка:
Стоятъ, не шелохнутся рыбаки;
У берега причаленная лодка.
Послушаемъ, толкуютъ тамъ о чемъ?
—«Оказія! съ моста да въ рѣку прямо!»
—«Попуталъ грѣхъ!»—«Ко дну пошелъ ключомъ!»
—«Не въ мочь пришлось!»—«А ужъ иглыбко тамо!»
Протискались. Лежитъ поверхъ травы!
Лѣтъ двадцати или еще моложе,
Не изъ простыхъ, замѣтно по одежѣ;
Готовъ!... (цилиндръ помятый, съ головы,
Рядкомъ лежитъ: его словили тоже),
Изъ глазъ вода сочится, какъ слеза,
А нѣжный пухъ чуть оттѣняетъ губы,
Лицо раздуто, стиснулися зубы
И выпучены мутные глаза.

—„Не промигнетъ сердечный! Ужъ качали,
Да безъ пути... Начальству вѣсть дана“.
Вотъ съ писаремъ пріѣхалъ старшина:
Прикрыли трупъ; за становымъ послали.
Ахъ, бѣдный, бѣдный! Богъ вѣсть, отчего
На свѣтѣ жить ему такъ стало тѣсно!
Помянутъ ли хоть душеньку его?
И кто онъ? и откуда?—неизвѣстно!
А жизнь кругомъ такъ радостно глядитъ,
И вешнее-то солнышко надъ нею
Какъ ясно свѣтитъ, будто говоритъ:
„Вставай, горюнъ! Вотъ, я тебя пригрѣю!“
А вправду, видно, стало ужъ не въ мочь?
Еще и пѣсня юности не спѣта,
А для него уже настала ночь,
Мгла вѣчности глухая, безъ разсвѣта...
Чего хотѣлъ и ждалъ онъ отъ судьбы
И, съ ней борясь, какую вынесъ пытку
За гордую, мятежную попытку
Отчаянно-безвыходной борьбы?
Иль зачерствѣть у взрослаго ребенка
Успѣла ужъ безсильная душонка?
Снести уроки жизни онъ не смогъ,
И безъ борьбы постыдно изнемогъ?

. . . .

Эхъ, замолчи предъ трупомъ неотпѣтымъ,
Рѣчь осужденья праздная!—грѣшно!
Вѣдь счастіемъ, заботливо пригрѣтымъ,
Понять людское горе не дано!..

. . . .

Мысль.

Пока надъ міра суетой,
Чиста и благородна,
Ношусь безплотною мечтой,—
Какъ воздухъ, я свободна,
Надъ твердью, молніи быстрѣй,
Въ пространствахъ я витаю,
Спускаюсь въ глубину морей,
И въ небо улетаю;
Скорбя надъ океаномъ бѣдъ
И заблужденій вѣка,
Въ дѣла людей вношу я свѣтъ
И въ сердце человѣка.
Наука мною создана—
Предвѣстница свободы—
И довершать я призвана
Красу и сонъ природы.

Но въ мірѣ жить не суждено
Мнѣ вольной, безтѣлесной:
Мнѣ слово бѣдное дано!
Какъ цѣпь желѣзная—оно
Въ моей юдоли тѣсной.
Здѣсь, на землѣ, моя судьба—
Оковы и гоненья...
Дитя свободы, я—раба
Съ минуты воплощенья!
Я крылъ могучихъ лишена
Въ изгнаніи суровомъ,
Умалена, искажена
Моимъ безсильнымъ словомъ.
Среди бездушья и страстей,
Неправдъ и преступленій,

Померкъ мой свѣточъ межъ людей,
И отлетѣлъ мой генiй:
Я чувствъ высокихъ не бужу
Къ прекрасному, святому!
Мiръ обуялъ меня: служу,
Какъ онъ, тельцу златому!
Лучъ вдохновенья на челѣ
Угасъ; я измельчала.
Утративъ въ безразсвѣтной мглѣ
Сознанье идеала.
Отдайте мнѣ просторъ степей
И крылья для полета,
Освободите отъ цѣпей,
Отъ давящаго гнета!
Мнѣ любо жить въ сiяньи дня...
Властители, народы!
О, не страшитесь, какъ огня,
Дыханiя свободы!
Когда, откинувъ страхъ земной,
Взовьюсь я вольной птицей,
Я въ мiрѣ буду не рабой,
А мощною царицей.
Не нужны будутъ мнѣ тогда
Коварство, ухищренья
На честномъ поприщѣ труда,
Науки, просвѣщенья.
Я межъ людей останусь жить,
Отъ немощей свободна,
Я буду истинѣ служить—
Свѣтла и благородна!

Земская школа.

Пахнетъ весною, ручьи разлились,
Ласточки свили гнѣздо подъ навѣсомъ;
Вотъ-въ искушенье мальчишкамъ-повѣсамъ—
Въ немъ и птенцы развелись.
Въ гнѣздышкѣ тѣсномъ тепло и уютно,
Дастъ богъ и пищу для крошекъ-дѣтей!
Мать и отецъ чередой, поминутно,
Порхъ! вылетаютъ за ней.
Смотришь, домой, то одинъ, то другая
Что нибудь въ клювѣ съѣстное несутъ,
Жадно, на встрѣчу имъ, рты раскрывая,
    Птички щебечутъ и ждутъ...

Въ гнѣздышкѣ тепломъ, въ сосѣднемъ приходѣ,
    Собраны дѣтки-птенцы,
Вотъ и у насъ въ православномъ народѣ.
    Взялись за разумъ отцы.
Ба́луютъ дѣти: пора за указки!
Полно имъ слушать лубочныя сказки,
Не для того собрались;
Жадно въ учительшу дѣтскіе глазки,
    Словно впились.

Барышня земская съ дьякономъ дружно
    Разуму учатъ ребятъ:
Пищу сердцамъ ихъ здоровую нужно,
Въ грамотѣ—свѣтъ, говорятъ.
Много ихъ тутъ! Какъ парнишки-то рады
И тѣснотѣ, и теплу!
Топится печка, сіянье лампады—
    Передъ иконой, въ углу...

Имъ говорятъ о природѣ и мірѣ
И о порядкахъ мірскихъ.
Книжки даютъ, чтобъ свѣтлѣе и шире
Было понятіе ихъ.
Далъ бы лишь богъ имъ къ ученью охоту!
Пусть же съ любовью несутъ
Эту ихъ первую въ жизни заботу,
Первый свободный ихъ трудъ!

Всяко бываетъ: не все, какъ сегодня!
Злая зима впереди:
Вьюги пойдутъ—на то воля Господня —
Въ школу тащись-ко, поди.
Хнычетъ иной на морозѣ парнишко—
Въ снѣжномъ сугробѣ завязъ:
Малъ еще! плохъ у него кафтанишко,
Вспомнитъ о домѣ не разъ.
Строгіе тоже и въ школѣ порядки:
Ухо востро тамъ держи!
Балуешь—тоже не будетъ повадки...
Станешь умнѣй, не тужи!

Минутъ невзгоды и бѣды всѣ эти:
Полусознательнымъ сномъ
Дѣтство пройдетъ; не злопамятны дѣти --
Скажутъ спасибо потомъ.
Выростутъ—школьное горе забудутъ,
Грамоту—все-жъ не бросать!
Станутъ толковые парни, не будутъ
Глупо въ затылкѣ чесать.
Меньше съ нихъ будетъ акцизу дохода,
Дѣлъ станетъ меньше въ судахъ...
Съ грамотой, благо какое—свобода!
Новая сила въ трудахъ...

Только-бъ скорѣй поколѣніе это
Выростить, двинуть впередъ!
Свѣта имъ только, побольше-бы свѣта —
Былъ-бы народъ!

Смѣхъ и горе.

Пѣснь—восторженный сердца порывъ,
Пѣснь — безвыходныхъ мукъ разрѣшенье.
Свѣтлой радости вольный разливъ,
Молодое любви вдохновенье.

Но... минула пора обольщеній и благъ,
Пережиты веселыя грезы,
Опытъ жизни пришелъ, осторожнѣе шагъ,
Осушились блаженныя слезы...

Для ума—какъ широкъ ты, божественный міръ,
Для смущеннаго сердца—какъ тѣсенъ!
Жизнь—куда!—не похожа на праздничный пиръ:
Одолѣла!—Теперь не до пѣсенъ!

Глазомъ опыта смотришь и вдаль, и вокругъ,
Ищешь: гдѣ золотая средина?
Входишь въ ясно-очерченный кругъ,
Въ міръ заботъ, въ колею гражданина.

Хочешь вникнуть въ глубоко-лежащую суть
Обыденно житейскаго дѣла,
Набрести на прямой, на сознательный путь,
Разобрать, что черно и что бѣло.

Видишь страсти людей—бушеванье валовъ
Безконечно-мятежнаго моря,

Рычаги потаенные дѣла и словъ—
Много видишь и смѣха, и горя!

Безобразья людскія въ глаза такъ и бьютъ,
Точки свѣтлыя—рѣдки и малы...
А въ душѣ, какъ и встарь, величаво встаютъ
Въ недоступной красѣ идеалы.

Отъ разлада ихъ съ жизнью душѣ тяжело!...
Чуть тая ликованье побѣды,
Тѣсно насъ охватили неправда и зло—
Вѣчно-новыя, старыя бѣды.

Нудитъ что-то—живьемъ показать ихъ на свѣтъ,
Людямъ выставить ихъ на потѣху,
А выходятъ печальные образы!... нѣтъ,
Желчь на сердцѣ кипитъ!—не до смѣху.

Современному поэту.

Нѣтъ, не прошла поэзіи пора,
Но скорбь тебя великая объяла.
Поэтъ, глашатай правды и добра,
Высокаго хранитель идеала!
Гдѣ мощный духъ, гдѣ чувство красоты
Въ созданіяхъ художника свободныхъ?
Гдѣ вѣра въ жизнь и гордыя мечты
О торжествѣ стремленій благородныхъ?
Изсякла живоносная струя
Кипучихъ думъ и бодрыхъ вдохновеній,
Поникъ челомъ задумчивый твой геній,
И вѣщая замолкла пѣснь твоя!
Въ былые дни передъ златымъ кумиромъ,
Какъ и теперь, склонялся человѣкъ,

Вражда съ бѣдой носилися надъ міромъ.
Коварствовалъ себялюбивый вѣкъ;
Но вѣрилось, что время уврачуетъ
Недугъ людей, что рушится обманъ,
Проглянетъ день, разсѣется туманъ,
И честное добро восторжествуетъ.
То время обольщенія прошло:
Въ нашъ скорбный вѣкъ, полна самосознаньемъ,
Ложь наглая горда своимъ признаньемъ,
И прочное узаконилось зло.
Объята имъ, среди людского шума,
При блескѣ дня и въ тишинѣ ночной,
Всегда, вездѣ, тревожная, съ тобой
О родинѣ властительная дума.
О, еслибъ Русь главу неправдъ и золъ
Попрала исполинскою пятою,
И твой, поэтъ, пророческій глаголъ
Достойно могъ назвать ее святою!
Великъ судьбой указанный ей путь,
И въ мірѣ высоко ея призванье,
Ей мощь нужна... а червь любостяжанья
Глубоко ей сосетъ и точетъ грудь!...
Свободное—могущественно слово,
Когда гремитъ, какъ сталь закалено,
Негодованьемъ праведнымъ оно,
И до конца служить добру готово.
Забудь, поэтъ, плѣнительные сны,
Со зломъ борись громами обличенья...
О, горькіе судьбой тебѣ даны
Источники святого вдохновенья!
Будь свѣточемъ среди широкой тьмы,
Будь ангеломъ съ мечемъ огнепалящимъ,
Какъ божій гнѣвъ, побѣдно пепелящимъ
Глубокій ядъ общественной чумы!

Народъ.

Знакомъ съ тобой я чуть ли не съ пелёнокъ.
Народъ великорусскихъ деревень!
Ты продиралъ глаза еще спросонокъ.
Прозрѣлъ едва въ торжественный тотъ день.
Когда ждала у каждаго порога
Благая вѣсть: вчерашній рабъ, проснись!
И знаменіемъ крестнымъ осѣнись!
На вольный трудъ, съ благословеньемъ бога!
Темна среда. невзрачепъ образъ твой.
Въ годину рабства и томленья:
Ты жертвой былъ ошибки роковой
И вѣкового преступленья;
Въ невѣжествѣ. въ грязи ты брошенъ былъ
На произволъ грабителей и барства.
Ты на цѣпи наслѣдственной изнылъ—
Безсмѣнный стражъ полунощнаго царства.
Не видѣли твоихъ кровавыхъ слезъ.
Не признавали человѣка...
Все пережилъ и все ты перенесъ.
Безъ горечи. безъ злобы и упрека.
И этотъ гнетъ насилій и оковъ.
Въ которыхъ гаснутъ духъ живой и сила.
Всю повѣсть эту скорбную вѣковъ—
Толпа твоихъ хулителей, враговъ.
Себялюбивая, забыла!
Не на своихъ плечахъ она несла
Невзгоды земства стараго покроя.
Всю тяготу крестьянскаго тягла.
Безправіе общественнаго строя.
Какъ не забыть?! О. сколько разъ и я—
Услышь. народъ. тяжелое признанье.—
Неправеднаго гнѣва не тая,

Клеймилъ тебя словами порицанья!
Но предъ твоей безпомощной судьбой,
Хоть тѣмъ же себялюбіемъ недуженъ,
Я умолкалъ, безропотной тоской,
Терпѣніемъ твоимъ обезоруженъ...

. . . .

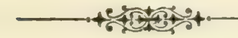
Какъ нѣкогда съ синайской высоты
Народъ богоизбранный, принялъ ты
Гражданскихъ правъ и вольности скрижали...
Чтожъ сдѣлалъ ты съ великой той поры?
Отмылся ли отъ струповъ и коры,
Что на тебѣ вѣками наростали?
Поправился-ль?—Прошло немало лѣтъ—
Красна-ль изба? полны-ль твои закромы?
Изъ тьмы глухой ты вышелъ ли на свѣтъ?
Опомнился-ль отъ круговой истомы?
Нѣтъ! обновить годами не легко,
Что ржавѣло столѣтія подъ спудомъ!
Твоя бѣда таится глубоко,
Убитый духъ не воскресаетъ чудомъ.
Неволей злой обиженъ и забитъ,
Дитя больное, сметливый ребенокъ,—
Ты и теперь не вышелъ изъ пеленокъ,
Хоть твердъ въ бѣдѣ, выносливъ, даровитъ.
Пусть въ скорбную безправія годину
Бѣдой невмочь навьюченную спину
Ты преклонилъ подъ Грознаго рукой;
Скрѣпивъ съ землей и жизнь твою и долю,
Пусть Годуновъ сковалъ тебѣ неволю:
Могучимъ былъ и будетъ образъ твой!
Грозу татаръ и Посполитой Рѣчи
И съ запада неслыханный погромъ,
Все принялъ ты, какъ исполинъ, на плечи
И—сбросилъ побѣдительно потомъ!

Вотъ—изъ среды твоей косматo-сѣрой
Опять встаютъ и изумляютъ свѣтъ,
И въ бой идутъ съ несокрушимой вѣрой
Богатыри, которымъ равныхъ нѣтъ.
Но... истомленъ природою суровой,
Въ глуши и тьмѣ, безъ помощи, одинъ,
Ты вырости не могъ для жизни новой,
Какъ вѣрный стражъ закона,—гражданинъ:
Разгулъ—законъ твоихъ шумливыхъ сходокъ,
Но трезвъ твой умъ, спокоенъ твердый шагъ,
Съ родной землей, подательницей благъ—
Весь слился ты, громадный самородокъ!
Жизнь безъ утѣхъ, лишенья, нищета,
Широкій духа складъ своеобразный,
Въ понятіяхъ—глухая темнота,
Все вызвало разгулъ твой безобразный;
Да! теменъ ты, какъ золотой чертогъ,
Завѣшенный отъ солнечнаго свѣта,
Какъ, утромъ, лѣсъ дремучій до разсвѣта,
Какъ грудой скалъ заваленный потокъ....
Дастъ Богъ—изъ тьмы непроходимой ночи
Пробьется лучъ; придетъ твоя чреда,
Прозрятъ твои осмысленныя очи,
Созрѣетъ духъ, поднимется среда,
Узнаешь ты, что честный трудъ—свобода,
Что изъ бѣды иного нѣтъ исхода,
Что тотъ прямой заступникъ твой и другъ,
Кто, предъ толпой не расточая лести,
Врачуетъ твой невѣжества недугъ,
И отъ тебя не ждетъ похвалъ и чести;
Кто правду говоритъ тебѣ въ глаза,
Кому твои простыя рѣчи внятны,
Знакомы нужды, близки и понятны
Вздохъ каждый твой и каждая слеза!

Ребенку.

Милы мнѣ земли недавній житель,
Первый шагъ и ранній лепетъ твой!
Вижу я, какъ ангелъ твой хранитель
Простираетъ крылья надъ тобой.
Не къ нему ли тянешь ты ручёнки,
Не его-ль улыбкою даришь?
Голосокъ свой напрягая звонкій,
Ты не съ нимъ ли, свѣтлымъ, говоришь:
Жизнь вдали свѣтла передъ тобою,
Ждетъ тебя невѣдомое въ ней,
Но—полна ли счастьемъ, или бѣдою
Глубина твоихъ грядущихъ дней,—
Не глядишь ты въ будущность тревожно
Отъ тебя сомнѣнья далеки;
Завтра—все тебѣ еще возможно,
О вчерашнемъ—нѣтъ въ тебѣ тоски.
Подростешь—иное будетъ время:
Богъ пошлетъ—въ благословенный часъ
Съ плечъ спадетъ наслѣдственное бремя,—
И расти съ тобою будетъ племя
Здоровѣй, сильнѣе духомъ насъ...
Ты—зерно, зачатокъ возрожденья
И, съ тобой играя и шутя,
Я смотрю съ слезою умиленья
На тебя, прелестное дитя!
Все въ тебѣ—таинственность, надежда,
Все во мнѣ—безсилье и тщета!
Ты душой безгрѣшною—невѣжда,
Но твое богатство—чистота.
Въ ней—залогъ твоей грядущей силы,
Въ ней—свѣтлѣетъ лучшая пора...

Не утрать ея, мой крошка милый,
До обѣтованнаго утра!
Почивай! твой тихій сонъ лелѣя,
Я душой, быть можетъ, освѣжусь,
Брошу взглядъ въ грядущее смѣлѣе
И, какъ ты, надеждѣ улыбнусь...



П. М. КОВАЛЕВСКІЙ.

* *
*

За что вашъ гнѣвъ на племя молодое?
За что такой неумолимый судъ?
Иль васъ гнѣвитъ безслѣдно прожитое,
И то, что слѣдъ другіе ужъ кладутъ?

Пускай, увы! загубленные годы
Лежатъ горой, какъ желтые листы,
Обитые рукою непогоды;
Благословимъ весенніе цвѣты!

Незрѣлыхъ дѣлъ не оскорбимъ улыбкой!
Зачѣмъ, забывъ своихъ ошибокъ рядъ,
Кичиться намъ ихъ каждою ошибкой
И съ гордостью показывать назадъ?

Назадъ! Ихъ путь иной отъ колыбели.
Иныхъ заботъ зналъ бремя юный умъ,

Тогда какъ мы пустыя пѣсни пѣли
И громкихъ словъ любили праздный шумъ.

И вы на насъ воздвигнули гоненья
За то, что мы, подъ снѣгомъ сѣдины,
Взлюбили жизнь иного поколѣнья,
Весну другой, намъ неданной, весны;

За то, что мы сознали немощь нашу
И, жизни ядъ испивъ все дочиста,
Любуемся, какъ юныя уста
Пьютъ новыхъ силъ непочатую чашу.

Встрѣча осени.

Давно-ль я видѣлъ, какъ природа,
Оцѣпенѣлая въ снѣгахъ,
Вставала въ почкахъ и росткахъ —
Надеждахъ молодого года!

И тамъ, гдѣ мракъ и мертвый сонъ
Царили холодно и вяло,
Вторгался свѣтъ со всѣхъ сторонъ,
И жизнь потоками бѣжала.

Я видѣлъ золото полей,
И цвѣтъ, и въ лѣтній зной отраду,
Лѣсовъ зеленую прохладу,
И плодъ подъ тайникомъ вѣтвей.

И вотъ рѣдѣющею чащей
Иду и слышу стужи вой,

И листъ пожелклый и шуршащій
Ложится подъ моей ногой.

Я вижу немощный и хилый,
Поникшій горестнымъ челомъ,
Природы образъ, полный силы,
Недавно рдѣвшійся плодомъ.

Встрѣчаю думой сокрушенья
Глубокой осени приходъ...
Я—листъ опавшій поколѣнья,
Сулившаго когда-то плодъ.

* *
*

О, не зови воспоминаній!
Былыхъ надеждъ, былыхъ страданій,
Былого праздника любви—
Изъ ихъ забвенья не зови!
Но жизни съ вѣчными дарами,
Съ надеждой новой и мечтами,
Къ бѣдѣ грозящей впереди
Стопою твердою иди!
У пня разбитаго грозою,
Смотри,какъ свѣжею лозою,
На встрѣчу вѣтра и дождей,
Идетъ семья живыхъ вѣтвей!

А. Н. ПЛЕЩЕЕВЪ.

* *
*

Впередъ! безъ страха и сомнѣнья,
На подвигъ доблестный, друзья.
Зарю святого искупленья
Ужъ въ небесахъ завидѣлъ я!

Смѣлѣй! дадимъ другъ другу руки
И вмѣстѣ двинемся впередъ.
И пусть подъ знаменемъ науки
Союзъ нашъ крѣпнетъ и растетъ.

Жрецовъ грѣха и лжи мы будемъ
Глаголомъ истины карать,
И спящихъ мы отъ сна разбудимъ,
И поведемъ на битву рать!

Не сотворимъ себѣ кумира
Ни на землѣ, ни въ небесахъ;
За всѣ дары и блага міра
Мы не падемъ предъ нимъ во прахъ!...

Провозглашать любви ученье
Мы будемъ нищимъ, богачамъ
И за него снесемъ гоненье,
Простивъ озлобленнымъ врагамъ!

Блаженъ, кто жизнь въ борьбѣ кровавой,
Въ заботахъ тяжкихъ истощилъ;
Какъ рабъ лѣнивый и лукавый,
Талантъ свой въ землю не зарылъ!

Пусть намъ звѣздою путеводной
Святая истина горитъ;
И вѣрьте, голосъ благородный,
Не даромъ въ мірѣ прозвучитъ!

Внемлите-жъ, братья, слову брата,
Пока мы полны юныхъ силъ:
Впередъ, впередъ и безъ возврата,
Что-бъ рокъ вдали намъ не сулилъ!

Другу.

Передъ тобой лежитъ широкій, новый путь.
Прими же мой привѣтъ, не громкій, но сердечный.
Да будетъ, какъ была, твоя согрѣта грудь
Любовью къ ближнему, любовью къ правдѣ вѣчной.

Да не утратишь ты въ борьбѣ со зломъ упорной
Всего, чѣмъ нынѣ такъ душа твоя полна,
И вѣры и любви свѣтильникъ животворный
Да не зальетъ въ тебѣ житейская волна.

Подъявъ чело, иди безтрепетной стопою:
Иди, храня въ душѣ свой чистый идеалъ,
На слезы страждущихъ отвѣтствуя слезою,
И ободряя тѣхъ, въ борьбѣ кто духомъ палъ,

И если въ старости, въ раздумья часъ печальный,
Ты скажешь: въ мірѣ я оставилъ добрый слѣдъ,
И встрѣтить я могу спокойно мигъ прощальный.—
Ты будешь счастливъ, другъ: иначе счастья нѣтъ.

Отчизна.

Природа скудная родимой стороны!
Ты дорога душѣ моей печальной;
Когда-то, въ дни моей умчавшейся весны,
Манилъ меня чужбины берегъ дальній...

И пылкая мечта, бывало, предо мной
Рисуетъ все блестящія картины:
Я вижу сводъ небесъ, прозрачно-голубой,
Громадныхъ горъ зубчатыя вершины...

Облиты золотомъ полуденныхъ лучей,
Казалось, миртъ, платаны и оливы
Зовутъ меня подъ сѣнь раскидистыхъ вѣтвей,
И розы мнѣ киваютъ молчаливо...

То были дни, когда о цѣли бытія
Мой духъ, среди житейскихъ обольщеній
Еще не помышлялъ... И, легкомысленъ, я
Лишь требовалъ у жизни наслажденій.

Но быстро та пора исчезла безъ слѣда,
И скорбь меня нежданно посѣтила...
И многое, чему душа была чужда,
Вдругъ стало ей и дорого, и мило.

Покинулъ я тогда завѣтную мечту
О сторонѣ волшебной и далекой...
И въ родинѣ моей узрѣлъ я красоту,
Незримую для суетнаго ока...

Поля изрытыя, колосья желтыхъ нивъ,
Просторъ степей, безмолвно величавый;
Весеннею порой широкихъ рѣкъ разливъ,
Таинственно шумящія дубравы.

Святая тишина убогихъ деревень,
Гдѣ труженникъ, задавленный невзгодой,
Молился небесамъ, чтобъ новый, лучшій день
Надъ нимъ взошелъ — великій день свободы.

Васъ понялъ я тогда; и сердцу такъ близка
Вдругъ стала пѣснь моей страны родимой, —
Звучала-ль въ пѣснѣ той глубокая тоска,
Иль слышался разгулъ неудержимый.

Отчизна! не плѣнишь ничѣмъ ты чуждый взоръ...
Но ты мила красой своей суровой
Тому, кто самъ рвался на волю и просторъ,
Чей духъ носилъ гнетущія оковы...

Лжеучителямъ.

Жрецы грѣха, пророки тьмы,
Напрасно вы постыдной ложью
Затмить хотите правду божью,
Сердца опутать и умы!
Безсильны злобы ухищренья,
Безсильно жало клеветы:
Свободы пылкія мечты,
Ко благу честныя стремленья
Вамъ не убить! Года пройдутъ,
И лжи замретъ безслѣдно голосъ;
Зерно добра дастъ пышный колосъ,
А ваши плевелы сгніютъ!

—

Иль ослѣпленнымъ вашимъ взорамъ
Заря иная не ясна?
Вамъ дѣла нѣтъ, что племена,
Покончивъ съ вѣковымъ раздоромъ,
Другъ другу руку подаютъ;
Что столько свергнуто кумировъ,
И что сильнѣй всѣхъ сильныхъ міра
Сталъ мысли животворный трудъ!
Вамъ дѣла нѣтъ! Но часъ настанетъ,
Жрецы грѣха, пророки тьмы,
И человѣкъ, какъ отъ чумы,
Отъ васъ съ проклятіемъ отпрянетъ!
И вы, съ позоромъ на челѣ,
Пойдете, ужасомъ объяты,
Какъ древле братъ, убившій брата,
Искать пріюта на землѣ!

*
* *

Въ судѣ онъ слушалъ приговоръ.
Его галеры ожидали,
Онъ былъ бѣднякъ, и былъ онъ воръ.
Недѣлю дѣти голодали,
И, нищетой удручена,
Глядѣла въ гробъ его жена;
Труды, заботы, огорченья,
Знать не по силамъ были ей;
И поддался онъ искушенью:
Укралъ на хлѣбъ семьѣ своей.
И осужденіе безстрастно
Прочелъ ему синедріонъ;
Казалось, нищетой ужасной
Никто изъ нихъ не пораженъ;
Примѣръ не новъ, да и напрасно
Жалѣть,—неумолимъ законъ!
Лишь одному людское горе
Доступно было въ этотъ мигъ,
Любовь въ одномъ свѣтилась взорѣ:
Глядѣлъ—и кротокъ и великъ—
Среди безмолвной тишины
Христосъ распятый со стѣны...

Ученики.

И къ небу взоръ поднявши свой,
Они—исполнены печали—
Изъ глубины души больной,
Души измученной взывали:
«У насъ на подвигъ нѣту силъ!

Исходитъ сердце наше кровью;
Неравный бой насъ истомилъ;
Взгляни, взгляни на насъ съ любовью!

Съ глаголомъ мира на устахъ
Мы шли навстрѣчу нашихъ братій;
Откуда жъ ихъ внезапный страхъ,
Откуда этотъ вопль проклятій?
Услышавъ нашу рѣчь, они
Мечи хватали и каменья
И судьямъ, въ дикомъ озлобленьи,
Кричали бѣшенно: «распни!»

Ужель вражду и злобу мы
Въ сердцахъ людей воспламенили
Лишь тѣмъ, что больше зла и тьмы
Добро и свѣтъ мы возлюбили?
Что призывали богачей,
И сильныхъ міра, и свободныхъ,
Не гнать отъ трапезы своей
Нагихъ, и сирыхъ, и голодныхъ!

И вотъ, отвержены людьми,
Изнемогли мы въ долгой битвѣ.
О, Боже Истины! вонми
Гонимыхъ чадъ твоихъ молитвѣ!
Сердца озлобленныхъ смягчи,
Открой слѣпымъ и спящимъ очи,
И пусть хоть блѣдные лучи
Блеснутъ въ глубокомъ මракѣ ночи!

Послѣ чтенія газетъ.

Мнѣ тяжело читать кровавыя страницы,
Что намъ о племенныхъ раздорахъ говорятъ,—
Какъ тяжело смотрѣть на сумрачныя лица
Семьи, гдѣ издавна господствуетъ разладъ.

Отчизну я люблю глубоко и желаю
Всей полнотой души цвѣсти и крѣпнуть ей.
Но къ племенамъ чужимъ вражды я не питаю.
Ей мѣста нѣтъ въ душѣ незлобивой моей.

Разсказъ о подвигахъ на полѣ грозной битвы
Восторгомъ пламеннымъ мнѣ не волнуетъ кровь;
И къ небесамъ я шлю горячія молитвы,
Чтобъ низошла въ сердца озлобленныхъ любовь.

Чтобъ миновали дни тревогъ, ожесточенья,
Чтобъ, позабывъ вражду и ненависть свою,
Покорныя Христа высокому ученью,
Всѣ племена слились въ единую семью!

*
* *

Разстался я съ обманчивыми снами
Моей давно исчезнувшей весны.
Казалось, жизни мутными волнами
Уже на вѣкъ они унесены.

Казалось мнѣ, что нѣтъ ужъ къ нимъ возврата.
Смирился я предъ силой роковой;
За что страдалъ, боролся я когда-то—
Все я призналъ несбыточной мечтой.

Казалось, впрокъ пошли мнѣ наставленья
Тѣхъ мудрецовъ, что, мнѣ бѣдой грозя,
Твердили: „Брось безумныя стремленья!
„Порочный міръ пересоздать нельзя.

„Пусть онъ коварной лжи опутанъ сѣтью.—
„Не твой картонный мечъ ее прорветъ.
„Перешибить нельзя обуха плетью:
„Живи же такъ, какъ большинство живетъ!“

И годы шли: и въ жилахъ кровь все стыла.
Въ душѣ все гасла вѣра въ идеалъ...
И афоризмъ: „солому ломитъ сила“
Порывы думъ кипучихъ охлаждалъ...

Но отчего-жъ, когда, порою, снова,
Средь мудрецовъ съ остывшею душой,
Изъ юныхъ устъ восторженное слово
Услышу я, зовущее на бой,

На честный бой, во имя тѣхъ забытыхъ
Безумныхъ грезъ... О! отчего тогда
Вдругъ на моихъ поблекнувшихъ ланитахъ
Румянецъ вспыхнетъ жгучаго стыда?

И отчего такъ сильно сердце бьется,
Какъ билось въ дни весны моей оно,
И къ жизни вновь все просится и рвется,
Что въ глубинѣ его погребено?

Или, когда о нагломъ ликованьи,
О торжествѣ неправды слышу я,—
Зачѣмъ во мнѣ кипитъ негодованье,
И злобы такъ полна душа моя!

И кажется мнѣ пошлостью бездушной
Вся эта мудрость опытныхъ людей,
Которой я принесъ, какъ рабъ послушный,
Васъ въ жертву, грезы юности моей!

Старики.

Вотъ и опять мы, какъ въ прежніе годы,
Старый товарищъ, бесѣду ведемъ,—
И прожитыя когда-то невзгоды,
Смутнымъ какимъ-то намъ кажутся сномъ.

Сколько мы лѣтъ не видались съ тобою!
Сколько воды съ той поры утекло...
Старость, подкравшись къ намъ тихой стопою,
Избороздила обоимъ чело;

Пламень, горѣвшій въ глазахъ, потушила,
Снѣгомъ обсыпала волосы намъ.
Гдѣ наша бодрость, отвага и сила?
Видно онѣ не подъ стать сѣдинамъ!

Помнишь, товарищъ, минуту, разлуки?
Весело въ даль мы глядѣли тогда,
Жали другъ другу съ улыбкой мы руки,
Грозная насъ не страшила бѣда.

Мы говорили другъ другу, прощаясь:
Скоро желанное время придетъ;
Сбудется все, что толпа, издѣваясь,
Бредомъ, мечтаньемъ нелѣпымъ зоветъ.

Что-же ты вдругъ покачалъ головою?
Что улыбнулись такъ горько уста?
Молодость насъ обманула съ тобою...
Совѣсть зато у обоихъ чиста.

Бѣдны мы оба, въ потертой одеждѣ.
Много отъ насъ отшатнулось друзей.
Пусть ихъ! Но сердце въ насъ бьется, какъ прежде,
Вѣрой горячей въ добро и людей.

Пылъ нетерпѣнья въ душѣ охладили,
Свергли не мало кумировъ—года;
Но и кумирамъ толпы не кадили
Въ чаяньи благъ мы земныхъ никогда.

Съ пѣной у рта не бросали каменья
Въ юность кипучую, если полна
Гордой отваги, въ пылу увлеченья,
Насъ за ошибки корила она.

Знаемъ мы оба, какъ время настанетъ
Намъ отъ житейскихъ трудовъ отдохнуть,
Лихомъ она стариковъ не помянетъ,
Скажетъ: они пролагали намъ путь.

Такъ-то, товарищъ! Разбитымъ и хилымъ,
Намъ остается глядѣть въ сторонѣ,
Какъ нарождаются новыя силы,
Какъ на борьбу выступаютъ онѣ.

Да, вспоминая прожитые годы,
Въ сердцѣ суровое небо молить,
Что-бъ миновали всѣ наши невзгоды
Тѣхъ, кто пришелъ насъ, отжившихъ, смѣнить.

* *
*

Онъ шелъ безропотно, тернистою дорогой,
Онъ встрѣтилъ радостно и гибель, и позоръ;
Уста. вѣщавшія ученье правды строгой,
Не изрекли толпѣ глумящейся укоръ.

Онъ шелъ безропотно и, на крестѣ распятый,
Народамъ завѣщалъ и братство, и любовь;
За этотъ грѣшный міръ, порока тьмой объятый,
За ближняго лилась его святая кровь.

О, дѣти слабые скептическаго вѣка!
Иль вамъ не говоритъ могучій образъ тотъ
О назначеніи великомъ человѣка,
И волю спящую на подвигъ не зоветъ?

О, нѣтъ! не вѣрю я. Не вовсе заглушили
Въ насъ голосъ истины корысть и суета;
Еще настанетъ день..... Вдохнетъ и жизнь, и силу
Въ нашъ обветшалый міръ, ученіе Христа!

* *
*

Не говорите, что напрасно,
Что для безплодной лишь борьбы,
Стремленій чистыхъ и прекрасныхъ
Дано вамъ столько отъ судьбы.

Что все, чѣмъ полно сердце нынѣ,
Подавитъ жизни тяжкій гнетъ;
Что все растратится въ пустынѣ,
Что дать могло бы цвѣтъ и плодъ.

Къ чему напрасныя сомнѣнья!
Идите смѣлою стопой;
Вы не изъ тѣхъ, въ комъ увлеченья
Съ лѣтами гаснетъ жаръ святой.

Пусть духъ извѣдаетъ страданье,
Въ борьбѣ пусть будетъ закаленъ:
И изъ горнила испытанья
И чистъ, и крѣпокъ выйдетъ онъ.

Храните-жъ чистыя химеры
Души возвышенной своей,
И животворный пламень вѣры
Пусть до конца не гаснетъ въ ней!

Нищіе.

1.

Въ удушливый зной по дорогѣ
Оборванный мальчикъ идетъ;
Изрѣзаны камнями ноги,
Струится съ лица его потъ.

Въ походкѣ, въ движеньяхъ, во взорѣ
Нѣтъ рѣзвости дѣтской слѣда;
Сквозитъ въ нихъ тяжелое горе,
Какъ въ рубищѣ ветхомъ нужда.

Онъ въ городъ ходилъ наниматься
Къ богатымъ купцамъ въ батраки;
Да взять-то такого боятся:
Щедушный батракъ не съ руки.

Одинъ онъ..... Свезли на кладбище
Вчера его старую мать.
Съ сумою подъ окнами пищу
Приходится, видно, сбирать....

2.

Карета шестеркой несется,
За нею пустился онъ вслѣдъ;
Но голосъ внутри раздается:
«Вотъ я тебѣ дамъ, дармоѣдъ!»

Сурово лакейскія лица
Взглянули при возгласѣ томъ,
И жирный господскій возница
Стегнулъ попрошайку кнутомъ;

И прочь отскочилъ онъ безъ крика,
Лишь сладить не могъ со слезой....
И дальше пошелъ горемыка,
Поникнувъ на грудь головой.

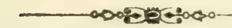
Усталый и зноемъ томимый,
Онъ въ рощѣ дубовой прилегъ;
И видитъ, съ котомкою, мимо
Плетется сѣдой старичекъ.

«Здорово, парнишка! откуда?
«Умаялся! Хворенькій, знать!»
—Изъ города, дѣдушка. Худо
Мнѣ больно.—«Не хлѣбца ли дать?»

«Немного я набралъ сегодня,
«Да надо тебя пожалѣть.
«Мнѣ съ голоду милость Господня
«Не дастъ, словно псу, околѣть....»

И съ братомъ голоднымъ, что было
Въ котомкѣ, онъ все раздѣлилъ;
Собравъ свои дряхлыя силы,
На ключъ за водицей сходилъ.

И горе пока позабыто;
И дружно бесѣда идетъ....
Голоднаго, видно, не сытый,
А только голодный пойметъ!



Ю. В. ЖАДОВСКАЯ.

* *
*

Грустная картина!
Облакомъ густымъ
Вьется изъ овина
За деревней дымъ.
Незавидна мѣстность:
Скудная земля,
Плоская окрестность,
Выжаты поля.
Все какъ бы въ туманѣ,
Все какъ будто спитъ ..
Въ худенькомъ кафтанѣ
Мужичекъ стоитъ,
Головой качаетъ,—
Умолотъ плохой,—
Думаетъ—гадаетъ:
Какъ то быть зимой?
Такъ вся жизнь проходитъ
Съ горемъ пополамъ;

Такъ и смерть приходитъ
Съ ней конецъ трудамъ.
Причаститъ больного
Деревенскій попъ;
Принесутъ сосновый
Отъ сосѣда гробъ;
Отпоютъ уныло...
И старуха мать
Долго надъ могилой
Будетъ причитать...

* *
*

Говорятъ,—придетъ пора,
Будетъ легче человѣку,
Много пользы и добра
Свѣтитъ будущему вѣку.
Но до нихъ намъ не дожить,
И не зрѣть поры счастливой,
Горько дни свои влачить
И томиться терпѣливо.
Что-жъ? закатъ печальныхъ дней
Пусть надеждой озарится,
Что и ярче и свѣтлѣй
Утро міра загорится.
А быть можетъ, какъ узнать?
Лучъ его и насъ коснется,
И придется увидать,
Какъ заря съ зарей сойдется...

Н. А. Некрасову.

Стихъ твой звучитъ непритворнымъ страданьемъ.
Будто изъ крови и слезъ онъ возсталъ!
Полный ко благу могучимъ призваньемъ,
Многимъ глубоко онъ въ сердце запалъ.

Онъ непріятно счастливцевъ смущаетъ;
Гордость и спѣсь возстаютъ на него;
Онъ эгоизмъ глубоко потрясаетъ,—
Вѣрь мнѣ—не скоро забудутъ его!

Льнутъ къ нему чуткимъ, внимательнымъ ухомъ
Души измятыя жизни грозой;
Внемлютъ ему всѣ скорбящіе духомъ,
Всѣ, угнетенные сильной рукой...

Кто мнѣ родня?

Покрытый ранами, поверженный во прахъ,
Лежалъ я при пути, въ томленьи и слезахъ,
И думалъ, про себя, въ тоскѣ невыразимой:
О, гдѣ моя родня, гдѣ близкій, гдѣ любимый?
И много мимо шло... но, что жъ никто изъ нихъ
Не думалъ облегчить тяжелыхъ ранъ моихъ...
Иной бы и желалъ, да въ даль его манила
Житейской суеты губительная сила;
Иныхъ пугалъ видъ ранъ и мой тяжелый стонъ...
Ужъ на устахъ моихъ стенанья замирали,
Въ тускнѣющихъ очахъ ужъ слезы застывали...
Но, вотъ, пришелъ одинъ, склонился надо мной,
И слезы мнѣ отеръ спасительной рукой.

Онъ былъ невѣдомъ мнѣ, но полнъ святой любовью,
Текущею изъ ранъ не погнушался кровью...
Онъ взялъ меня съ собой и помогалъ мнѣ самъ,
И лилъ на раны мнѣ цѣлительный бальзамъ...
И голосъ мнѣ сказалъ, въ душѣ неотразимый:
«Вотъ, кто родня тебѣ, кто близкій, кто любимый.. »

* *
*

Чѣмъ ярче шумный пиръ, бесѣда веселѣй,
Тѣмъ на душѣ моей печальной тяжелѣй,
Язвительнѣе боль сердечнаго недуга,
И голосъ дальняго, оставленнаго друга,
Мнѣ внятнѣй слышится .. Ахъ, блѣдный и худой.
Я вижу образъ твой, измученный нуждой!
Среди довольныхъ лицъ, средь гула ликованья,
Онъ мнѣ является съ печатію страданья,
Оставленной на немъ безплодною борьбой
Съ врагами, бѣдностью и самою судьбой!
Быть можетъ, въ этотъ часъ, когда за ужинъ пышный,
Иду я, средь другихъ, своей стопой неслышной,
Ты голоденъ и слабъ—въ отчаяньи нѣмомъ,
Лежишь одинъ, въ слезахъ, на чердакѣ глухомъ,—
А я тебѣ помочь не въ силахъ и не властна!
И, полная тоски глубокой и безгласной,
Я никну головой, не слыша ничего,
Подъ гнетомъ тайнаго унынья моего,
Средь этой вѣтреной, себялюбивой знати,
Готова я рыдать неловко и некстати!...

* *
*

Не твердилъ онъ мнѣ льстивыхъ рѣчей,
Не смущалъ похвалою медовой,

Но запало мнѣ въ душу навѣкъ
Его рѣзко-правдивое слово...

Онъ по своему какъ-то любилъ,
Но любилъ онъ глубоко и страстно!
Жизни онъ не считалъ никогда
Глупой шуткой иль даромъ напраснымъ.

Онъ, порой, предразсудки бранилъ,
Но въ душѣ его не было злобы;
Слову честному, дружбѣ, любви
Онъ былъ вѣренъ и преданъ до гроба.

И хоть часто терзали его
Неудачи, враги и сомнѣнья;
Но онъ умеръ съ надеждой святой,
Что настанетъ пора обновленья.

Что пойметъ, наконецъ, человѣкъ,
Что идетъ онъ дорогой лукавой,
И сознаетъ неправду душой,
И воротитъ на счастіе право...

Не твердилъ онъ мнѣ льстивыхъ рѣчей,
Не смущалъ похвалою медовой,
Но запало мнѣ въ душу на вѣкъ
Его рѣзко-правдивое слово...

* *
*

Нѣтъ, никогда поклонничествомъ низкимъ
Я покровительства и славы не куплю,
И лести я ни дальнимъ и ни близкимъ

Изъ устъ моихъ постыдно не пролью.
Предъ тѣмъ, что я всегда глубоко презирала,
Предъ чѣмъ порой дрожатъ достойные—увы!
Предъ знатью гордою, предъ роскошью нахала
Я не склоню свободной головы.
Пройду своимъ путемъ, хоть горестно, но честно.
Любя свою страну, любя родной народъ.
И, можетъ быть, къ моей могилѣ неизвѣстной
Бѣднякъ иль другъ со вздохомъ подойдетъ.
На то, что скажетъ онъ, на то, о чемъ помыслитъ,
Я вѣрно отзовусь безсмертною душой...
Нѣтъ, вѣрьте, лживый свѣтъ не знаетъ и не смыслитъ,
Какое счастье быть всегда съ самимъ собой!

* *
*

Среди бездушныхъ и ничтожныхъ
Рабовъ вседневной суеты,
Храни отъ яда мнѣній ложныхъ
Свой здравый умъ и сердце ты.
Ищи, что истинно и свято,
Лжи искушеній избѣгай,
И гласу страждущаго брата
Душою чуткою внимай..
И если въ нуждѣ и въ неволѣ,
Неся несчастій тяжкій гнетъ,
Не совладавъ съ своею долей,
Онъ, полнъ отчаянья, падетъ,—
И прокричитъ толпа свирѣпо
Свой безпощадный приговоръ,
Свой судъ пристрастный и нелѣпый,
И малодушный свой укоръ,—

Не заключай по нимъ поспѣшно.—
Не осуждая никого,
Скажи имъ: кто изъ васъ безгрѣшный,
Пусть броситъ камень на него!

*
* *

Лучшій перлъ таится
Въ глубинѣ морской;
Зрѣетъ мысль святая
Въ глубинѣ души.
Надо сильно бурѣ
Море взволновать,
Чтобъ оно, въ бореньи,
Выбросило перлъ;
Надо сильно чувству
Душу потрясти,
Чтобъ она, въ восторгѣ,
Выразила мысль.

Н. Д. ХВОЩИНСКАЯ.

(В. Крестовскій).

*
* *

Подъ шумъ заботы ежедневной,
Спокойно задремавъ душой,
Они выслушиваютъ гнѣвно
Сужденья жизни молодой.

Ихъ будитъ какъ-то непріятно
Могучій говоръ свѣжихъ силъ.
Имъ чувства наши непонятны,—
Тотъ ихъ не зналъ, тотъ пережилъ.

Имъ странно наше увлеченье,
Имъ дерзко кажется оно,
Досадно наше убѣжденье,
Безумно, гордо и грѣшно...

Не побѣдивъ упорнымъ крикомъ,
Они пугаютъ небомъ насъ...
Внимая ихъ угрозамъ дикимъ,
Я грустно думаю подчасъ:

Зачѣмъ за истину святую
Я не могу ихъ толкъ принять,
И мысль тревожную и злую
И усмирить, и оковать,—

Негодованье и волненье
Смиривъ, дать миръ душѣ моей.
Чтобъ къ невозможному стремленье
Не оставалося у ней?...

Мечты. желанья!... О, богъ съ ними.
Когда имъ воли не дано,
Когда словами лишь пустыми
Имъ выражаться суждено!

* *
*

Среди борьбы и разрушенья,
Жрецы покинутыхъ боговъ,
Еще твердимъ мы откровенья,
Уже не вѣря силѣ словъ.
Тотъ свѣтъ, что истиной мы звали,
Враждебной тьмы прогнать не могъ,
Мы усумнились въ немъ и пали
Въ смятеньи въ прахъ, на нашъ порогъ...
И слышны крики ликованья
Надъ потрясенною землей...
Мы говоримъ: ужель—мечтанья

Все, что признали мы душой?
Мы заблуждалися, мы люди...
Не благо-ль то, что свершено?
Тому ли мы взывали: „буди!“
Что въ этомъ мірѣ быть должно?...
И только вопль враговъ неясный,
Ихъ торжествомъ не заглушенъ,
Намъ говоритъ: споръ не напрасный!
Мужайтесь! Онъ не разрѣшенъ!...

* *
*

тоялъ онъ, прислонясь къ стволу сухому дуба,
лотнѣе запахнувъ кафтанъ суконный, грубый,
азсѣянно глядя, какъ вѣтеръ кочевой
о нивѣ прогонялъ волну вслѣдъ за волной.
ептались звонкіе колосья; листья, травы
тлались встревожены на днѣ сухой канавы.
колыхалися, высоки и пестры,
вѣты осенніе. Песчаный склонъ горы
елькалъ между дубовъ: даль синѣла,
небо блѣдное подъ тучей холодѣло.

тоялъ онъ, голову свободно приподнявъ
въ зелень пышную цвѣтущихъ, свѣжихъ травъ
покойно опустивъ свои босыя ноги.
вѣ лошади свой кормъ щипали при дорогѣ,
о онъ забылъ о нихъ. Недвижный, дѣтскій взоръ
ѣниво устремилъ онъ въ небо и просторъ:
акъ будто думая, покорно и уныло,
то есть другая жизнь, гдѣ воля, радость сила, —
не свобода то, когда въ степи глухой
уляетъ только звѣрь да вѣтеръ кочевой.

Отрывокъ.

Ихъ домъ былъ—барскій домъ, и въ немъ она жила,
Какъ птичка грустная, привыкши къ клѣткѣ тѣсной.
Отецъ былъ строгъ, угрюмъ, съ холодною душой
И домогался все чего-то—неизвѣстно.
Мать славилась своей роскошной красотой,
Своимъ таинственнымъ вліяніемъ въ гостиной.
А дочь... Она, какъ тѣнь, передо мной стоитъ.
Ужъ вечеръ. Купидонъ на мраморномъ каминѣ
У стрѣлки часовой лукаво сторожитъ.
Она у зеркала одна, совсѣмъ одѣта;
Веселый, шумный балъ давно невѣсту ждетъ
И тотъ, кому она—на зависть, толки свѣта—
И руку дѣтскую и сердце отдаетъ.
„Союзъ сей, зависти самихъ боговъ достойный,“
Воспѣтъ піитами. Но будущій супругъ
Отъ почестей другимъ не могъ уснуть спокойно—
И станъ его согнулъ томительный недугъ.
Напрасныхъ происковъ, обманутыхъ желаній,
Хоть сладко онъ умѣлъ улыбкою прикрыть,
Предъ сильными земли всю злость своихъ страданій,
Улыбкой самъ умѣлъ счастливить и язвить,
Привѣтно кланялся новорожденной славѣ,
И это дѣлалъ онъ ужъ много, много лѣтъ—
Но крылась сѣдина подъ пудрой величавой,
А дряхлость блѣдныхъ рукъ подъ кружевомъ манжетъ.
Онъ вздумалъ полюбить! И образъ нѣжный, милый,
При имени любви, опять передо мной!...
Въ ту ночь она балконъ поспѣшно растворила
И сходитъ въ темный садъ, печальный и пустой.
Дитя! ей страшенъ шумъ листовъ, ночныя тѣни,
Ея отчаянный, свободный первый шагъ.
Но кто-то передъ ней склонился на колѣни

На сбитыхъ осенью, поблекнувшихъ листахъ,
И ручка бѣлая съ ея кольцомъ вѣнчальнымъ
На чью-то голову кудрявую легла,
И слезы горькія лились во тьмѣ печальной,
И непогода ихъ, развѣявъ, унесла.
И были слезы тѣ о счастьи невозможномъ,
О горести его, о горести своей,
О томъ, чтобъ не винилъ онъ, пылкій и тревожный,
Въ невѣрности ее,—чтобы простилъ онъ ей.

И. С. НИКИТИНЪ.

Соха.

Ты соха-ли, наша матушка,
Горькой бѣдности помощница,
Неизмѣнная кормилица,
Вѣковѣчная работница!

По твоей-ли, соха, милости
Съ хлѣбомъ гумны пораздвинуты,
Сыты злые, сыты добрые,
По полямъ ковры раскинуты!

Про тебя и вспомнить некому...
Что жъ молчишь ты, безпривѣтная,
Что не въ славу тебѣ трудъ идетъ,
Не въ честь служба безотвѣтная?...

Ахъ, крѣпка, не знаетъ устали
Мужичка рука желѣзная,
И покоитъ соху матушку
Одна ноченька беззвѣздная!

На межѣ трава зеленая,
Полынь дикая качается,
Не твоя-ли доля горькая
Въ ея сокѣ отзывается?

Ужъ и кѣмъ же ты придумана,
Къ дѣлу на-вѣки приставлена?
Кормишь малаго и стараго,
Сиротой сама оставлена.

Пахарь.

Солнце за день нагулялося,
За кудрявый лѣсъ спускается,
Лѣсъ стоитъ подъ шапкой темною,
Въ золотомъ огнѣ купается.

На бугрѣ трава зеленая
Спитъ, вся искрами обрызгана,
Пылью розовой осыпана
Да каменьями унизана,

Не слыхать-то въ полѣ голоса
Молча воронъ на межѣ сидитъ,
Только слышенъ голосъ пахаря,
За сохой онъ на коня кричитъ.

Съ ранней зорьки пашня черная
Бороздами подымается,
Конь идетъ,—понурилъ голову,
Мужичекъ идетъ,—шатается...

Зрѣетъ рожь,—тебѣ заботушка,
Какъ-бы градомъ не побилася,

Безъ дождей въ жары не высохла
Отъ дождей не положилася.

Хлѣбъ поспѣлъ,—тебѣ кручинушка:
Убирать ты не управишься,
На корню-то онъ осыплется,
Безъ куска-то ты останешься.

Урожай,—купцы спѣсивятся,
Годъ плохой,—въ семьѣ всѣ мучатся,—
Все твой дворъ не поправляется.
Дѣтки грамотѣ не учатся.

Гдѣ же кладъ твой заколдованный,
Гдѣ талантъ твой, пахарь, спрятался?
На труды твои, да на горе
Вдоволь вчужѣ я наплакался!

Ночлегъ въ деревнѣ.

Душный воздухъ, дымъ лучины,
Подъ ногами соръ,
Соръ на лавкахъ, паутины
По угламъ узоръ;

Закоптѣлыя палати,
Черствый хлѣбъ, вода,
Кашель пряхи, плачъ дитяти...
О, нужда, нужда!

Мыкать горе, вѣкъ трудиться,
Нищимъ умереть...
Вотъ гдѣ нужно бы учиться
Вѣрить и терпѣть!

Староста.

Что не туча темная
По небу плыветъ,
На гумно по улицѣ
Староста идетъ.

Борода-то черная,
Красное лицо,
Волоса-то жесткіе
Завились въ кольцо.

Пузо перевязано
Краснымъ кушакомъ,
Плечи позатянуты
Синимъ кафтаномъ.

Палкой подпирается
Бровью не ведетъ.
Сапоги-то новые—
Мѣра ржи войдетъ.

Онъ идетъ по улицѣ
Безъ метлы мететъ;
Курица покажется,—
Въ ворота шмыгнетъ.

Одаль, да съ поклонами
Мужички идутъ,
Ребятишки малые
Ко дворамъ ползутъ.

Утомился староста:
На гумнѣ стоитъ,
Гладитъ усъ и бороду,
Да на людъ глядитъ.

На небѣ ни облачка,
Вѣтерокъ-атъ спитъ,
Солнце землю-матушку
Какъ огнемъ, палитъ.

Отъ цѣповъ-то стукъ и дробь—
Стонетъ все гумно.
Бабъ и дѣвокъ жаръ печетъ,
Мужичковъ равно.

Староста надумался:
«Молоти дружнѣй!»
Бабъ и дѣвокъ потъ прошибъ,
Мужичковъ сильнѣй.

Бабу черноброву̀ю
Староста позвалъ,
Рѣчь-то велъ разумную,—
Дѣло толковалъ...

Дура баба плюнула,
Молотить пошла.
То-то, значитъ, молодость,
Въ нуждѣ не была!

Умная головушка
Рубитъ не съ плеча.
Староста не выпустилъ
Слова сгоряча.

На скирды посматривалъ,
Поглядѣлъ на рожь,
Поглядѣлъ и вымолвилъ:
„Умолотъ хорошъ!“

Улыбнулся ласково,
Дѣвокъ похвалилъ.
Бабѣ съ бровью черною
Чорта посулилъ.

„Вечеромъ, голубушка,
Чистить хлѣвъ пошлю...“
—Не грѣшно-ли, батюшка?
„Нѣтъ, коли велю!“

Баба призадумалась...
Староста пошелъ,
Онъ прошелъ по улицѣ—
Безъ метлы подмелъ.

На гумнѣ-то стонъ стоитъ,
Весело гумно.
Пòтомъ обливается
Каждое зерно.

Пѣсня бобыля.

Ни кола, ни двора,
Зипунъ—весь пожитокъ...
Эхъ живи—не тужи,
Умрешь—не убытокъ!

Богачу-дураку
И съ казной не спится.
Бобыль голъ, какъ соколъ,
Поетъ-веселится.

Онъ идетъ, да поетъ,
Вѣтеръ подпѣваетъ;
Сторонись, богачи!
Бѣднота гуляетъ!

Рожь стоитъ по бокамъ,
Отдаетъ поклоны...
Эхъ присвистни, бобыль!
Слушай, лѣсъ зеленый!

Ужъ ты плачь ли, не плачь,—
Слезъ никто не видитъ,
Оробѣй, загорюй,—
Курица обидитъ.

Ужъ ты сытъ ли, не сытъ,—
Въ печаль не вдавайся;
Причешись, распахнись,
Шути, улыбайся!

Поживемъ, да умремъ—
Будетъ голь пригрѣта...
Разумѣй, кто уменъ—
Пѣсенка допѣта!

Вечеръ послѣ дождя.

Замерли грома раскаты. Дождемъ окропленное поле,
Послѣ грозы озарилось улыбкой румянаго солнца.
Заревомъ пышетъ закатъ. Золотисто-румяныя тучи
Ярко горятъ надъ вершиной кудряваго лѣса.
Спятъ неподвижныя нивы, обвѣяны нѣгой вечерней,
О, какъ хорошъ этотъ воздухъ, грозой и дождемъ освѣженный!

Какъ ему рады повсюду, куда онъ проникъ, благодатный!
Видѣлъ я въ полдень вотъ этотъ цвѣтокъ темносиній: отъ жару
Грустно свернувъ лепестки, онъ клонился къ землѣ раскаленной;
Вотъ онъ опять развернулся и держится прямо на стеблѣ.
Солнце—художникъ покрыло его золотистою краской,
Свѣтлыя капли, какъ жемчугъ, горятъ на головкѣ махровой;
Крѣпко прильнула къ нему хлопотливо-жужжащая пчелка,
Сокъ ароматный сбирая. А какъ забѣлѣлася ярко
Гречка расцвѣтшая, чисто омытая влагой отъ пыли!
Издали кажется, снѣгъ это бѣлой лежитъ полосою.
Словно воздушный цвѣтокъ, стрекоза опустилась на колосъ;
Бѣдная! долго ждала она капли прозрачной изъ тучки.
Вышелъ сурокъ изъ норы своей темной: кругомъ оглянулся,
Сталъ осторожно на заднія лапки и слушаетъ тихо...
Только кричитъ гдѣ то перепелъ, и распѣваетъ овсянка,
Весело свистнулъ онъ и водицы напился изъ лужи.—
Вотъ пожилой мужичекъ показался изъ лѣсу. Подъ мышкой
Держитъ онъ свѣжія лыки. Окинувши поле глазами,
Шляпу онъ снялъ съ головы, сѣдиной серебристой покрытой,
Тайно молитву творя, осѣнился крестомъ и промолвилъ:
«Экую радость послалъ намъ Господь—проливной этотъ дождикъ!
Хлѣбъ-отъ въ недѣлю поправится такъ, что его не узнаешь».

Утро.

Звѣзды меркнутъ и гаснутъ. Въ огнѣ облака.
Бѣлый паръ по лугамъ разстилается.
По зеркальной водѣ, по кудрямъ лозняка
Отъ зари алый свѣтъ разливается.
Дремлетъ чуткій камышъ. Тишь-безлюдье вокругъ
Чуть примѣтна тропинка росистая.
Кустъ заденешь плечомъ,—на лицо тебѣ вдругъ
Съ листьевъ брызнетъ роса серебристая
Потянулъ вѣтерокъ,—воду морщитъ, рябитъ.
Поднялись утки съ шумомъ и скрылися
Далеко, далеко колокольчикъ звенитъ.
Рыбаки въ шалашѣ пробудилися,
Сняли сѣти съ шестовъ, весла къ лодкамъ несутъ..
А востокъ все горитъ разгорается.
Птички солнышко ждутъ, птички пѣсни поютъ.
И стоитъ себѣ лѣсъ, улыбается.
Вотъ и солнце встаетъ, изъ за пашенъ блеститъ,
За морями ночлегъ свой покинуло;
На поля, на луга, на макушки ракитъ
Золотыми потоками хлынуло.
Ѣдетъ пахарь съ сохой, ѣдетъ—пѣсню поетъ:
По плечу молодцу все тяжелое...
Не боли ты, душа! отдохни отъ заботъ!
Здравствуй солнце, да утро веселое!

Портной.

Пали на долю мнѣ пѣсни унылыя,
Пѣсни печальныя, пѣсни постылыя,
Радъ бы не пѣть ихъ, да грудь надрывается,
Слышу я, слышу чей плачъ разливается:

Бѣдность голодная, грязью покрытая,
Бѣдность не смѣлая, бѣдность забитая,
Днемъ она гибнетъ, и въ полночь, и за̀-полночь,
Гибнетъ она,—и никто нейдетъ на̀ помочь;
Гибнетъ она—и опоры нѣтъ волоса,
Теплаго сердца, знакомаго голоса...
Горькій полынь—эта пѣснь невеселая,
Пѣснь невеселая, правда тяжелая!
Кто здѣсь узнаетъ кручину свою?
Эту я пѣсню про бѣдность пою.

I

Морозъ трещитъ и воетъ вьюга,
И хлопья снѣга другъ на друга
Ложатся, и растетъ сугробъ,
И, молчаливый, будто гробъ,
Весь домъ промерзъ. Три дня забыта,
Ужъ печь не топится три дня,
И нечѣмъ развести огня,
И дверь рогожей не обита:
Она стара и вся въ щеляхъ;
Бѣлѣетъ иней на стѣнахъ,
Окошко инеемъ покрыто;
И отъ мороза на окнѣ
Вода застыла въ кувшинѣ.
Нѣтъ крошки хлѣба въ цѣломъ домѣ
И на дворѣ нѣтъ плахи дровъ.
Портной озябъ. Онъ нездоровъ
И головой поникъ въ истомѣ:
Печально молодость прошла,
Прошло и дѣтство безотрадно:
Съ крыльца ребенкомъ онъ упалъ,

На камняхъ ногу изломалъ,
Его посѣкли безпощадно...
Не умеръ онъ. Полубольнымъ
Все росъ да росъ. Но чѣмъ кормиться?
Что въ руки взять? Чему учиться?
И самоучкой сталъ портнымъ.
Женился бѣдный,—все не радость:
Жена не долго пожила
И Богу душу отдала
Въ родахъ подъ Пасху. Вотъ и старость
Теперь пришла. А дочь больна,
Ужъ кровью кашляетъ она,
И все прядетъ, прядетъ все пряжу,
Иль, молча, спицами звенитъ,
Перчатки вяжетъ на продажу,
И все грустить, и все грустить.
Робка, какъ птичка полевая,
Живетъ одна, живетъ въ глуши.
Въ глухую полночь, чуть живая
Встаетъ и молится въ тиши.

II.

Морозъ и ночь. Въ своей постели
Не спитъ измученный старикъ.
Его глаза глядятъ безъ цѣли,
Безъ цѣли онъ зажегъ ночникъ.
Лежитъ и стонетъ. Дочь привстала
И посмотрѣла на отца:
Онъ блѣденъ, хуже мертвеца...
«Что-жъ ты не спишь?» она сказала.
—Такъ, скучно. Хоть бы разсвѣло...
Ты не озябла?—«Мнѣ тепло...»
И разсвѣло. Окрѣпъ и холодъ.

Но хлѣба, хлѣба гдѣ добыть?
Суму надѣть иль воромъ быть?
О, будь ты проклятъ, страшный голодъ!
Куда итти? Кого просить?
Иль самого себя убить?
Портной привсталъ. Нѣтъ, силы мало!
Всѣ кости ноютъ, все болитъ;
Дочь посинѣла и дрожитъ...
Хотѣлъ заплакать,—слезъ не стало...
И со двора въ нѣмой тоскѣ,
Побрелъ онъ съ костылемъ въ рукѣ.
Куда? онъ думалъ не о пищѣ,
Шелъ не за хлѣбомъ,—на кладбище
Шелъ бить могильщику челомъ;
Онъ былъ давно ему знакомъ.
Но какъ начать—не ловко было...
Портной съ нимъ долго толковалъ
О томъ, о семъ; а сердце ныло...
И, наконецъ, онъ шапку снялъ.
«Послушай, сжалься, ради Бога!
Мнѣ остается жить немного,
Нельзя ли тутъ вотъ въ сторонѣ,
Могилку приготовить мнѣ?»
—Ого?—могильщикъ улыбнулся,
—Ты шутишь, иль въ умѣ рехнулся?
Умрешь,—зароютъ, не грусти...
Грѣшно болтать-то безъ пути...—
„Зароютъ, другъ мой, я не спорю...
Вѣдь, дочь-то, дочь моя больна!
Куда просить пойдетъ она!
Кого?... Ужъ пособи ты горю!
Платить-то нечѣмъ... Я бы радъ,
Я заплатилъ бы... вырой, братъ!..“
—Земля-то, видишь ты, застыла...

Рубить-то будетъ не легко. —
„Ты такъ... не очень глубоко,
Не очень... все таки могила!
Просить и совѣстно — нужда!“
— Пожалуй, вырыть не бѣда!

III

И слегъ портной. Лицо пылаетъ.
Въ бреду онъ громко говоритъ,
Что Божій гнѣвъ ему грозитъ,
Что грѣшникомъ онъ умираетъ,
Что онъ повѣситься хотѣлъ
И только Катю пожалѣлъ.
Дочь плачетъ: „полно, ради Бога!
У насъ тепло, обита дверь,
И чай налитъ: онъ есть теперь,
И есть дрова, и хлѣба много, —
Все дали люди... Встань, родной!“
И вотъ встаетъ, встаетъ портной.
— „Ты понимаешь? Жизнь смѣется,
Смѣется... Кто тутъ зарыдалъ?
Не кашляй! тише! кровь польется...“
И навзничь мертвымъ онъ упалъ.

Нищій.

И вечерней, и ранней порою
Много старцевъ, и вдовъ, и сиротъ
Подъ окошками ходитъ съ сумою,
Христа ради на помощь зоветъ.

Надѣваетъ-ли сумку неволя,
Неохота-ли взяться за трудъ,—
Тяжела и горька твоя доля,
Безпріютный, оборванный людъ!

Не откажутъ тебѣ въ подаяньи,
Не умрешь ты безъ крова зимой.—
Жаль разумное Божье созданье,
Человѣка въ грязи и съ сумой!

Но бѣднѣе и хуже есть нищій—
Не пойдетъ онъ просить подъ окномъ!
Цѣлый вѣкъ, изъ одежды и пищи,
Онъ работаетъ ночью и днемъ.

Спитъ въ лачужкѣ на грязной соломѣ,
Богатырь въ безысходной бѣдѣ,
Крѣпче камня въ несносной истомѣ,
Крѣпче мѣди въ кровавой нуждѣ.

Пò-смерть зерна онъ въ землю бросаетъ,
Пò-смерть жнетъ, а нужда продаетъ...
О немъ облако слезы роняетъ,
Про тоску его буря поетъ.

* *
*

Медленно движется время,—
Вѣруй, надѣйся и жди...
Зрѣй, наше юное племя!
Путь твой широкъ впереди.
Молніи насъ освѣтили,
Мы на распутьи стоимъ...

Мертвые въ мірѣ почили,
Дѣло настало живымъ.

Сѣялось сѣмя вѣками,—
Корни въ землѣ глубоко;
Срубишь лѣса топорами,—
Зло вырывать не легко:
Намъ его въ дѣтствѣ привили,
Дѣды сроднилися съ нимъ ..
Мертвые въ мірѣ почили,
Дѣло настало живымъ.

Стыдъ, кто безмысленно тужитъ,
Листья зашепчутъ: онъ нѣмъ!
Слава, кто истинѣ служитъ,
Истинѣ жертвуетъ всѣмъ!
Поздно глаза мы открыли,
Дружно на трудъ поспѣшимъ...
Мертвые въ мирѣ почили,
Дѣло настало живымъ.

Рыхлая почва готова,
Сѣйте, покуда весна;
Добраго дѣла и слова
Не пропадутъ сѣмена.
Гдѣ мы и какъ ихъ добыли—
Внукамъ отчетъ отдадимъ.
Мертвые въ мирѣ почили,
Дѣло настало живымъ.

М. Л. МИХАЙЛОВЪ.

Къ родинѣ.

Хоть и не сладокъ мнѣ, о, родина, твой дымъ
И болѣе упрековъ, чѣмъ благословеній
Я посылалъ тебѣ, хоть предъ лицомъ твоимъ
Я никогда не гнулъ и не согну колѣней;
Но если бы мнѣ стать на судъ пришлося твой,
За то, что отнестись къ тебѣ я смѣлъ съ укоромъ,
Предсталъ бы я на судъ съ покойною душой,
А не съ потупленнымъ, по фарисейски, взоромъ.
Да, чистъ я предъ тобой, и я люблю тебя—
Не той сценически красивою любовью,
Что смотритъ въ зеркало сторонкой на себя
Въ тотъ самый мигъ, какъ истекаетъ кровью...
Любовь моя къ тебѣ спокойна и проста;
Хоть одинаково твоя безповоротно:
Не знаютъ вовсе льстивыхъ словъ ея уста
И въ изліянія вступаютъ неохотно,

Но если жизнь моя нужна,—она твоя,
Мой трудъ,—и онъ тебѣ принадлежитъ всецѣло;—
И только мысль моя одна вполнѣ моя,
Она дороже мнѣ, чѣмъ кровь моя и тѣло!

*
* *

Если лѣтъ безстрастныхъ холодъ
Все въ тебѣ оледенилъ,
И забылъ ты, какъ любилъ,
Какъ боролся, какъ былъ молодъ;

Если юной жизни гулъ
Мирно спать тебѣ мѣшаетъ,
Что же гробъ тебя пугаетъ?
Въ немъ бы крѣпче ты заснулъ.

Подъ землей ужъ не наскучатъ
Дѣти шумомъ... Шуму нѣтъ,—
И безсонницы не мучатъ,
И проходитъ злобный бредъ.

*
* *

Вечеромъ душнымъ, подъ черными тучами насъ похоронят
Молнія вспыхнетъ, заропщетъ рѣка, и дубрава застонет
Ночь будетъ бурная, необозримою властью могучи,
Громомъ, огнёмъ и дождемъ разразятся угрюмыя тучи,
И надъ могилами нашими, радостный день предвѣщая,
Радугу утро раскинетъ по небу отъ края до края.

Д. Л. МИХАЛОВСКІЙ.

*
* *

Я не ропщу, хоть въ книгѣ жизни скучной
Не встрѣтилъ я страницы золотой.
И мнѣ шепталъ какой-то духъ докучный:
«За всѣ труды—лишь саванъ гробовой.»

Я не ропщу, хоть быстро я дряхлѣю,
И мнѣ уже осталось мало жить:
О жизни я нисколько не жалѣю,
Когда-нибудь конецъ ей долженъ быть.

Но я скорблю, что глупо, безобразно
Она прошла: я втунѣ бремя несъ,
Терпелъ, страдалъ, боролся, мыслилъ—праздно,
И никому я пользы не принесъ,

Что всѣ мои стремленья и усилья
Моя судьба къ ничтожеству свела,
Мнѣ на смѣхъ давъ подрѣзанныя крылья
Съ порывами могучаго орла.

* *
*

Догораетъ свѣча, догораетъ,
А другого свѣтильника нѣтъ...
Пусть мой трудъ остановки не знаетъ,
Пока длится мерцающій свѣтъ.

Пусть отъ дрёмы, усталости, скуки
Не тускнѣетъ мой блещущій взглядъ,
Пусть мой умъ, мое сердце и руки
Сдѣлать все, что возможно спѣшатъ,

Чтобъ во тьмѣ меня мысль утѣшала,
Что послѣдняя вспышка огня,
Что послѣдняя искра—застала
За полезной работой меня;

Чтобъ, идя поневолѣ къ покою,
Могъ сказать я въ тотъ горестный часъ...
«Я умножилъ хоть горстью одною
Добрыхъ дѣлъ моихъ скудный запасъ.»

Homo sum.

Когда я жилъ воображеньемъ,
Уединясь отъ всѣхъ заботъ,
И оскорблялъ пренебреженьемъ
Вокругъ трудящійся народъ,—

Случайно вздохи долетѣли
Ко мнѣ изъ тѣсныхъ городовъ,
Гдѣ на соломѣ коченѣли
Семейства жалкихъ бѣдняковъ,

Домчались съ поля битвы звуки,
Что кровь намъ въ жилахъ леденятъ:
Тамъ, корчась отъ смертельной муки,
Стоналъ израненный солдатъ.

Кого крикъ боли не тревожитъ?
Кто средь безчисленныхъ скорбей
Жить въ беззаботномъ счастьи можетъ,
Храня покой души своей?

На жизнь смотрю другимъ я взоромъ
Съ того мнѣ памятнаго дня,
И вздохи тяжкіе укоромъ
Вездѣ преслѣдуютъ меня.

Внимая стонамъ ихъ молящимъ,
Несу я бремя новыхъ узъ:
Я съ человѣчествомъ скорбящимъ
Вступилъ въ таинственный союзъ.

И связи этой не нарушу:
Въ заботахъ о его судьбѣ,
Я человѣческую душу
Лишь нынѣ чувствую въ себѣ.

Мечтателю.

Волю давъ воображенью
И порывамъ праздныхъ думъ,
Всей вселенной къ улучшенью
Напрягаешь ты свой умъ;

Возишь, въ суетной надеждѣ,
Плугъ по нивамъ міровымъ,—
Но занялся-ли ты прежде
Полемъ собственнымъ своимъ?

Ты вѣщаешь горделиво:
„Въ мірѣ—плевелы и тьма!“
Но твоя готова-ль нива,
Нива сердца и ума?

Если нѣтъ—своимъ заботамъ
Одобренья не проси;
Прежде жаркимъ, крупнымъ потомъ
Эту ниву ороси,

Чтобы жатвою обильной
Вся покрылася она,—
И тогда рукою сильной
Бросишь въ міръ ты сѣмена.

О, тогда они безспорно
Въ пустотѣ не пропадутъ,
И послужитъ благотворно
Человѣчеству твой трудъ.

* *
*

Не плачь, мой другъ, ты этимъ не поможешь,
И намъ съ тобой страдать—не въ первый разъ.
Рыданьями лишь сердце растревожишь,
Слезами блескъ лучистый уничтожишь
Своихъ прекрасныхъ глазъ.

Какъ жаль мнѣ ихъ! Съ глубокою тоскою
Гляжу, когда застелетъ ихъ туманъ;
И хочется мнѣ зарыдать съ тобою:
Мнѣ сердца жаль, которому судьбою
Нанесено такъ много ранъ.

Мнѣ жизни жаль, что счастія не знала
Которую, вползая, какъ змѣя,
Все больше скорбь отравой наполняла,
Мнѣ жаль души, что вѣру потеряла,
Какъ и моя.

Но вспомни, другъ, что намъ крѣпиться надо
И, въ мракѣ бѣдъ блуждая и скорбя,
Не отвращать отъ свѣтлыхъ точекъ взгляда,
Что намъ въ любви взаимной есть отрада,
Что мы живемъ—не для себя.

Не плачь же, другъ, припавши къ изголовью,
Не растравляй ты сердца своего
Тревожнаго, облившагося кровью:
Забвеніемъ, прощеніемъ, любовью—
Лѣчи его!

———

Въ горахъ.

Мрачны горы, покрытыя тучами,
Всѣ ущелья наполнила мгла,
Завладѣла провалами, кручами
И на днѣ пропастей залегла.
Неба нѣтъ; съ его мантіей звѣздною
Оно скрылось и свѣта не льетъ;
Я стою надъ какою-то бездною,
Тьма ночная растетъ и растетъ...
Глубже, глубже во мракъ укрываются
Ребра скалъ и обрывы стремнинъ,
Тамъ и сямъ изъ него выдвигаются
Шапки бѣлыя снѣжныхъ вершинъ.
Все недвижно, туманъ лишь колышется,
Все безмолвно, лишь гдѣ-то вдали
Грохотанье какое-то слышится,
Шумъ глухой, точно въ нѣдрахъ земли.
То потоки гремятъ, водопадами
Низвергаясь съ отвѣсныхъ стремнинъ:
То ручей окруженный громадами
Голыхъ скалъ, рвется въ лоно долинъ.
Ты угрюма, пустыня дремучая,
Но, я вижу, есть жизнь и въ тебѣ:
То ручьевъ твоихъ влага кипучая,
Неустанная въ вѣчной борьбѣ.
Ты ужасна, пустыня безлюдная,
Смертью вѣютъ твои ледники,
Но питаетъ ихъ масса холодная
Твои рѣчки, твои родники.
Они въ нѣдрахъ твоихъ зарождаются
И на вольный, широкій просторъ
Съ бурнымъ плескомъ затѣмъ вырываются
Изъ твоихъ непривѣтливыхъ горъ.

Ты—ихъ мать, по струей своей чистою
Они сердце твое разорвутъ,
Взроютъ почву твою каменистую,
Но не ей плодородье дадутъ;
Потекутъ они къ морю долинами,
Будутъ ихъ своей влагой питать,
Далеко за твоими тѣснинами
Разливая свою благодать.

Ты, измученный гордымъ страданіемъ,
Мысли, правды, добра исполинъ,
Ты, въ вѣкахъ озаренный сіяніемъ,
Какъ снѣга этихъ горныхъ вершинъ,
Окруженъ ты густыми туманами
Неразумья и всякаго зла;
Въ твое сердце, покрытое ранами,
Грусть, какъ черная тѣнь, залегла...
Я сравню тебя съ этой пустынею:
Какъ она, ты печаленъ, угрюмъ;
Но великъ ты, съ великой святынею
Твоихъ творческихъ, пламенныхъ думъ.
Въ ореолѣ могучаго генія
Ты стоишь, величавъ, одинокъ;
Твои мысли, желанья, стремленія—
Это гордый кипучій потокъ.
Твое сердце терзаетъ онъ муками,
Веселитъ въ одинокой тиши,
Наполняя тревожными звуками
Глубину твоей мощной души.
Больше, больше потокъ разрастается,
Крѣпнетъ онъ въ непрерывной борьбѣ,
Но затѣмъ на просторъ вырывается:
Онъ остаться не могъ при тебѣ...
Ты взлелѣялъ волну эту сильную,

Какъ любимое чадо свое,
И со всей ея влагой обильною
Человѣчеству отдалъ ее.

На закатѣ.

Мы жить еще хотимъ,—не жизнью молодою,—
Она для насъ прошла—но, на закатѣ дней,
Мы жаждемъ, чтобъ на насъ повѣяло весною,
Чтобъ теплота влилась могучею волною
Къ намъ въ душу и зажгла надежды пламя въ ней,—

Надежды не на то. что быстро возродимся
Мы къ труднымъ подвигамъ и сердцемъ. и умомъ...
Нѣтъ, мы окончили, къ борьбѣ ужъ не годимся,
Но все глядимъ впередъ, къ грядущему стремимся
И съ нетерпѣніемъ преемниковъ мы ждемъ.

О, пусть придутъ они... Не съ воплями страданья,
А съ крѣпкой вѣрою. съ избыткомъ юныхъ силъ,
Съ могуществомъ добра, восторгомъ упованья,
Со словомъ истины, со свѣточемъ познанья,
Чтобъ демонъ тьмы и зла ихъ воли не сломилъ.

О, пусть придутъ они, чтобъ намъ хоть мигъ единый
Взглянуть на ихъ борьбу, на ихъ побѣдный слѣдъ;
Чтобъ солнце новое увидѣть предъ кончиной.
Сказать: «оно идетъ!» и пѣснью лебединой
Изъ тьмы привѣтствовать пылающій разсвѣтъ!...

Сѣятели.

Шагъ за шагомъ, стезей одинокою
Слово правды сквозь мракъ мы несемъ,
Съ вѣрою чистою, съ вѣрой глубокою
Возраствивъ ее въ сердцѣ своемъ.

Мы ее такъ хранили лелѣяли,—
Теперь насъ сомнѣнья гнетутъ:
Не пожнемъ мы того, что мы сѣяли,—
Можетъ быть, только внуки пожнутъ.

И то будетъ-ли жатва обильная?
Плодотворна-ли будетъ она?
Или почва сухая, безсильная
Превратитъ въ лебеду сѣмена?

Но къ чему намъ безплоднымъ сомнѣніемъ
Наболѣвшія мучить сердца?
Мы трудились съ великимъ терпѣніемъ,
Мы работали въ потѣ лица,

Съ безконечной борьбой и тревогою
Свѣтъ вливая въ сердца и умы...
Пусть и внуки надъ нивой убогою
Поработаютъ такъ же, какъ мы.

Пусть хоть два или три полныхъ колоса
На посѣвъ она имъ принесетъ,
Когда съ нами звукъ нашего голоса
Въ темномъ мірѣ забвенья умретъ.

П. И. ВЕЙНБЕРГЪ.

Унынiе.

(Памяти Некрасова).

> Унынiе въ душѣ моей усталой
> Унынiе, куда ни погляжу!
> *Некрасовъ.*

О, да, ты правъ, поэтъ! Унынiе вездѣ.
Унынье въ той степи печальной и угрюмой,
Гдѣ ты бродилъ одинъ съ своей тяжелой думой,
Внимая горестямъ, страданьямъ и нуждѣ,
Унынье въ городѣ: въ его свинцовомъ небѣ,
Озлобленномъ врагѣ живительныхъ лучей,
На улицахъ его, средь этихъ всѣхъ людей...
Снують ли, хлопоча о барышахъ и хлѣбѣ,
Безцѣльно ли гранять каменья мостовой,
Сойдутся-ль погулять на праздникѣ народномъ,
На чинномъ раутѣ-ль толпятся въ залѣ модномъ,
Рѣшають ли „вопросъ“ въ бесѣдѣ дѣловой...

Унынье въ старикѣ, передъ дверьми могилы,
Унынье въ молодомъ, во всемъ избыткѣ силы,
Унынье въ мальчикѣ, на школьничьей скамьѣ,
Унынье въ обществѣ, уныніе въ семьѣ...

Хотя-бъ малѣйшій взрывъ, веселья, горя, злобы,
Хотя-бъ единый крикъ живого чувства... Нѣтъ!
Все мрачно, все мертво, какъ будто только гробы
Остались на землѣ... О, да, ты правъ, поэтъ!...

*
* *

Блаженъ, кто вѣритъ въ наше время,
Что не настолько одряхлѣлъ
Нашъ жалкій міръ, чтобъ не съумѣлъ,
Въ концѣ-концовъ, онъ сбросить бремя
Всесокрушающаго зла,—
Той страшной ржавчины рутины,
Что крѣпко въѣлась намъ въ тѣла
И гнетъ позорно наши спины.

Блаженъ, кто вѣрою такой
Въ себѣ питаетъ духъ и тѣло
И, въ жертву ей убивъ покой,
Идетъ впередъ наивно смѣло,
Идетъ и рѣзко судитъ тѣхъ,
Въ комъ эти пылкія стремленья
Встрѣчаютъ слово сожалѣнья
Иль недовѣрья горькій смѣхъ.

Блаженъ... Но тщетно ищешь всюду
Такихъ блаженныхъ въ наши дни,

Когда встрѣчаются они,
Имъ удивляешься, какъ чуду,
Среди несмѣтности такой
Больныхъ, разбитыхъ, утомленныхъ
И тяжкимъ опытомъ склоненныхъ—
На все и всѣхъ махнуть рукой.

Въ грозу.

Замолкло все. Сплошнымъ навѣсомъ
Недвижныхъ тучъ тяжелый сводъ
Повисъ надъ мрачно стихшимъ лѣсомъ,
Надъ потемнѣвшей гладью водъ.
Нигдѣ ни звука, ни движенья;
Застылъ, какъ мертвый, воздухъ самъ...
Какъ будто часъ уничтоженья
Пробилъ землѣ и небесамъ...

Но вдругъ—далеко—змѣйка свѣта,
Скользнувъ, прорѣзываетъ тьму...
Глухой раскатъ пронесся гдѣ-то,
Другой и третій вслѣдъ ему...
Вотъ ближе, громче рокотанье,
Вотъ чаще и свѣтлѣе блескъ,—
И все слилось въ гигантскій трескъ,
Въ неугасимое сверканье.
И вторя имъ, изъ щедрыхъ тучъ,
На нивы, мучимыя жаждой,
Дождь низвергается—могучъ
И плодотворенъ каплей каждой.

Таковъ и ты пророкъ—поэтъ.
Стоишь недвижный и суровый,

Какъ будто въ сердцѣ жизни нѣтъ,
Какъ будто кровь сковалъ свинцовый,
Могильный сонъ... Но тишина—
Передъ грозой. То зрѣетъ дума
Въ тебѣ таинственно, безъ шума;
Но часъ приспѣетъ,—и она
Изъ тайниковъ души священныхъ
Ворвется съ громомъ и огнемъ
Въ порочный міръ и мчится въ немъ
Впередъ на крыльяхъ вдохновенныхъ,
Повсюду свѣтъ и красоту
Волшебно къ жизни вызывая,
Побѣдоносно разсѣвая
И мракъ, и смрадъ, и духоту,
И все, что сохнетъ подъ палящимъ
Огнемъ пустыни и песковъ,
Кропя дождемъ животворящимъ
Для жатвы будущихъ вѣковъ.

*
* *

Развернулось предо мною
Безконечной пеленою
        Старый другъ мой—море.
Сколько власти благодатной
Въ этой шири необъятной,
        Въ царственномъ просторѣ!
Я пришелъ на берегъ милый,
Истомленный и унылый,
        Съ ношею старинной—
Всѣхъ надеждъ моихъ разбитыхъ,

Всѣхъ сомнѣній ядовитыхъ,
Всей тоски змѣиной.
Я пришелъ повѣдать морю,
Что съ судьбой ужъ я не спорю,
Что бороться болѣ
Силы нѣтъ, что я смирился
И позорно поклонился
Безобразной долѣ.
Но когда передо мною,
Безконечной пеленою
Развернулось море,
И, отваги львиной полны,
Вдругъ запѣли пѣсню волны
Въ исполинскомъ хорѣ
Пѣсню мощи и свободы,
Пѣсню грозную природы,
Жизнь берущей съ бою
Все во мнѣ затрепетало,
И такъ стыдно, стыдно стало
Предъ самимъ собою—
За унынье, за усталость,
За болѣзненную вялость,
За потерю силы
Ни предъ чѣмъ не приклоняться
И съ врагомъ-судьбой сражаться
Смѣло до могилы.
Отряхнулъ съ себя я снова
Малодушія пустого
Пагубное, бремя
И врагу, съ отвагой твердой,
Снова кинулъ вызовъ гордый,
Какъ въ былое время...
А сѣдыя волны моря,
Пробужденью духа вторя

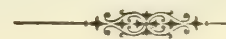
Откликомъ природы.
Все быстрѣй впередъ летѣли,
Все грознѣе пѣсню пѣли
Жизни и свободы...

Двѣ свадьбы.

алита огнями церковь, блещутъ роскошью наряды,
сюду праздничныя лица и торжественныя взгляды.
Іредставители бомонда живописно-пестрымъ роемъ
обрались вокругъ стоящихъ передъ свадебнымъ налоемъ.
стремились зорко взоры всей толпы щеголеватой
[а виновниковъ счастливыхъ свадьбы знатной и богатой:
нъ—старикъ гнилой и дряхлый, еле ходитъ, еле дышитъ;
ъ ней все жизнью молодою такъ и брызжетъ, такъ и пышетъ.
нъ глядитъ сатиромъ гадкимъ на пурпуровыя губки,
а раскошнѣйшія плечи и въ восторгѣ отъ покупки.
покупка—вся подъ гнетомъ скорби тяжкой и унылой,
стоитъ она какъ будто передъ мрачною могилой.
онченъ весь обрядъ вѣнчальный. Хоръ веселыхъ поздравленій
олодыхъ встрѣчаетъ шумно,—и чрезъ нѣсколько мгновеній
кипажъ великолѣпный мчитъ въ квартиру щегольскую
гниль отжившую и съ нею жизнь цвѣтуще-молодую.
Жертва бѣдная!“ шепчу я съ чувствомъ грусти и досады:
Продала ты противъ воли красоту свою и силу—
нашла въ позорномъ бракѣ безысходную могилу;
ь раззолоченной могилѣ ты угаснешь одиноко.—
никто въ блестящемъ свѣтѣ не замѣтитъ, какъ глубоко
ы страдала, какъ томилась безпощадно ядовито,

Сколько слезъ на шелкъ и бархатъ изъ очей твоихъ про-
лито.“
Такъ скорбѣлъ я, бѣдной жертвѣ много горя предвѣщая
Въ это время въ церковь свадьба появляется другая.
Люди бѣдные, какъ видно. Приглашенныхъ очень мало
Всѣ безъ свѣтской политуры, всѣ одѣты какъ попало
Но женихъ такъ свѣжъ и молодъ; онъ съ такой надеж-
дой ясной
Руку далъ своей невѣстѣ, тоже юной и прекрасной.
И глядятъ въ глаза другъ другу такъ свѣтло и прямо оба
Что съ души моей спадетъ и унынiе, и злоба—
И шепчу я: „Будетъ ясенъ путь вашъ скромный и не-
шумный;
Будетъ вамъ опорой вѣчный трудъ здоровый и разумный
Ваша преданность другъ другу и взаимное участье
Мнѣ ручаются за ваше продолжительное счастье.“
Года три прошло. Я снова встрѣтилъ обѣ пары эти:
Та, которой я пророчилъ столько слезъ, блистала въ свѣтѣ
Беззаботно толковала про гулянье и наряды,
На развалину—супруга очень ласковые взгляды
Устремляла, и я слышалъ, какъ вокругъ меня твердили
„Вотъ счастливица!“ И правду эти люди говорили:
Бракъ, суливший столько горя, столько муки и позора
Въ бракъ спокойный и завидный превратился очень
скоро,—
И слѣды гнуснѣйшей купли и постыднѣйшей продажи
Уничтожили на вѣки—деньги, платья, экипажи.
Но за то другая пара—та, которой обѣщало
Все спокойную дорогу, та, въ которой все дышало
Свѣжей жизнью, дружной силой, безпредѣльнымъ уповани-
емъ.
Какъ она перемѣнилась подъ безвыходнымъ страданьемъ
На ихъ лицахъ исхудалыхъ, въ каждомъ взглядѣ, въ
каждомъ звукѣ

читалъ разсказъ о долгой и губящей душу мукѣ,
борьбѣ съ трудомъ и ложью, объ утратѣ вѣры ясной.
ь жизнь, которая казалась имъ цвѣтущей и прекрасной.
ти вѣчныя невзгоды, эти вѣчныя мученья
травили оба сердца горькимъ ядомъ озлобленья,
изъ устъ, что такъ недавно про любовь свою шептали
олько мрачныя проклятья безпощадно вылетали.



В. С. КУРОЧКИНЪ.

*
* *

Честнымъ я прожилъ пѣвцомъ,
Жилъ я для слова родного.
Гробъ мой украсьте вѣнкомъ:
Труднымъ для дѣла благого
Въ жизни прошелъ я путемъ.

Пѣлъ и боролся со зломъ
Силою смѣха живого.
Гробъ мой украсьте вѣнкомъ:
Труднымъ для дѣла благого
Въ жизни прошелъ я путемъ.

*
* *

Какъ въ наши лучшіе года
Мы пролетаемъ безъ участья,
Помимо истиннаго счастья!

Мы молоды, душа горда...
Какъ въ насъ заносчивости много!
Предъ нами свѣтлая дорога—
Проходятъ лучшіе года!

Проходятъ лучшіе года—
Мы все идемъ дорогой ложной:
Вслѣдъ за мечтою невозможной
Идемъ невѣдомо куда;
Но вотъ оврагъ—вотъ мы споткнулись...
Кругомъ стемнѣло... Оглянулись—
Нигдѣ ни звука, ни слѣда!

Нигдѣ ни звука, ни слѣда,
Ни свѣтлыхъ дней, ни сожалѣнья;
На сердцѣ тяжесть оскорбленья
И одиночество стыда.
Для утомительной дороги
Нѣтъ силы,—подкосились ноги,
Погасла дальняя звѣзда!

Погасла дальняя звѣзда,
Пора, пора душой смириться!
Надъ жизнью нечего глумиться,
Отвѣдавъ горькаго плода;
Или, съ безсильемъ старой дѣвы,
Твердить упорно: „гдѣ вы, гдѣ вы,
Вотще минувшіе года!“

Вотще минувшіе года
Не лучше-ль справить честной тризной?
Не осквернимъ же укоризной

Господень міръ и никогда,
Съ безсильной злобой оскорбленныхъ
Не осмѣемъ четы влюбленныхъ,
Влюбленныхъ въ лучшіе года!

Раздумье.

Золъ я впервые сегодня вполнѣ,
Золъ—оттого, что нѣтъ злости во мнѣ.

Нѣтъ этой злости, которая смѣло
Прямо изъ сердца срывается въ дѣло.

Нѣту ее—ненавистницы фразъ,
Злобы святой, возвышающей насъ.

Есть только жалкая, мелкая злоба,
Не доводящая даже до гроба;

Злоба, съ которой хоть семьдесятъ лѣтъ
Можно прожить безъ особенныхъ бѣдъ

И умереть, чтобы видѣли внуки
Самый пошлѣйшій родъ смерти,—отъ скуки.

Завѣщаніе.

Мой сынъ, я въ вѣчность отхожу
Изъ мрака суеты;
Сказалъ бы: въ рай, да не скажу,
И не повѣришь ты.
Мой сынъ, я въ вѣчность отхожу
Изъ мрака суеты.

Мой сынъ, ввҌряясь небесамъ,
    НадҌйся, уповай;
Но на Бога надҌясь, самъ,
    Мой милый, не плошай.
Мой сынъ, ввҌряясь небесамъ,
    НадҌйся, уповай;

Мой сынъ учись—ученье свҌтъ,
    А неученье тьма;
А жизнь на все ужъ дастъ отвҌтъ,
    По своему, сама...
Мой сынъ, учись—ученье свҌтъ,
    А неученье тьма.

Мой сынъ, любовь—союзъ сердецъ,
    Къ блаженству первый шагъ;
Второй шагъ будетъ подъ вҌнецъ,
    А третій—подъ башмакъ.
Мой сынъ любовь—союзъ сердецъ,
    Къ блаженству первый шагъ.

Мой сынъ, твоя опора—трудъ,
    Твое все счастье въ немъ;
Хотя съ трудомъ въ больницахъ мрутъ,
    Живущіе трудомъ.
Мой сынъ, твоя опора—трудъ,
    Твое все счастье въ немъ.

Мой сынъ, спокойствіе души—
    Отрада бҌднякамъ,
За то ужъ въ немъ всҌ барыши
    И всҌ успҌхи намъ,
Мой сынъ, спокойствіе души—
    Отрада бҌднякамъ.

Мой сынъ, будь честенъ и горячъ,
Въ борьбѣ для счастья всѣхъ.
Да только послѣ ужъ не плачь,
Услышавъ общій смѣхъ.
Мой сынъ, будь честенъ и горячъ
Въ борьбѣ для счастья всѣхъ.

Мой сынъ, я въ вѣчность отхожу
Изъ мрака суеты,
Сказалъ бы: въ рай, да не скажу,
И не повѣришь ты.
Мой сынъ, я въ вѣчность отхожу
Изъ мрака суеты.

Старичокъ въ отставкѣ.

Литературой обличительной
Я заклейменъ,
Я слышу говоръ, смѣхъ язвительный
Со всѣхъ сторонъ.
Еще добро-бъ порода барская,
А то вѣдь зря,
Смѣется челядь канцелярская
И писаря!

А мнѣ всего былъ данъ родителемъ
Одинъ тулупъ,
И съ нимъ совѣтъ—чтобы съ просителемъ
Я не былъ глупъ,
Что „благо всякое даяніе“,
Да „спину гни!“—
Вотъ было наше воспитаніе
Въ былые дни.

Въ уѣздный судъ судьбой заброшенный
Въ шестнадцать лѣтъ,
Я вицмундиръ купилъ поношеный—
И бѣлый свѣтъ,
Съ его соблазнами, приманками—
Мнѣ не свѣтилъ,
Между обложками и бланками
Въ струяхъ чернилъ,

Я не забылъ отцовы правила.
Былъ вѣренъ имъ:
Меня всегда начальство ставило
Въ примѣръ другимъ.
Сносивъ щелчки его почтительно,
Какъ благодать,
Я даже мысли возмутительной
Не смѣлъ питать.

Я въ каждомъ старшемъ видѣлъ генія,
Всю суть наукъ,—
Я взялъ жену безъ разсужденія
Изъ старшихъ рукъ.
И какъ супруга съ ребятишками
Пилить пойдутъ,
Такъ я ученаго бы съ книжками,
Поставилъ тутъ!

Я имъ опорой былъ единою.
Все нужно въ домъ:
И зашибешься гдѣ—полтиною,
А гдѣ рублемъ.
Дорога тѣсная, извѣстная:
Бралъ—все равно,
Какъ птичка Божія небесная
Клюетъ зерно.

Клюютъ пернатыя, отъ сокола
До голубковъ,
Клюютъ, клюютъ кругомъ и около:
На то данъ клевъ.
За что жъ, когда такъ умилительно
Міръ сотворенъ,
Литературой обличительной
Я заклейменъ?

На масляницѣ.

Я выспался сегодня превосходно,
Мнѣ такъ легко—и въ головѣ моей,
Я чувствую, логично и свободно
Проходитъ строй рифмованныхъ идей.
— Чтожъ? Пользуйтесь минутой вдохновенья
Воспойте намъ прогрессъ родной страны,
Горячія гражданскія стремленья...
— Нѣтъ, господа, давайте ѣсть блины!

— Мы шествуемъ путемъ преуспѣванья,
Запечатлѣвъ успѣхомъ каждый шагъ:
Разсѣялъ свѣтъ побѣдоносный знанья
Невѣжества и самодурства мракъ.
Омаровъ ужъ осталось очень мало,
Атиллы ужъ нисколько не страшны.
Карайте ихъ сатирой Ювенала...
— Нѣтъ, господа, давайте ѣсть блины!

— Замѣтно ужъ смягчились наши нравы,
На честный смѣхъ нельзя ужъ нападать,
Въ свои права вступилъ разсудокъ здравый,
И въ корнѣ зло преслѣдуетъ печать

Ужъ на нее утихли всѣ нападки,
Враги ея безсильны и смѣшны.
Раскройте намъ всѣ наши недостатки...
— Нѣтъ, господа, давайте ѣсть блины!

— Во всемъ прогрессъ! Съ его побѣднымъ ходомъ
Въ понятіяхъ вездѣ переворотъ,
Свершается сліяніе съ народомъ.
Что чувствуетъ въ такіе дни народъ!
Въ своихъ стихахъ восторженно-свободныхъ
Вы, какъ поэтъ, изобразить должны
Избытокъ чувствъ и радостей народныхъ...
— Нѣтъ, господа, давайте ѣсть блины!

— Нѣтъ, господа, любя страну родную,
Стремясь къ тому, чтобъ каждый въ ней былъ сытъ,
Я никого стихами не взволную
И портить вамъ не стану аппетитъ.
Мы круглый годъ и такъ себя морочимъ.
Ужъ если пѣть—такъ пѣсни старины.
Давайте пѣть вино, любовь... а впрочемъ...
Нѣтъ, господа, давайте ѣсть блины!

Тикъ-такъ! Тикъ-такъ!

Тикъ-такъ! Тикъ-такъ! Спокойно, ровно
Свершаетъ маятникъ свой кругъ,
Тоска томитъ меня, и словно
Меня пугаетъ этотъ стукъ.—
Какъ будто, съ явною насмѣшкой,
Связавъ мнѣ ноги, лютый врагъ
Мнѣ говоритъ: „Иди! Не мѣшкай“!
Тикъ-такъ! Тикъ-такъ!

Увы! по прежнему, исправно
Кружась, какъ бѣлки въ колесѣ,
Вдругъ слышать явственно, недавно
Тикъ-такъ, тикъ-такъ! мы стали всѣ.
Мы маршируемъ, пляшемъ, пишемъ,
Дни коротаемъ кое-какъ,
А ночью всѣ съ тоскою слышимъ:
Тикъ-такъ! Тикъ-такъ!

Звукъ съ дѣтства каждому знакомый—
Тикъ-такъ, тикъ-такъ—извѣстный звукъ.
Не знаемъ сами, отчего мы
Его пугаться стали вдругъ.
То страхъ возьметъ, то вспыхнетъ злоба...
Ты, будто слышишь въ немъ, землякъ,
Стукъ молотка о крышку гроба—
Тикъ-такъ! Тикъ-такъ!
Чертогъ твой вижу изукрашенъ
Дѣлами предковъ, гордый мужъ!
Ты вчужѣ для меня былъ страшенъ,
Владѣя тысячами душъ.
Ты грезишь, въ сумракѣ, со страхомъ,
Что всѣхъ людей твоихъ, собакъ
Уноситъ время, съ каждымъ взмахомъ—
Тикъ-такъ! Тикъ-такъ!

Чертогъ твой вижу либеральный,
Нинонъ Ланкло изъ русскихъ дамъ,
И разговоръ патріархальный
Объ мужичкахъ я слышу тамъ.
Но вамъ не ловко... Вслѣдъ за споромъ
Вдругъ смолкнетъ весь ареопагъ
И простучитъ для всѣхъ укоромъ:
Тикъ-такъ! Тикъ-такъ!

Я вижу, канцелярскій геній,
Твой кабинетъ и трудъ ночной.
И рядъ твоихъ соображеній,
Гдѣ распустить, гдѣ крикнуть: „стой!“
Но тщетны мудрыя уловки!
Ты сталъ блѣднѣй своихъ бумагъ,
Услышавъ стукъ безъ остановки:
Тикъ-такъ! Тикъ-такъ!

Смотри: усердный твой поклонникъ—
Медоточивый публицистъ,
Трудясь надъ составленьемъ хроникъ,
Не кончивъ, вдругъ бросаетъ листъ.
Онъ вдругъ почуялъ, въ страшной мукѣ,
Всѣхъ этихъ гимновъ ложь и мракъ
Въ побѣдоносно-ровномъ стукѣ:
Тикъ-такъ! Тикъ-такъ!

Тикъ-такъ, тикъ такъ—въ спокойной силѣ
Волнуетъ сердце, гонитъ сонъ...
Что-жъ это? Скука просто,—или
„Глаголъ временъ, металла звонъ?“
Мы слышимъ, въ ровномъ этомъ ходѣ,
За звукомъ—звукъ, за шагомъ—шагъ;
Движенье вѣчное въ природѣ:
Тикъ-такъ! Тикъ-такъ!

Мы слышимъ, въ звукахъ всѣмъ понятныхъ.
Законъ явленій міровыхъ:
Въ природѣ нѣтъ шаговъ попятныхъ;
Нѣтъ остановокъ никакихъ!
Мужайся, молодое племя!

Въ сіяньи дня исчезнетъ мракъ,
Тебѣ подсказываетъ время:
Тикъ-такъ! Тикъ-такъ!

На могилѣ Д. И. Писарева.

(братьямъ писателямъ).

Еще одинъ изъ строя выбылъ вопъ,
Гдѣ ужъ и такъ ряды не слишкомъ тѣсны.
Миръ памяти скончавшагося, онъ
Писатель былъ талантливый и честный.

Талантливый и честный! Въ двухъ словахъ
Заключена властительная сила;
Одушевленъ былъ ею этотъ прахъ,
Освящена теперь его могила

Въ борьбѣ со зломъ, идущей безъ конца,
Имъ двигала полезная идея,—
И юношамъ въ ихъ чистыя сердца
Онъ внесъ ее, умами ихъ владѣя.

Усопшій братъ! Міръ памяти твоей.
Увы! Ты жилъ, какъ Добролюбовъ, мало.
Ты чистъ, какъ онъ; зерна твоихъ идей
Не подточило опытности жало.

Мы видѣли, какъ старились умы
И какъ сердца прекрасныя скудѣли.
Поклонимся-жъ могилѣ ранней мы,
Созрѣвшіе для неизвѣстной цѣли.

Друзьямъ Мартынова.

Кружась, Богъ знаетъ, для чего
И для какой потѣхи,
Мы всѣ смѣшны до одного
Въ своихъ слезахъ и смѣхѣ.
Друзья мои, когда вамъ милъ
Смѣхъ, вызванный слезами,—
Почтимъ того, кто насъ смѣшилъ,
Смѣясь надъ нами—съ нами.
Блуждая ощупью, впотьмахъ,
Отъ водевилей къ драмамъ,
Смѣшные въ искреннихъ слезахъ,
Мы жалки въ смѣхѣ самомъ.
Средь мертвыхъ душъ, живыхъ могилъ,
Полуживые сами,
Почтимъ того, кто насъ смѣшилъ,
Смѣясь надъ нами—съ нами.
Когда другъ друга мы смѣшимъ,
Актеры противъ воли,
И монологи говоримъ,
Пустые, въ жалкой роли,—
Онъ откровеннымъ смѣхомъ былъ
Всесиленъ надъ сердцами.
Почтимъ его: онъ насъ смѣшилъ,
Смѣясь надъ нами—съ нами.
Почтимъ его! Сердечный смѣхъ,
Веселость безъ предѣла
Дарили жизнью даже тѣхъ,
Въ комъ сердце оскудѣло.
Тотъ смѣхъ, какъ милостыня, былъ
Сбираемъ богачами...
Почтимъ его! онъ насъ смѣшилъ,
Смѣясь надъ нами—съ нами.

Почтимъ его! Однимъ лицомъ,
Мѣнявшимъ очертанья,
Онъ вызывалъ надъ сильнымъ зломъ
Смѣхъ честнаго страданья,—
И смѣхъ, на время, уносилъ
Нужду съ ея бѣдами...
Почтимъ его! онъ насъ смѣшилъ,
Смѣясь надъ нами—съ нами.
Почтимъ его! Припомнимъ залъ,
Гдѣ, отъ райка до креселъ,
Мужикъ послѣдній хохоталъ,
Послѣдній фатъ былъ веселъ!...
Взрывъ смѣха общаго дружилъ
Ливреи съ армяками...
Почтимъ его! Онъ насъ смѣшилъ,
Смѣясь надъ нами съ—нами...
Почтимъ его! Намъ много слезъ
Оставлено судьбою,
Но ужъ Мартыновъ въ гробъ унесъ
Могучій смѣхъ съ собою,
Которымъ онъ одинъ смѣшилъ,
Смѣясь надъ нами—съ нами,
Который съ жизнью насъ мирилъ
И вызванъ былъ слезами.

Д. Д. МИНАЕВЪ.

Послѣдняя оргія.

(Поэма).

I

На Олимпѣ былъ пиръ у боговъ.
За трапезой торжественной
Боги пили свой нектаръ божественный
И съ цвѣтущихъ земныхъ береговъ
Виноградниковъ соки душистые.
Ѳиміамы курились волнистые,
Раздавался звонъ чашъ и цѣвницъ,
И незримыхъ пѣвцовъ и пѣвицъ
Сладкозвучное слышалось пѣніе;
Очи ярко пылающихъ лицъ
Разгорались огнемъ опьяненія.

Искрометныя Вакха струи
Лили въ емкіе кубки свои
Небожители, всѣ безъ различія,

И, забывъ Олимпійцевъ величіе,
Точно мертвые, чужды тревогъ,
Вѣчно юные, вѣчно влюбленные,
Возлежали у ногъ
Распростертыхъ богинь, упоенные
Ихъ любовью и ласками ихъ,
И янтарно-прозрачными винами.
Самъ Зевесъ сладострастно притихъ
И чело подъ густыми сѣдинами
На колѣна Киприды склонилъ,
Но сквозь сонъ чуткимъ слухомъ ловилъ
Пѣсни музъ, умиленный ихъ дивными,
Раболѣпными, льстивыми гимнами.
Весь Олимпъ стихъ, какъ онъ;
Посреди вакханаліи шумной,
Лишь красавецъ одинъ Апполонъ
Въ сонмѣ музъ хохоталъ, какъ безумный,
Не страшась громовержца небесъ...
Весь Олимпъ призамолкъ, но Зевесъ
Поднялъ вѣжды свои утомленныя,
Повелительно дрогнула бровь,
Въ тотъ же мигъ началась изступленная
Олимпійская оргія вновь.

Ожилъ пиръ. Въ общемъ говорѣ, смѣшанномъ
Съ трепетаньемъ серебряныхъ струнъ,
Съ звонкимъ смѣхомъ и хохотомъ бѣшеннымъ
Даже мрачный Плутонъ и Нептунъ
Необузданно и до излишества
Предались возліяніямъ пиршества.
Гулъ его уходилъ за предѣлъ облаковъ,
На Олимпъ, словно горы, надвинутыхъ!
А внизу посреди опрокинутыхъ
Чашъ, разбросанныхъ, смятыхъ вѣнковъ,

Лиръ изломанныхъ, грацій танцующихъ,
Звуковъ трубныхъ, тимпановъ, роговъ,
Пѣсенъ, шутокъ, проклятій ликующихъ
До безумья дошедшихъ боговъ,—
Невозможно итти было далѣе.—
Безконечная шла сатурналія.

II.

Вдругъ,—откуда? никто не видалъ;
Предъ лицо бѣсноватаго сборища,
Какъ безмолвный свидѣтель позорища,
Мужъ, богамъ незнакомый, предсталъ,
Неожиданный ими, нечаянный;
Ликъ изъ мрамора точно изваянный,
Голубиная кротость въ очахъ,
И чело неземное въ лучахъ,
Подъ терновымъ вѣнцомъ изъязвленное.
Бѣлоснѣжной туникой былъ скрытъ его станъ,
И носили слѣды незакрывшихся ранъ
Его руки и ноги пронзенныя.

На плечѣ съ колоссальнымъ крестомъ
Онъ вошелъ, и молчанье могильное
Воцарилось мгновенно кругомъ:
Въ тишинѣ только слышалось сильное
Трепетанье безсмертныхъ сердецъ.
При явленіи гостя чудеснаго—
Чувство страха, богамъ неизвѣстнаго,
Охватило ихъ...
Дивный пришлецъ,
Вскинувъ очи свои, негодующимъ,
Гнѣвнымъ взглядомъ обвелъ всѣхъ окрестъ,
Словно вызовъ кидая пирующимъ,

И тяжелый свой крестъ
Бросилъ молча среди возмутительной.
Стихшей оргіи. Громъ оглушительный
Застонавшую землю потрясъ.
Брызнулъ молній потокъ ослѣпительный.
Ливнемъ яркимъ багровымъ струясь
И сражая бичами небесными
Олимпійцевъ, поверженныхъ въ прахъ.

Повторяемъ горами окрестными.
Откликаясь въ степяхъ и лѣсахъ.
Тотъ громовый ударъ потрясающій
Всколыхнулъ весь языческій міръ.
И исчезъ въ мракѣ бездны зіяющей
Оглушенный, раздавленный пиръ.

Вѣчная невѣста.

Молода, безсмертна. какъ природа.
Какъ невѣста. сходитъ въ міръ свобода
Передъ ней — благоговѣйно-тихъ —
Міръ не разъ склонялся. какъ женихъ.
И не разъ межъ нихъ — землѣ казалось —
Обрученья тайна совершалась.
И въ виду священныхъ. вѣчныхъ узъ
Близокъ былъ божественный союзъ.
На челѣ богини новобрачной
Былъ покровъ таинственно-прозрачный;
Но, при видѣ брачнаго вѣнца.
Жизнь сбѣгала съ гордаго лица.
И, съ себя роняя покрывало.
Каждый разъ невѣста исчезала.
И донынѣ сходитъ въ міръ она,

Цѣломудріемъ своимъ защищена.
Оставаясь вѣчно для вселенной
Недоступной, чистой и нетлѣнной.

Надъ полями битвъ.

Приди, приди ко мнѣ, иронія святая.
Приди, чтобы я могъ склониться предъ тобой!
Двѣ націи ведутъ упорный бой,
Двѣ націи льютъ кровь, изобрѣтая
Орудья къ истребленію людей.
Всѣ знанія, все торжество идей
Несетъ цивилизованная раса
На бойню человѣческаго мяса,
И скошенной травою съ двухъ сторонъ
Ложится окровавленная масса.
Какъ варвары доисторическихъ временъ.
Въ чаду войны, подъ скрежетъ и проклятья
Другъ друга бѣшено губить стремятся братья.
Какъ кафры. обращаются въ звѣрей
По самовластной прихоти,—но въ небо
Несется вопль оставшихся безъ хлѣба
И безъ угла вдовицъ и матерей,
И надъ тобой, планета проклятая,
Лишь стонъ стоитъ въ неистовой борьбѣ...
Приди-жъ. приди ко мнѣ. иронія святая,
Приди. чтобъ поклонился я тебѣ!

Каинъ.

Когда. на вѣки проклятъ Іеговой,
Скитался Каинъ блѣдный и суровый

Съ своей истомленной семьей
И грохотъ неба слышалъ за собой.

Остановился къ ночи онъ въ долинѣ,
Горами окруженный. Тамъ въ кручинѣ,

Почти безъ силъ, и дѣти, и жена
Сказали: „Здѣсь для отдыха и сна

Приляжемъ мы“. Но Каинъ, сна лишенный,
Сѣлъ подъ горою, въ думу погруженный.

Взглянулъ онъ вверхъ и въ небѣ въ этотъ часъ
Онъ увидалъ недвижно-яркій глазъ,

Смотрѣвшій на него упорно въ мракѣ ночи,
И Каинъ задрожалъ и, опустивши очи,

Проговорилъ: „Мы все еще ушли
Недалеко“. Тогда опять съ земли

Онъ поднялъ изнуренное семейство
И, сумрачный, какъ самое злодѣйство,

Онъ вновь впередъ, впередъ направилъ путь,
Не смѣя ни минуты отдохнуть,

Безъ устали, безъ сна и безъ оглядки,
При каждомъ шорохѣ дрожа, какъ въ лихорадкѣ,

Шелъ торопясь все дальше, безъ рѣчей;
Шелъ тридцать дней и столько-же ночей.

Такъ онъ достигъ до берега морского,
Гдѣ въ первый разъ сказать рѣшился слово:

„Здѣсь остановимся. Пріюта лучше нѣтъ,
Нѣтъ далѣе путей: кончается здѣсь свѣтъ.“

Но въ тотъ же мигъ, когда онъ опустился,
Чтобъ отдохнуть, надъ нимъ опять явился

Недвижный глазъ въ недвижныхъ небесахъ,
И овладѣлъ имъ снова прежній страхъ.

„О спрячьте вы меня куда-нибудь далеко
Отъ этого пронзающаго ока!“

Кричалъ онъ въ трепетѣ, блѣднѣе мертвеца:
И своего жестокаго отца

Не узнавали дѣти: такъ онъ измѣнился.
И къ сыну Авелю тогда онъ обратился,

Къ родоначальнику кочующихъ племенъ,
Которые съ пустыней, отъ пеленъ,

Сживаются и спятъ въ ней подъ шатрами:
„Сынъ, разверни палатку ты надъ нами.

Чтобъ съ этой стороны не видѣлъ я небесъ.“
И подъ шатромъ, подъ тяжестью завѣсъ

Онъ спрятался. Тогда его спросила
Румяная какъ роза, внучка Цилла:

„Ты больше ничего не видишь?“—„Нѣтъ.
Все то-же око вижу,“ былъ отвѣтъ.

Тогда Ювалъ за брата сталъ на смѣну,
Воскликнувъ: „Я могу воздвигнуть стѣну...“

Когда-жъ была воздвигнута она,
Надъ Каиномъ громадная стѣна,

Онъ простоналъ: „Передъ собою все-же
Недвижимое я око вижу тоже“.

— „Такъ выстроимъ такую крѣпость мы,—
Сказалъ Энохъ;—такое царство тьмы,

Чтобъ самый видъ его зловѣщихъ башенъ
Гналъ отъ себя и всѣмъ казался страшенъ;

Построимъ мрачный городъ мы и въ немъ
Отъ свѣта спрячемся и Каина запремъ“.

И выстроенъ былъ городъ необъятный,
Чудовищный, уму невѣроятный;

Пока онъ строился изъ каменныхъ громадъ,
У стѣнъ его велъ распри съ братомъ братъ.

Съ дѣтьми Эноха бились дѣти Сета;
Кто только мимо шелъ, тому за это

Выкалывали очи; тучи стрѣлъ
Пускали ночью въ звѣзды. И успѣлъ

Межъ тѣмъ подняться городъ изъ гранита.
Казалось, бездна адская въ немъ скрыта.

Отъ башенъ тѣнь, свѣтъ отгоняя прочь,
Вокругъ себя распространяла ночь,

И стѣны необъятныя, какъ горы,
Дивили и запугивали взоры,

А для прохода въ грозную тюрьму
Дверь съ надписью была: „Входъ воспрещенъ Ему“

Когда вполнѣ окончились работы,
То Каинъ, полный страха и заботы,

Въ одну изъ темныхъ башенъ былъ введенъ.
„Исчезъ-ли глазъ?“ услышалъ возлѣ онъ

Трепещущій и нѣжный голосъ Циллы.
— „Нѣтъ, онъ глядитъ! Хочу я до могилы

Жить подъ землей невидимъ никому
И видя самъ одну лишь только тьму.“

И подземелье вырыли. Глубокій
Царилъ въ немъ мракъ и Каинъ одинокій

Спустился внизъ подъ тотъ могильный сводъ;
Когда же запертъ былъ въ его могилу входъ,

То надъ собой, раскрытое широко
Неотразимое онъ вновь увидѣлъ око.

Моисей.

(Восточная поэма).

Къ закату солнце медленно склонялось,
Верхи шатровъ еврейскихъ золотя,
И, золотомъ и пурпуромъ блестя,
На западѣ полъ-неба загоралось.
Въ тотъ самый часъ, когда свѣтило дня

Спускалось къ ложу знойному пустыни,
По крутизнамъ горы, къ ея вершинѣ
Всходилъ пророкъ, чело свое склоня.
Когда же Моисей остановился,
Вокругъ себя бросая долгій взглядъ,
Широкій горизонтъ предъ нимъ открылся.
Увидѣлъ Фазгу онъ и Галаадъ,
Едва въ замѣтныхъ очеркахъ встававшихъ·
Вотъ вправо поднимался передъ нимъ
Близъ Манассіи цѣлый Ефраимъ;
Вотъ дальше къ югу, въ сумеркахъ спадавшихъ,
Безжизненна, пустынна и мрачна,
Открылась Іудейская страна,
Среди песковъ, гдѣ засыпало море;
Вотъ далѣе Невталія видна,
Вся въ зелени, какъ въ праздничномъ уборѣ;
Вотъ видѣнъ городъ пальмъ Іерихонъ,
Цвѣтущими садами окруженъ,
И отъ равнинъ чуть виднаго Фогора
Дремучій лѣсъ, идущій до Сегора.
А вотъ передъ пророкомъ Ханаанъ,
Куда онъ велъ съ собой еврейскій станъ,
Открылся, наконецъ, въ дали туманной,
Не зналъ пророкъ, что въ край обѣтованный,
Не онъ введетъ Израиля дѣтей,
Не тамъ найдетъ могилу для костей...
И снова путь направилъ онъ къ вершинѣ.

*

Евреи у подножья той горы
Остановились къ вечеру въ равнинѣ,
Раскинувъ бѣлоснѣжные шатры,
И, словно волны въ морѣ, колебался
Внизу ихъ станъ. Въ тотъ самый часъ, когда

Росой песокъ пустыни окроплялся
И блѣдная вечерняя звѣзда
На небосклонѣ ярче разгоралась,
Фигура Моисея поднималась
Все выше по горѣ за облака.
Народъ за нимъ слѣдилъ издалека
И долго видѣлъ яркое сіянье,
Струившееся съ дряхлаго чела;
Когда жъ кругомъ легла ночная мгла,
И предъ творцомъ въ торжественномъ молчаньи
Явился на вершинѣ Моисей,
То молніями тучи освѣтились,
А тамъ, внизу горы святой, по всей
Равнинѣ фиміамы закурились.
Склонился въ прахъ среди вечерней тьмы
Еврейскій станъ толпой полмилліонной
И общій хоръ, колѣнопреклоненный,
Пѣлъ на зарѣ священные псалмы.
Левитовъ племя въ станѣ возвышалось,
Какъ кипарисный лѣсъ среди песковъ,
И сладкострунной музыкой безъ словъ
Игра ихъ вмѣстѣ съ пѣніемъ сливалась
Въ единый, стройный гимнъ царю міровъ.

*

А на горѣ, закрытъ свинцовой тучей,
Такъ говорилъ творцу пророкъ могучій:

„Уже-ль мой путь не конченъ, о творецъ!
Куда-жъ меня пошлешь ты, наконецъ!

Я одинокъ въ могуществѣ и силѣ.
Позволь уснуть мнѣ сномъ земнымъ въ могилѣ.—

Избранникъ твой, чѣмъ буду я впередъ?
Какъ ты желалъ, израильскій народъ

Довелъ я до страны обѣтованной.
Онъ видитъ предъ собою край желанный

И я молю, чтобы вождемъ другимъ
Народъ еврейскій былъ руководимъ;

Тому вождю вручу я въ даръ наслѣдный
Свою скрижаль и этотъ жезлъ мой мѣдный.

*

„Зачѣмъ надежы всякой я лишенъ?
Зачѣмъ, какъ прежде, я не погруженъ

Въ невѣдѣнье безвѣстности? До нынѣ
Не смѣла смерть настичь меня въ пустынѣ.

Увы! я мудръ, и славенъ, и великъ:
Единымъ мановеніемъ привыкъ

Дорогу я указывать народу;
Я заставлялъ покорную природу

Земныхъ царей громами поражать;
Я людямъ могъ законы создавать

И въ страхѣ предо мной, въ благоговѣньи
Склонялось не одно ихъ поколѣнье;

Мой жезлъ гробницы предковъ раскрывалъ,
И тайны смерти въ нихъ я прочиталъ.

О, я великъ! У ногъ моихъ покорно
Лежитъ толпа; могу я чудотворно

Губить народъ и къ жизни вызвать вновь.
Но смертныхъ мнѣ невѣдома любовь.

Я одинокъ въ могуществѣ и силѣ.
Позволь уснуть мнѣ сномъ земнымъ въ могилѣ!

*

„Ты далъ мнѣ власть пророчествъ и чудесъ;
Нѣтъ тайны для меня среди небесъ:

Я захочу—и нѣтъ ужъ больше ночи.
Я возведу на небо только очи—

И предо мной обычной чередой
Въ эфиръ звѣзда восходитъ за звѣздой;

Я молніи задерживалъ въ ихъ тучахъ.
Я погребалъ среди песковъ сыпучихъ

Въ развалинахъ большіе города.
На горы горы рушилъ безъ труда;

Передо мною море отступало,
Кога я шелъ, и буря затихала

Подъ голосъ мой. Когда народъ страдалъ
Или законовъ новыхъ ожидалъ,

Къ тебѣ съ мольбой тогда я обращался,
И новой силой духъ мой окрылялся;

Мнѣ солнце покорялось въ вышинѣ,
И ангелы завидовали мнѣ.

Но все же я несчастливъ, Іегова!
Я одинокъ, и власть моя сурова

И тяжела какъ ночью, такъ и днемъ.
Нѣтъ радости въ величіи моемъ,

Забвенья нѣтъ въ могуществѣ и силѣ.
Позволь же мнѣ забыться сномъ въ могилѣ!...

*

«Когда меня призвалъ ты въ первый разъ,
То связь моя съ людьми разорвалась.

И шопотомъ однимъ я былъ встрѣчаемъ:
«Его теперь мы болѣе не знаемъ!»

Потупившись, бѣжали всѣ назадъ:
Такъ жегъ людей пророческій мой взглядъ;

Никто мнѣ чувствъ не выражалъ украдкой,
И въ ужасѣ скрывались за палаткой

Еврейки молодыя отъ меня.
Такъ одинокъ, молчаніе храня,

Я шелъ передъ народомъ. Отчего же
Мнѣ въ мірѣ нѣтъ забвенья, вѣчный боже?

Я не могу спокойно отдохнуть,
Склонивъ чело на дружескую грудь:

Мое чело въ груди пробудитъ муку,
Моя рука сожметъ чужую руку,

Въ моихъ глазахъ и въ голосѣ моемъ
Видна гроза и слышенъ божій громъ,

И если раскрываю я объятья,
Передо мною въ трепетѣ собратья

Склоняются... Создатель! Я великъ
Но тягощусь величьемъ каждый мигъ,

Но одинокъ въ могуществѣ и силѣ...
Позволь же мнѣ уснуть въ сырой могилѣ...»

*

Межъ тѣмъ народъ, чтобъ не гнѣвить пророка,
Палъ ницъ, хранилъ молчаніе глубоко,
На верхъ горы не поднимая глазъ,
Гдѣ громъ гремѣлъ за тучами въ тотъ часъ,
Да молніи извивами сверкали
И очи ослѣпленныя пугали.
Но вотъ Навинъ явился на горѣ.
Онъ былъ одинъ; онъ плакалъ.—На зарѣ
Не Моисей, а вождь новоизбранный
Повелъ народъ къ землѣ обѣтованной.

Изъ старой тетрадки.

Говорятъ про сладость
Честнаго труда...
Милая! онъ въ радость
Былъ-ли намъ когда?

Очерствѣли оба
Мы въ когтяхъ нужды:
Зависть, голодъ, злоба—
Вотъ ея плоды.

Ты лежишь, больная
Не сомкнешь очей;
Я сижу, не зная
Сна уже пять ночей,

Пять ночей надъ пыльной
Кипой скучныхъ дѣлъ...
Сонный и безсильный
Мозгъ окоченѣлъ.

Милая, больна ты;
Но, хоть грудь въ огнѣ,
Мы не такъ богаты,
Чтобы слечь и мнѣ.

Слегъ бы, впрочемъ, тоже.
Затекла рука,
А болѣзнь, о боже!—
Отдыхъ бѣдняка.

Но нужда на стражѣ,
Ждетъ, чтобъ одолѣть...
Не имѣешь даже
Права заболѣть!

Блудныя дѣти.

Когда передъ нами въ образахъ поэта,
Подъ сѣрымъ небомъ бѣдныхъ деревень,
Встаетъ народъ, несущій ночь и день
Тяжелый крестъ,—до слезъ картина эта
Насъ трогаетъ... Дивитъ насъ, сельскій людъ,

Порою, доводя до умиленья,
Твое неистощимое терпѣнье.
Безропотность и безконечный трудъ.
И сердце въ насъ становится моложе
Отъ грустныхъ нотъ пѣвца, и, наконецъ,
Отзывчивые нервы растревожа.
Мы сами плачемъ, какъ пѣвецъ.
И чувствуемъ, что связаны судьбою
Съ тобой, народъ, что кровна эта связь..
Потомъ, вполнѣ довольные собою,
Чувствительностью собственной гордясь,
Какъ практики сухіе по природѣ,
Среди заботъ и нашихъ личныхъ нуждъ.
Позабываемъ скоро о народѣ,
Который намъ на самомъ дѣлѣ чуждъ.
Такъ блудный сынъ, усталый отъ разврата,
Въ минуту свѣтлую, чтобъ успокоить мать,
Клянется всѣмъ, что дорого и свято
Еще ему, иную жизнь начать;
Клянется на колѣняхъ онъ, съ рыданьемъ—
Загладить прошлое безславіе и стыдъ...
Потомъ, очиствъ совѣсть покаяньемъ,
Опять на оргію, полночную бѣжитъ.

Призракъ.

Въ эпоху античнаго вѣка
Мудрецъ, засвѣтивъ свой фонарь,
Ходилъ и искалъ человѣка,
Искалъ человѣка онъ встарь.

Столѣтья прошли, какъ видѣнья,
Исчезнувъ въ прошедшемъ, какъ дымъ,

И въ гробъ не одно поколѣнье
Сошло, чередуясь съ другимъ.—

А тѣнь Діогена все бродитъ
По міру съ своимъ фонаремъ
И свѣтъ безнадежно наводитъ
На встрѣчныхъ и ночью, и днемъ.

Смѣхъ.

Всегда, неподкупенъ, великъ
И страшенъ для всѣхъ безъ различья
Смѣхъ честный—живой проводникъ
Прогресса, любви и величья.

Наивно-прямой, какъ дитя,
Какъ мать—многолюбящій, нѣжный,
Онъ мудрости учитъ, шутя
Смягчаетъ удѣлъ безнадежный:

Струясь, какъ по камнямъ вода,
Какъ чистый фонтанъ водоема;
Торжественный смѣхъ иногда
Доходитъ до грохота грома,

Сливаясь въ густыхъ облакахъ
Въ немолчное, громкое эхо—
И тотъ, кто забылъ всякій страхъ,
Дрожитъ отъ подобнаго смѣха!

Смиряя рыданья порывъ
И гордую скорбь гражданина
Подъ маской шута затаивъ,
Запрятавъ подъ плащъ арлекина,

Стремленіе къ лучшей судьбѣ
Родитъ онъ въ груди всего міра
И съ гидрой пороковъ въ борьбѣ
Сверкаетъ и бьетъ, какъ сѣкира.

Онъ сонную мысль шевелитъ
И будитъ во мракѣ глубокомъ:
Плясалъ вокругъ ковчега Давидъ,
Но былъ и царемъ, и пророкомъ.

Родина.

Какъ мать свою, которая меня
Родила въ свѣтъ, вспоила и вскормила,
Но послѣ не дала такого дня,
Чтобъ этотъ день она не отравила—
То жалобой, за каждый шагъ виня,
За каждое движенье негодуя,
То холодомъ мнѣ душу леденя,—
Такъ и тебя, о родина, люблю я!
Люблю тебя я, какъ постылый сынъ;
Ты мнѣ чужда, ты мачихой мнѣ стала,
Но въ сердцѣ у меня есть уголокъ одинъ,
Гдѣ та любовь еще не умирала.

На баррикадѣ

ди камней на баррикадѣ взятой,
праведная кровь съ виновною лилась,
ъ схваченъ мальчикъ, лѣтъ семнадцати.—«Проклятый!
ы изъ этой шайки?»—Не смутясь,
Да! отвѣчалъ ребенокъ.—«Превосходно!»

Воскликнулъ офицеръ: «Ихъ всѣхъ, поочередно,
Разстрѣливать начнутъ; придетъ и твой чередъ.»
Передъ ребенкомъ пули засвистали;
Онъ видѣлъ, какъ рядами у воротъ,
Товарищи его безмолвно умирали.
Онъ подошелъ къ начальнику.—Отдать
Хотѣлъ бы я часы своей мамашѣ;
Позвольте мнѣ сходить къ ней.—«Ба! удрать
Задумалъ, братъ! Знать страшны пули наши?»
— Я возвращусь сейчасъ-же, капитанъ.—
— «Гдѣ ты живешь?»—Вонъ тамъ, пройдя фонтанъ.
— «Ну, негодяй, бѣги...» Ребенокъ тотчасъ скрылся.
И строй солдатскій смѣхомъ разразился
И стоны умиравшихъ заглушилъ:
— «Вернусь, де-скать! Каковъ? Вотъ шутку отмочилъ!
Когда же вдругъ ребенокъ возвратился,
Смѣхъ замеръ: этого никто не ожидалъ.
Тогда къ стѣнѣ ребенокъ прислонился,
Прекрасный и спокойный, и сказалъ:
— «Стрѣляйте! Я готовъ...»
Но залпъ не прозвучалъ.
Безумью смерти стало даже стыдно,
И мальчикъ былъ отпущенъ безобидно.

Насущный вопросъ.

Гражданинъ.

Молчи, толпа! твой дѣтскій ропотъ
Тревожитъ мирный сонъ гражданъ!
Ужели былъ напрасно данъ
Тебѣ на свѣтѣ долгій опытъ?
Тебя, капризную толпу,

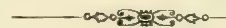
Ведемъ мы къ истинѣ, къ наукѣ,
И, яркій свѣточь взявши въ руки,
Твою житейскую тропу
Мы озаряемъ блескомъ знанья.
Среди блестящаго собранья
Мы проливаемъ много слезъ,
Слагая рѣчь за бѣдныхъ братій,
За всѣхъ, кто много перенесъ
Обидъ, гоненій и проклятій:
Твои невзгоды и тоску
Мы чтимъ въ созданіяхъ поэта,
И среди земскаго совѣта
Даемъ мы мѣсто мужику.
Всему, что сиро и убого,
Мы сострадали столько разъ,
И Ломоносова дорога
Открыта каждому изъ васъ.
Чего-жъ вамъ надо? Не робѣя,
Вкушайте знанья сладкій сокъ:
Сплетемъ мы лавровый вѣнокъ
Для геніальнаго плебея,
И будь онъ селянинъ простой—
Предъ нимъ мы преклонимся дружно.
Чего же вамъ, безумцы, нужно?
Того-ль, чтобъ дождикъ золотой,
Какъ манна, падалъ прямо съ неба,
Балуя праздностью народъ?
Чего жъ вамъ здѣсь недостаетъ!
Чего-жъ хотите?

Толпа.

Хлѣба! Хлѣба!

Иронія судьбы.

Полночь. Огня не видать
Въ тѣсной коморкѣ холодной;
Плачетъ усталая мать,
Плачетъ ребенокъ голодный!..
Ихъ безразсвѣтной судьбѣ,
Стономъ своимъ откликаясь,
Плачетъ и вѣтеръ въ трубѣ,
Плачетъ всю ночь, надрываясь.
Съ влажной стѣны чердака
Крупныя капли спадаютъ;
Видно, въ жильѣ бѣдняка—
Даже и стѣны рыдаютъ!..



Н. А. ДОБРОЛЮБОВЪ.

* *
*

Милый другъ, я умираю
Оттого, что былъ я честенъ;
Но за то родному краю,
Вѣрно буду я извѣстенъ.

Милый другъ, я умираю,
Но спокоенъ я душою...
И тебя благословляю:
Шествуй тою же стезею.

* *
*

Еще работы въ жизни много,
Работы честной и святой:
Еще тернистая дорога
Не залегла передо мной.

Еще пристрастьемъ ни единымъ
Своей судьбы я не связалъ,
И сердце полнымъ господиномъ
Противъ соблазновъ устоялъ.
Я вашъ, друзья,—хочу быть вашимъ.
На трудъ и битву я готовъ,—
Лишь бы начать въ союзѣ нашемъ
Живое дѣло, вмѣсто словъ;
Но если нѣтъ,—мое презрѣнье
Меня далеко оттолкнетъ
Отъ тѣхъ кружковъ, гдѣ словопренье
Опять права свои возьметъ.
И сгибну ль я въ тоскѣ безумной,
Иль въ мирѣ, съ пошлостью людской,
Все лучше, чѣмъ заняться шумной,
Надменно-праздной болтовней.
Но знаю я,—работа наша
Ужъ пилигримовъ новыхъ ждетъ,
И не минетъ святая чаша
Всѣхъ, кто ее не оттолкнетъ.

Нашъ Олимпъ.

Низко наше небо,
Надъ землей оно
Тяжело нависло,
Мутно и темно.
Негдѣ разыграться
Сладостнымъ мечтамъ,
Не откуда взяться
Свѣтлымъ божествамъ.
Но въ лѣсахъ дремучихъ,

Въ омутахъ рѣчныхъ,
Подъ землей, въ болотахъ,
Много духовъ злыхъ,
Ихъ нечистой силой
Связанъ нашъ народъ;
Имъ онъ, полный страха,
Почесть воздаетъ.
Если жъ и подниметъ
Взглядъ свой къ небесамъ,
Все столбы да змѣи
Грозно ходятъ тамъ.

Жалобы ребенка.

Для чего вы связали мнѣ руки,
Для чего спеленали меня
И зачѣмъ на житейскія муки
Обрекли меня съ перваго дня?

Много въ жизни носить мнѣ придется
На душѣ и на тѣлѣ цѣпей.
Вкругъ кипучей груди обовьется
Много, много мучительныхъ змѣй.

Стариной освященный обычай,
Человѣка престранный законъ,
Предписанія модныхъ приличій—
Ими буду весь вѣкъ я стѣсненъ.

Дайте жъ въ дѣтствѣ хотя мнѣ свободы,
Дайте вольно всей грудью вздохнуть,
Чтобы послѣ, въ тяжелые годы,
Могъ хоть дѣтство добромъ помянуть.

Дорожная пѣсня.

Мчитесь, кони, ночью влажной,
Пой „Лучину“, мой ямщикъ!
Этой жалобы протяжной
Такъ понятенъ мнѣ языкъ...

Ты и я, всѣ наши братья,
Наши лучшіе друзья,
Всѣ узнали, безъ изъятья,
То, что такъ крушитъ тебя.

Пой, ямщикъ, твоя кручина
И во мнѣ волнуетъ кровь:
Вѣдь и мнѣ мою лучину
Облила водой свекровь.

А то, какъ было въ избушкѣ
Хорошо она зажглась...
Богъ проститъ моей старушкѣ:
Тьма по сердцу ей пришлась.

Мчитесь, кони, ночью влажной,
Пой „Лучину“, мой ямщикъ!
Этой жалобы протяжной,
Такъ понятенъ мнѣ языкъ...

*
* *

Пускай умру—печали мало,
Одно страшитъ мой умъ больной,
Чтобы и смерть не разыграла
Обидной шутки надо мной:

Боюсь, чтобъ надъ холоднымъ трупомъ
Не пролилось горячихъ слезъ,
Чтобъ кто-нибудь въ усердьи глупомъ
На гробъ цвѣтовъ мнѣ не принесъ.

Чтобъ безкорыстною толпою
За нимъ не шли мои друзья,
Чтобъ подъ могильною землею
Не сталъ любви предметомъ я.

Чтобъ все, чего желалъ такъ жадно
И такъ напрасно я живой,
Не улыбнулось мнѣ отрадно
Надъ гробовой моей доской.

Сила слова.

Моралистъ краснорѣчивый
Намъ о нищихъ говорилъ,
Рѣчью умной и правдивой
Помогать имъ насъ училъ:

Говорилъ о цѣли жизни,
О достоинствѣ людей,
Грозно сыпалъ укоризны
Противъ роскоши дѣтей...

Рѣчь его лилась такъ складно,
Былъ онъ такъ краснорѣчивъ,
Что ему внимали жадно
Всѣ, дыханье затаивъ, —

И, чтобъ не развлечь вниманья,
Отогнали двухъ старухъ.
Что на бѣдность подаянья
Подъ окномъ просили вслухъ.. .

* * *

Мы далеко. Неаполь цѣлый
Слился въ неясныя черты.
Одинъ Сентъ-Эльмо опустѣлый
Насъ провожаетъ съ высоты.

Безъ пушекъ, безъ солдатъ, свободный
Пугать онъ городъ пересталъ
И въ праздникъ вольности народной
Трехцвѣтнымъ пламенемъ сіялъ.

Но подъ веселыми огнями,
Какъ будто демоновъ полна,
Качая длинными тѣнями,
Чернѣла грозная стѣна.

И въ этотъ мигъ, какъ полдень знойный
Стоитъ надъ городомъ живымъ,
Чернѣетъ замокъ безпокойный
Тиранства прежнимъ часовымъ.

И говоритъ: «отсюда можно
Изъ штуцеровъ перестрѣлять
Всѣхъ, кто пойдетъ неосторожно
Свободы истинной искать».

Въ прусскомъ вагонѣ.

По чугуннымъ рельсамъ
Ѣдетъ поѣздъ длинный;
Не свернетъ ни разу
Съ колеи рутинной.

Часомъ въ часъ разсчитанъ
Путь его помильно...
Воля моя, воля!
Какъ ты здѣсь безсильна!

То-ли дѣло съ тройкой
Мчусь, куда хочу я,
Безъ нужды, безъ цѣли
Землю полосуя.

Не хочу я прямо—
Забирай налѣво,
По лугамъ направо,
Взадъ черезъ посѣвы.

Но, увы!—ужъ скоро
Мертвая машина
Стянетъ и раздолье
Руси исполина.

Сыплютъ иностранцы
Русскіе милльоны,
Чтобы русской волѣ
Положить препоны.

Но не поддадимся
Мы слѣпой рутинѣ:
Мы дадимъ духъ жизни
И самой машинѣ.

Не пойдетъ нашъ поѣздъ,
Какъ идетъ нѣмецкій:
То соскочитъ съ рельсовъ
Съ силой молодецкой;

То обвалитъ насыпь,
То мостокъ продавитъ,
То на встрѣчный поѣздъ
Ухарски направитъ;

То пойдетъ потише,
Опоздаетъ вволю,
За мятелью встанетъ
Сутки трое въ полѣ;

А иной разъ просто
Часика четыре
Подождетъ особу
Сильную въ семъ мірѣ.

Да, я вѣрю твердо,
Мертвая машина
Произволъ не свяжетъ
Руси исполина.

Вѣрю: всѣ машины
Съ русскою природой
Сами оживятся
Духомъ и свободой.

Сонъ.

Испытанной судьбой, въ тревожномъ снѣ моемъ
Не убаюканъ я роскошными мечтами.
Все буря снится мнѣ, все молнія и громъ,
Какой-то темный сводъ, да изверги съ цѣпями...
Бываетъ изрѣдка, что грезится и мнѣ
Картина мирная довольства и покоя.
Мнѣ отчій домъ рисуется во снѣ...
Я вновь дитя съ довѣрчивой душою...
Подъ отческимъ надзоромъ я расту,
Не вѣдая ни страсти, ни сомнѣній;
Заботливой рукой лелѣемый, цвѣту,
Вдали отъ горя и людскихъ волненій.
Душа моя радушна и тепла,
Полна любви и вѣры благодатной...
Природа вкругъ меня спокойна и свѣтла
И дышетъ прелестью какой-то непонятной.
Тутъ все со мной, что въ свѣтѣ мило мнѣ,
И кажется въ душѣ нѣтъ мѣста для желанья...
Но въ глубинѣ душевной, и во снѣ,
Шевелится тревожное сознанье,
Что это все мечта, не истина, а сонъ.
И часто у меня, средь чуднаго видѣнья,
Вдругъ вырывается изъ груди тяжкій стонъ,
Душа тоскливо жаждетъ пробужденья.

ОМУЛЕВСКІЙ.

(И. В. Ѳедоровъ).

Письменный столъ.

(Посвящается моему первенцу).

Закончивши пестраго дня суету
И новости всѣ захвативъ на лету,
Спѣшу я съ великой отрадой домой,
Какъ узникъ, разставшійся съ душной тюрьмой.

Тамъ, въ сторону бросивъ парадный костюмъ,
Пускаю на волю я сердце и умъ;
А съ ними, ни чьихъ не пугаясь уликъ,
Развязанъ и мой многогрѣшный языкъ.

Съ веселымъ лицомъ суетясь у огня,
Подруга моя угощаетъ меня;
А блюдъ у нея неудавшихся нѣтъ,—
Вѣдь шутки и смѣхъ приправляютъ обѣдъ.

Мы знаемъ съ ней цѣну хорошимъ вещамъ;
Мишурнаго блеска не надобно намъ.
Но каждый не дружески прожитый часъ
Считается вѣчной потерей для насъ.

И какъ же мнѣ любо, когда на меня
Посыплется градомъ ея воркотня—
Что много я трачу, что надо ее
Давно бы послушать... и прочее все!

Пускай и заглянетъ въ мой уголъ нужда,
Но это еще небольшая бѣда.
На смѣну лишеній и всяческихъ золъ.
Тамъ ждетъ меня роскошь—мой письменный столъ.

За этимъ простымъ заслуженнымъ столомъ
Съ чернильницей старой, съ грошевымъ перомъ,
Я властвую мыслью и такъ же могучъ,
Какъ все проникающій солнечный лучъ.

На полкахъ стоятъ легіоны мои,
Видавшіе славу и черные дни,—
И эта отважная книжная рать
Готова всегда за меня постоять.

Не разъ совершали мы трудный походъ,
Не разъ былъ сомнителенъ битвы исходъ,
Но утро всегда освѣщало враговъ,
Во тьму отступавшихъ отъ нашихъ рядовъ.

И здѣсь же, за этимъ уютнымъ столомъ,
Мы чествуемъ скромно, съ подругой вдвоемъ,
Счастливыя числа отчизны родной—
Побѣды державнаго свѣта надъ тьмой.

Рѣзвящійся тутъ же ребенокъ у ногъ,
Еще не извѣдавшій нашихъ тревогъ,
Какъ будто ужъ празднуетъ съ нами успѣхъ, —
Таковъ его звонкій, чарующій смѣхъ.

Бываетъ и то, что за этимъ столомъ
Уснешь иногда, изнуренный трудомъ...
О, много мы съ нимъ проводили ночей
За скучной работой для жадныхъ людей!

Но зналъ онъ не мало и бѣлыхъ листовъ,
Росписанныхъ къ утру узорами строфъ,
Когда удавался особенно стихъ,
Такъ часто упрямый въ капризахъ своихъ.

Какъ другъ неизмѣнный, мой письменный столъ
И счастье, и горе со мною прошелъ;
Какъ добрый товарищъ, всѣ тайны храня,
Ни разу онъ съ ними не выдалъ меня...

Мой первенецъ милый! На счастье въ борьбѣ,
Его подарю я въ наслѣдство тебѣ, —
Пускай разовьетъ онъ съ годами твой умъ
Во всей чистотѣ незапятнанныхъ думъ!

* *
*

Пускай живетъ въ моей груди
Подольше образъ твой прекрасный,
Но ты сама не приходи
Смущать меня тоской напрасной.

Когда смотрю я на тебя
И слышу гордое признанье,

Что не смутитъ твой духъ борьба
И не измучитъ ожиданье,—

Въ моемъ умѣ встаютъ—прости!—
Иныя, сгинувшія силы,
Мой другъ... мечтавшія какъ ты,
Не поддаваться до могилы.

Но подъ давленіемъ молвы
Ушла ихъ мысль отъ высшей цѣли,
И подъ конецъ, о ней, увы!
Онѣ и слышать не хотѣли.

И я боюсь—въ подобный мигъ,
Холодной выходкой сомнѣнья
Не пошатнулъ бы мой языкъ
Въ тебѣ горячаго стремленья...

Такъ пусть же образъ твой живетъ
Въ моей душѣ, страдавшей много,
А ты безтрепетно впередъ
Иди одна своей дорогой.

Разладъ.

Въ душѣ темно, какъ ночью въ бурномъ морѣ,
И тамъ во тьмѣ, какъ за волной волна,
Безъ устали идетъ за горемъ горе,
Вновь поднимая прошлое со дна.

Вокругъ меня сіяющія лица,
Я слышу смѣхъ ликующихъ людей,
А издали проходитъ вереница
Угрюмыхъ лицъ, страдальческихъ тѣней...

Давно мой умъ опутать, какъ сѣтями,
Стремился тотъ чудовищный разладъ.
Но онъ могучъ надъ слабыми умами,—
Я знать хочу: кто правъ, кто виноватъ!

Мнѣ дѣла нѣтъ до этихъ ликованій,
Пока они доходятъ до меня
Въ сопутствіи подавленныхъ рыданій:
Я свѣта жду,—не призрачнаго дня!

Вѣдь слабый свѣтъ мерцающей зарницы
Не озаритъ широкаго пути;
А солнца лучъ и въ глубину темницы
Способенъ узнику отраду занести.

Въ душѣ темно, какъ ночью въ бурномъ морѣ.
Находитъ скорбь волною за волной...
Но можетъ быть, ты смоешь это горе,
Девятый валъ, когда нибудь собой!

Море.

Коварно море.... Въ тихій часъ
Оно обманываетъ глазъ
Невозмутимостью зеркальной
И, какъ ребенокъ въ пеленахъ,
Лежитъ въ широкихъ берегахъ
Во всей красѣ первоначальной.
Въ слѣпой довѣрчивости къ ней,
Забывъ былые ураганы,
Ея властители-тираны—
Фаланги грозныхъ кораблей—
Ввѣряютъ все ему въ ту пору
И давятъ зыбкую опору

Громадной тяжестью своей...
Но горе вамъ, его владыки!
Быть можетъ, мига не пройдетъ,
Какъ вашъ послѣдній часъ пробьетъ,
Когда съ стремительностью дикой
Внезапно налетѣвшій шквалъ
Гиганта спящаго разбудитъ,
И посѣдѣвшій въ буряхъ валъ,
Разбивъ васъ въ дребезги у скалъ,
Ревѣть надъ вашимъ ухомъ будетъ!

Друзьямъ.

На свѣтѣ, честно отбывая
Урочный срокъ, среди заботъ,
Живу я мирно, уповая,
Что буду честенъ и впередъ.

Дышу, работаю свободно,
Свободно думаю, грущу;
Не жажду почестей безплодно
И утѣшеній не ищу...

Когда же ветхая ливрея
Освободитъ мой духъ вполнѣ,
То, право, можешь не краснѣя,
Ты, ближній, вспомнить обо мнѣ!

*
* *

Зачѣмъ ты бьешься сердце? Или мало
Кровавыхъ ранъ тебѣ нанесено?

Чего ты ждешь? Все лучшее давно
Тебя уже навѣки миновало!

Разбитое безжалостно людьми,
Ты снова, снова просишь ихъ участья,
И думаешь, что свѣтлый призракъ счастья
Прочнѣй кругомъ тебя царящей тьмы?

Не разъ, когда ты обливалось кровью
Подъ спрятаннымъ предательски ножемъ
Въ рукѣ, протянутой къ тебѣ врагомъ,
Съ невыразимой будто-бы любовью,—

Ты обѣщало мнѣ не биться вновь—
И никогда обѣта не сдержало;
Ты въ грудь мою по прежнему стучало,
Не давъ отмыть запекшуюся кровь...

О, сжалься! Посмотри, какъ похудѣло
Мое лицо, не старое еще...
А ты все такъ же бьешься горячо,
Все такъ же кровь расходуешь ты смѣло!

Кругомъ тебя такія же сердца,
Ихъ бьются тысячи въ одно мгновенье,—
Прислушайся: неслышно ихъ біенье,
Какъ не слыхать его у мертвеца.

А бились и они, какъ ты, тревожно,
Но опытъ жизни ихъ угомонилъ—
И, робкія, они остатокъ силъ
Расходуютъ съ разсчетомъ, осторожно...

Учись у нихъ... Но .. нѣтъ! не слѣдуй имъ,—
Терзай меня пока не онѣмѣло:

Тебѣ могу пожертвовать я тѣло
Согрѣтое біеніемъ твоимъ...

Да! бейся вновь, какъ прежде, горячо,
По прежнему захлебывайся кровью.
Съ твоей горячей къ ближнему любовью
Для насъ не все потеряно еще!

Теплый уголъ.

Не велика моя квартира:
Шагнулъ два раза—и стѣна;
Но здѣсь, зато вопросамъ міра
Ширь необъятная дана.

Въ квартирѣ, правда, свѣжесть дачи
И дуетъ запросто сквознякъ,—
Зато, какъ споръ пойдетъ горячій,
Потѣютъ всѣ, да еще какъ!

Положимъ, мебели немного—
Всего два стула да кровать;
Но молодежь не судитъ строго,
И ей къ тому не привыкать.

Притомъ за рядъ такихъ стѣсненій,
Гостямъ совѣтую я всѣмъ
Отнюдь свободу жаркихъ преній
Не ограничивать ничѣмъ.

Подслушать некому ихъ спора:
Слуга для всѣхъ—хозяинъ самъ,

А онъ ихъ юнаго задора
Не выдастъ мнительнымъ умамъ.

Не спорю, могъ бы я прелестный
Себѣ устроить уголокъ,
Да вѣдь порывамъ мысли честной
Открытъ мой настежъ кошелекъ.

Мнѣ говорятъ: „Вы безъ разсчета
Живете, старый холостякъ“.
Но это—мнѣнье идіота,
А для меня оно—пустякъ.

Какъ! эти лица, въ цвѣтѣ жизни,
Что жмутъ мнѣ руку, какъ друзья,
Надежда, будущность отчизны—
Неужли это не семья?

Мнѣ говорятъ: „Самихъ тревожитъ
Васъ часто волчій аппетитъ.“
Такъ что-жъ? Ко мнѣ являться можетъ
Обѣдать каждый, кто не сытъ.

Скудна обитель трудовая,
Но что поставлено на столъ,—
Ѣшь смѣло, юность золотая:
Хозяинъ—русскій хлѣбосолъ.

Одно неладно: для пирушки
Стакановъ, рюмокъ не найдешь,—
Такъ будемъ пить изъ общей кружки...
— За ваше счастье, молодежь!

Сверстникамъ.

(Посвящается памяти Н. И. Шульгина).

Нашъ кругъ рѣдѣетъ то и дѣло.
Враговъ все больше, нѣтъ друзей,—
И ждемъ мы всѣ, на склонѣ дней,
Чье понесутъ первѣе тѣло...
Но намъ могила не страшна,
Мы рады вѣчному покою;
Лишь мысль тревожитъ насъ одна
Съ тоской назойливой и злою:—
Что не увидимъ мы плодовъ
Ни нашихъ думъ, ни нашихъ словъ.

Задачи нашей молодежи
Передъ растеряннымъ умомъ
Стоятъ, какъ въ облакѣ какомъ,
На тѣни блѣдныя похожи.
И эта наша молодежь,
Лишась опоры идеала,
Какъ градомъ выбитая рожь
На нивѣ, спуталась, припала,
И недозрѣвшее зерно
На жалкій ростъ обречено...

Но прочь тяжелое сомнѣнье,
Я вѣрю: въ лучшіе года
Опять отъ нашего труда
На молодое поколѣнье
Повѣетъ свѣжею струей;
Оно съ величіемъ воспрянетъ
Возвыситъ мощно голосъ свой
И насъ добромъ за то помянетъ

Что, выждать жатвы не успѣвъ,
Мы все же дали ей... посѣвъ.

Пѣсня.

Пѣсня—свобода моя,
Пѣсня—моя и отрада!
Если я смолкну, друзья,—
Мнѣ ничего ужъ не надо...

Надъ колыбелью моей
Пѣсня, какъ геній, витала:
Бѣдная мать моя въ ней
Силы свои почерпала...

Слушая пѣсни ея,
Я пріучался сурово
Личное благо свое
Въ счастіи видѣть другого...

Пѣсня вдохнула въ меня
Къ подвигамъ жажду святую,
Чтобъ до послѣдняго дня
Биться за мысль молодую...

Пѣть мастерица была
Дней моихъ свѣтлыхъ подруга;
Съ пѣсней она и ушла
Въ міръ безпечальный отъ друга...

Пѣсней я только и могъ
Эту наполнить потерю;
Я изболѣлъ, изнемогъ
Но... въ возрожденіе вѣрю...

Пусть и еще надо мной
Бури промчатся съ грозою,—
Прежде, чѣмъ пасть подъ грозой,
Встрѣчу ихъ пѣснью родною...

Если-жъ я смолкну, друзья,—
Мнѣ ничего ужъ не надо:
Пѣсня—свобода моя,
Пѣсня—моя и отрада!

* *
*

Если ты странствуешь, путникъ,
Съ цѣлью благой и высокой,
Ты посѣти между прочимъ
Край мой далекій...

Тамъ сквозь снѣга и морозы
Носятся мощные звуки;
Встрѣтишь людей тамъ, что терпятъ
Муки за муки...

Нѣтъ тамъ пустыхъ истукановъ,
Вздоховъ изнѣженной груди...
Тамъ только люди да цѣпи,
Цѣпи да люди!

А. П. БАРЫКОВА.

Крылья.

Мнѣ снился сонъ и странный, и тревожный,
Что будто бы умѣю я летать,
Когда хочу... (Во снѣ порою можно
Ужасную нелѣпость увидать...)
По грязной улицѣ, въ ночную пору,
Иду во снѣ, по лужамъ и въ потьмахъ.
Мнѣ тяжело, дорога вьется въ гору,
А я тащусь въ промокшихъ сапогахъ,
И слышу вдругъ какой-то шопоть сладкій:
„Вѣдь крылья есть!.. Зачѣмъ же не летишь.
„А, какъ червякъ, ползешь по лужѣ гладкой—
„И падаешь, и ощупью скользишь?..“
Тутъ сила новая во мнѣ проснулась,
И смѣлою, и легкою ногой
Отъ грязи, отъ земли я оттолкнулась,
И въ воздухѣ лечу... Лечу—стрѣлой...
Несетъ меня невѣдомая сила,
Мнѣ дышется такъ вольно и легко...

Въ густой туманъ закутавшись уныло.
Внизу земля осталась далеко...
А на верху волшебной красотою
Сіяетъ ночь въ порфирѣ голубой.
И полно все чудесной тишиною
И вѣчною, холодной чистотой.
Земля и жизнь, волненія и страсти,—
Страданія людей оттуда такъ смѣшны,
Что глазки звѣздъ безъ всякаго участья
Глядятъ на нихъ изъ синей глубины...
Но мнѣ летать такъ скоро надоѣло,
И съ высоты спустилась я опять,
Чтобъ вновь начать свое земное дѣло:
Скользить въ грязи—и падать, и страдать!...

Пѣсня паріевъ.

Какое дѣло намъ, что къ яснымъ небесамъ
Летитъ высоко дымъ отъ жертвоприношенья,
Что яркіе цвѣты пестрѣютъ по лугамъ,
Что Ганга свѣтлаго священное теченье
Плодотворитъ поля, лежащія кругомъ,
Что солнце золотитъ плоды своимъ лучомъ?

На пажитяхъ стада пасутся не для насъ;
И пчелы не для насъ сбираютъ медъ душистый.
Гдѣ тѣ источники, гдѣ можемъ мы хоть разъ
Напиться въ знойный день воды студеной, чистой?
Есть водопой для насъ, гдѣ пить не станетъ скотъ,
На днѣ вонючихъ ямъ, въ окраинахъ болотъ.

Гдѣ тѣ лежатъ поля, гдѣ нашъ взрастаетъ рисъ!
Гдѣ, весело шумя широкою волною,

Пшеницы пышные колосья налились.
Для пищи намъ зерно готовя золотое?..
Нѣтъ въ полѣ стебелька, нѣтъ травки по лугамъ,
Былинки въ мірѣ нѣтъ, принадлежащей намъ.

Въ трущобахъ и лѣсахъ есть норы у звѣрей,
А пташка малая въ тѣни деревъ прохладной
Для гнѣздышка птенцовъ, для пѣсенки своей
Всегда найдетъ пріютъ покойный и отрадный...
Гдѣ-жъ Паріевъ дитя увидитъ Божій свѣтъ?
Гдѣ колыбель его? Ему пріюта нѣтъ.

Когда съ долины тѣнь поднимется и мглой
Окутаетъ лѣсовъ священныя вершины,
Пригонитъ Падіалъ своихъ слоновъ домой,
А Судра съ пѣснями съ засѣянной равнины
Приходитъ—и семьи вечерней пиръ готовъ...
Гдѣ Парія найдетъ гостепріимный кровъ?...

Когда надъ всей землей царитъ нѣмая ночь,
И женщины творятъ таинственные знаки,
Чтобъ сонмы злыхъ духовъ прогнать отъ дома прочь,
И все живое спитъ въ густомъ, безмолвномъ мракѣ...
Гдѣ Парія тогда вкуситъ отрадный сонъ?
Найдетъ ли гдѣ-нибудь себѣ ночлегъ и онъ?

Когда приходитъ смерть, и вся семья въ слезахъ
Надъ тѣломъ мертвеца творитъ обрядъ прощальный.—
Течетъ бальзамъ въ костеръ на драгоцѣнный прахъ,
И къ небу „духъ“ летитъ съ молитвой погребальной,
Съ надеждой радостной на „пробужденья“ часъ...
Намъ воскресенья нѣтъ... Какъ нѣтъ боговъ для насъ.

Картинка съ натуры.

не могу забыть ужаснаго видѣнья...
трашнѣй всего въ немъ то, что это не былъ сонъ.
е бредъ болѣзненный, не ложь воображенья,—
ошмаръ былъ наяву, и солнцемъ освѣщенъ...
борвана, блѣдна, худа и безобразна,
езчувственно пьяна, но, вѣрно, голодна,
дверп кабака засаленной и грязной,
а слякоти ступень свалилася она,—
ормилица и мать... Живой скелетъ ребенка
й грудь изсохшую теребитъ и грызетъ
э злобой жаднаго голоднаго волченка
, вмѣсто молока—дурманъ и смерть сосетъ...
ругомъ галдитъ народъ на площади базара.
въ воздухѣ висятъ надъ сѣрою толпой
угательства да смрадъ промозглаго товара...
то ни пройдетъ—толкнетъ несчастную ногой...
солнце-юмористъ, съ улыбкой властелина,
зъ синей пустоты сіяетъ такъ свѣтло,
аская, золотя ужасную картину
учами ясными—эффектно и тепло.

Обреченная.

а улицу меня швырнули какъ котенка,
ъ семь лѣтъ, въ тотъ годъ, какъ мать въ подвалѣ умерла.
шустрая была и ловкая дѣвченка
скора ремесло доходное нашла.
къ я была стара въ семь лѣтъ. Все понимала.
зоръ и нищета мнѣ съ первыхъ жизни дней
крыли тайны всѣ вонючаго подвала,

Все, что богатые скрываютъ отъ дѣтей—
Гдѣ деньги мать беретъ, какъ тянетъ ядъ косушки,
Гдѣ гривенникъ добыть ей подъ залогъ тряпья.
Что крѣпче, что больнѣй—щипки иль колотушки.
Что значитъ красть и лгать, что значитъ: „дочь ничья...
Охъ, много знала я! Меня не удивляло,
Что мать по вечерамъ уходитъ со двора
И возвращается безъ шляпки полинялой,
Съ подбитою щекой и пьяная съ утра.
Вотъ азбукъ да молитвъ не знала я, извѣстно.
Не помню, чтобъ и мать крестила лобъ хоть разъ...
Да и куда ужъ намъ молиться? Богъ—для честныхъ.
Для чистой публики, а не для подлыхъ насъ!
Что бишь я начала? Ахъ, да... Меня прогнала
Хозяйка; говоритъ: „Ступай, на хлѣбъ проси.
„У церкви тамъ постой“—и строго приказала,
„Смотри, что соберешь, сейчасъ ко мнѣ неси“.
Я вышла босикомъ и въ кацавейкѣ рваной,
А, улица была темна и холодна,
Лишь фонари каретъ мелькали средь тумана.
Да церковь ярко вся была освѣщена.
Былъ праздникъ у людей. На паперти я стала
Когда отъ всенощной валилъ народъ толпой.
Орава нищая въ бока меня толкала.
Никто не услыхалъ плаксивый голосъ мой.
Тутъ я на хитрости пустилась и дорогу
До кабака нашла, и звонкимъ голоскомъ
Запѣла пѣсенку, какихъ я знала много,
Одну изъ тѣхъ, что мать пѣвала подъ хмѣлькомъ.
Услышали внутри... зазвали. Всѣмъ забавно,
Что „Казиміра“ имъ такая мразь поетъ;
Кто далъ пятакъ, кто грошъ, хохочутъ... „Вотъ такъ слав
«Ай, дѣвка! Умница! Она не пропадетъ!»
А пьяненькій одинъ мнѣ налилъ рюмку водки

И, путаясь рукой въ курчавыхъ волосахъ,
Погладилъ ихъ, сказалъ: «Для прочищенья глотки,
Хвати. Будь молодцомъ, какъ есть во всѣхъ статьяхъ.»
И цѣловальникъ самъ посмѣивался глухо
Своимъ разъѣвшимся, расплывшимъ животомъ:
«Почаще заходи,» — шепнулъ онъ мнѣ,— «воструха!»
И тоже наградилъ зеленымъ мѣдякомъ.
За выдумку меня хозяйка похвалила,
Когда вернулась я, вся красная, домой:
«Ну, дѣвка, ты шустра!» и въ вечеръ тотъ не била,
А мѣдяки взяла, въ сундукъ сложила свой.
Съ тѣхъ поръ на промыселъ, во всякую погоду
Она меня гнала пинкомъ по вечерамъ.
И стала я расти. Шли за годами годы,
А вмѣстѣ съ красотой росъ мой позоръ и срамъ.
Я хороша была... Эхъ, барыня, начало
Исторіи моей ужъ огорчило васъ...
Просили «все» сказать, прослушали такъ мало,
И слезы ужъ текутъ изъ вашихъ добрыхъ глазъ.
Да и къ чему, къ чему?... Вы ласково и мило
Сказали, что «спасти» меня хотите вы?...
Оставьте, барыня! Меня спасетъ могила,
Иль спички сѣрныя, или вода Невы.
Къ чему вамъ знать!.. Ну, вотъ... Старикъ какой-то славный,
Ввелъ меня въ свой домъ и содержалъ исправно,
Училъ, ласкалъ, рядилъ, а кончилось — бѣдой...
Пятнадцать было мнѣ, когда я убѣжала
Отъ «доброты» его... Господь ему судья!
Я, глупая, его за дѣдушку считала:
Почтенный, весь сѣдой, была жена, семья...
Тутъ я въ провинцію попала... Въ опереткѣ
Играла я пейзанъ, матросовъ и пажей;
Антрепренеръ сказалъ: „Такія ноги рѣдки!..
Беру васъ, душенька, на роли безъ рѣчей.

Извѣстно, что потомъ: Разсказывать
Нѣтъ силы
Всю грязь, весь смрадъ, весь чадъ, что я пережила...
Я память пропила... Я все перезабыла...
Куда обречена, туда я и дошла.
Давно обречена,—отъ самаго рожденья
Быть «падшей женщиной». И мачихи-судьбы
Не смоется клеймо... Какое мнѣ спасенье?
Какой мнѣ—честный трудъ? Гдѣ силы для борьбы?
Когда вы въ первый разъ Евангелье читали,
Я плакала, а вы сказали: «Спасена!»
Нѣтъ, барыня моя, вы съ книгой опоздали,
Теперь ужъ не спасетъ погибшей и она...
Вотъ, знаете-ли что?... Ступайте-ка въ подвалы,
Въ трущобы, гдѣ жила я съ матерью моей...
Есть дѣвочекъ такихъ тамъ и теперь не мало,
Есть «обреченныя». Спасайте ихъ, дѣтей!
Меня нельзя спасти... Простите, дорогая,
Быть «честной» не могу; къ работѣ—не годна,
А книга хороша... Я вспомню умирая,
Что въ ней написано: «Ты будешь прощена!»

Мученица.

Спокойно стояло она предъ судомъ,
Свободная Рима гражданка,
И громко съ восторженно-свѣтлымъ лицомъ
Призналась: она—христіанка.
Ей лютая пытка и смерть не страшна,
И смерть она приметъ покорно,
Гоненій за правду пришли времена,
Ей жить съ палачами позорно.
И въ ужасѣ судъ отъ безумныхъ рѣчей
Красавицы гордой и смѣлой!

Имъ жалко, что станетъ добычей звѣрей
Прекрасное, нѣжное тѣло:
„Какъ въ грязную, дикую секту жидовъ
Такая красотка попала?...
Нелѣпое стадо клейменыхъ рабовъ!...
(Однако-жъ... какъ много ихъ стало...)
Какъ быстро во тьмѣ разрослося оно—
Его, Назарея, ученье...“
Красавицу въ циркъ отослать рѣшено
Голоднымъ звѣрямъ на съѣденье.
Она не блѣднѣетъ и въ циркѣ стоитъ
И, вѣры лучами согрѣта,
Пророческимъ окомъ съ восторгомъ глядитъ
На будущность славы и свѣта.
Толпа рукоплещетъ, арена шумитъ...
Она къ истязанью готова.
„Я вѣрю, я знаю—оно побѣдитъ,
Распятаго вѣщее слово!
Я вижу... кумиры нечистыхъ боговъ
Съ лица исчезаютъ земного...
Мой Богъ воцарился на вѣки вѣковъ,
Богъ равенства, братства святого.
И вижу, украшены свѣтлымъ крестомъ,
Побѣдно сіяютъ знамена...
Самъ цезарь предъ ними во прахѣ челомъ...
За ними идутъ легіоны.
Великому дѣлу я жизнь отдала,
Побѣда за нами—я вѣрю!...“
И съ гордой улыбкой на встрѣчу пошла
Она разъяренному звѣрю.

Жрецы эстетики.

Потокомъ звучныхъ словъ, пѣвучею волною
Лились твои стихи. Искусства знатоки
Признали пѣснь твою волшебной, неземною,
Рукоплескали ей, плели тебѣ вѣнки.
Ты сладко, звонко пѣлъ, какъ соловей весною,
Про солнце и любовь, цвѣты и ручейки...
А родина твоя—страдалица нѣмая—
Подъ снѣжнымъ саваномъ стонала, замерзая.

Ты стоновъ не слыхалъ. Мелодія созвучій
Баюкала тебя чарующей красой;
Какъ царственный орелъ, свободный и могучій,
Парилъ ты въ вышинѣ прозрачно-голубой,
Купался въ облакахъ, гнался за гордой тучей,
Знать не хотѣлъ земли... А въ безднѣ, подъ тобой,
Рыданья слышались, и вопли, и проклятья:
Безъ хлѣба, въ темнотѣ, тамъ гибли люди-братья.

Ты „грязной прозою“ считалъ родное горе;
Восторженной душой ты жилъ въ странѣ чудесъ
„Искусства чистаго“: въ холодномъ, мертвомъ взорѣ
Античной статуи, въ сіяніи небесъ,
Въ колоннахъ мраморныхъ, въ живой лазури моря,
Въ душистомъ вѣтеркѣ, будившемъ сонный лѣсъ,
Да въ женской красотѣ искалъ ты вдохновенья
И мимолетныхъ грезъ. Ты пѣлъ для наслажденья!..

Судъ родины насталъ. Вѣнкамъ твоимъ лавровымъ
Теперь не сдобровать... Передъ тобой, пѣвецъ,
Страдалица и мать стоитъ въ вѣнкѣ терновомъ,
Презрѣнія полна: „Ты не поэтъ, а жрецъ

Бездушныхъ идоловъ! Могучимъ, вѣщимъ словомъ
Ты мнѣ не послужилъ; не разбудилъ сердецъ.
Умовъ, забывшихъ долгъ: огонь любви священной
Не захотѣлъ зажечь въ нихъ пѣсней вдохновенной.

Не знаю я тебя. Какой ты хочешь славы?..
Сходилъ-ли ты ко мнѣ съ высокихъ облаковъ?
Твои пѣвучія красивыя „октавы"
Я слышала сквозь стонъ голодныхъ бѣдняковъ:
Какъ ядъ насмѣшки злой, какъ жгучая отрава,
Лились веселыя мелодіи стиховъ
Въ истерзанную грудь... Пріими же въ награжденье
Забытой матери презрѣнье и забвенье!

Ты могъ поэтомъ быть, но чудный даръ природы
Унизилъ, обратилъ въ игрушку для людей...
Поэтъ—мой щитъ и мечъ; меня въ былые годы
Онъ грудью защищалъ. Онъ сѣятель идей.
Онъ голосъ, онъ языкъ безгласнаго народа.
Онъ первый лучъ зари грядущихъ свѣтлыхъ дней!
Будь самъ себѣ судья! Скажи, я жду отвѣта,
Достоинъ ли ты былъ названія поэта?"

Въ альбомъ счастливицѣ.

Взгляните на птицы небесныя и. т. д.

Съ птичьей головкой на свѣтъ уродилась.
Пѣла, порхала, сыскала самца,
Птичьей любовью въ супруга влюбилась:
Счастлива ты, милый другъ, безъ конца...
Въ гнѣздышкѣ скрывшись отъ бурь и ненастья,
Съ гордостью глупыхъ выводишь птенцовъ.

Въ тепломъ навозѣ семейнаго счастья
Ищешь съ супругомъ любви червячковъ...
Зависть беретъ, какъ живешь ты привольно
Птичій свой вѣкъ—безъ борьбы, и страстей.
Думъ безпокойныхъ, сомнѣній невольныхъ,
Глупыхъ стремленій... и горя людей.

А. Н. АПУХТИНЪ.

*
* *

Я люблю тебя такъ оттого,
Что изъ пошлыхъ и гордыхъ собою
Не напомнишь ты мнѣ никого
Откровенной и ясной душою,
Что съ участьемъ могла ты понять
Роковую борьбу человѣка,
Что въ тебѣ уловилъ я печать
Отдаленнаго, лучшаго вѣка!
Я люблю тебя такъ потому,
Что не любишь ты мертваго слова,
Что не вѣришь ты слѣпо уму,
Что чужда ты разсчета мірского;
Что горячее сердце твое
Часто бьется тревожно и шибко...
Что смиряется горе мое
Предъ твоей миротворной улыбкой!

Моленіе о чашѣ.

Въ саду Геосиманскомъ стоялъ Онъ одинъ,
Предсмертною мукой томимый.
Отцу Всеблагому въ тоскѣ нестерпимой
Молился страдающій Сынъ.
„Когда то возможно,
Пусть, Отче, минуетъ Мя чаша сія,
Однако, да сбудется воля Твоя...“
И шелъ Онъ къ апостоламъ съ думой тревожной.
Но, скованы тяжкой дремой,
Апостолы спали подъ тѣнью оливы,
И тихо сказалъ Онъ имъ: „Какъ не могли вы
Единаго часа побдѣти со Мной?
Молитесь! Плоть немощна ваша!...“
И шелъ онъ молиться опять:
„Но если не можетъ Меня миновать—
„Не пить чтобъ ее,—эта чаша,
„Пусть будетъ, какъ хочешь Ты. Отче!“ И вновь

Объялъ Его ужасъ смертельный,
И потъ Его падалъ на землю. какъ кровь,
И ждалъ Онъ въ тоскѣ безпредѣльной.
И снова къ апостоламъ Онъ подходилъ,
Но спали апостолы сномъ непробуднымъ,
И тѣ же слова Онъ Отцу говорилъ,
И палъ на лицо, и скорбѣлъ, и тужилъ.
Смущаясь въ бореніи трудномъ...

О, если бъ я могъ
Въ саду Геѳсиманскомъ явиться съ мольбами,
И видѣть слѣды отъ божественныхъ ногъ,

И жгучими плакать слезами!
О, если бъ я могъ
пасть на холодный песокъ
землю лобзать ту святую,
дѣ такъ одиноко страдала любовь,
дѣ потъ отъ лица Его падалъ какъ кровь,

Гдѣ чашу Онъ ждалъ роковую!
О, если бъ въ ту ночь кто-нибудь,
ъ ту страшную ночь искупленья,
традальцу въ изнывшую грудь
лилъ слово одно утѣшенья!
о было все тихо во мракѣ ночномъ,
о спали апостолы тягостнымъ сномъ,
ібывъ, что грозитъ имъ невзгода;
въ садъ Геѳсиманскій съ дрекольемъ, съ мечомъ,
іекомы Іудой, входили тайкомъ
Несмѣтные сонмы народа!

*
* *

Честь имѣю донести Вашему Высокоблагородію, что въ огородахъ мѣщанки Ефимовой найдено мертвое тѣло.

(Изъ полицейскаго рапорта).

. убогомъ рубищѣ, недвижна и мертва,
а покоилась среди пустого поля.
. бревну прислонена, лежала голова.
кая выпала вчера ей злая доля?
шибъ ли хмѣль ее среди вечерней тьмы.
пуганный ли воръ хватилъ ее въ смятеньѣ,
угъ ли поразилъ,—еще не знали мы

И уловить въ лицѣ старались выраженье.
Но вѣяло оно покоемъ не земнымъ;
Народъ стоялъ кругомъ, какъ бы дивяся чуду,
И каждый клалъ свой грошъ въ одну большую груду,
И деньги сыпались къ устамъ ея нѣмымъ.
Вчера ихъ вымолить она бы не съумѣла...
Да эти щедрые и поздніе гроши,
Что, можетъ быть, спасли-бъ нуждавшееся тѣло,
Народъ охотнѣе бросаетъ для души.—
Былъ чудный вешній день. По кочкамъ зеленѣли
Побѣги свѣжіе рождавшейся травы,
И дѣти бѣгали, и жаворонки пѣли...
Прохладный вѣтерокъ, вкругъ мертвой головы
Космами жидкими волосъ ея играя,
Казалось, лепеталъ о счастьѣ и веснѣ,
И небо синее въ прозрачной вышинѣ
Смѣялось надъ землей, какъ эпиграмма злая!

Во время войны.

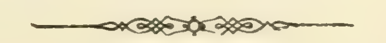
(Братьямъ).

Свѣтаетъ... Не въ силахъ тоски превозмочь,
Заснуть я не могъ въ эту бурную ночь.
Чрезъ рѣки и горы, и степи просторъ
Васъ, братья, ищетъ мой взоръ.
Что съ вами? Дрожите ли вы подъ дождемъ
Въ убогой палаткѣ, прикрывшись плащемъ.
Вы стонете-ль въ ранахъ, томитесь въ плѣну.
Иль пали въ бою за родную страну,
И жизнь отлетѣла отъ лицъ дорогихъ,
И голосъ вашъ милый на вѣки затихъ?..
О, Господи! Лютой пылая враждой,—

Два стана давно ужъ стоять предъ тобой;
О помощи молятъ Тебя ихъ уста,
Одинъ за Аллаха, другой за Христа.
Безъ устали, дружно во имя Твое
Работаетъ пушка и штыкъ, и ружье...
Но Боже! Одинъ Ты и вѣра одна,
Кровавая жертва Тебѣ не нужна.
Яви же борцамъ негодующій ликъ,
Скажи имъ, что міръ Твой хорошъ и великъ,
И слово забытое братской любви
Въ сердцахъ, омраченныхъ враждой, оживи!

* *
*

О, будь моей звѣздой; сіяй мнѣ тихимъ свѣтомъ,
Какъ эта чистая далекая звѣзда!
На землю темную она глядитъ съ привѣтомъ,
Чужда ея страстямъ, свободна и горда.
И только иногда, услыша въ отдаленьи
Любви безумный стонъ, отчаянный призывъ,
Она вздрогнетъ сама,—и въ жалости, въ смягеньи,
На землю падаетъ, о небѣ позабывъ!



Ф. Н. БЕРГЪ.

Заря.

Заря! Унынье, страхъ лучей ея бѣгутъ,
И сердце бьется жизни жаждой!
Толпою бодрою идемъ на жизнь и трудъ;
Свое для всѣхъ положитъ каждый.

Идемъ на жизнь и трудъ! Въ пылающихъ сердцахъ,
Въ біеньи частомъ каждой жилы,
Въ молчаньи сдержанномъ, въ стремительныхъ рѣчахъ
Вся мощь и крѣпость львиной силы.

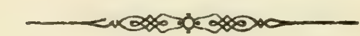
Пусть умирающихъ, ослѣпшихъ голоса
Звучатъ.... Земля моя родная,
По селамъ, городамъ, въ поля твои, въ лѣса
Давно ужъ вѣетъ жизнь иная!

Вотъ вспыхнетъ солнышко надъ сумрачной землей!
Бѣгутъ обманчивыя тѣни,—
И храма ветхаго—подъ твердою стопой—
Дрогнули мшистыя ступени.

Въ полѣ.

Дай тебѣ Боже, родная земля:
Мира, свободы, покою!
Какъ эти села, какъ эти поля
Крѣпко сроднились со мною!
Чудное утро за ночью дождливою:
Сѣрая тѣнь переходитъ за нивою,
Тучки плывутъ въ синевѣ,
И широко по травѣ
Тянется вѣтеръ струей благовонною
Въ рощу зеленую,
Дождикомъ свѣжимъ омытую,
Солнечнымъ свѣтомъ залитую.
Дай тебѣ Боже, родная земля,
Дождика, ведра въ поля
И сохрани ихъ отъ града, отъ голода,
Жара сухого да поздняго холода!
Богъ вамъ на помощь, Христовы работники!
Глубже вамъ вспахивать пашенку черную,
Шире косой размахнуться проворною,—
Будетъ большой урожай,
Градъ не побьетъ, саранча не напустится,—
Знай увози—собирай!
Въ полдень ли жаркій, полуночью тихою,
Медомъ потянетъ отъ кашки съ гречихою,
Станутъ хлѣба, что стѣна,
И засквозятся, что золото яркое,
Стебли сухіе на солнышко жаркое
И зашумятъ, какъ волна.
Пѣсни по селамъ польются веселыя,
Стономъ застонутъ телѣги тяжелыя,—
Горы сноповъ повезутъ.

Все, чѣмъ поля за труды ни поплотятся,
Все на току на сухомъ умолотится,
Все въ закрома покладутъ.
Дай тебѣ Боже, родная земля,
Мудрыхъ вождей и великихъ,
Чтобы не слышали эти поля
Криковъ проклятія дикихъ,
Чтобъ не лилась неповинная кровь,
Слезъ неутѣшныхъ не лилось;
Чтобъ вѣковѣчно святая любовь
Въ грѣшныхъ сердцахъ воцарилась!



В. С. ЛИХАЧЕВЪ.

*
* *

оэтъ сказалъ: „блаженъ, кто смолоду былъ молодъ!“
, да! блаженъ стократъ, кто могъ въ расцвѣтѣ силъ
звѣдать прелесть грезъ и въ комъ разсудка холодъ
ъ добру и къ истинѣ стремленья не убилъ!

усть не было ему ни славы, ни успѣха,
и опьяняющихъ восторговъ и похвалъ;
усть—кромѣ наглаго, безсмысленнаго смѣха—
нъ для себя иной награды не стяжалъ:

тзывчивой души прекрасныя движенья,
акъ сны отрадные, какъ свѣтлыя видѣнья,
нъ въ нѣдрахъ памяти любовно сбережетъ,

, переживъ тѣхъ лѣтъ плѣнительную повѣсть,
о гроба—какъ скрижаль, какъ знамя—донесетъ
ірскими благами некупленную совѣсть!

Побѣжденному.

Наука мудрая тебѣ
Не дешево далась:
Пришлось бороться — и въ борьбѣ
Лишиться силъ не разъ;
Но духомъ ты не падалъ, нѣтъ, —
Набраться-бы ума! —
И все твердилъ: «Ученье — свѣтъ,
А неученье — тьма.»
И на распутье вышелъ ты,
Исполненный надеждъ,
И осмѣялъ твои мечты
Крикливый сонмъ невѣждъ;
Но, не вкусивъ еще отъ бѣдъ
Житейскаго ярма,
Ты все твердилъ: «Ученье — свѣтъ,
А неученье — тьма.»
Ты скоро впрочемъ увидалъ,
Что жизнь сильнѣй тебя;
За идеаломъ идеалъ
Ты хоронилъ скорбя;
Ты зналъ — отъ вражескихъ побѣдъ
Грозитъ тебѣ сума, —
Но все твердилъ: «Ученье — свѣтъ,
А неученье — тьма.»
Теперь, когда ты изнемогъ
И тѣломъ и душой,
Когда, униженъ и убогъ,
Ты путь кончаешь свой —
И въ дверь твою, неся привѣтъ,
Стучится смерть сама, —
Твердишь-ли ты: «Ученье свѣтъ,
А неученье — тьма?»

*
* *

Распни его! Распни! Варравѣ дай свободу!
Вопила яростно толпа—и ей въ угоду

Позорно пролита была святая кровь
Того, кто возвѣстилъ прощенье и любовь...

Съ тѣхъ поръ прошли вѣка. Свершилось искупленье—
И озарило міръ великое ученье:

Пріявшему отъ насъ и муки. и хулы
Возносимъ мы теперь молитвы и хвалы;

Но втайнѣ, внутренно, мы тѣ-же фарисеи!
Во мглѣ житейскихъ дрязгъ заря живой идеи,

Порою чуть блеснетъ--ужъ въ трепетныхъ сердцахъ
Испытываемъ мы смятеніе и страхъ:

А если прозвучитъ нежданно и сурово
Отважнаго ума бичующее слово—

О! въ тѣ мгновенія, ретивы и дружны,
Безумно-яростной враждой ослѣплены,—

Мы полчищу Варравъ предать себя готовы,
Чтобъ наложить на мысль безмолвія оковы:

Варравы насъ тогда не устрашаютъ, нѣтъ:
Мы передъ истиной дрожимъ—намъ страшенъ свѣтъ!

* *
*

Женщинѣ дорогу!
И рабой-царицей,
Безмятежно шла ты яркой вереницей
Выспреннихъ восторговъ, робкихъ воздыханій,
Сладкозвучныхъ пѣсенъ, пламенныхъ желаній
И безумныхъ вспышекъ доблести спѣсивой —
Шла на жертву страсти, въ храмъ любви ревнивой.

Но разбиты мощнымъ духомъ обновленья
Обветшалой цѣпи вѣковыя звенья:
Труженицей скромной, съ бодрою душою,
Брани и лишеній тяжкою стезею,
Шествуешь ты нынѣ къ пышному чертогу
Знанія и свѣта...
Женщинѣ дорогу!

Сатирику.

День за день мы въ архивъ исторіи сдаемъ
Свои позорныя дѣянья
И, низвергая въ прахъ былыя обаянья,
Побѣдоносно, день за днемъ,
На жертвенникъ растлѣнія несемъ
Великіе завѣты и преданья;
Глашатай истины святой
Насъ не смутитъ суровымъ приговоромъ:
Его мы заглушимъ проклятій дружнымъ хоромъ.
Пѣвецъ не тронетъ насъ отчаянной мольбой.
Мы на нее улыбкою отвѣтимъ,
Иль даже вовсе не замѣтимъ;
Но если мощный смѣхъ раздастся—передъ нимъ

Мы, какъ убійцы, поблѣднѣемъ,
Въ безсильной злобѣ задрожимъ
И въ рабскомъ ужасѣ душой оцѣпенѣемъ...
Вотъ почему, карая нашъ развратъ,
Въ своей смѣющейся незримой укоризнѣ,
Ты дорогъ такъ и намъ, и всей отчизнѣ,—
Маститый, доблестный собратъ!
Высмѣивай же насъ. высмѣивай нещадно,
Пока спасительнымъ стыдомъ
Не возгоримся мы,—и жадно
Къ источнику живой воды не припадемъ?

*
* *

Смотрю я на дѣтей, когда они играютъ,
Когда и глазки ихъ блестятъ какъ небеса,
И яркимъ заревомъ ихъ личики пылаютъ,
И чистымъ серебромъ звучатъ ихъ голоса,—

Смотрю и мысленно твержу имъ пожеланья:
Пусть вырастутъ они; пусть ихъ пытливый умъ
Окрѣпнетъ силою науки и познанья
И станетъ родникомъ живыхъ, свободныхъ думъ;

Пусть опытъ жизненный дорогу имъ укажетъ
Во мракѣ мелкихъ дрязгъ и будничныхъ заботъ,
Ихъ волю закалитъ и прочнымъ камнемъ ляжетъ
Въ основу бытія, защитой отъ невзгодъ;

Но пусть останется навѣки неизмѣнной—
Незыблемой какъ міръ, прекрасной какъ мечта,—
Пусть сохранится въ нихъ жемчужиной безцѣнной
Младенческихъ сердецъ святая чистота!

И. З. СУРИКОВЪ.

Покой и трудъ.

Покой и тишь меня объемлютъ,
Я трудъ покинулъ и забылъ;
Мой умъ и сердце сладко дремлютъ.
Пріятенъ отдыхъ мнѣ и милъ.

И вотъ въ молчаніи глубокомъ,
Мнѣ чьи-то слышатся слова,
И кто-то шепчетъ мнѣ съ упрекомъ:
„На жизнь утратилъ ты права.

Ты бросилъ честную работу,
Покой и праздность возлюбилъ,
И создалъ самъ себѣ субботу,
И духомъ мирно опочилъ.

Твой свѣтлый умъ безъ дѣлъ заржавѣлъ
И сталъ безплоденъ, недвижимъ...
Пойми-же, какъ ты обезславилъ
Себя бездѣйствіемъ такимъ!

Жизнь вкругъ тебя трудомъ кипѣла;
Куда ни падалъ праздный взоръ—
Искали всюду люди дѣла,
Твой ближній былъ тебѣ—укоръ.

Съ терпѣньемъ, съ волею желѣзной
Тяжелый путь онъ пролагалъ:
А ты, какъ камень безполезный,
На пашнѣ жизненной лежалъ.

Уже-ль не ныла нестерпимо
Твоя, отъ тяжкой скорби, грудь,
Нѣмымъ раскаяньемъ томима,
Что бросилъ ты свой честный путь?“

И, точно острый ножъ, жестоко
Язвили тѣ слова меня,
И отъ дремы нѣмой, глубокой
Душа воспрянула моя.

И пошлость жизни я увидѣлъ,
Уразумѣлъ ее вполнѣ:
И свой покой возненавидѣлъ,
И опротивѣлъ отдыхъ мнѣ.

И къ мысли я воззвалъ: „Воскресни!
Возобнови остатокъ силъ!
Напомни мнѣ былыя пѣсни!
Я все растратилъ, все забылъ.

Хочу трудиться вновь; но, если
Ужъ поздно,—жизнь во мнѣ убей.“—
И силы прежнія воскресли
Въ груди измученной моей.

Все то, чѣмъ въ жизни заразился,
Я отъ себя тогда отсѣкъ,—
И для работы вновь родился,
Убитый лѣнью, человѣкъ.

*
* *

Черствѣетъ сердце, меркнетъ умъ...
Грудь надрывается отъ боли...
Подъ гнетомъ горькихъ чувствъ и думъ
Поется грустно поневолѣ.

Мнѣ негдѣ думъ отрадныхъ взять:
Кругомъ меня мертво и сухо.
Тамъ трудно мыслить и дышать,
Гдѣ стонъ и вопли слышитъ ухо.

Гдѣ въ лѣтній зной изъ облаковъ
На землю дождь не упадаетъ,—
Тамъ ни травы нѣтъ, ни цвѣтовъ,—
Бурьянъ тамъ горькій выростаетъ.

Такъ пѣснь моя всегда горька,
Какъ тотъ бурьянъ въ степи безводной:
Звучитъ въ ней горе да тоска,
Да плачъ надъ долей безысходной!

Работники.

Вставай, товарищъ мой! Пора!
Пойдемъ! осенній день коротокъ...
Трудились много мы вчера,
Но скуденъ былъ нашъ заработокъ.

Полуголодные легли
На землю рядомъ мы съ тобою...
Какую ночь мы провели
Въ борьбѣ съ мучительной тоскою!

Въ работѣ выбившись изъ силъ,
Не могъ отъ холода заснуть я.
Суровый вѣтеръ шевелилъ
На тѣлѣ ветхіе лоскутья.

Но я къ лишеніямъ привыкъ:
Привыкъ ложиться я голодный.
Безъ слезъ и жалобы приникъ
Я головой къ землѣ холодной.

Я ровнодушно смерти жду,
И не страшитъ меня могила;
Безъ скорби въ вѣчность я пойду...
На что мнѣ жизнь? что въ ней мнѣ мило?

Лишь одного пугаюсь я,
Одной я занятъ горькой думой:
Уже-ль и небо такъ угрюмо,
Такъ не привѣтно, какъ земля?...

Часовой.

Полночь. Злая стужа
На дворѣ трещитъ,
Мѣсяцъ облаками
Сѣрыми закрытъ.

У большого зданья,
Въ улицѣ глухой,

Мѣрными шагами
Ходитъ часовой.

Подъ его ногами
Жесткій снѣгъ хруститъ,—
А кругомъ глухая
Улица молчитъ.

Но шагаетъ ровно
Бравый часовой,
И ружье онъ крѣпко
Жметъ къ плечу рукой.

Вспомнился солдату
Край его родной;
Вспомнилась избушка
Съ бѣлою трубой;

Вспомнилась голубка—
Милая жена:
Чай, теперь на печкѣ
Спитъ давно она.

Можетъ быть, ей снится,
Какъ морозъ трещитъ,
Какъ солдатъ озябшій
На часахъ стоитъ...

Нужда.

Ахъ, нужда-ли ты, нужда,
Сирота забытая!
Ходишь ты безъ зипуна,
День-деньской несытая.

На твоей ли полосѣ
Не рожь наливается,
А крапива, да трава
Лѣтомъ колыхается.

Твоего добра и днемъ
Не сыскать со свѣчкою;
А въ избѣ зимой морозъ
Грѣется за печкою.

Да когда-же ты, нужда
Горькая, поправишься?
Знать, тогда, какъ въ гробъ пойдешь,
Въ саванъ принарядишься!..

Доля бѣдняка.

Эхъ ты, доля, эхъ ты, доля,
Доля бѣдняка!
Тяжела, ты, безотрадна,
Тяжела, горька!

Не твою-ли это хату
Вѣтеръ пошатнулъ,
Съ крыши ветхую солому
Разметалъ, раздулъ?

И не твой-ли подъ горою
Сгнилъ дотла овинъ,
Въ запустѣломъ огородѣ
Повалился тынъ?

Не твоей-ли прокатали
Полосой пустой

Мужики дорогу въ городъ
Лѣтнею порой?

Не твоя-ль жена въ лохмотьяхъ,
Ходитъ босикомъ?
Не твои-ли это дѣтки
Просятъ подъ окномъ?

Не тебя-ль въ пиру обносятъ
Чаркою съ виномъ,
И не ты-ль сидишь послѣднимъ
Гостемъ за столомъ?

Не твои-ли это слезы
На пиру текутъ,
Не твои-ли это пѣсни
Грустью сердце жгутъ?

Не твоя-ль это могила
Смотритъ сиротой?—
Крестъ свалился, вся размыта
Дождевой водой.

По краямъ ея крапива
Жгучая растетъ,
И зимой надъ нею вьюга
Плачетъ и поетъ,

И звучитъ въ тѣхъ пѣсняхъ горе,
Горе да тоска:
Это ты тутъ схоронилась,
Доля бѣдняка!

*
* *

Если-бъ легкой птицы
Крылья я имѣла,
Въ частый-бы кустарникъ
Я не полетѣла.

Если-бъ я имѣла
Голосъ соловьиный,
Я бы не носилась
Съ пѣсней надъ долиной.

Я бы не летала
На разсвѣтѣ въ поле
Косарямъ усталымъ
Пѣть о лучшей долѣ.

Я бы не кружилась
Вечеромъ надъ хаткой,
Чтобъ ребенка пѣсней
Убаюкать сладкой.

Нѣтъ! я полетѣла-бъ
Съ пѣсней въ городъ дальній:
Есть тамъ домъ обширный,
Всѣхъ домовъ печальнѣй.

У стѣны высокой
Ходятъ часовые;
Въ окна смотрятъ люди
Блѣдные, худые.

Имъ никто не скажетъ
Ласковаго слова,—

Только вѣтеръ пѣсни
Имъ поетъ сурово.

Отъ окна къ другому
Тамъ-бы и летала,
Узниковъ привѣтной
Пѣсней утѣшала.

Я-бъ имъ навѣвала
Золотыя грезы,
И изъ глазъ потухшихъ
Вызывала слезы.

Чтобы эти слезы
Щеки ихъ смочили,
Полную печали
Душу облегчили...

*
* *

Гдѣ ты, моя юность?
Гдѣ ты, моя сила?. .
Горькая кручина
Грудь мою сдавила.

Головѣ поникшей
Тяжело подняться;
Думы въ ней, какъ тучи
Черныя, роятся;

И сквозь эти тучи
Солнце не проблещетъ;
Солнце, точно голубь
Раненый, трепещетъ.

Эхъ, судьба-злодѣйка!
Ты меня сгубила;
Въ мрачный, тѣсный уголъ
Злой нуждой забила.

Вотъ моя каморка—
Грязная, сырая;
Чуть во мракѣ свѣтитъ
Свѣчка, догорая.

Вотъ у стѣнки столикъ;
Вотъ два ветхихъ стула;
Въ уголкѣ икона
Въ мракѣ утонула.

Вотъ моя подруга
Въ безотрадной долѣ;
Шьетъ она, трудится,
Убиваясь въ горѣ.

Вотъ лежитъ въ постели,
Блѣдная, худая,
Охаетъ и стонетъ
Мать моя больная.

Холодно въ каморкѣ;
Коченѣютъ члены.
Затопилъ-бы печку,—
Дровъ нѣтъ ни полѣна.

Голова кружится;
Все чернѣе думы;
И стоишь да плачешь,
Грустный и угрюмый.

И невольно въ сердцѣ
Злоба закипаетъ
На того, кто въ свѣтѣ
Злой нужды не знаетъ.

Горе.

Получилъ письмо отъ внука
Дѣдушка Ѳедотъ;
Внукъ на фабрикѣ прядильной
Въ Питерѣ живетъ.

Что въ письмѣ томъ пишетъ внучекъ,
Нужно дѣду знать,—
Да письма-то не умѣетъ
Самъ онъ прочитать.

И выходитъ на крылечко
Дѣдушка Ѳедотъ,—
Сѣлъ съ письмомъ, и грамотея
Съ нетерпѣньемъ ждетъ.

Время къ вечеру подходитъ,
Скотъ идетъ съ полей.
Вотъ предъ дѣдомъ показался
Жданный грамотей.

Мальчикъ въ бѣленькой рубашкѣ
По селу идетъ.
Дѣдъ кричитъ ему: «Ванюша!
На, прочти-ка вотъ!

Что тутъ пишетъ милый внучекъ,
Нужно мнѣ узнать.» —
Мальчикъ взялъ письмо, и бойко
Принялся читать.

Дѣдъ нагнулся къ грамотею,
Слушаетъ его.
Пишетъ внукъ: «чтобы не ждали
Денегъ отъ него.

Знаетъ онъ, что деньги нужны,
Что оброкъ стоитъ;
Гдѣ-же взять ихъ? Онъ въ больницѣ
Въ Питерѣ лежитъ.

И едва-ли скоро выйдетъ;
Боль-то не легка:
У него по самый локоть
Отнята рука.

Раздавило на работѣ
Руку шестерней;
И теперь семьѣ помощникъ
Будетъ онъ плохой.

Хоть и выйдетъ изъ больницы,—
Такъ опять бѣда;
Искалѣченный, безрукій, —
Годенъ онъ куда?...»

Много въ томъ письмѣ для дѣда
Горя и заботъ!
И заплакалъ горько, горько
Дѣдушка Ѳедотъ.

И глядитъ тоскливо мальчикъ,—
    Тяжело ему;
Горе стараго понятно
    И его уму.

Онъ поникъ головкой русой,
    Опустилъ глаза,
И по личику ребенка
    Катится слеза...

Л. И. ПАЛЬМИНЪ.

Пѣсня.

Будто крыло херувима свѣтла,
Пѣсня надъ міромъ страданій и зла
Въ тихомъ сіяньи проносится,
Съ радостной чудной улыбкой своей
Въ сумракъ печали, тоски и скорбей
Гостьей небесною просится.

Празднично-свѣтлый таинственный звонъ
Вѣетъ изъ пѣсни, и радостно онъ
Въ душу людскую вливается...
Смѣхъ со слезами, волной серебра,—
Словно божественной арфы игра,
Въ пѣснѣ волшебно мѣшается.

Трубы побѣды и громъ боевой,—
Все замолкаетъ своей чередой,
Въ вѣчность идутъ поколѣнія,
Рушатся троны и падаютъ въ прахъ,

Но неумолчно несется въ вѣкахъ
Пѣсня—дитя вдохновенія.

Гдѣ же ты пѣсня и кѣмъ рождена?
Не изъ лучей ли святыхъ соткана
Въ горной небесной обители?
Или изъ звуковъ божественныхъ лиръ
Свивши тебя, ниспослали къ намъ въ міръ
Съ дальнихъ свѣтилъ небожители?

Вѣтеръ ли вешній изъ чашечекъ розъ
Къ намъ изъ Эдема тебя перенесъ,
Вмѣстѣ съ волшебными звуками?
Нѣтъ! ты печали и скорби полна,
Ты на холодной землѣ рождена
И убаюкана муками...

И не чертоги могучихъ царей
Дали пріютъ колыбели твоей,
Въ гордомъ гнѣздѣ самовластія,
Но какъ Мессія среди нищеты,—
Также на свѣтъ родилася и ты
Въ лонѣ борьбы и несчастія!...

Поэту.

Бой за идею кипитъ во вселенной,
Кроетъ арену туманъ.
Ты барабанщикъ, поэтъ вдохновенный,
Бей въ барабанъ, въ барабанъ.
Пусть барабаны во вражіемъ станѣ
Громче, сильнѣй и грубѣй,
Знамя идеи трепещетъ въ туманѣ,—

Ближе туда, не робѣй!
Лагерь бойцовъ съ каждымъ мигомъ рѣдѣетъ,
Но не ослабни душой:
Горсточка если одна уцѣлѣетъ,
Бей въ барабанъ и для той...
Если жъ падетъ остальная вся братья—
Даже и трупы зови
Рокотомъ громкимъ вражды и проклятья,
Звуками теплой любви.
Пусть мы падемъ подо мглою туманной,
Но, не дождавшись зари,
Самъ ты подъ собственный бой барабанный
Съ звукомъ послѣднимъ умри!

Весенній ледъ.

Вѣетъ вешнимъ тепломъ
Ледъ, поверженный въ ломъ,
Серебрится хрустальною гранью,
И, звеня въ тишинѣ,
Ручейки о веснѣ
Благовѣстье несутъ мірозданью.
Ледъ—сподвижникъ зимы—
Самъ отрекся отъ тьмы,
Онъ теперь ужъ не служитъ коснѣнью,
Все, что прежде мертвилъ,
Самъ теперь оживилъ.
Звонко пѣсню запѣвъ обновленью.
Такъ и въ сферѣ людской:
Все, что мертвый покой
Охраняло отъ жизни и свѣта,
Вѣрь настанетъ чередъ,
Словно тающій ледъ,
Встрѣтитъ жизни грядущее лѣто...

Спиридоній—Солнцеворотъ.

(Празднуется 12 декабря).

Время наше темное... Время наше странное.
Сумерки ли это,—
Часъ, когда становится гуще мгла туманная,
Или часъ разсвѣта?
Какъ живые образы, иль, въ бреду фантазіи,
Намъ грозятъ тѣнями,
Люди же намъ кажутся въ дикомъ безобразіи,
Мертвенными пнями.
Низко ходитъ солнышко, будто не свободное,
Мракъ его туманитъ...
Время наше темное, время переходное...
Что-то дальше станетъ?
Или въ ночь глубокую цѣлая вселенная
До конца потонетъ,
Или правда свѣтлая, какъ заря священная,
Тьму ночную сгонитъ?
Спиридоній Благостный? чту тебя сторицею!
Вопреки кумирамъ,
Выше Божье солнышко мощною десницею
Вознеси надъ міромъ!
Пусть и пень, подернутый плѣсенью корявою,
Пнемъ намъ въ очи глянетъ,
Въ тьмѣ же погибающій съ честію и славою
Озаренный встанетъ!
Старой тьмы хранители, рыцари коснѣнія,
Съ игомъ ихъ суровымъ,
Съ побѣжденнымъ сумракомъ, сгинутъ, какъ видѣнія,
Предъ сіяньемъ новымъ...

Морозъ и весна.

Ночь весенняя тихо легла надъ землей.
Ярко тысячи звѣздъ въ высотѣ голубой.
Въ серебристыхъ лучахъ засверкали.
Но холодною свѣжестью дуетъ съ рѣки.
И послѣдній морозъ оковалъ ручейки.
Что при солнышкѣ рѣзво журчали.

Жалко старому дѣду поля покидать
И свободу въ лугахъ воскресающихъ дать
Для весны и для жизни кипучей...
Жаль. что скоро цвѣтами и юной травой
Запестрѣетъ обширный просторъ луговой,
Гдѣ онъ царствовалъ дикій, могучій..

Ходитъ старый по селамъ при яркихъ звѣздахъ.
Чтобъ весенній разливъ на лугахъ и поляхъ
Оковать дуновеньемъ могилы,
И съ досадой онъ слышитъ, какъ, встрѣчу веснѣ.
Подъ землею въ корняхъ и въ малюткѣ зернѣ
Просыпаются новыя силы.

Бородою косматой онъ гнѣвно трясетъ.
Ледяныя сосульки на крышахъ куетъ
И ворчитъ, безпощадный и грозный:
„Неподвижность — вотъ принципъ великій, святой!
Все скую, все покрою корой ледяной,
Все сдавлю я десницей морозной!...

Что весна? Это правовъ растлѣнье одно...
Своеволье таитъ молодое зерно...
Не спѣшите же рваться на волю,
Вы, мятежныя силы и травъ. и цвѣтовъ!

Все скую, и попрежнему, снѣжный покровъ
Раскидаю по чистому полю!...

Заморожу весеннія почки вѣтвей,
Заморожу я чувство въ сердцахъ у людей,
У поэта скую вдохновенье...
Слово каждое глыбой падетъ ледяной,
Мыслямъ крылья скую и въ недвижный покой
Обращу міровое движенье!...

Все, что рвется впередъ, ищетъ внѣшнихъ лучей,
Все застынетъ: и колосъ въ раздольѣ полей,
И побѣги на нивѣ науки...
Хоры пташекъ въ лѣсу замолчатъ навсегда
И падутъ, замирая, осколками льда
Звонкой лиры аккорды и звуки!..."

Такъ старикъ провѣщалъ и поникнулъ главой...
Чу! волковъ раздался одобрительный вой;
„Браво!"—каркнула гдѣ-то ворона...
Ледъ сочувственно съ лужи одной затрещалъ,
Да въ хлѣву домовой длинный спичъ прорычалъ
Совершенно подобнаго тона...

Стихло все. Но весенняя ночь коротка,
И за дальней горою слова старика
Услыхала весна чаровница.
Вотъ востокъ заалѣлъ надъ прибрежнымъ холмомъ,
И разсыпалась съ утреннимъ первымъ лучемъ
Золотыхъ облаковъ вереница.

Улыбнулась весна на слова старика,
И за нею и лѣсъ, и поля, и рѣка
Засмѣялись сочувственнымъ эхомъ,

Ручейки побѣжали, со смѣхомъ журча,
И малютка-подснѣжникъ надъ бредомъ хрыча
Разразился младенческимъ смѣхомъ...

Ледяныя сосульки, блестя хрусталемъ,
Стали таять со смѣхомъ подъ яркимъ лучемъ,
Смѣхъ по чаще лѣсной раскатился.
И предвѣстникъ безоблачныхъ радостныхъ дней,
Первый жаворонокъ съ лона воскресшихъ полей
Съ звонкой пѣснею къ солнышку взвился.

Воскресная пѣсня.

Вездѣ гудятъ колокола,
Ликуютъ люди, и свѣтла,
Чиста лазурь небесъ.
Съ весной воскресли лѣсъ и долъ,
И громко праздничный глаголъ
Звучитъ: «Христосъ воскресъ!»
Но грустно мнѣ въ толпѣ людской...
Я знаю,—только звукъ пустой
Лишь слово на устахъ...
Хоть и лобзаетъ брата братъ,
Христосъ, попрежнему, распятъ,
Распятъ въ людскихъ сердцахъ...
Свобода, братство и любовь!
Гдѣ вы? Какъ прежде, льются—кровь
И слезы на землѣ.
«Христосъ воскресъ!»—лепечемъ мы,
Но тонемъ въ безднѣ лжи и тьмы,
Съ проклятьемъ на челѣ.
И съ грустной думою моей
Къ могиламъ милыхъ и друзей

Иду я въ тишину.
Какъ сладко въ небѣ голубомъ!
Тамъ лѣсъ, играя съ вѣтеркомъ,
Привѣтствуетъ весну;
Тамъ вешней мирною красой
Блеститъ подснѣжникъ голубой,
И жаворонокъ, звеня,
Съ мольбою праздничной своей
Летитъ съ воскреснувшихъ полей
Въ златомъ сіяньи дня.
Предвѣстьемъ радостнымъ кругомъ
Все дышетъ въ небѣ золотомъ;
И мнится, въ тишинѣ,
Изъ зеленѣющихъ листовъ,
Знакомыхъ, милыхъ голосовъ
Звучитъ привѣтъ ко мнѣ:
«Давно изъ міра мы ушли
И въ лонѣ матери земли
Давно нашъ прахъ истлѣлъ.
Мы не дождались, чтобы свѣтъ
Постигъ Христа святой завѣтъ, —
Таковъ и твой удѣлъ.
И ты сойдешь, и за тобой
Друзья сойдутъ своей чредой;
Но вѣрь, придетъ пора,
Всѣ возродимся снова мы
Изъ нѣдръ и тлѣнія, и тьмы
Для правды и добра.
Такъ сѣй святыя сѣмена!
Придетъ желанная весна:
И братство, и любовь
Весь міръ сплотятъ въ семью одну,
И мы, встрѣчая ту весну,
Соединимся вновь...

И вѣрь,—во дни эпохи той
Раздастся громкій и святой
Глаголъ самихъ небесъ,—
Не только словомъ на устахъ.
Но глубоко въ людскихъ сердцахъ,—
«Воскресъ Христосъ, воскресъ!»

Голосъ изъ вьюги.

Въ стонахъ вѣтра и бури, во мракѣ ночномъ.
Въ тьмѣ, рокочущей вьюгою снѣжною,
Чей то голосъ мнѣ слышится все за окномъ.
Полный мощи, но съ ласкою нѣжною.
Слышу вѣщій глаголъ я какъ будто въ бреду.
Сквозь порывы метели рыдающей:
Я иду! *Я* иду! *Я* иду!
Бѣдный людъ, горемычный, страдающій
Въ мукахъ жизни. какъ будто въ аду,
Жди и вѣрь: *Я* иду! *Я* иду!
Ты затерянный, въ мракѣ забвенія.
Ты задавленный игомъ мученія!
Черезъ бури, туманы и тьму
Я къ порогу иду твоему!
Ты утратившій всѣ упованія,
Ты, съ невольной печатью молчанія
На запекшихся блѣдныхъ устахъ!
Все я вижу и слышу впотьмахъ:
Твой недугъ, и печаль, и рыданія!
Жди, иду я на помощь, мой братъ,
Мимо гордыхъ, высокихъ палатъ.
Мимо храмовъ. блистающихъ славою,
Гдѣ, главу лицемѣрно клоня,
Распиная меня,

Лѣвой дупатъ, но крестятся правою!
Вѣрь, мой братъ, не безслѣдно текли
Кровь и слезы для міра незримыя,
Что струилися въ лоно земли!
Охъ несчастные! Охъ, вы, гонимые!
Васъ укрыть отъ Меня не могли!
Слышу, вижу тебя Я, страдающій,
И къ порогу иду твоему,
Въ полночь въ стонахъ метели рыдающей,
Я иду черезъ бурю и тьму!....

А. Л. БОРОВИКОВСКІЙ.

31 Января 1881 г. *

(Дѣтямъ).

Толпа идетъ, идетъ... Ужъ тѣ давно прошли,
А эти все идутъ... И тамъ идутъ — взгляни ты...
Вѣнки... Еще вѣнки. А сколько пронесли,
И каждый съ надписью, цвѣтами перевиты!

Смотри, дитя мое, — печаль и торжество!
Хоронитъ въ этотъ день — и празднуетъ столица;
Ты знай: въ исторіи народа твоего
Сегодня пишется хорошая страница.

И тридцать лѣтъ назадъ, въ началѣ жизни, онъ,
Чей гробъ теперь несутъ усыпанный цвѣтами, —
Онъ шелъ закованный, и тяжкій сердца стонъ
Старался заглушить, бряцая кандалами.

---

* Похороны Достоевскаго.

Потомъ, дитя мое, поймешь ты смыслъ того,
Что говорю тебѣ пока однимъ намекомъ....
Но цѣпи и цвѣты!... Для сердца твоего
И это ужъ звучитъ внушительнымъ урокомъ.

Онъ въ „мертвомъ домѣ“ жилъ. Тамъ люди заперты
Отъ жизни, отъ надеждъ, заброшенъ ключъ отъ двери...
И тамъ, среди цѣпей онъ отыскалъ цвѣты —
Въ сердцахъ людей, людьми отвергнутый, какъ звѣри.

Внимали съ трепетомъ его разсказамъ мы...
Пусть узники его привѣтствуютъ какъ брата!
Вотъ — „отъ суда“ вѣнокъ... А гдѣ же отъ тюрьмы?
Гдѣ ты, вѣнокъ отъ слезъ и вздоховъ каземата?

И властнымъ голосомъ твердилъ онъ вновь и вновь
Счастливымъ — о судьбѣ униженныхъ, несчастныхъ:
О чемъ ни говорилъ, къ нимъ призывалъ любовь
Въ рѣчахъ то горестныхъ, то вдохновенно-страстныхъ.

Когда же начиналъ о дѣтяхъ онъ разсказъ,
О бѣдныхъ, сиротахъ, — какой тоской сердечной
Звучала рѣчь его! Какою, всякій разъ
Онъ вдохновлялся къ нимъ любовью безконечной!

Я не могу безъ слезъ страницы тѣ читать
И если плакалъ я, то что же будетъ съ вами?
Вы чистыя сердца, вы будете рыдать,
Рыдать отъ всей души, — хорошими слезами!

Судомъ исторіи свергались алтари,
Судились геніи... Ты будь правдивъ, историкъ,
Какой найдешь въ немъ грѣхъ, всю правду говори.
Хотя бы твой успѣхъ былъ тягостенъ и горекъ...

о совершая судъ, напомни громко намъ
ѣ вдохновенныя, возвышенныя строки,
ткуда черпали мы всѣ и ты, ты самъ,
юбви, прощенія великіе уроки.

*
* *

Ра́вви, ра́вви, мудрый старецъ
Ты, который—и изъ книгъ
И изъ жизни—мудрость міра
Сердцемъ, разумомъ постигъ!

У меня есть сынъ; онъ—отрокъ
Добрый, умный; для него
Я готовъ купить-бы счастье
Кровью сердца моего.

Вижу я—въ душѣ пытливой
Жгучій зрѣетъ ужъ вопросъ...
Онъ отвѣта скоро спроситъ
У сѣдыхъ моихъ волосъ.

Какъ въ глаза ему взгляну я?
Что отвѣчу? что скажу?
И какую я дорогу
Къ счастью, къ правдѣ укажу?

Научи, о мудрый ра́вви,
Ты, который—и изъ книгъ,
И изъ жизни—мудрость міра
Сердцемъ, разумомъ постигъ.

Говоритъ мнѣ равви: «Въ книгахъ
Прочиталъ я, что отецъ

Былъ всегда плохой учитель
Дѣтскихъ мыслей и сердецъ...

Внявъ отеческимъ совѣтамъ,
Сынъ послушный—изъ души
Вырветъ перлы дорогіе,
Чтобъ мѣнять ихъ на гроши...»

— Не изъ тѣхъ отцовъ я, ра́вви.
Правда, самъ я жилъ. грѣша.
Все-жъ—учить грѣху и сына—
Возмутилась бы душа!

И не внялъ бы тѣмъ совѣтамъ
Мой хорошій, добрый сынъ.
Отвернулся бы съ презрѣньемъ
Отъ отцовскихъ онъ сѣдинъ!

— «Путь другой есть...»
— Страшный, ра́вви!..
Я отдамъ всю жизнь мою,—
Крови-жъ сына—я на жертву
Даже Богу—не пролью!...

—«Только двѣ прямыхъ дороги:
Иль мамона—или Богъ...
Но спроси у фарисеевъ
Промежуточныхъ дорогъ.»

Dio ignoto.

(По поводу одной картины).

Передъ тобой, невѣдомый мнѣ богъ,
Въ безсиліи склоняю я колѣни,

Исполненный мучительныхъ тревогъ.
Исполненный мучительныхъ сомнѣній.

Я былъ твой врагъ... Вчера, еще вчера—
Среди толпы неистовой. суровой,
Вопилъ и я—и требовалъ костра
Ревнителямъ какой-то вѣры новой...

И вотъ пришелъ на мѣсто казни я..
Передо мной, сложивъ смиренно руки.
Тебѣ молясь, поклонница твоя
За твой завѣтъ шла радостно на муки...

И закричалъ: «о прокляни меня!...»
Но — горе мнѣ! — она благословляла...
И на кострѣ средь дыма и огня,
Пѣснь о любви и мирѣ прозвучала...

Невѣдомы завѣты мнѣ твои;
Но властвуешь такими ты сердцами.
Но столько въ нихъ вселяешь ты любви.
Что я позналъ: ты—богъ между богами!...

Отнынѣ чуждъ мнѣ будетъ гордый храмъ.
Что строили мои отцы и дѣды:
Вѣдь нашъ позоръ, вѣдь эти казни—тамъ
Отпразднуютъ. какъ славныя побѣды!...

Чужой мнѣ богъ! Въ твой храмъ я не войду!
Тебя понять, увы, я недостоинъ...
Но я свой мечъ къ ногамъ твоимъ кладу...
Противъ тебя—отнынѣ я не воинъ.

Поэтъ

Отрадою въ горѣ отъ слезъ,
Отрадою въ горѣ отъ смѣха,—
Звучала намъ пѣсня поэта, какъ эхо
Дремавшихъ, но жившихъ въ насъ грезъ...

И прыгало сердце въ груди,
Заслышавши вѣщія пѣсни.
Мы шепчемъ, бывало, другъ другу: „Воскресни!
Терпи, но надѣйся и жди!"

Гдѣ-жъ голосъ пророческій твой,
Что былъ намъ опорой безсилью?
Теперь твоя лира, покрытая пылью,
Уныло лежитъ предъ тобой!

Возьми жъ её снова, поэтъ,
И пой намъ о счастьи какъ прежде!
Ужели для радостныхъ гимновъ надежды
Ни звука у струнъ твоихъ нѣтъ?

И молвилъ поэтъ намъ: „Увы!
Извѣрился самъ я жестоко
Въ тѣ вѣщія пѣсни,—и слову пророка
Не вѣрьте, не вѣрьте и вы,

Тоска въ моемъ сердцѣ, тоска!
Тоскливы и звуки, и темы!
Нѣтъ, будутъ въ дни эти уста мои нѣмы,
И струнъ не коснется рука...

О, если я пѣсни начну,—
Они васъ ужалятъ какъ змѣи...

Вы знаете пѣсни, что пѣли евреи
У рѣкъ вавилонскихъ, въ плѣну?

И съ тщетной надеждой стоимъ,
Ища въ немъ опоры безсилью...
Беззвучная лира, покрытая пылью,
Уныло лежитъ передъ нимъ.

Въ безсонницу.

(Элегіи и воспоминанія).

„. . . Воспоминаніе безмолвно предо мной
Свой длинный развиваетъ свитокъ".
Пушкинъ.

ЛИСТОКЪ ПЕРВЫЙ.

Изъ старины почти уже сѣдой,
Изъ прошлыхъ лѣтъ невозвратимой дали—
Моя мечта выводитъ мнѣ порой
Забытыя и счастья, и печали.
Проснется вдругъ—и мрачно, и свѣтло—
Все, чтó на днѣ души моей спалó.

Тогда ведутъ меня воспоминанья
Туда, назадъ, къ руинамъ дней былыхъ,
Гдѣ сложены святыя упованья
Подъ грудою сомнѣній роковыхъ,
Мечты надеждъ, обманчивыя чары—
И истины уроки и удары.

Средь призраковъ, какъ призракъ, я брожу,
То радостенъ по дѣтски, то печаленъ,
Я ожилъ самъ—и вздохами бужу

Безмолвный сонъ знакомыхъ мнѣ развалинъ.
И внемлетъ прахъ молчанью моему, —
И я его молчаніе пойму.

Такъ, воротясь къ родному пепелищу,
Свидѣтелю надеждъ и дѣтскихъ сновъ,
Бредетъ старикъ безмолвно по кладбищу,
Среди могилъ и сумрачныхъ крестовъ.
Онъ полонъ думъ... и слышитъ онъ, унылый,
О чемъ молчатъ знакомыя могилы.

И передъ нимъ былое возстаетъ,
Съ укорами и съ ласкою привѣта.
Оно ему вопросы задаетъ
И требуетъ настойчиво отвѣта...
Онъ слышитъ ихъ... онъ отвѣчаетъ имъ...
Идетъ разсчетъ межъ мертвымъ и живымъ.

Лицомъ къ лицу—прошедшее съ грядущимъ...
И устранить могила не властна
Любовь и судъ межъ мертвымъ и живущимъ
Земля полна отшедшими, полна!
Здѣсь подвиги, и здѣсь ихъ преступленья,
И вопль вражды, и вздохъ благословенья.

Не вѣрю я, чтобъ тѣ, что отошли
Отъ жизни злой къ могильному покою,
Не слышали съ оставленной земли
Проклятія и стоны за собою.
Имъ не найти забвенія: и тамъ
Настигнетъ ихъ и приговоръ, и срамъ.

Знай: на твоей могилѣ станутъ дѣти
Съ тобой на судъ. И помни, что тогда

За вины ихъ—ты можешь быть въ отвѣтѣ,
И примешь ты стыдъ тяжкій ихъ стыда.
За нихъ скорбѣть, и горевать ихъ горе
Ты будешь самъ... Отцы! memente mori!

Не вѣрю я, чтобъ вздохъ любви святой
Не проникалъ сквозь насыпи могилы,
Чтобъ усладить улыбкою покой
Тѣхъ, кто намъ милъ, кому мы были милы.
Мы видимъ ихъ, мы слышимъ ихъ: даны
Для этого и грезы намъ, и сны.

Мое дитя! Я такъ тебя люблю
Моей больной, измученной душою...
Въ послѣдній день тебя благословлю
И буду самъ благословленъ тобою...
Не вѣрю я, чтобъ роковой тотъ часъ
Порвалъ любовь, связующую насъ.

Въ тиши ночей, я съ тою же любовью
Къ тебѣ приду—и каждую мечту
Я, къ твоему склонившись изголовью,
Въ твоей душѣ раскрою и прочту.
Я подсмотрю мечты твоей рожденье:
Тѣнямъ даны двойные слухъ и зрѣнье.

О, вѣрь, моя недремлющая тѣнь
Придетъ дѣлить твои минуты счастья,
Найдетъ тебя, и въ скорбный, черный день,
Съ улыбкою, и съ ласкою участья.
И призоветъ меня мечта твоя:
Увидишь сны—и сны тѣ буду я!...

Какъ вѣрный стражъ, я неотступнымъ взоромъ
Твой каждый шагъ незримо прослѣжу.

И можетъ быть, передъ твоимъ укоромъ
Не разъ и я восплачу, задрожу...
Ужасный судъ!... Тамъ мѣста нѣтъ прощенью,
И мира нѣтъ между живымъ и тѣнью.

Увы, увы!... Но ты меня суди.
Пусть буду я казниться карой строгой—
А самъ иди—мужайся и иди
Иной, своей, хорошею дорогой.
А я пойду повсюду за тобой—
Съ подъятой ли, съ поникшей головой.

ЛИСТОКЪ ВТОРОЙ.

...Минувшее проносится въ туманѣ
Передъ моей взволнованной мечтой...
И—какъ миражъ, въ заманчивомъ обманѣ,
Даль ожила, возстала предо мной:
Зоветъ къ себѣ: „отъ тщетныхъ ожиданій
Ты отдохни среди воспоминаній“...

Гляжу туда, съ улыбкой на устахъ...
О, молодость! Не даромъ нѣтъ поэта,
Которымъ бы въ восторженныхъ стихахъ
Ты не была оплакана, воспѣта!
Тамъ—радости, тамъ самая печаль
Намъ дорога... Всего тамъ сердцу жаль.

Такъ пѣшеходъ, дорогой истомленный,
Сѣлъ отдохнуть, поникнувъ головой;
Взглянулъ назадъ и видитъ, изумленный,
Роскошную картину за собой...
Тамъ былъ песокъ, тамъ были камни—нынѣ
Они слились въ ласкающей картинѣ.

Любуйся же созданіемъ мечты!
А между тѣмъ—не тамъ-ли, въ „года óны“ —
Еще дитя, впервые слышалъ ты
Родной земли задавленные стоны?..
Надъ родиной тогда стояла тьма—
И плакалъ рабъ подъ тяжестью ярма.

Ты былъ дитя... Но помнишь эти слезы;
И можетъ быть, запавшія тогда
Колючія, жестокія занозы
Въ твоей душѣ остались навсегда...
И можетъ быть, ты понялъ слишкомъ рано
Родную связь надежды и обмана...

Былъ близокъ день.... Ужъ горькій стонъ избы
Почти дошелъ къ престолу Іеговы...
„Мужайтеся, мужайтеся, рабы,—
Вы носите послѣднія оковы...“
Блаженны тѣ, кого засталъ въ тотъ часъ,
Пока въ рукахъ свѣтильникъ не погасъ!...

..... Жизнь тяжела... И если-бъ издали
Не грѣли насъ порой воспоминанья,
И если бы „впередъ“ насъ не влекли
Прекрасные миражи упованья.—
Гдѣ-бъ силы намъ и бодрости найти,
Чтобъ до конца кресты свои нести?

Намъ говоритъ тоскующее „нынѣ“:
„Не унывай, о сердце! подожди!
Мы на пути къ завѣтной Палестинѣ:
Нашъ путь тяжелъ—но счастье впереди!“
Ужъ вѣры нѣтъ, но долго суевѣрья
Живутъ въ душѣ и посреди безвѣрья.

Надежда въ даль настойчиво зоветъ
И все твердитъ заманчивыя рѣчи...
Иди, иди! Пусть солнце больно жжетъ,
Пусть лямка третъ раздавленныя плечи—
Тамъ, за горой, страданіямъ конецъ,
Тамъ для труда и отдыхъ, и вѣнецъ:

И къ рубежу земли обѣтованной
Насъ приведетъ счастливая звѣзда:
„Иди на пиръ, и званный и незванный!"
Что скажемъ мы? что скажемъ мы тогда?
Найдется-ли улыбка для отвѣта?
Не скажемъ-ли: «ужъ наша пѣсня спѣта!...»

О пшеницѣ.

(Изъ прогулокъ съ дѣтьми младшаго возраста).

„Карась любитъ, чтобъ его жарили въ сметанѣ".
(Подарокъ хозяйкамъ).

Говорятъ мнѣ дѣти: «папа,
Чья, скажи намъ, эта нива,
Гдѣ волнуется пшеница,
Яснымъ утромъ, такъ красиво?»

— Это все мое и ваше:
Часть дошла мнѣ по наслѣдству,
Часть въ приданое за мамой,
Часть купилъ я по сосѣдству.

Но, горя любовью братской
Къ мужику, «меньшому брату», —

Я имъ роздалъ эти нивы...
За умѣренную плату...

—«Ахъ, какой ты, па̀па, до̀брый!
То-то будетъ наслажденье
Мужичку—покушать булокъ,
Да ватрушекъ, да печенья...»

—Нѣтъ, мужикъ не любитъ булокъ:
Онъ, капризный и упорный,
Вкусъ имѣетъ очень странный:
Любитъ хлѣбъ онъ только черный;

Да и этотъ хлѣбъ онъ любитъ
Приправлять еще мякиной...
Полагаю, грубость нравовъ
Вкусу грубому причиной...

—«Если онъ не ѣстъ пшеницы,
Что жъ онъ любитъ дѣлать съ нею?»
—Дѣтки, любитъ онъ пшеницу
Въ полъ-цѣны продать еврею.

Деньги жъ любитъ отдавать онъ
Въ казначейства, да въ управы...
Таковы мужичьи вкусы!...
Таковы мужичьи нравы!...

Царь природы.

«Человѣкъ есть царь природы».
(*Букварь.*)

Одарило небо щедро
Благодатный этотъ край

Жирнымъ хлѣбомъ, жирной пашней,
Жирной дичью,—просто рай!..

Но среди природы жирной
Тощь и скорбенъ, весь въ пыли,
Человѣкъ, «вѣнецъ созданья,
Перлъ природы, царь земли...»

—Эй, мужикъ! Ты царь природы!..
Понимаешь? Это все—
Хлѣбъ роскошный, звѣри, птицы,
Что ни видишь,—все твое...

Шапку снялъ: «не становой-ли»...
Тощій, скорбный, весь въ пыли,
Человѣкъ «вѣнецъ созданья,
Перлъ природы, царь земли...»

С. Д. ДРОЖЖИНЪ.

Отрывокъ.

Мнѣ жизнь еще не надоѣла,
И сила есть, и много дѣла
Найдется впереди;
Еще горитъ въ моей груди
Добра божественное пламя,
И я хочу высоко знамя
Служенья истинѣ святой
Держать передъ собой;
Хочу я къ свѣту путь направить —
Не для того, чтобы прославить
Дѣлами громкими себя —
Нѣтъ, страстно родину любя,
Я не могу безъ содраганья
Смотрѣть на тяжкія страданья
Богатырей всѣхъ славныхъ дѣлъ.
И мнѣ Господь на скромной лирѣ
Не красоту въ подлунномъ мірѣ,
А горе ихъ воспѣть велѣлъ.

Вѣчная память.

Вѣчную память надъ гробомъ споемъ.
Тѣмъ, кто на свѣтѣ жилъ честнымъ трудомъ;
Нажилъ не мало мозолей въ работѣ,
И, умирая, въ предсмертной заботѣ
Намъ завѣщалъ,—не отчаянье въ жизни,
А, прозрѣвая величье отчизны—
Вѣрилъ, что колосъ нальется зерномъ,—
Вѣчную память споемъ!

Тѣмъ, кто за родину въ битвѣ кровавой
Умеръ вѣнчанный народною славой;
Въ слово живое кто мысль воплощалъ
И въ тишинѣ свое дѣло свершалъ—
Къ счастью стремился въ годину невзгоды,
Съ вѣрою въ силу родного народа,
Духомъ не падалъ въ признаньи святомъ,—
Вѣчную память споемъ!

Домовой

Снѣжную пыль подымаетъ
Вѣтеръ надъ крышей гнилой,
По двору ходитъ—гуляетъ,
Дѣдушка самъ домовой:

Въ инеѣ шапка большая,
И до колѣнъ борода...
Смотритъ на дѣда, мерцая,
Съ темнаго неба звѣзда...

Горе... Крестьянинъ лишился
Въ зиму лошадки гнѣдой,

Вспомнивъ объ ней разгрустился
Дѣдушка самъ домовой.

Какъ же не вспомнить родную,
Онъ сосункомъ ее зналъ.—
Часто бывало густую
Гриву сплеталъ—расплеталъ,

Гладилъ мохнатой рукою,
Вдоволь поилъ и кормилъ,
Чтобы лошадкѣ весною
Больше прибавилось силъ.

Съ кѣмъ теперь пахарь угрюмый
Вспашетъ землицу сохой?
Думаетъ горькую думу
Дѣдушка самъ домовой.

Вѣтеръ въ прогнившія щели
Съ свистомъ влетаетъ, какъ воръ,
Снѣгомъ разгульной метели
Кутаетъ плотно заборъ.

А на дворѣ запустѣнье,—
Все посмело какъ метлой.
Ходитъ одинъ въ озлобленьи
Дѣдушка самъ домовой.

Пѣсни рабочихъ.

I.

Трудъ да горе, капли пота
Пополамъ съ слезой,

За тяжелою работой
　　Съ вѣчною нуждой.
Ломота въ костяхъ, мозоли
　　Съ грязью на рукахъ.
Жизнь безъ счастія и доли
　　Въ четырехъ стѣнахъ.
Холодъ, голодъ, утомленье
　　Жизнью и трудомъ,
То попрекъ, то униженье
　　Передъ богачемъ.
Солнце весело проглянетъ
　　Птичка запоетъ.—
Пѣсню ей въ отвѣтъ затянетъ
　　Чуть не весь заводъ,
Изъ грудей разбитыхъ льются,
　　Плачутъ голоса,
А надъ пѣснею смѣются
　　Взмахи колеса.

II.

　　Часы бѣгутъ,
　　Гнетущій трудъ
Ничѣмъ не нарушая;
А впереди.
　　Того и жди,
　　Нужда задавитъ злая.

Отъ горя—бѣдъ
Во цвѣтѣ лѣтъ
　　Мы силу-мочь теряемъ,
И въ нищетѣ,
По простотѣ
　　Душевной, погибаемъ.

У насъ всегда
Одна бѣда
Смѣняется другою,
Покуда гробъ
Не скроетъ попъ
Могильною землею.

Первая борозда.

Вышелъ внукъ на пашню къ дѣду,
Въ рубашенкѣ, босикомъ,
Улыбнулся, и промолвилъ:
„Здравствуй, дѣдушка Пахомъ!

Ты, я вижу, притомился,
Научи меня пахать,
Какъ училъ зимой бывало
«Богородицу» читать!“

— „Чтожъ, изволь, коли охота
И силенка есть въ рукахъ,
Поучися, будь помощникъ
Дѣду старому въ трудахъ!“

И Пахомъ къ сохѣ съ молитвой
Внука за руку подвелъ;
Внукъ, крестяся, бороздою
За лошадкою пошелъ...

Бодро, весело лошадка
Выступаетъ впереди,
А у пахаря то сердце
Такъ и прыгаетъ въ груди.

Вотъ, онъ думаетъ, вспашу я
Эту полосу, потомъ
Изъ кошницы дѣдъ засѣетъ
Золотымъ ее зерномъ;

Уродится рожь густая,
А весною—благодать!
Какъ начнетъ она по зорькамъ
Желтый колосъ наливать,

Уберется васильками,
Словно море зашумитъ,
Выйдутъ жницы на полоску,
Серпъ на солнцѣ заблеститъ.

Мы пріѣдемъ на телѣгѣ,
И, изъ связанныхъ сноповъ,
На гумнѣ намечемъ много
Золотыхъ тогда скирдовъ!

Долго издали на внука
Смотритъ дѣдушка сѣдой,
И любуется глубоко
Проведенной бороздой.

Родина.

Кругомъ поля раздольныя,
Широкія поля,
Болота непроходныя,—
Вотъ родина моя!

Соломою покрытыя
Избушки предо мной,

Ребята не умытые
 На улицѣ порой.

Босые, загорѣлые,
 Играютъ и шумятъ,
И словно вишни спѣлыя
 Ихъ личики горятъ.

А мимо храма божія
 Дорогою большой,
Идутъ, крестясь, прохожіе
 И странники съ сумой...

Вдали цвѣтутъ сосновые
 Дремучіе лѣса,
И съ тучами свинцовыя
 Нависли небеса.

Ни чѣмъ не одаренная
 И скудная земля,
Да Волга многоводная,—
 Вотъ родина моя!

*
* *

Мѣста знакомыя опять
Дохнули на душу тепломъ!
Передо мною старый домъ,
Отецъ родной, родная мать,
Дѣтей веселыхъ голоса
И голубыя небеса.
Село и деревушекъ рядъ,
Соломой крытыя, стоятъ
Избенки бѣдныя, дымокъ

Отъ нихъ разноситъ вѣтерокъ
И тихо шепчется съ листвой...
Я упиваюсь красотой
Полей, гдѣ пчелка надъ травой
Жужжитъ, взлетая на цвѣтокъ,
И птичка вольная поетъ
Почти надъ самой головой.
Вотъ тихій вечеръ настаетъ,
И лучезарною зарей
Вдругъ охватило небеса,
Ложится на землю роса,
Прохладой вѣетъ отъ рѣки,
И гаснутъ въ окнахъ огоньки.
Спокойно труженикъ народъ
Уснулъ подъ крышею родной
И позабылся отъ заботъ,
Чтобъ съ новой силой въ лѣтній зной
На полѣ дружною семьей
Свою работу продолжать.
Зато какая благодать,
Когда Господь въ родимый край
Пошлетъ обильный урожай!

Сонъ труженика.

Господи, сколько работы!
Некогда даже вздохнуть,
И отъ нужды да заботы
Вся истомилася грудь...

Некогда даже молиться...
Ляжешь въ постелю,—во снѣ
Хата знакомая снится,
Мать на родной сторонѣ.

Какъ же она исхудала,
Просто нельзя и узнать!
Видно, что много страдала
Эта несчастная мать.

Капли въ лицѣ не осталось
Прежней былой красоты;—
Видно, что рано спозналась
Съ горемъ, родимая, ты.

Въ страдную пору, въ ненастье,
Вижу: ты въ полѣ идешь,
Пѣсню про „горе—злосчастье"—
Горькую пѣсню поешь...

24 Апрѣля 1880 года.

(Памяти И. З. Сурикова).

Вешнее солнце пропало изъ глазъ.
Темная ночь наступила,
Такъ передъ нами онъ бѣдный угасъ

Въ блескѣ таланта и силы.
Пой терпѣливый, униженный людъ
Пѣсни родного поэта,
Въ нихъ воспѣвается честность и трудъ,
Слышится слово привѣта.

*
* *

Честнымъ порывамъ дай силу свободную,
Начатый трудъ довершай,
И за счастливую долю народную
Жизнь всю до капли отдай!

Теплой любви,—вѣкового призванія
Въ сердцѣ своемъ не гаси,
Чудною силою,—свѣточемъ знанія
Русь воскреси!

В. И. НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО.

Буря.

Небо окутали тучи...
Чу!... заскрипѣло въ снастяхъ...
Качка сильнѣе и круче;
Въ бѣлыхъ косматыхъ гребняхъ
Волны за волнами море
Гонитъ на темномъ просторѣ...
Судно стрѣлою несется—
Парусъ вотъ-вотъ оборвется..
Что мнѣ за дѣло—впередъ!
Братья, пока мнѣ поется
Я небоюсь непогодъ!..
Что тамъ чернѣетъ грядою
Въ хаосѣ бури и тьмы?
Скалы!.. хлеснуло волною,
Смыло матроса съ кормы.
Вѣтеръ реветъ надо мною...
Громче! я справлюсь съ тобою!
Сердце пока еще бьется
Пѣсня орлицею вьется...
Пусть и погибну—впередъ!
Братья, пока мнѣ поется,
Я небоюсь непогодъ!..

Золото.

Глубоко подъ горою могучей
Золотая хоронится сила,
И гора эта кажется тучей,

Что огнистую молнію скрыла.
Сотни лѣтъ безотходно, толпою,
Не жалѣя измученной груди,
Сквозь утесы желѣзной киркою
Пробиваются къ золоту люди...
Но стоятъ некрушимые скаты,
Подъ ударами боли не зная,
И надежно въ гранитныя латы
Заковалася грудь золотая.
Съ той поры какъ во мракѣ угрюмо
Схоронилося старое вѣче,
Спитъ великая, вѣщая дума
Въ самомъ сердцѣ народа, далече...
Гдѣ оно—не отыщешь примѣты,
Не забьется подъ твердой корою...
Сотни лѣтъ мудрецы и поэты
Въ грудь народа стучались толпою.
Шли за нимъ въ рудники и остроги
И ложилися вмѣстѣ въ могилы.
Но—къ народному сердцу дороги,
Отыскать у нихъ не было силы!

Пѣсня родины.

Не поминай мой край родной;
Дитя, забудь родные звуки...
Въ странѣ холодной и чужой
Къ чему тревожить сердца муки?..
Засни, дитя мое, засни!..
Гони мечты о счастьи дальнемъ,—
Какъ ядъ мучительны они
Въ краю изгнанія печальномъ.
Дитя, тутъ все убьетъ морозъ,
Тутъ жизнь тебѣ луча не броситъ.

И грезы, какъ листы съ березъ,
Дыханье осени уноситъ...
Завѣетъ снѣгъ твои цвѣты,
Зима убьетъ живыя силы,
И только горе встрѣтишь ты
Отъ колыбели до могилы!...
—О, нѣтъ, отецъ! Мой край родной
И пѣсенъ радостные звуки
Мнѣ не забыть въ странѣ чужой.
Для мысли нѣтъ нигдѣ разлуки....
Когда кругомъ мятель реветъ,
Когда избушку снѣгъ заноситъ,
Передо мной мой край встаетъ,
Родимыхъ пѣсенъ сердце проситъ....
Въ нихъ ароматъ весеннихъ розъ,
Въ нихъ шелестъ нивы золотистой,
И пусть кругомъ трещитъ морозъ,
Пусть вьюга злится ночью мглистой,—
Снѣгъ не убьетъ цвѣтовъ родныхъ:
Они въ груди благоухаютъ,
Въ степяхъ изгнанія чужихъ
Зимою пышно расцвѣтаютъ;
Пусть горе только встрѣчу я,
Когда жъ не станетъ силъ—родная
Вспорхнетъ какъ птичка, пѣснь моя
И улыбнусь я, умирая!

Родной край.

сыпанный глубокими снѣгами,
къ трупъ въ землѣ, молчитъ мой край родной...
оитъ рѣка, окованная льдами,
дремлетъ лѣсъ подъ шапкой снѣговой.

Въ дыму лачугъ, спасаясь отъ мороза,
Заснулъ народъ. Какъ туча, ходитъ сонъ,
Безсиленъ умъ. Совсѣмъ увяла греза.
Запѣть—кому?... Тутъ пѣсня—тотъ же стонъ!

Я уходилъ въ край солнца и свободы,
Въ край яркихъ розъ и говорливыхъ водъ.
Не зная сна, на праздникѣ природы
Тамъ весело волнуется народъ,
И жизнь кипитъ. Подъ сводами руины,
Какъ будто бы забывшими упасть,
По вечерамъ рокочутъ мандолины,
И пѣснь звучитъ, и вспыхиваетъ страсть...

Но тамъ меня отчаянье томило,
Мнѣ чудился далекій и глухой
Холодный край, раскинутый уныло
Въ оковахъ льда, подъ шапкой снѣговой...
На праздникѣ плѣнительнаго юга
Мнѣ видѣлись: голодная страна,
Забытыхъ селъ—убогая лачуга,
Густыхъ лѣсовъ—угрюмая сосна.

Какъ великанъ, забытый небесами,
Какъ богатырь, волшебницей зимой
Къ полярнымъ льдамъ прикованный цѣпями,
Давнымъ давно, ты дремлешь, край родной,
И я все жду—съ живительной весною
Проснешся ты, колодникъ великанъ,
Очнется Русь, какъ бѣшеной грозою
Разбуженный могучій океанъ.

Изъ подъ снѣговъ сыны былого вѣча
Подымутся дружинами на бой

И дрогнетъ тьма. Начнется злая сѣча,
Волшебныхъ чаръ не станетъ надъ землей:
Въ родномъ краю не знавшій лучшей доли,
Безграмотенъ, лицомъ и нравомъ дикъ,
Голодный рабъ, стонавшій лишь отъ боли,
Воскреснешь ты, свободенъ и великъ.

Пускай кругомъ царитъ еще могучій
Тяжелый мракъ, грядущее тая:
Мнѣ чудится порою изъ-за тучи
Сверкнувшая огнистая струя...
Я васъ пою, таинственныя силы,
Пою весну и солнце лучшихъ дней...
Откроются забытыя могилы,
Воскреснетъ жизнь на родинѣ моей...

Проснется жизнь съ весенними громами
И царство тьмы разсѣетъ навсегда.
Чу!... слышите, подъ старыми снѣгами
Уже бѣжитъ и точитъ ихъ вода...
Морозъ куетъ послѣдній разъ природу,
Бѣснуется, почуявши тепло...
Кто раньше всталъ, тотъ громко пой свободу,
Чтобъ дрогнуло ликующее зло!

Дворецъ Тиверія и Сантъ-Эльмо.

Какъ тихо спятъ въ полдневномъ знoѣ купы
Весеннихъ розъ и лавровъ, и чинаръ!
Въ лазурь небесъ поднялися уступы
Гранитныхъ скалъ. Томитъ недвижный жаръ.
Вдали, на той вершинѣ одинокой,

Остатки стѣнъ и мраморныхъ колоннъ;
Ничто ихъ сонъ не возмутитъ глубокій...
Доносится, какъ будто дальній стонъ,
Прибой волны... Внизу равнина моря,—
Едва колышутся могучіе валы.
Сюда ушелъ, съ добромъ и правдой споря,
Какъ звѣрь въ нору, на сѣрыя скалы
Тиверій—царь измученнаго міра,
Нѣмыхъ рабовъ разнузданный тиранъ.
Здѣсь былъ дворецъ развратнаго кумира
И палачей остервенѣлыхъ станъ...
Отсюда внизъ, съ гранитнаго уступа,
Кидали тѣхъ, въ комъ совѣсть не спала.
Морская глубь истерзаннаго трупа
Бездонною могилою была...—
Ихъ тысячи... Но жертвы позабыты.
Зеленый миртъ—развалинъ властелинъ—
Шумитъ въ стѣнахъ. И солнца лучъ одинъ
Скользитъ въ окно сквозь чащу старыхъ пиній,
А вотъ еще—рабовъ недавнихъ страхъ.
Черезъ заливъ, какъ это небо синій,
Опять скалы и башни на скалахъ,
Сантъ-Эльмо тамъ, на высотѣ воздушной...
Съ Тиверіемъ сравнявшійся позднѣй,
Какъ римскій царь, мучитель равнодушный,
Лишь утонченный болѣе злодѣй,—
Въ сырую тьму подъ каменные своды,
Презрѣнный трусъ, купавшійся въ крови,
Бросалъ туда защитниковъ свободы,
Апостоловъ науки и любви...
Исторія замкнулася темницей!
Мученія семнадцати вѣковъ
Безплодною промчались вереницей,
Не научивъ безсмысленыхъ рабовъ...

Злодѣямъ—лавръ... страдальцы позабыты,
Свобода—миѳъ, а произволъ—законъ,
Возвышены Іуды и Терситы,
Вѣнчаются Тиверій и Неронъ...
Гдѣ жизни смыслъ? Все тою-же дорогой
Идутъ впередъ народы и вѣка
И льется кровь за каждый шагъ убогій,
И также цѣль, какъ прежде, далека...
Нашъ бѣдный міръ въ событіяхъ прошедшихъ
Является трагедіею мнѣ.—
Трагедіей, но въ домѣ сумасшедшихъ,
Безумцами разыгранной вполнѣ!

Въ даль.

Изъ вашихъ душныхъ городовъ,
Изъ стѣнъ, пропитанныхъ слезами,
Въ блаженный край моихъ лѣсовъ
Я уношусь еще мечтами.

Зеленымъ царствомъ въ лѣтній зной
Ложится глушь моя родная.
Тамъ тѣнь, молчанье и покой,
Тамъ я воскресну, отдыхая...

Среди безмолвной красоты,
Гдѣ только бродитъ вѣтеръ горный,
Безсильно слово клеветы
И жало зависти упорной...

Смолистымъ воздухомъ дыша,
Въ тѣни столѣтнихъ великановъ,

Забудемъ все—о чемъ душа
Томилась въ области тумановъ;

Среди ликующихъ глупцовъ
И жертвъ, раздавленныхъ врагами,
Во мракѣ душныхъ городовъ,
Въ стѣнахъ, пропитанныхъ слезами.

А. А. ГОЛЕНИЩЕВЪ-КУТУЗОВЪ.

*
* *

Такъ жить нельзя! Въ разумности притворной,
Съ тоской въ душѣ и холодомъ въ крови,
Безъ юности, безъ вѣры животворной,
Безъ жгучихъ мукъ и счастія любви,
Безъ тихихъ слезъ и громкаго веселья,
Въ томленіи больного забытья,
Въ уныніи разврата и бездѣлья,—
Нѣть, други, нѣтъ,—такъ дольше жить нельзя!
Сомнѣній ночь отрады не приноситъ,
Клеветъ и лжи наскучили слова,
Померкшій взоръ лучей и солнца проситъ,
Усталый духъ алкаетъ Божества.
Но не прозрѣть намъ къ солнцу сквозь тумана,
Но не найти намъ Бога въ дольней тьмѣ,—
Насъ держитъ власть побѣднаго обмана,
Какъ узниковъ въ оковахъ и тюрьмѣ.
Поблекшихъ дней влачится вереница
Въ безплодіи ненужныхъ дѣлъ и словъ,

И съ каждымъ днемъ мрачнѣе та темница,
Тяжеле гнетъ тѣхъ ледяныхъ оковъ,
Не вѣетъ въ міръ весны живой дыханье,
Творящихъ силъ изсякнула струя,
И лишь одно не умерло сознанье,
Не то призывъ, не то воспоминанье,—
Оно твердитъ: такъ дальше жить нельзя!

Къ Н....му.

Не пеняй на меня, мой взыскательный другъ,
За мою нищету и безсилье,
Ослѣпили меня, обступили вокругъ
Стѣны крѣпкія, мракъ и насилье.

Но, повѣрь, не далекъ обновленія день,
И сломаю я крѣпкую стѣну,
И покину тюрьмы непривѣтную сѣнь,
И паломника ризу надѣну.

Отъ шумящихъ столицъ далеко, далеко
Я уйду строгой думой объятый,
Въ душу родины тамъ загляну глубоко,
Заберуся въ землянки и хаты.

Нищеты и терпѣнья загадочный ликъ
Разгляжу при мерцаньи лучины,
Въ кабакѣ придорожномъ подслушаю крикъ
Безнадежной и пьяной кручины.—

И, вернувшись назадъ, тебѣ пѣсню спою—
Не такую, какъ пѣлъ я донынѣ.
Нѣтъ, услышавъ тогда эту пѣсню мою,
Ты поклонишься ей, какъ святынѣ.

Такъ ко гробу Господню идетъ пилигримъ,
Тамъ огонь зажигаетъ священный,
И потомъ тотъ огонь, теплой вѣрой хранимъ,
Онъ приноситъ въ пріютъ свой смиренный.

И домашніе, встрѣтивъ его у крыльца,
Съ умиленьемъ даръ Божій пріемлютъ
И правдиво-чудеснымъ рѣчамъ пришлеца,
Какъ небесному голосу, внемлютъ!

Мольба.

Убійства жаждой не объятый,
Я бранныхъ пѣсенъ не пою,
И душу мирную мою
Не тѣшатъ ярыхъ битвъ раскаты:
Я нѣмъ и глухъ къ громамъ войны.
Но вопли жертвъ мой слухъ терзаютъ;
Они побѣдно заглушаютъ
Веселье, шумъ и блескъ весны!
Несутся прочь мечты, желанья,
Блѣднѣетъ образъ красоты,
И я рыдаю—пѣснь страданья
Окровавленной нищеты!
Мнѣ чудятся проклятья, стоны,
Зубовный скрежетъ, смерти дрожь...
Богачъ!—давай свои мильоны!
Бѣднякъ!—неси послѣдній грошъ!
А нѣтъ гроша? хватай рубаху,
Одежду дѣтокъ и жены;
Все, все что есть, кидай на плаху
Всепожирающей войны!
Не содрогаясь передъ кровью,

Омой ты раны на тѣлахъ
Бойцовъ, поверженныхъ во прахъ
И поднятыхъ твоей любовью,
И счастливъ будь, когда хоть разъ
Страдалецъ—жертва злобы дикой—
Тебя въ душѣ своей великой
Благословитъ въ послѣднiй часъ!

Трепакъ.

Лѣсъ да поляны. Безлюдье кругомъ.
Вьюга и плачетъ и стонетъ,
Чудится, будто во мракѣ ночномъ,
Злая кого-то хоронитъ.
Глядь—такъ и есть! Въ темнотѣ мужика
Смерть обнимаетъ, ласкаетъ,
Съ пьяненькимъ пляшетъ вдвоемъ трепака,
На ухо пѣснь напѣваетъ.
Любо съ подругою бѣлой плясать!
Любо лихой ея пѣснѣ внимать!

Охъ, мужичекъ
Старичекъ
Убогой
Пьянъ напился,
Поплелся
Дорогой;
А метель-то, вѣдьма, поднялась,
Взыграла!
Съ поля— въ лѣсъ дремучiй невзначай
Загнала!
Горемъ, тоской
Да нуждой

Томимый,
Лягъ, отдохни,
Да усни,
Родимый!

Я тебя, голубчикъ мой, снѣжкомъ
Согрѣю;
Вкругъ тебя великую игру
Затѣю.
Взбей-ка постель,
Ты, метель
Лебедка!
Ну начинай,
Запѣвай,
Погодка,
Сказку—да такую, чтобъ всю ночь
Тянулась,
Чтобъ пьянчугѣ крѣпко подъ нее
Уснулось!

Гой вы, лѣса,
Небеса,
Да тучи!
Темь, вѣтерокъ,
Да снѣжокъ
Летучій!
Станемъ-ка въ кружки, да удалой
Толпою
Въ пляску развеселую дружнѣй
За мною!

Глядь-ка, дружокъ,
Мужичекъ
Счастливый;

Лѣто пришло,
Разцвѣло!
Надъ нивой
Солнышко смѣется, да жнецы
Гуляютъ,
Снопики на сжатыхъ полоскахъ
Считаютъ.

. . . .

Лѣсъ, да поляны, безлюдье кругомъ.
Стихла недобрая сила.
Горькаго пьяницу въ мракѣ ночномъ
Съ плачемъ метель схоронила.
Знать, утомился плясать трепака,
Пѣсни пѣть съ бѣлой подругой—
Спитъ не проснется... Могила мягка
И ужъ засыпана вьюгой!

Весной.

Родная глушь, я полюбилъ тебя!
Какъ блудный сынъ, усталый и печальный,
Подъ отчій кровъ, бѣжавъ чужбины дальней,
Убогъ и нищъ душой вернулся я.
И ты меня, простивши, пріютила,
Съ участьемъ теплымъ улыбнулась мнѣ.

И для другихъ нѣмая, какъ могила,
Мнѣ рѣчь любви шептала въ тишинѣ.
Мой духъ воскресъ, мои открылись очи,
И я опять увидѣлъ предъ собой,
Какъ сквозь туманъ волшебной майской ночи,
Желанный путь—путь жизни трудовой!
Пора, пора!... Гремящіе потоки
Смѣясь, бѣгутъ съ оттаявшихъ холмовъ,

И сладкіе, живительные соки
Изъ нѣдръ земли ползутъ въ стволы деревъ,
Ползутъ къ вѣтвямъ и въ стебли травки каждой,

Творящихъ силъ и трепета полны;
Весь юный міръ, томясь любовной жаждой,
Объятій ждетъ волшебницы весны...
И вотъ она, вся въ радужномъ сіяньѣ
Златыхъ одеждъ, парчи и багряницъ.

За стаями прилетныхъ, пѣвчихъ птицъ,
Приносится на страстное свиданье,
На брачный пиръ, исполненный чудесъ,
На торжество природы и небесъ!

Привѣтъ весны и ласковыя грезы,
Прекрасны вы!—Но для чего-жъ порой
И въ майскій день, и здѣсь въ глуши родной
Мнѣ слышатся стенанья, вздохи, слезы;
Насилія и гордости языкъ,

Обманъ и лесть униженнаго брата,
Проклятія голоднаго разврата,
Людская брань и звѣря дикій крикъ?
Зачѣмъ?
Но разсуждать теперь не время:

Земля просохла, зеленѣетъ лугъ...
Врѣзайся глубже въ пашню, острый плугъ,
Ровнѣй изъ рукъ на землю падай, сѣмя!
И дай, Господь, дождя и теплыхъ дней,
Чтобъ проросло въ землѣ оно скорѣй!

*
* *

Для битвы честной и суровой
Съ неправдой, злобою и тьмой
Мнѣ Богъ далъ мысль, мнѣ Богъ далъ слово,
Свой мощный стягъ, свой мечъ святой.
Я ихъ пріялъ изъ Божьей длани,
Какъ жизни даръ, какъ солнца свѣтъ—
И пусть въ пылу на полѣ брани
Нарушу я любви завѣтъ;
Пусть, правый путь во тьмѣ теряя,
Я грѣхъ свершу, какъ блудный сынъ,—
Господень судъ не упреждая,
Да не коснется власть земная
Того, въ чемъ властенъ Богъ единъ!
Да, наложить на разумъ цѣпи
И слово может ъ умертвить
Лишь Тотъ, Кто властенъ вихрю въ степи
И грому въ небѣ запретить.

КНЯЗЬ Д. Н. ЦЕРТЕЛЕВЪ.

*
* *

Когда съ высотъ горящаго Синая
Израилю былъ данъ его законъ,—
Предъ Богомъ силъ колѣни преклоняя,
Его назвать еще страшился онъ.

Вѣка прошли: служители Ваала
Внесли свой торгъ и подъ священный кровъ,
Но новая заря уже сіяла:
Христосъ изгналъ изъ храма торговцовъ.

Онъ новый храмъ воздвигъ среди вселенной,
Гдѣ еллиновъ, ни іудеевъ нѣтъ,
Гдѣ все живитъ единый духъ нетлѣнный,
Гдѣ царствуетъ любовь, и жизнь, и свѣтъ.

Но и туда внесли тельца златого,
И тамъ опять склоняются предъ нимъ.
Когда-жъ, о, Господи! изгонишь снова
Торгующихъ тамъ именемъ Твоимъ?...

Жертвоприношеніе Будды.

День наступилъ. спѣшитъ густой толпою
Ко храму древнему народъ
Взглянуть, какъ въ первый разъ своей рукою
Царь-отрокъ жертву принесетъ.

Цвѣтами устлана его дорога,
Гремитъ браминовъ стройный хоръ,
Но онъ глядитъ задумчиво и строго,
И полонъ скорби дѣтскій взоръ.

Кругомъ звучатъ священные напѣвы,
Горятъ алмазы и жемчугъ.
Его красавицы встрѣчаютъ дѣвы,
Волшебный замыкая кругъ.

И дышатъ счастьемъ лица молодыя,
Все полно жизни, красоты,
Сверкаютъ яркимъ солнцемъ залитые
Дворцы и ткани, и цвѣты.

Но вотъ и храмъ—и холодомъ, и лѣнью
Отъ сводовъ вѣетъ вѣковыхъ,
И подъ его суровой, хмурой тѣнью
Умолкло все,—и хоръ затихъ.

Внутри его тѣснятся изваянья,
Во мракъ вперивъ недвижный взоръ:
Праджапати—источникъ міроданья,
Варуна—вѣчности просторъ.

И тутъ же Чандра, тихая богиня,
Царица свѣтлая ночей,

Что носится въ лазоревой пустынѣ
    Въ вѣнцѣ серебряныхъ лучей,

И Сурія, живой огонь вселенной,
    Кѣмъ міръ согрѣтъ и озаренъ,
И самъ великій Брама, неизмѣнный
    Среди явленій и временъ.

И замерла толпа безмолвно на порогѣ
И ждетъ, чтобъ царь колѣна преклонилъ свои.
Но онъ вошелъ, и встали мраморные боги
Предъ тѣмъ, кто міру несъ ученіе любви.

*
* *

Я воздвигнулъ мой храмъ средь пустыни,
Я поставилъ алтарь на востокъ.
Уготовалъ я жертвы святынѣ,
Всѣ свѣтильники въ храмѣ зажегъ.

И я ждалъ, чтобъ дневное свѣтило
Животворнымъ горячимъ лучомъ
И пустыню, и храмъ озарило,
И разсѣяло тѣни кругомъ.

Но проходятъ часы за часами,
Угасаетъ свѣтильниковъ свѣтъ,
И часы уже стали годами—
Все не брежжетъ желанный разсвѣтъ.

Сонъ.

Горами шелъ я одиноко,—
Чернѣлъ надъ обрывами лѣсъ,
И пѣнились воды потока,
И солнце сіяло съ небесъ.

Въ долину неслись водопады,
Ихъ брызги летѣли кругомъ;
И въ небѣ тѣснились громады,
Увѣнчаны снѣгомъ и льдомъ.

Казалось, остались далеко
Недавнее горе и зло,
Какъ будто водами потока
Ихъ смыло и прочь унесло;

И снова дышалось вольнѣе,
Развѣялась дымомъ печаль,
Въ прозрачномъ туманѣ синѣя,
Манила волшебная даль.

Казалось мнѣ, пали оковы,
Казалось, я цѣпи разбилъ
И, въ битву вмѣшаться готовый,
Стою полонъ вѣры и силъ.

Я прежней охваченъ мечтою,—
Свобода и правда влечетъ,—
Завѣтная цѣль предо мною,
И бодро иду я впередъ...

Но солнце зашло за горами,
Поднявшись надъ ними, луна

Осыпала землю лучами,
И лѣсъ пронизала она.

И вотъ я на камни, усталый,
Подъ старыми соснами легъ;
Тѣснились у ногъ моихъ скалы,
Гремѣлъ и плескался потокъ,

И падали черныя тѣни
На снѣгъ, освѣщенный луной,
Вершины, какъ рядъ привидѣній,
Бѣлѣли сквозь сумракъ ночной.

Заснулъ я: опять предо мною,
Какъ прежде, стояла она,
Все также блестя красотою,
Все также легка и стройна;

Глядятъ ея синія очи,
Мерцаютъ и блещутъ огнемъ,
Какъ звѣзды на небѣ полночи,
Разсыпались кудри кругомъ,

Бѣгутъ ей на грудь и на плечи
Роскошною темной волной,
Безумныя, страстныя рѣчи
Уста ея шепчутъ порой.

Она говоритъ мнѣ: „напрасно
Ты правду тамъ ищешь, гдѣ ложь,—
Того, что ты любишь такъ страстно,
Того на землѣ не найдешь;

Опомнишься, путникъ усталый,
И бросишь безплодный свой трудъ,

Обманутъ твои идеалы,
Какъ тѣнь отъ тебя ускользнутъ.

Все въ мірѣ борьба и тревога,
Коварство, обманъ и развратъ,
Отъ имени вѣчнаго Бога
Безумье и злоба царятъ;

Во имя небесъ и прощенья
На плахахъ звенятъ топоры,
Во имя любви и смиренья
Трещатъ и пылаютъ костры;

Отъ имени братской свободы
Жрецы ея цѣпи куютъ,
Какъ стадо, за ними народы
На злѣйшее рабство идутъ;

Дерутся и рѣжутся братья
И тѣшатся мукой чужой,
Рыданія, вопли, проклятья
Отъ вѣка стоятъ надъ землей.—

Что-жъ пользы бороться напрасно?—
Все въ мірѣ безумье и ложь!
Того, что ты ищешь такъ страстно,—
Того на землѣ не найдешь.

Н. А. ВРОЦКІЙ.

(А. А. Навроцкій).

Утесъ Стеньки Разина.

Есть на Волгѣ утесъ, дикимъ мохомъ обросъ
Онъ съ боковъ, отъ подножья до края,
И стоитъ сотни лѣтъ, только мохомъ одѣтъ
Ни нужды, ни заботы не зная ...

На вершинѣ его не растетъ ничего,
Тамъ лишь вѣтеръ свободный гуляетъ....
Да могучій орелъ свой притонъ тамъ завелъ
И на немъ свои жертвы терзаетъ.

Изъ людей лишь одинъ на утесѣ томъ былъ,
Лишь одинъ до вершины добрался,
И утесъ человѣка того не забылъ,
И съ тѣхъ поръ его именемъ звался.

И хотя каждый годъ по церквамъ на Руси
Человѣка того проклинаютъ,

Но приволжскій народъ о немъ пѣсни поетъ
И съ почетомъ его вспоминаетъ...

Разъ, ночною порой, возвращаясь домой,
Онъ одинъ на утесъ тотъ взобрался,
И въ полуночной мглѣ, на высокой скалѣ
Тамъ всю ночь до зари оставался.

Много думъ въ головѣ родилось у него...
Много думъ онъ въ ту ночь передумалъ
И подъ говоръ волны, средь ночной тишины
Онъ великое дѣло задумалъ...

И, задумчивъ, угрюмъ отъ надуманныхъ думъ
Онъ на утро съ утеса спустился
И задумалъ пойти по другому пути,
И итти на Москву онъ рѣшился.

Но свершить не успѣлъ онъ того, что хотѣлъ
И не то ему пало на долю;
И расправой крутой, да кровавой рѣкой
Не помогъ онъ народному горю...

Не владыкою онъ былъ въ Москву приведенъ,—
Не почетнымъ пожалованъ гостемъ,
И не ратнымъ вождемъ, на конѣ не съ мечемъ,
А въ постыдномъ бою съ мужикомъ палачомъ
Онъ сложилъ свои буйныя кости...

Но прошла старина, и что въ тѣ временà
Лишь мятежною вспышкой казалось,
То теперь рѣшено, но не все—а одно
И на долго вопросомъ осталось...

И Степанъ будто зналъ, никому не сказалъ,
Никому своихъ думъ не повѣдалъ,
Лишь утесу тому, гдѣ онъ былъ, одному,
Онъ тѣ думы хранить заповѣдалъ...

И понынѣ стоитъ тотъ утесъ, и хранитъ
Онъ завѣтныя думы Степана...
И лишь съ Волгой одной вспоминаетъ порой
Удалое житье Атамана.

Но зато если есть на Руси хоть одинъ,
Кто съ житейской корыстью не знался,
Кто неправдой не жилъ, бѣдняка не давилъ,
Кто свободу, какъ мать дорогую, любилъ
И во имя ея подвизался,—

Пусть тотъ смѣло идетъ, на утесъ тотъ взойдетъ
И къ нему чуткимъ ухомъ приляжетъ,
И утесъ—великанъ, все, что думалъ Степанъ,
Все тому смѣльчаку перескажетъ.

Архимандритъ Порфирій.

Въ Москвѣ, на прародительскомъ престолѣ
Великій князь всея Руси Василій
Самодержавно правилъ, продолжая
Завѣщанный ему тяжелый трудъ:
Созданіе обширнѣйшаго царства.
Достойный сынъ коварнаго отца,
Онъ неуклонно шелъ къ завѣтной цѣли,
Не брезгуя ничѣмъ, чтобъ преумножить
Свои владѣнья и самодержавнымъ
Владыкой сдѣлаться всея Руси.

Въ то время, на Руси, изъ всей обширной
Семьи князей удѣльныхъ оставался
Одинъ лишь князь Василій, внукъ Шемяка
Владѣтель Сѣверный. Давно служилъ
Онъ вѣрою и правдой властелину
Всея Руси и храбро, честно бился
Противъ поляковъ, крымцевъ и иныхъ
Враговъ Москвы; но онъ былъ князь удѣльный,
Онъ сохранилъ тѣнь власти, и Василій
Рѣшилъ его погибель и позвалъ
Къ себѣ въ Москву. Шемякинъ догадался,
Зачѣмъ его зовутъ, и побоялся
На зовъ явиться; но чернецъ коварный,
Митрополитъ московскій Даніилъ,
Далъ слово вѣрное ему порукой,
Что безопасенъ будетъ онъ въ Москвѣ.
Повѣрилъ князь такому слову, смѣло
Въ Москву пріѣхалъ—и попался въ сѣти,
Разставленныя опытной рукой:
Схватили князя, заковали въ цѣпи
И, обвинивъ въ сношеніи съ Литвой,
Въ подземную темницу заключили,
Гдѣ долго онъ томился, изнывая,
И, наконецъ, окончилъ жизнь свою.
Василій былъ спокоенъ: что-жъ? вѣдь онъ
На пользу государства совершилъ
Несправедливость эту; не впервые
Ему и его хитрому отцу,
Ивану третьему, коварство это
Надъ русскими князьями удавалось.
Но возмутился этою расправой
Игуменъ лавры Троицкой, намѣстникъ
Монастыря, гдѣ жилъ когда-то Сергій,
Архимандритъ Порфирій, и когда

Великій князь Василій, съ пышной свитой,
На праздникъ храмовой пріѣхалъ въ лавру,
То, окропивъ его святой водой
И давъ облобызать Господень крестъ,
Архимандритъ Порфирій обратился
Къ нему, при всѣхъ, съ такою грозной рѣчью:
„Когда ты, князь, сюда, во храмъ, пріѣхалъ,
Чтобъ испросить прощенье во грѣхахъ,—
Будь милосердъ и самъ со всѣми, коихъ
Ты такъ безвинно гонишь; если-жъ ты,
Стыдясь неправды, станешь увѣрять,
Что эти жертвы бѣдныя твои
Передъ тобой виновны, то припомни
Завѣтъ Христа—и отпусти винѣ ихъ:
Ничтожные динаріи въ сравненьи
Съ твоими многими талантами грѣха.“
Разгнѣвался Василій: какъ! ему!
Владыкѣ грозному, передъ которымъ
Трепещутъ всѣ и падаютъ во прахъ,
Вдругъ, въ Божьемъ храмѣ, всенародно, въ праздникъ,
Простой монахъ дерзаетъ громогласно,
Такую рѣчь преступную держать...
Разгнѣвался безмѣрно князь Василій
И приказалъ немедленно изгнать
Его изъ храма, заключить въ оковы,
Свезти въ Москву и засадить навѣки
Въ страннопріимный домъ князей московскихъ,
Въ ужасную подземную тюрьму.
Архимандритъ Порфирій не смирился
И каяться въ своихъ словахъ не сталъ
И продолжалъ сидѣть въ тюрьмѣ, не зная,
Когда и какъ въ Москвѣ съ нимъ порѣшатъ.
Онъ былъ монахъ—и для него тюрьма
Была все той же монастырской кельей,

Въ которой онъ обѣтъ свой исполнялъ.
Онъ также ежедневно въ ней молился
И каждый день поклоны въ ней творилъ,
И пѣлъ молитвы, и по четкамъ тихо,
Святое имя Божье призывалъ.
Но сырость, тьма, отсутствіе движенья
Невольно повліяли на Порфирья,
И сталъ онъ гаснуть. Сторожемъ въ тюрьмѣ
Былъ человѣкъ суровый, равнодушный
Къ людскимъ страданьямъ—много видѣлъ онъ
Расправъ кровавыхъ, много тайнъ ужасныхъ
Лежало на его душѣ суровой.
Онъ и къ Порфирью относился строго
Блюдя великокняжескій наказъ;
Но у него была жена: старуха
Видала много горя, испытала
Не мало скорби на своемъ вѣку,
И потому невольно сохранила
Сочувствіе къ страданію людей;
Ей стало жаль опальнаго монаха,
Страдавшаго за смѣлую правдивость,
И вздумала его она спасти.
Однажды ночью, когда мужъ вернулся
Въ свою каморку и, ключи повѣсивъ
Надъ изголовьемъ, легъ, не раздѣваясь,
На жесткую постелю и уснулъ,—
Его жена тихонько, осторожно
Сняла безъ шума связку тѣхъ ключей
И, выйдя въ коридоръ, крадясь какъ кошка,
Поспѣшно подошла къ дверямъ той кельи,
Гдѣ заточенъ Порфирій былъ; дрожа
Она тихонько отыскала ключъ,
И, отомкнувъ замокъ тяжеловѣсный,
Пріотворила дверь и тихо, тихо

Проговорила въ темнотѣ: «отецъ,
Свободенъ ты, иди сейчасъ—не медли,
Я провожу тебя»... Узналъ Порфирій
Старухи голосъ; выбрался изъ кельи
И осторожно къ выходу пошелъ;
Но тамъ у двери вдругъ остановила
Его старуха и рукою молча
Его втолкнула въ темную каморку,
Прибавивъ тихо—«подожди, отецъ,
Я посмотрю, свободна-ли дорога
И, безопасно-ль выбраться тебѣ».
Вошелъ Порфирій въ темную каморку,
И за собою дверь призатворивъ,
Сталъ ожидать; тѣмъ временемъ старуха
Ушла во дворъ;—вдругъ гдѣ-то близко
Раздался тяжкій стонъ и громкимъ эхомъ
Подъ сводами пронесся, разбудилъ
Онъ сторожа тюремнаго, проснулся
Старикъ суровый и рукой привычной
Хотѣлъ снять связку... Ищетъ, нѣтъ ключей!
Вскочилъ старикъ въ испугѣ, началъ шарить
По всей стѣнѣ—но связки нѣтъ, позвалъ онъ
Свою жену—нѣтъ и жены; въ испугѣ,
Дрожа какъ листъ, онъ отыскалъ огниво,
Добылъ огня, зажегъ фонарь и быстро
Пошелъ по коридору, наблюдая
Висятъ-ли на дверяхъ замки исправно
У каждой кельи; смотритъ—
У кельи, гдѣ сидѣлъ монахъ Порфирій,
Дверь отперта и тутъ же на полу
Лежитъ замокъ; какъ бѣшеный, рванулся
Старикъ впередъ и, добѣжавъ мгновенно
До выхода, взглянулъ—открыта дверь
И холодъ ночи свѣжею струею

Ему пахнулъ въ лицо. Тутъ догадался,
И понялъ все старикъ—ушелъ Порфирій,
Освободился. Какъ же доложить
Объ этомъ князю? Какъ ему сказать,
Какимъ путемъ совершенъ побѣгъ отсюда.
Откуда ни одинъ еще доселѣ,
Помимо воли князя, не дерзалъ
Спастись побѣгомъ? Не повѣритъ правдѣ,
И скажутъ всѣ, что я ему помогъ,
Что я виною, что я былъ подкупленъ,
Что я его освободилъ.—Огнемъ
Тѣ мысли жгли трепещущее сердце
Суроваго блюстителя тюрьмы.
Отвѣчу я! но мнѣ извѣстно,
Какъ расправляться съ нами пріобыкъ
Великій князь!... Ужасныя страданья
Рядъ страшныхъ пытокъ, муки безъ конца...
Нѣтъ! лучше смерть мгновенная, сейчасъ же,
Пока еще до князя не дошла
Лихая вѣсть! Вздохнулъ старикъ глубоко;
Досталъ веревку, прицѣпилъ на крюкъ,
Висѣвшій у дверей, и сдѣлалъ петлю,
Надѣлъ ее на шею, но предъ тѣмъ,
Чтобъ затянуть ее, въ мгновенье это,
Въ немъ пробудилась совѣсть, захотѣлъ
Онъ испросить у Господа прощенье
Своимъ грѣхамъ минувшимъ и тому
Ужаснѣйшему, на который нынѣ
Онъ посягалъ. Поднявъ высоко руки
И обративъ горѣ съ молитвой взоръ,
Тюремщикъ старый началъ передъ Богомъ
Въ своихъ великихъ каяться грѣхахъ.
Онъ каялся усердно, со слезами
Припоминая все, что онъ творилъ.

Молилъ онъ Бога отпустить ему
Его вины и не отвергнуть нынѣ
Его раскаянья... Старикъ молился—
И разносился вдаль, по сводамъ,
Его неясный шопотъ... вдругъ почуялъ
Онъ чью-то руку на своемъ плечѣ...
Идутъ... узнали...промелькнуло быстро
Въ его умѣ—и онъ рванулся сильно,
Чтобъ затянуть покрѣпче петлю разомъ
И порѣшить съ собой; но чьи-то руки
Его остановили и раздался
Во тьмѣ знакомый голосъ: „Подожди.
Опомнись и не бойся—ты рѣшился
Изъ страха предъ княжескою местью,
За мой побѣгъ, покончить съ жизнью разомъ
И жертвой ада сдѣлаться навѣкъ.
Остановись! не бойся—не ушелъ
Монахъ Порфирій... здѣсь онъ. передъ тобой,
Сведи его обратно въ подземелье,
Запри на ключъ и, вмѣсто страшной смерти,
Сходи во храмъ и тамъ смиренно кайся
О томъ, что ты рѣшился совершить.“
Оторопѣлъ тюремщикъ... сонъ?... видѣнье?...
Иль навожденье сатаны?... нѣтъ, точно
Стоялъ предъ нимъ Порфирій; осторожно
Онъ снялъ веревку съ шеи старика
И, взявъ его за плечи, какъ ребенка,
Самъ подошелъ съ нимъ къ кельѣ, гдѣ томился;
Вошелъ туда и, затворивши дверь,
Сказалъ—теперь ты подними замокъ,
Запри на ключъ и возвращайся съ миромъ
Къ себѣ въ каморку...

Неутерпѣлъ обрадованный сторожъ
И разсказалъ объ этомъ... и до князя
Молва людская донесла ту вѣсть.
И тронуло суроваго владыку
Извѣстье это; умилился деспотъ
И отпустилъ опальнаго монаха.
Онъ на свободу удалился инокомъ,
На Бѣлозерье и въ служеньи Богу
Провелъ остатокъ дней своихъ и мирно
О Господѣ въ пустынѣ опочилъ.

Бояринъ Кикинъ.

Порѣшили, присудили къ казни,
Утвердилъ царь Петръ свой приговоръ;
То извѣстье встрѣтилъ безъ боязни
Старый Кикинъ, бунтовщикъ, не воръ.

Было жаль послать его на плаху;
Вѣкъ нуждаясь въ умныхъ головахъ,
Русскій царь рубилъ ихъ неохотно:
Умъ цѣнилъ онъ даже во врагахъ.

Много винъ прощалъ ему великій,
Все надѣясь въ немъ найти слугу,
Говоря, что старую березу
Не согнешь, какъ надобно, въ дугу.

Наконецъ, за колебанье трона,
Долженъ былъ онъ приказать отсѣчь,
Для поддержки власти и закона,
Хоть и здравый умъ, но съ буйныхъ плечъ,

Но и тутъ, ужъ наканунѣ казни,
Захотѣлъ услышать царь отвѣтъ
На одинъ вопросъ неразрѣшенный:
Уважалъ онъ Кикина совѣтъ.

Привели, вошелъ старикъ свободно
И поклономъ отдалъ честь царю,
Хотя зналъ, что встрѣтитъ онъ заутра
Въ разъ послѣдній Божію зарю.

—„Слушай Кикинъ! объясни по правдѣ,
Отчего, при всемъ твоемъ умѣ,
Не смотря на всѣ мои поблажки,
Лишь врага я пріобрѣлъ въ тебѣ?“

—„Отчего! Скажу, коль неизвѣстно,
Коли самъ не понялъ, хоть востеръ:
При тебѣ уму не въ мѣру тѣсно,
А ему необходимъ просторъ.“

Новгородъ.

На челнѣ, ночною порою,
Я плылъ по родимой рѣкѣ,
Лежали недвижимо весла
Въ моей утомленной рукѣ.

Налѣво—въ туманѣ, чернѣла,
Горой поднимаясь, земля,
И рѣзко на ней выдѣлялись
Зубчатыя стѣны Кремля.

За ними, вѣнчаясь крестами,
Невольно приковывалъ взоръ,

Краса Новограда, Софіи—
Премудрости Божьей соборъ.

Направо—вдоль берега, близко,
Тянулись заборы, дома,
Надъ ними едва возвышалась
Завѣтная башня одна.

Когда-то звучалъ тамъ свободный
Народный языкъ вѣчевой,
Когда созывалъ новгородцевъ
На вѣче, на судъ, иль на бой.

Широкой, могучей волною
Катилася мѣрно рѣка
И мнилось, какъ будто качаетъ
Меня дорогая рука.

Луна то скрывалась за тучи,
То ярко блестѣла въ водѣ,
И было торжественно чудно,
И было безмолвно вездѣ.

Челнокъ самъ собой подвигался,
А я, полный думъ и тоски,
Сидѣлъ неподвижно, внимая
Обычному шуму рѣки.

И въ этихъ рокочущихъ звукахъ—
Свободно бѣгущей волны,
Мнѣ сказывалъ дѣдушка-Волховъ
Завѣтныя думы свои.

— «Была пора, я гордо несъ
Новогородскія ладьи,
Когда онѣ, нагружены,
Пускались въ дальнія страны.

Лихіе витязи—купцы
Вселяли миръ, внушали страхъ,
Держа вѣсы, держа и мечъ
Въ привычныхъ къ дѣйствію рукахъ.

Смотри вонъ тутъ—заморскихъ странъ
Стояли корабли,
Мѣняя привозный товаръ
На звонкіе рубли.

Смотри, вонъ тамъ—былъ шумный торгъ.
Туда свозилъ народъ
Свои достатки и труды
Хозяйственныхъ работъ.

А тамъ, смотри, вонъ тамъ—звучалъ
Тотъ колокольный звонъ,
Когда на вѣче созывалъ
Новогородцевъ онъ.

Тамъ волновался и шумѣлъ
Свободный городъ мой,
Когда сбирался торговать
Народъ между собой.

На вѣчѣ онъ творилъ свой судъ
И изгонялъ князей,
На вѣчѣ избиралъ владыкъ
И отличалъ друзей;

И власть посадника его
Была сильна, грозна,
Зане народною душой
Являлася она.

Въ своихъ ладьяхъ — и на моряхъ
Умѣлъ онъ побѣждать,
Предъ нимъ не разъ склонялись — шведъ
И крестоносцевъ рать.

Онъ торговалъ, но честенъ былъ
И былъ за то любимъ,
И даже дальняя ганза
Была въ союзѣ съ нимъ.

Былъ славенъ онъ и на Руси,
Могучъ, силенъ, богатъ,
Вотъ былъ каковъ, въ былые дни,
Мой вольный Новоградъ!»

Какою отрадной былиной
Меня услаждала рѣка,
И съ нѣжной сыновней любовью
Внималъ я рѣчамъ старика.

Но вдругъ, словно въ гнѣвномъ порывѣ,
Встряхнулъ онъ сѣдой головой
И брызнулъ въ лицо мнѣ внезапно
Своею холодной волной.

— «Время завѣтное, долго ты длилося,
Долго—насталъ и конецъ,
Время другое сплело Новугороду
Тяжкій терновый вѣнецъ.

Говоръ давно ужъ носился по торжищамъ
Все о какой-то Москвѣ,
Что поднялась на рѣченкѣ невѣдомой,
Волны несущей къ Окѣ.

Ловко виляя хвостомъ предъ татарами
И не жалѣя своихъ,
Кончила тѣмъ, что, собравшися съ силами,
Освободилась отъ нихъ.

Свергнула иго, Руси ненавистное,
Но наложило свое;
Много неправды, коварства и хитрости
Было тогда у нее.

Княжества всѣ поглотила свободныя,
Стала не въ мѣру сильна
И, наконецъ, свою пасть ненасытную
Къ намъ обратила она.

Новгородъ вольный сломить, какъ татарина,
Вздумала, видно и впрямь—
Стала опасна свобода народная
Лютымъ московскимъ князьямъ.

Долго боролись съ Москвою кичливою
Вольные дѣти мои,
Но совладать съ непомѣрною силою
Жадной Москвы—не могли.

Помню, какъ всѣ провожали съ рыданіемъ
Колоколъ нашъ вѣчевой,
Чуяли бѣдные, что̀ съ нимъ теряется,
Что̀ онъ увозитъ съ собой

Но для Москвы уже стало потребностью
Насъ разорить до сумы,
Чтобы въ рабовъ безотвѣтно послушливыхъ
Переродилися мы.

И для того, чтобъ покончить рѣшительно
Съ городомъ вольнымъ моимъ,
Грозный Иванъ вдругъ надумалъ по своему
Разомъ расправиться съ нимъ.

Въ тѣ поры въ нашихъ ужъ не было бодрости
Прежнихъ временъ, не смогли
Иль побѣдить, или лечь до послѣдняго
Всѣмъ на защитѣ земли.

Духъ ослабѣлъ, истомились раздорами,
Всѣхъ обуяла корысть,
И межъ народа измѣнники гнусные,
Слуги Москвы, завелись.

Грозный не встрѣтилъ ни въ комъ супротивности,
Съ малою ратью пришелъ
И, разоривъ по дорогѣ всѣ волости,
Въ городъ свободно вошелъ.

Вольные люди пришельцу московскому
Били смиренно челомъ;
Встрѣтилъ его на мосту въ облаченіи
Пименъ владыка съ крестомъ

Встрѣтилъ съ молитвою, почесть духовную
По старинѣ оказалъ,
Царь отвѣчалъ ему гнѣвно, укорами,
Въ церковь итти приказалъ.

Началъ владыка обѣдню и Господа
Долго и слезно молилъ,
Чтобы отъ лютаго гнѣва московкаго
Новгородъ Онъ охранилъ.

Кончилась служба, собралась у Пимена
Вся новгородская знать;
Но не садилась за трàпезу, съ трепетомъ
Стала царя ожидать.

Грозный вошелъ съ цѣлой стаей опричниковъ,
Сѣлъ, не молясь, и молчалъ,
Взоръ его гнѣвный лишь страхъ, да уныніе
Въ новогородцахъ встрѣчалъ.

Чуяли всѣ, что настали для города
Страшные, грозные дни,
Что недалеко расправа кровавая.—
И не ошиблись они.

Царь посидѣлъ, вдругъ неистовымъ голосомъ
Подалъ условленный знакъ,
И принялся за расправу послѣднюю
Нашъ безпощаднѣйшій врагъ.

Стали хватать, стали грабить безъ жалости,
Стали палить всѣхъ огнемъ,
Самъ царь Иванъ имъ придумалъ мученіе,
Страшно и вспомнить о немъ.

Рѣзали, жгли, не десятками, сотнями,
Всѣхъ:—богачей, бѣдняковъ,
Знатныхъ, простыхъ, и духовныхъ и иноковъ,
Словно какъ стадо быковъ.

Дни проходили за днями, недѣлями
Время текло, а они
Все продолжали расправу ужасную
И не тушили огни.

Солнце за тучами все укрывалося,
Или блестѣло во мглѣ,
Больно ему было видѣть, что дѣлали
Люди съ людьми на землѣ.

Рѣзать умаялись, душно имъ сдѣлалось—
Мертвые начали гнить;
Трупы безъ счета валялись по городу,
Царь не велѣлъ хоронить.

Звѣрь, такъ и тотъ бы проникнулся жалостью,
Какъ бы онъ ни былъ взбѣшенъ;
Но для Ивана считалось тò милостью,
Все не насытился онъ.

Вздумалъ забавиться новой потѣхою:
Къ мосту сгонять приказалъ
Всѣхъ, кто еще уцѣлѣлъ отъ мученія,
Кто своей участи ждалъ.

Стали вязать ихъ попарно и семьями,
Женъ, и мужей, и дѣтей,
Стали младенцевъ на шею привязывать
Матерямъ вмѣсто камней.

Свяжутъ—и съ моста!.. лишь вскрикнутъ несчастные,
Тщетно на помощь зовутъ,
Тщетно о милости просятъ опричниковъ,
Тщетно спасенія ждутъ.

Съ пѣснями въ лодкахъ злодѣи катаются,
Словно какъ въ праздникъ народъ,
Да топорами сѣкутъ, кто хватается,
Или ко дну не идетъ.

Сколько народа, не сотни, а тысячи
Въ волны кидали мои
Эти исчадья московскаго деспота,
Въ эти ужасные дни.

Страшно припомнить, что только творилося:—
Хохотъ, рыданья съ мольбой,
Вопли, и пѣсни, и крикъ, и стенанія,
Плескъ и кровавый прибой!

Словно безумные, мечутъ безъ устали,
Счетъ потеряли давно,
Мечутъ народъ, какъ полѣнья, опричники
Въ волны мои и на дно.

Больше и больше... вдругъ кучи утопленныхъ
Сдѣлались кучей одной
И, преградивъ моимъ волнамъ теченіе,
Встали живою стѣной.

Грозный сидѣлъ, окруженный любимцами,
Самъ на мосту и смотрѣлъ,
Словно натѣшиться всласть надъ несчастными
Этой забавой хотѣлъ.

Гнѣвомъ вскипѣлъ я. злодѣю ужасному
Въ душу рѣшилъ заглянуть,
И захлестнулъ я кровавою пѣною
Звѣрю—въ изсохшую грудь!

Грозный вскочилъ, отшатнулся какъ бѣшеный,
Понялъ движенье мое,
И приказалъ своимъ лютымъ опричникамъ
Кончить веселье свое.

Казнь прекратилася... Грозный помиловалъ
Тѣхъ, кто остался въ живыхъ,
Но не оставилъ на мѣстѣ измученныхъ.
Къ Волгѣ онъ выселилъ ихъ.

Тамъ моя сила! ты знаешь, не разъ
Тамъ вырывалась она напоказъ,
И въ лихолѣтье *) собравшись въ семью,
Тамъ проявила живучесть свою.»

Волховъ затихъ, вдругъ волною послѣднею
Онъ повернулъ мой челнокъ,
Кинулъ на землю, отхлынулъ отъ берега,
Мѣрно вздохнулъ—и замолкъ.

Я понялъ... Но прежде чѣмъ выйти на берегъ,
Я молча взглянулъ на рѣку,
Хотѣлось задать мнѣ, средь сумрака ночи,
Послѣднiй вопросъ старику.

*) Лихолѣтьемъ русскiй народъ назвалъ 1612 годъ.

Но старый боецъ угадалъ мою думу,
Сестру безнадежной тоски,
И выслушалъ я безотрадную правду
Отъ вѣчно свободной рѣки.

—«Не жди,—онъ сказалъ.—не надѣйся напрасно.
Прошли, какъ завѣтные сны,
Прошли безвозвратно для нашего града
Преданья святой старины.

На лонѣ моемъ, подъ бѣгущей волною,
Глубоко, у самаго дна
Лежитъ новгородцевъ былая свобода,
И спитъ непробудно она.

Ревниво и зорко ее охраняютъ
Погибшія дѣти мои,
И только порой ей всплывать дозволяютъ
Въ завѣтное время они.—

Въ глубокую ночь, когда вѣтеръ вздымаетъ
Горой мою мощную грудь,
Когда изъ людей ни одинъ не дерзаетъ
Пуститься въ обыденный путь.

Тогда выплываетъ былая свобода
Могучей русалкой со дна
И мчится, и кружится въ бѣшенной пляскѣ
Съ моими волнами она. . . . .

. . . .

. . . .

Другого отвѣта не дастъ тебѣ Волховъ;
Объ этомъ, путями народной молвы,
Не спрашивай Волгу, не спрашивай Дона,
А спрашивай волны Невы.

В. МАРТОВЪ.

*
* *

Не весь я твой, поэзія... О, нѣтъ!
Ты только сонъ и дивный, и прекрасный,
Ты только сердца молодого бредъ,
Не правда ты, не голосъ безпристрастный,

Ты не отвѣтъ на зовъ души моей,
На скорбный зовъ усталаго страданья.
Не заглушишь мелодіей своей
Ты диссонансовъ мрачныхъ міроздания!...

Какъ позабыть толпы голодный стонъ?
Какъ позабыть безумный смѣхъ разврата?
Они страшатъ, какъ погребальный звонъ,
Они зовутъ, какъ вѣщій гулъ набата.

Суровыхъ думъ властительная рѣчь,
Она нашъ вѣкъ немолчно призываетъ
Палящій свѣточъ истины зажечь;
Сіянье грезъ его не согрѣваетъ.

Памяти Тургенева.

Великое сердце остыло,
Молчатъ дорогія уста,
Но съ нами поэзіи сила,
Созданій его красота!...

Въ его вдохновляющемъ словѣ
Мы новыя силы найдемъ,
Его наканунѣ для нови
Да будетъ сегодняшнимъ днемъ!...

In memoriam.

Въ тотъ мигъ, когда, мечтою опьяненный,
Я въ даль спѣшилъ бороться и страдать;
Когда весь міръ, какъ юноша влюбленный,
Я былъ готовъ восторженно обнять,
Когда за свѣтлымъ призракомъ свободы
Я шелъ впередъ заглохшею тропой,
Забывъ нужды тоскливыя невзгоды
И смѣхъ толпы бездушной и тупой,—
Тебѣ одной, мой другъ. погибшій рано,
Я былъ обязанъ мужествомъ въ борьбѣ
И смѣло плылъ на встрѣчу урагана
Среди любви безбрежной океана,
Куда влекла любовь къ тебѣ...

Теперь, когда послѣдней сердца кровью
Я скорбныхъ строфъ не въ силахъ дописать,

Когда весь міръ съ болѣзненной любовью
Въ послѣдній разъ мнѣ хочется обнять,—
Твоей любви предсмертныя желанья,
Одни даютъ еще мнѣ смѣлость жить.
И я спѣшу поэзію страданья,
Твоей души завѣтныя мечтанья,
Въ послѣднихъ пѣсняхъ оживить...

*
* *

Въ семьѣ шумливой мелочныхъ заботъ,
Трусливыхъ жалобъ, робкихъ сожалѣній,
Гдѣ полновластно царствуетъ расчетъ
И пошлость низменныхъ стремленій,—
Что вамъ сказать, свободныя мечты!
Что дѣлать вамъ, свободныя желанья!
Здѣсь наглый пиръ постыдной суеты,
Здѣсь торжество преступнаго дѣянья,
Идите прочь... Въ глуши родныхъ степей,
Гдѣ стонетъ и бунтуетъ вьюга,
Найдете вы, увѣренъ я, скорѣй,
Скорѣй, чѣмъ здѣсь, и недруга, и друга...

...Tout ou rien...
Alfred de Musset.

*
* *

Природу я влюбленными глазами
Еще недавно гордо озиралъ,
И полной грудью, жадными устами
Ея дыханье мощное впивалъ.

*

Какъ опьяненный первымъ пыломъ страсти
Забыть готовъ весь міръ у милыхъ ногъ,

Я не знавалъ ни думъ суровой власти,
Ни знойныхъ грезъ мучительныхъ тревогъ.

*

Я дѣтски вѣрилъ... Вѣрилъ, что возможно,
Спѣша на зовъ любовницы моей,
Огнемъ любви и правды непреложной
Разсѣять мракъ, пугающій людей.

*

Но день насталъ—и жгучія сомнѣнья
Я уносилъ изъ бездны нищеты,
Гдѣ я узналъ наивность вдохновенья,
Гдѣ я узналъ безсиліе мечты.

*

Былая вѣра въ сердцѣ догорала,
Отъ горькихъ думъ мой мозгъ изнемогалъ
А пѣснь природы радостно звучала.
И ликъ ея восторженно сіялъ.

*

И, отстранивши чашу наслажденія,
Не слыша зовъ безумной красоты,
Я погасилъ свѣтильникъ вдохновенія
И растопталъ расцвѣтшія мечты...

С. Я. НАДСОНЪ.

*
* *

Другъ мой, братъ мой, усталый, страдающій братъ,
Кто-бъ ты ни былъ, не падай душой:
Пусть неправда и зло полновластно царятъ
Надъ омытой слезами землей.
Пусть разбитъ и поруганъ святой идеалъ
И струится невинная кровь:—
Вѣрь, настанетъ пора—и погибнетъ Ваалъ,
И вернется на землю любовь!

Не въ терновомъ вѣнцѣ, не подъ гнетомъ цѣпей,
Не съ крестомъ на согбенныхъ плечахъ,—
Въ міръ прійдетъ она въ силѣ и славѣ своей,
Съ яркимъ свѣточемъ счастья въ рукахъ.
И не будетъ на свѣтѣ ни слезъ, ни вражды,
Ни безкрестныхъ могилъ, ни рабовъ,
Ни нужды, безпросвѣтной, мертвящей нужды,
Ни меча, ни позорныхъ столбовъ.

О, мой другъ! Не мечта этотъ свѣтлый приходъ,
Не пустая надежда одна:
Оглянись.—зло вокругъ черезчуръ ужъ гнететъ.
Ночь вокругъ черезчуръ ужъ темна!
Міръ устанетъ отъ мукъ, захлебнется въ крови,
Утомится безумной борьбой,—
И подниметъ къ любви, къ беззавѣтной любви
Очи полныя скорбной мольбой!...

Цвѣты.

Я шелъ къ тебѣ... На землю упадалъ
Осенній мракъ, холодный и дождливый...
Огромный городъ глухо рокоталъ,
Шумя своей толпою суетливой;
Загадочно чернѣлъ просторъ рѣки
Съ безжизненно-недвижными судами,
И вдоль домовъ ночные огоньки
Бѣжали въ мглу блестящими цѣпями...

Я шелъ къ тебѣ измученъ труднымъ днемъ,
Съ усталостью на сердцѣ и во взорѣ,
Чтобъ отдохнуть передъ твоимъ огнемъ
И позабыться въ тихомъ разговорѣ;
Мнѣ грезился твой теплый уголокъ,
Тетради нотъ и свѣчи на рояли,
И ясный взглядъ, и кроткій твой упрекъ
Въ отвѣтъ на рѣчь сомнѣнья и печали,—
И я спѣшилъ... А ночь была темна...
Чуть фонарей струилося мерцанье...

Вдругъ снопъ лучей, сверкнувшихъ изъ окна,
Прорѣзавъ мракъ, привлекъ мое вниманье:

Тамъ за зеркальнымъ, блещущимъ стекломъ,
Въ сіяньи ламнъ, горѣвшихъ мягкимъ свѣтомъ,
Обвѣяны искусственнымъ тепломъ,
Взлелѣяны оранжерейнымъ лѣтомъ,
Цвѣли цвѣты... Жемчужной бѣлизной
Сіяли ландыши... Алѣли георгины,
Пестрѣли бархатцы, нарциссы и левкой,
И розы искрились, какъ яркіе рубины...
Роскошные душистые цвѣты,—
Они какъ будто радостно смѣялись,
А въ вышинѣ латаніи листы,
Какъ вѣера, надъ ними колыхались!...

Садовникъ ихъ въ окнѣ разставилъ напоказъ.
И за стекломъ, глумясь надъ холодомъ и мглою,
Они такъ нѣжили, такъ радовали глазъ,
Такъ сладко въ душу вѣяли весною!...
Какъ очарованный стоялъ я предъ окномъ:
Мнѣ чудилось ручья дремотное журчанье,
И птицъ веселый гамъ, и въ небѣ голубомъ
Занявшейся зари стыдливое мерцанье;
Я ждалъ, что ласково повѣетъ вѣтерокъ,
Узорную листву лѣниво колыхая,
И съ бѣлой лиліи взовьется мотылекъ,
И загудитъ пчела, на зелени мелькая...
Но дѣтскій мой восторгъ смѣнился вдругъ стыдомъ.
Какъ!... Въ эту ночь, окутанную мглою,
Здѣсь, рядомъ съ улицей, намокшей подъ дождемъ,
Дышать такимъ безстыднымъ торжествомъ,
Сіять такою наглой красотою!...

. . . .

Ты помнишь,—я пришелъ къ тебѣ больной...
Ты ласкъ моихъ ждала—и не дождалась:
Твоя любовь казалась мнѣ слѣпой,
Моя любовь—преступной мнѣ казалась!...

*
* *

Наше поколѣнье юности не знаетъ,
Юность стала сказкой миновавшихъ лѣтъ;
Рано въ наши годы дума отравляетъ
Первыхъ силъ размахъ и первыхъ силъ расцвѣтъ.
Кто изъ насъ любилъ, весь міръ позабывая?
Кто не отрекался отъ своихъ боговъ?
Кто не падалъ духомъ, рабски унывая,
Не бросалъ щита передъ лицомъ враговъ?
Чуть не съ колыбели сердцемъ мы дряхлѣемъ,
Насъ томитъ безвѣрье, насъ томитъ тоска...
Даже пожелать мы страстно не умѣемъ,
Даже ненавидимъ мы исподтишка!...
О, проклятье сну, убившему въ насъ силы!
Воздуха, простора, пламенныхъ рѣчей,—
Чтобы жить для жизни, а не для могилы,
Всѣмъ біеньемъ нервовъ, всѣмъ огнемъ страстей!
О, проклятье стонамъ рабскаго безсилья!
Мертвыхъ дней унынья послѣ не вернуть!
Загоритесь взоры, развернитесь крылья,
Закипи порывомъ трепетная грудь!
Дружно за работу, на борьбу съ порокомъ,
Сердце съ братскимъ сердцемъ и съ рукой рука.
Пусть никто не можетъ вымолвить съ упрекомъ:
„Для чего я не жилъ въ прошлые вѣка!...“

Полдороги.

Путь суровъ.... Раскаленное солнце калитъ
Раскаленные камни дороги.
О горячій песокъ и объ острый гранитъ
Ты изранилъ усталыя ноги.
Изстрадалась, измучилась смѣлая грудь,
Истомилась и жаждой, и зноемъ,
Но не думай съ тяжелой дороги свернуть
И забыться позорнымъ покоемъ!

Дальше путникъ, все дальше—впередъ и впередъ!
Отдыхъ послѣ,—онъ тамъ, предъ тобою...
Пусть подъ тѣнь тебя тихая роща зоветъ,
Наклонившись надъ тихой рѣкою;
Пусть весна разостлала въ ней мягкій коверъ
И сплела изъ вѣтвей изумрудный шатеръ,
И царитъ въ ней, любя и лаская,—
Дальше, дальше и дальше, подъ зноемъ лучей,
Раскаленной, безвѣстной дорогой своей,
Мимолетный соблазнъ презирая!

Страшенъ сонъ этой рощи, глубокъ въ ней покой:
Онъ такъ вкрадчивъ, такъ сладко ласкаетъ,
Что душа, утомленная скорбью больной,
Разъ уснувъ, навсегда засыпаетъ.
Въ этой чащѣ душистой дріада живетъ.
Чуть склонишься на мохъ ты,—съ любовью
Чаровница лѣсная неслышно прильнетъ
Въ полумглѣ къ твоему изголовью!...

И услышишь ты голосъ: «Усни, отдохни!...
«Прочь мятежные призраки горя!...
«Позабудься въ моей благовонной тѣни,
«Въ тихомъ лонѣ зеленаго моря!—
«Дологъ путь твой,—суровый, нерадостный путь....
«О, къ чему обрекать эту юную грудь,
«На борьбу, на тоску и мученья!
«Другъ мой! ввѣрься душистому бархату мха:
«Эта роща вокругъ такъ свѣжа и тиха,
«Въ ней такъ сладки минуты забвенья!...»

Ты, я знаю, силенъ:—ты безстрашно сносилъ
И борьбу, и грозу, и тревоги,—
Но сильнѣе открытыхъ, разгнѣванныхъ силъ
Этотъ тайный соблазнъ полъ-дороги....
Дальше-жъ, путникъ!.... Повѣрь, лишь ослабитъ тебя
Мигъ отрады, мигъ грезъ и покоя,—
И продашь ты все то, что ужъ сдѣлалъ, любя,
За позорное счастье застоя!....

*
*   *

Милый другъ,—я знаю, я глубоко знаю,
Что безсиленъ стихъ мой, блѣдный и больной;
Отъ его безсилья часто я страдаю,
Часто тайно плачу въ тишинѣ ночной...
Нѣтъ на свѣтѣ мукъ сильнѣе муки слова:
Тщетно съ устъ порой безумный рвется крикъ,
Тщетно душу сжечь любовь порой готова:
Холоденъ и жалокъ нищій нашъ языкъ!....

Радуга цвѣтовъ, разлитая въ природѣ,
Звуки стройной пѣсни, стихшей на струнахъ

Боль за идеалъ и слезы о свободѣ,—
Какъ ихъ передать въ обыденныхъ словахъ,
Какъ безбрежный міръ, раскинутый предъ нами,
И душевный міръ, исполненный тревогъ,
Жизненно набросить робкими штрихами
И вмѣстить въ размѣры тѣсныхъ этихъ строкъ?...

Но молчать, когда вокругъ звучатъ рыданья
И когда такъ жадно рвешься ихъ унять,—
Подъ грозой борьбы и предъ лицомъ страданья...
Братъ,—я не хочу, я не могу молчать!...
Пусть я, какъ боецъ, цѣпей не разбиваю,
Какъ пророкъ—во мглу не проливаю свѣтъ:
Я ушелъ въ толпу, и вмѣстѣ съ ней страдаю,
И даю, что въ силахъ—откликъ и привѣтъ!...

*
*   *

Кругомъ легли ночныя тѣни,
Глубокой мглой окутанъ садъ;
Кусты душистые сирени
Въ весенней нѣгѣ мирно спятъ.
Склонясь зелеными вѣтвями,
Осока дремлетъ надъ прудомъ,
И небо яркими звѣздами
Горитъ въ сіяньи голубомъ.
Усни забытый злой судьбою,
Усни, усталый и больной,
Усни, подавленный нуждою,
Измятый трудною борьбой!
Пусть ядъ безжалостныхъ сомнѣній
Въ груди истерзанной замретъ,

И рой отрадныхъ сновидѣній
Тебя неслышно обойметъ.
Усни, чтобъ завтра съ силой новой
Бороться съ безотрадной мглой,
Чтобъ не устать въ борьбѣ суровой,
Чтобъ не поддаться подъ грозой;
Чтобъ челнъ свой твердою рукою
По морю жизни направлять
Туда, гдѣ свѣтлою зарею
Едва подернулася гладь,
Гдѣ скоро жаркими лучами
Свѣтъ мысли ласково блеснетъ,
И солнце правды надъ водами
Въ красѣ незыблемой взойдетъ.

Похороны.

Слышишь—въ селѣ, за рѣкою зеркальной,
Глухо разносится звонъ погребальный
Въ сонномъ затишьи полей;—
Грозно и мѣрно, ударъ за ударомъ,
Тонетъ въ дали, озаренной пожаромъ
Алыхъ вечернихъ лучей...

Слышишь—звучитъ похоронное пѣнье:
Это апостолъ труда и терпѣнья—
Честный рабочій почилъ...
Долго онъ шелъ трудовою дорогой,
Долго родимую землю съ тревогой,
Потомъ и кровью поилъ.

Жегъ его полдень горячимъ сіяньемъ,
Вѣтеръ знобилъ леденящимъ дыханьемъ,

Туча мочила дождемъ...
Вьюгой избенку его заметало,
Градомъ на нивахъ его побивало
Колосъ, взрощенный трудомъ.

Много онъ вынесъ могучей душою,
Съ дѣтства привыкшей бороться съ судьбою.
Пусть же, зарытый землей,
Онъ отдохнетъ отъ заботъ и волненья —
Этотъ апостолъ труда и терпѣнья
Нашей отчизны родной.

Впередъ.

Впередъ, забудь свои страданья,
Не отступай передъ грозой,
Борись за дальнее сіянье
Зари, блеснувшей въ тьмѣ ночной!
Трудись, покуда сильны руки,
Надежды ясной не теряй,
Во имя свѣта и науки
Свой честный свѣточъ подымай!
Пускай клеймятъ тебя презрѣньемъ.
Пускай безсмысленный укоръ
Въ тебя бросаетъ съ озлобленьемъ
Толпы поспѣшный приговоръ:
Иди, не падая душою,
Своею торною тропой,
Встрѣчая грудью молодою
Всѣ бури жизни трудовой.
Буди уснувшихъ въ мглѣ глубокой,
Упавшимъ—руку подавай

И слово истины высокой
Въ толпу, какъ лучъ живой, бросай.

Пѣвецъ.

Съ непокрытымъ челомъ, изнуренный, босой,
Полный скорби и жгучей тревоги.
Шелъ однажды весною, въ полуденный зной,
Мимо рощи тѣнистой пѣвецъ молодой,
По горячей, кремнистой дорогѣ.

Роща, словно невѣста, въ весеннихъ лучахъ
Обновленнымъ уборомъ сіяла,
И роскошно пестрѣла въ нарядныхъ цвѣтахъ,
И душистой прохладой ласкала...
И казалось въ ней кто-то съ любовью шепталъ:

«Путникъ, путникъ, ко мнѣ! Ты такъ долго страдалъ,
Прочь же черные призраки горя:
Я навѣю тебѣ лучезарные сны...
Отдохни на груди ароматной весны
Въ тихомъ лонѣ зеленаго моря!...»

—«У меня-ль не цвѣтистъ изумрудный коверъ,
У меня-ль не узоренъ высокій шатеръ!
Я приникну, любя, къ изголовью,
И больному весеннюю пѣсню спою,—
Эту вкрадчиво-сладкую пѣсню мою,
Пѣсню, полную свѣтлой любовью!»

—«Путь суровъ... Раскаленное солнце палитъ
Раскаленные камни дороги,
О горючій песокъ и объ острый гранитъ
Ты изранилъ усталыя ноги.

А подъ сводами дѣвственной листвы моей
Бьется съ тихимъ журчаньемъ холодный ручей;
Серебристая струйка за струйкой бѣжитъ.
Догоняетъ, цѣлуетъ и тихо звенитъ...
Не упорствуй же путникъ, и чуткой душой
Отозвавшись на зовъ наслажденья,
Позабудься, усни!...»

Но пѣвецъ молодой
Не поддался словамъ искушенья.
Не на пиръ и не съ пира усталый онъ шелъ:
Съ страдныхъ нивъ и изъ избъ голодающихъ селъ,
Изъ угловъ нищеты и разврата,
Онъ спѣшилъ въ золотые чертоги принесть
Молодою любовью согрѣтую вѣсть
О страданьяхъ забытаго брата.
Онъ спѣшилъ, чтобъ пропѣть о голодной нуждѣ,
О суровой борьбѣ и суровомъ трудѣ,
О подавленныхъ, гибнувшихъ силахъ,
О горячихъ, безпомощныхъ дѣтскихъ слезахъ,
О безсонныхъ ночахъ и безрадостныхъ дняхъ,
О тюрьмѣ и безкрестныхъ могилахъ...

. . . .

Эта пѣсня его и томила, и жгла,
И впередъ, все впередъ неустанно звала...

*
* *

Христосъ!... Гдѣ ты, Христосъ, сіяющій лучами
Безсмертной истины, свободы и любви?...
Взгляни,—твой храмъ опять поруганъ торгошами,
И мечъ, что ты принесъ, запятнанъ весь руками,
Повинными въ страдальческой крови!...

Взгляни, кто учитъ міръ тому, чему когда-то
И ты училъ его подъ тяжестью креста!

Какъ ярко ихъ клеймо порока и разврата,
Какія лживыя за страждущаго брата,
Какія гнойныя открылися уста!...

О, если-бъ только зло!... Но рваться всей душою
Разсѣять это зло, трудиться для людей,
И горько сознавать, что объ руку съ тобою
Кричитъ объ истинѣ, ломаясь предъ толпою,
Прикрытый маскою, продажный фарисей!...

Старая сказка.

Глухо стонетъ вьюга,—стонетъ и рыдаетъ,
И въ окно стучитъ костлявою рукой...
Жгучій страхъ мнѣ сердце дѣтское сжимаетъ:
«Мама, дорогая, сядь, побудь со мной!...»

И она прильнула нѣжно къ изголовью,
Нѣжно лобъ мой гладитъ, въ очи мнѣ глядитъ,
И подъ голосъ вьюги, лаской и любовью,
Грустью и заботой рѣчь ея звучитъ...

Какъ она прекрасна!... Въ трепетномъ сіяньи
Ночника она склонилась надо мной,
Точно свѣтлый ангелъ въ бѣломъ одѣяньи,
Только легкихъ крыльевъ нѣту за спиной!...

Что-то безконечно-кроткое сіяетъ
Въ безконечно-милыхъ, дорогихъ чертахъ,
И горитъ въ улыбкѣ, и въ очахъ ласкаетъ,
И звенитъ, чаруя, въ сдержанныхъ рѣчахъ...

Только отчего-жъ такъ грустны эти глазки?
Отчего дрожитъ и холодна рука?

Отчего въ словахъ старинной этой сказки
Слышится такая правда и тоска?

«Мама, что съ тобой?» Но мама заглушаетъ
Мой вопросъ тревожной лаской своей...
И такъ близко-близко надо мной сіяетъ
И такъ чудно-нѣженъ взоръ ея очей!...

Дѣтскій умъ не долго мучится сомнѣньемъ
Сказка расцвѣтаетъ, искрится, растетъ,—
И я всей душой и всѣмъ воображеньемъ,
Унесенъ въ тотъ міръ, куда она зоветъ!...

. . . .

Снова стонетъ вьюга, стонетъ и рыдаетъ,
И въ окно стучитъ костлявою рукой,
И ночникъ невѣрнымъ свѣтомъ озаряетъ
Блѣдный ликъ, склоненный нѣжно надо мной...

И звенитъ мнѣ голосъ: «Въ долгой, въ горькой жизни
Много встрѣтитъ спящихъ твой усталый взглядъ,
Не клейми-жъ ихъ, словомъ ѣдкой укоризны,
Полюби ихъ, милый, полюби, какъ братъ!...

Позабывъ себя и не боясь глумленья,
Протяни имъ руку и впередъ зови,—
И блеснетъ во мглѣ имъ счастье обновленья,
И поймешь ты счастье братства и любви!...»

Памяти Ѳ. М. Достоевскаго.

Когда въ часъ оргіи, за праздничнымъ столомъ
Шумитъ кружокъ друзей, безпечно торжествуя,
И надъ чертогами, залитыми огнемъ,

Внезапная гроза ударитъ, негодуя,—
Смолкаютъ голоса ликующихъ гостей,
Блѣднѣютъ только что смѣявшіяся лица,—
И, изъ полубоговъ вновь обратясь въ людей,
Трепещетъ Валтасаръ и молится блудница.

Но туча пронеслась и съ ней пронесся страхъ...
Пиръ оживаетъ вновь:—вновь раздаются хоры.
Вновь дерзкій смѣхъ звучитъ на молодыхъ устахъ,
И искрятся виномъ тяжелыя амфоры;
Порывъ раскаянья изъ сердца изгнанъ прочь,
Всѣ осмѣять его стараются скорѣе,
И праздникъ юности, чѣмъ дальше длится ночь,
Тѣмъ все становится развратнѣй и наглѣе!...

Но есть иная власть надъ пошлостью людской
И эта власть—любовь!... Созданія искусства,
Въ которыхъ теплется огонь ея святой,
Сметаютъ прочь позорящія чувства.
Какъ благодатный свѣтъ, въ эгоистичный вѣкъ
Сіяетъ всѣмъ она, любя и исцѣляя,—
И не дрожитъ предъ ней отъ страха человѣкъ,
А ницъ склоняется, ее благословляя!...

И счастливъ тотъ, кто могъ и кто умѣлъ любить:
Печальный тернъ его прочнѣй, чѣмъ лавръ героя,
Святого подвига его не позабыть
Толпѣ исторгнутой изъ мрака и застоя.
На скорбь его вездѣ откликнутся друзья,
И смерть его вездѣ смутитъ сердца людскія,
И въ часъ разлуки съ нимъ, какъ тѣсная семья
Надъ нимъ заплачетъ вся Россія!...

*
* *

Мы спорили долго—до слезъ напряженья...
Мы были всѣ въ сборѣ и были одни:
А тяжкія думы, тоска и сомнѣнья
Измучили всѣхъ насъ въ послѣдніе дни...
Здѣсь, въ нашемъ кругу, на свободное слово
Никто самовластно цѣпей не ковалъ,
И слово лилось, и звучало сурово,
И каждый изъ насъ, говоря, отдыхалъ...

Но странно—собраться по общимъ стремленьямъ,
И спутники въ жизни на общемъ пути—
Съ какимъ недовѣрьемъ, съ какимъ озлобленьемъ
Другъ въ другѣ врага мы старались найти!
Не то же ли чувство насъ всѣхъ согрѣвало—
Любовь безъ завѣта къ отчизнѣ родной—
Не то же ли солнце надежды сіяло
Намъ въ жизни, окутанной душною мглой?...

Печально ты нашему спору внимала...
Порою, когда я смотрѣлъ на тебя,
Казалось мнѣ, будто за насъ ты страдала
И что-то сказать намъ рвалася, любя;
Ночь мчалась... за бѣлымъ окномъ разгорался
Разсвѣтъ... Умирала звѣзда за звѣздой...
Свѣтъ лампы, мерцая, краснѣлъ и сливался
Съ торжественнымъ блескомъ зари золотой,—
И молча тогда подошла ты къ рояли,
Коснулась задумчиво клавишъ нѣмыхъ,
И страстная пѣсня любви и печали,
Звеня, изъ-подъ рукъ полилася твоихъ...

Что было въ той пѣснѣ твоей, прозвучавшей
Упрекомъ и грустью надъ нашимъ кружкомъ
И сердце мое горячо взволновавшей
И чистой любовью, и жгучимъ стыдомъ,—
Не знаю... Безсонная ночь-ли сказалась,
Больные-ли нервы играли во мнѣ—
Но грудь отъ скопившихся слезъ поднималась,
Минута—и хлынули страстно онѣ...
Какъ будто-бы кто-то глубоко правдивый
Вошелъ къ намъ озлобленнымъ, жалкимъ, больнымъ,
И сталъ говорить—и воскресшій, счастливый
Кружокъ нашъ въ восторгѣ замолкъ передъ нимъ.

Поддѣльные стоны, крикливыя фразы,
Тщеславье, звучавшее въ нашихъ рѣчахъ,—
Все то, что дыханьемъ незримой заразы
Жизнь сѣетъ во всѣхъ, даже въ лучшихъ сердцахъ
Все стихло,—и только одно лишь желанье,
Одинъ лишь порывъ запылалъ въ насъ огнемъ—
Всю душу отдать на борьбу и страданье,
Но только-бы дрогнула полночь кругомъ!...
О другъ мой, намъ звуки твои показали
Всю ложь въ насъ, до нихъ—незамѣтную намъ,
И крѣпче другъ другу мы руки пожали,
Съ зарей возвращаясь къ обычнымъ трудамъ!

*
* *

I.

Въ тинѣ житейскихъ волненій,
Въ пошлости жизни людской,
Ты, какъ спасающій геній,

Тихо встаешь предо мной.
Часто въ безсонныя ночи,
Полный тоски и любви,
Вижу я ясныя очи,
Чудныя очи твои;

Слышу я рѣчи святыя,
Чувствую ласки родныя—
И утомленный, больной,
Вновь оживаю душой,
И отъ борьбы отдыхая
Снова готовый къ борьбѣ,
Сладко молюсь я, рыдая,
Со свѣтлой мечтой о тебѣ.

II.

Пусть ты въ могилѣ зарыта,
Пусть ты другими забыта,
Да, ты для нихъ умерла!...
Но для меня ты живая,
Ты изъ далекаго рая,
Къ брату на помощь пришла.
Сердце-ль изноетъ отъ муки,
Руки-ль устанутъ въ борьбѣ,—
Эти усталые руки
Я простираю къ тебѣ.
Гдѣ ты, откликнись, родная...
И на призывъ мой больной
Ты, какъ бывало, живая
Тихо встаешь предо мной...

III.

Кудри упали на плечи,
Щеки румянцемъ горятъ,

Свѣтлыя, тихія рѣчи
Страстною вѣрой звучатъ:
„Милый, не падай душою,
Знай, что настанетъ пора—
И заблеститъ надъ землею
Зорька любви и добра...
. . . .

Надъ могилой И. С. Тургенѣва.

Тревожные слухи давно долетали;
Бѣда не подкралась къ отчизнѣ тайкомъ,—
Бѣда шла открыто, мы всѣ ее ждали,
Но всѣхъ взволновалъ разразившійся громъ.
И такъ ужъ немного вождей остается,
И такъ ужъ безлюдье насъ тяжко гнететъ,
Чье-жъ сердце на русскую скорбь отзовется,
Чья мысль ей укажетъ желанный исходъ?...

Больной и далекій,—въ послѣдніе годы
Немного ты далъ намъ, учитель и другъ:
Понять наши стоны и наши невзгоды
Тебѣ помѣшалъ безпощадный недугъ.
Но жилъ ты—и вѣрилось въ русскую силу,
И вѣрилось въ русской души красоту.—
Сошелъ, побѣжденный страданьемъ, въ могилу,
И нѣтъ тебѣ смѣны на славномъ посту.

Не здѣсь, не въ мерцаньи свѣчей погребальныхъ,
Не въ пестрой толпѣ, не при громѣ рѣчей,
Не въ звукахъ молитвъ заунывно-печальныхъ.
Поймемъ мы всю горечь утраты своей:—
Поймемъ ее дома, поймемъ надъ строками

Высокихъ и свѣтлыхъ твореній твоихъ,
Заслышавъ, какъ сердце трепещетъ слезами,
Слезами восторга и чувствъ молодыхъ!...

И долго при лампѣ, вечерней порою,
За дружнымъ и тѣснымъ семейнымъ столомъ,
Въ студенческой кельѣ, въ саду надъ рѣкою,
На школьной скамейкѣ и всюду кругомъ —
Знакомыя будутъ мелькать намъ страницы,
Звучать отголоски знакомыхъ рѣчей,
И, словно живыя, вставать вереницы
Тобою возсозданныхъ русскихъ людей!...

*
* *

Я не Тому молюсь, Кого едва дерзаетъ
Назвать душа моя, смущаясь и дивясь,
И передъ Кѣмъ мой умъ безсильно замолкаетъ,
Въ безумной гордости постичь Его стремясь;
Я не Тому молюсь, предъ чьими алтарями
Народъ, простертый ницъ, въ смиреніи лежитъ,
И льется оиміамъ душистыми волнами,
И зыблются огни, и пѣніе звучитъ;
Я не Тому молюсь, Кто окруженъ толпами
Священнымъ трепетомъ исполненныхъ духовъ,
И чей незримый тронъ за яркими звѣздами
Царитъ надъ безднами разбросанныхъ міровъ.—
Нѣтъ, передъ Нимъ я нѣмъ!... Грубое сознанье
Моей ничтожности смыкаетъ мнѣ уста.—
Меня влечетъ къ себѣ иное обаянье,
Не власти царственной,— но пытки и креста.
Мой Богъ—Богъ страждущихъ, Богъ, обагренный кровью,
Богъ—человѣкъ и братъ съ небесною душой,—
И предъ страданіемъ и чистою любовью
Склоняюсь я съ моей горячею мольбой!...

С. Г. ФРУГЪ.

Пѣсня жизни.

Много чарующихъ пѣсенъ
Въ сумракѣ зимнихъ ночей
Пѣла мнѣ няня, склоняясь
Надъ колыбелью моей.

Много и сказокъ чудесныхъ
Знала старушка моя.
Блѣдной, туманной толпою,
Дѣтскую душу плѣня,

Тихо вставали картины,
Образы шли чередой.
Помню: угрюмые замки...
Горы, объятыя мглой...

Витязи въ грозныхъ доспѣхахъ...
Теремъ колдуньи сѣдой...
Черныя свѣчи... могила...
Стоны мятели ночной...

Всѣ эти пѣсни и сказки,
Въ складѣ исконномъ своемъ,
Были съ началомъ обычнымъ,
Были съ обычнымъ концомъ:

Зло на добро ополчалось;
Долго борьба ихъ текла;
Долго страдала, томилась
Правда подъ бременемъ зла;

А подъ конецъ, торжествуя
Надъ побѣжденнымъ врагомъ,
Гордо вставала святая
Въ славѣ и блескѣ своемъ...

Славно тѣ пѣсни кончались,
Только, увы! никогда
Мнѣ до конца ихъ дослушать
Не удавалось тогда:

Слухъ мой за сказкою длинной
Скоро слѣдить уставалъ,
На сердце сумракъ ложился,
Сонъ мнѣ рѣсницы смежалъ...

*

Няня въ могилѣ уснула;
Годы прошли чередой;
Новую страшную сказку
Я услыхалъ надъ собой.

Новую страшную пѣсню
Жизнь надо мною поетъ.
Каждое слово отраву
Въ душу унылую льетъ:—

Каждое слово въ той пѣснѣ—
Стонъ изъ кровавыхъ могилъ
Сотенъ замученныхъ жизней.
Сотенъ загубленныхъ силъ.

Слово той пѣсни разящей.
Звукъ тѣхъ бичующихъ словъ
Громко звучатъ надъ вселенной
Вотъ ужъ семнадцать вѣковъ;

Громко звучатъ надъ вселенной,
Рвутся въ людскія сердца....
Я не слыхалъ ихъ начала
И не услышу конца.

Вѣрю, что славенъ и свѣтелъ,
Полонъ побѣды святой
Будетъ конецъ этой пѣсни,
Пѣсни борьбы вѣковой.

Вѣрю я—тризну справляя
Надъ побѣжденнымъ врагомъ,
Правда святая воспрянетъ
Въ славѣ и блескѣ своемъ.

Только, увы! не услышу,
Какъ эта пѣснь дозвучитъ:
На сердце сумракъ мнѣ ляжетъ,
Сонъ мои очи смежитъ,

Сонъ роковой, непробудный,
Въ мракѣ одной изъ могилъ
Сотенъ замученныхъ жизней,
Сотенъ загубленныхъ силъ....

Легенда о чашѣ.

Скажи мнѣ, то правда-ль, родная:
Мнѣ дѣдушка нашъ говоритъ,
Что на небѣ чаша большая
Предъ Божьемъ престоломъ стоитъ.
И съ каждой бѣдою, что насъ постигаетъ
Отъ рукъ безпощадныхъ людей,
Въ ту чашу слеза упадаетъ
Со скорбныхъ Господнихъ очей.—
Когда-же слезами до самаго края
Наполнится чаша святая,
На землю Мессія придетъ,
Тотъ самый, чья слава въ молитвахъ поется,
Тотъ самый, котораго ждетъ не дождется
Такъ долго нашъ бѣдный народъ?

*

—Да, милый, родной мой, то правда святая—
Печально промолвила мать.
И смолкло дитя, размышляя,
Но скоро спросило опять:
—Когда же, родная, когда же слезами
Ужъ будетъ та чаша полна?
Быть можетъ, въ ней сохнутъ тѣ слезы вѣками?
Быть можетъ... бездонна она?
И полные кротости, полные ласки,
Невинные, свѣтлые глазки
На мать устремило дитя.
Но мать, головою поникнувъ, стояла;
Слеза на рѣсницахъ ея задрожала...
Вотъ, яркимъ алмазомъ блестя,
Спадаетъ слеза на головку родную,
Съ головки на лобикъ течетъ...

О, Боже! пусть въ чашу святую
И эта слеза упадетъ!...

Грядущее.

(*Пророкъ Исаія*).

Когда подъ гнетомъ смуты злобной
Въ когтяхъ вражды междоусобной
Лежала, гибели полна,
Обѣтованная страна;
Когда богатство, слава, сила,
Плоды великихъ дѣлъ и думъ,
Что мощь народная взростила,
Вспоилъ, вскормилъ народный умъ,
Все гибло въ буряхъ смуты дикой,—
Тогда возсталъ пророкъ великій,
Въ устахъ Господень громъ храня,
И слово, полное огня,
И слово, острое, какъ жало,
Свободно, громко зазвучало
Надъ изступленной и слѣпой,
Во тьмѣ коснѣвшею толпой...

И если смолкла рѣчь пророка,
Исчезъ и слѣдъ великихъ дѣлъ
И въ тьмѣ могилы одиноко
Священный прахъ его истлѣлъ;
И если горы и равнины
Обѣтованной Палестины,
Мѣста, гдѣ жилъ онъ, гдѣ страдалъ,
Гдѣ мощный гласъ его звучалъ,

Давно пустыней мрачной стали.—
Народной памяти скрижали
Слова завѣтныя хранятъ...
Внемлите, смертные! Изъ гроба,
Гдѣ кости бренныя лежатъ,
Слова безсмертныя звучатъ:
—„Придетъ пора—исчезнетъ злоба:
Одной ликующей семьей,
Подъ знамя свѣта и свободы,
Стекутся мирные народы,
И надъ воскресшею землей
Утихнетъ гулъ борьбы кровавой,
Угаснетъ пылъ вражды навѣкъ.
Иною доблестью и славой
Гордится будетъ человѣкъ:
То будетъ доблесть думъ высокихъ,
То будетъ слава добрыхъ дѣлъ,
И тамъ, гдѣ въ мракѣ смутъ жестокихъ
Сверкала сталь и щитъ звенѣлъ.—
На тучныхъ нивахъ въ чистомъ полѣ
Высокій колосъ зашумитъ,
И пѣсня пахаря на полѣ
Отрадой свѣтлой зазвучитъ!...“

*
* *

Когда вечернею прохладой
Повѣетъ съ дремлющихъ полей—
И, неземной исполнена отрадой,
Ты склонишься предъ тихою лампадой
Съ молитвой чистою своей,—
Мой другъ, на мигъ продливъ свои моленья,
Въ святую урну искупленья

Ты лишнюю слезинку урони
И друга, брата бѣднаго, больного,
Поникшаго среди пути земного,
    Въ своей молитвѣ помяни.

Молись, чтобъ вѣрой гордой и свободной
Господь согрѣлъ мою больную грудь,
Чтобъ яркій факелъ мысли благородной
Свѣтилъ звѣздою путеводной
На мой печальный, трудный путь,
Чтобъ я успѣлъ, съ судьбой тяжелой споря,
Хотя одну слезу тоски и горя
Стереть съ лица народа моего,
Чтобъ хоть одинъ листокъ лавровый
Я могъ вплести въ вѣнецъ терновый,
    Вѣнецъ страдальческій его.

Рай.

Съ тоской и страхомъ покидая
Эдемъ, потерянный на вѣкъ,
На колыбель былого счастья
Глядѣлъ со скорбью человѣкъ.

Онъ видѣлъ: ночь—ясна, прекрасна,
Какъ въ мірозданья первый день—
На кущи райскія наводитъ
Свою мерцающую тѣнь;

Въ тиши ночной, въ сіяньи лунномъ,
Обрызганъ свѣжею росой,
Эдемъ безгрѣшный тихо дремлетъ,
Сіяя дѣвственной красой;

Изъ темныхъ гротовъ нѣжно льется
Волшебныхъ звуковъ стройный хоръ;
Имъ вторятъ плескомъ водометы,
Имъ вторитъ гуломъ эхо горъ...

То чья-то тѣнь мелькнетъ въ сіяньи.
То вспыхнетъ искорка въ тѣни...
Неувядающія розы...
Неугасимые огни...

Всей той же прелестью волшебной
Обитель райская полна,—
Но чѣмъ-то грустнымъ и пустыннымъ
Ужъ вѣетъ на душу она:

Свѣтлы, но мертвы эти звѣзды,
Что блещутъ въ синей вышинѣ;
Нѣтъ страсти въ пѣснѣ соловьиной
И грезъ въ полночной тишинѣ.

Лишь блѣдный страхъ съ нѣмою тайной
Пугливо бродятъ тамъ четой.
Эдемъ во мглѣ ночной мерцаетъ,
Какъ ликъ царевны молодой

На ложѣ пышномъ и прекрасномъ
Среди цвѣтовъ, среди лучей,
Но съ взоромъ тусклымъ и холоднымъ
На вѣки гаснущихъ очей...

Чего жъ лишился рай, нетлѣнный.
Неувядающій вовѣкъ?
И слышитъ смертный голосъ тайный:
—Тебя, безумный человѣкъ!

Тебя, души твоей пытливой,
Броженья чувствъ, огня страстей,
Твоей мечты, твоихъ порывовъ
И мысли пламенной твоей—

Того, что мертвымъ очертаньямъ
Нѣмой, недвижной красоты
Даетъ и смыслъ, и цѣль, и силу
Движеньемъ творческой мечты.

Уйди, оставь, изгнанникъ бѣдный,
Цвѣтущій рай, пустынный рай.
Возстань, иди въ пустыню міра,
Работай, мысли, созда—

И высшей славы ты достигнешь:
Въ ея сверкающихъ лучахъ
Померкнетъ блескъ свѣтилъ полночныхъ;
Пустынный рай падетъ во прахъ;

Обитель новую, прекраснѣй,
Свѣтлѣй и выше, обрѣтешь:
Въ эмблемы, въ лозунги нѣмые
Живую душу ты вдохнешь;

Крупинкѣ каждой, каждой каплѣ
Отдашь ты долгіе года
Тоски, лишеній, гнѣва, боли,
Борьбы, сомнѣній и труда,—

И будетъ каждая песчинка
Хранить вовѣки яркій слѣдъ
Твоихъ заботъ, твоихъ мученій,
Твоихъ немеркнущихъ побѣдъ...

Оставь же, смертный, не жалѣя,
Обитель смертной красоты;
Возстань, иди въ пустыню міра—
Рай будетъ тамъ, гдѣ будешь ты!...

Божья нива.

(*На мотивъ изъ Пророковъ*).

Какъ пахарь предъ нивой, побитой грозой,
Стою предъ тобою, народъ мой родной!—
Колосья шумѣли, колосья сверкали
И жатву обильную намъ обѣщали.
Но буря промчалась въ раздольи полей—
Господь мой! Что сдѣлалъ Ты съ нивой моей!
Господь мой! Оплотъ мой! Услышь меня нынѣ:
Я видѣлъ—Ты шелъ по безплодной пустынѣ,—
И вмигъ по равнинѣ, покрытой пескомъ,
Трава разстилалась душистымъ ковромъ.
Блестѣвшіе въ чудной десницѣ перуны
Звенѣли какъ тихія, нѣжныя струны,
И звуки святые вблизи и вдали,
Какъ пѣснь колыбельная стройно текли.
Гдѣ слѣдъ оставляла стопа неземная,
Тамъ свѣжій родникъ пробивался, сверкая;
Гдѣ капала съ крыльевъ лазурныхъ роса,
Тамъ рѣки текли, тамъ шумѣли лѣса,—
И вмигъ превратилась рукой благодатной
Пустыня нѣмая—въ цвѣтникъ ароматный...
Господь мой! Какъ пахарь, Тебя я молю:
Воззри на народъ мой—на ниву мою!
Пріемли слезу моихъ скорбныхъ моленій:

Не грозныхъ и дивныхъ я жду превращеній,
Не знаменій чудныхъ я нынѣ молю—
Воззри на народъ мой -- на ниву мою!
Дай свѣта, немного хоть, Господи, свѣта,
Чтобъ ожила нива печальная эта,
Чтобъ то, что осталось понынѣ на ней
Нетронутымъ грозною бурей Твоей,
Проснулось для жизни, воскресло бы, встало
И вновь зацвѣло бы и вновь задышало...
Господь! За ряды пепелищъ и могилъ—
Одну колыбель воскрешающихъ силъ!
За долгіе годы борьбы и ненастья
Хоть мигъ утѣшенья, хоть капельку счастья!...

*
* *

Не говорите намъ: „Безсильна правда ваша:
Ужъ въ мірѣ уголка такого нѣтъ,
Куда бы ни проникъ ея творящій свѣтъ,
А горькая, губительная чаша
Тлетворной лжи и злобы вѣковой
Еще полна, полна отравой роковой...
—Безсильна не она, безсмертная святая,
Безсильны мы, пигмеевъ жалкій рой,
Безсиленъ голосъ нашъ, пугливый и глухой,
Чтобъ адскій хоръ вражды и злобы заглушая,
Въ сердцахъ людскихъ огонь божественный зажечь.
Есть рѣчь, есть молніей сверкающая рѣчь,
Мечомъ архангела пылающее слово,
Изъ устъ пророческихъ и сладко, и сурово
Божественный глаголъ надъ міромъ зазвучитъ.
Внимая властному, могучему глаголу,
И мудрый голову невольно клонитъ долу,

Чертоги рушатся, какъ съ дрогнувшей вершины
По ребрамъ скалъ крутыхъ катящіяся льдины.
Крошится, какъ песокъ, темнитъ нѣмой гранитъ,
Какъ лепестки сухихъ вѣнковъ отъ дуновенья,
Безсильно сыплются оковъ стальныя звенья,
И новыхъ думъ огонь горитъ въ душѣ людской,
И новыхъ силъ родныхъ потокомъ вольнымъ льется,
Но голосъ тотъ, увы!—могучій и святой—
Въ тысячелѣтье разъ надъ міромъ раздается!...
Не намъ въ ладьѣ своей обтечь
Подъ грозной бурей жизни море
И правды вѣчной на просторѣ
Провозгласить святую рѣчь;
Въ убогій нашъ вѣнецъ ни терній,
Ни лавровъ пышныхъ не вплести.
Намъ пламень искоркой вечерней
Едва мерцаетъ на пути,
Сырая-ль туча пронесется,
Холодный вѣтеръ ли дохнетъ,—
Она замечется, забьется
И безъ слѣда навѣкъ замретъ.
Но непрерывно, неустанно,
Пока, хоть блѣденъ, одинокъ,
Еще мерцаетъ средь тумана
Нашъ робкій тусклый огонекъ,
Отдавшись вольному порыву
Взывать, о братья, будемъ къ вамъ.
Внемлите братскому призыву,
Усильте насъ, придите къ намъ!
Поднимемъ вмѣстѣ наше бремя,
Неволи робкій тяжкій гнетъ!
Скорбей и бѣдъ не вѣчно время,—
Господня правда къ намъ грядетъ!

Сквозь мракъ и сонъ, сквозь дымъ и пламя
Она несетъ святое знамя
И бичъ возмездія несетъ...
Она придетъ, она разсудитъ...
Она темницы отопретъ
И мертвецовъ отъ сна разбудитъ,
И къ воздаянью призоветъ—
За всѣ печали, скорби, боли,
За каждый день, за каждый мигъ
Невинныхъ слезъ во тьмѣ неволи
За каждый стонъ, за каждый крикъ...
. . . .

Fata morgana.

Не тамъ, гдѣ небеса палящимъ дышутъ зноемъ,
Исполнены нѣмой, безжизненной тоски,
Гдѣ красной пеленой, объятые покоемъ,
Безбрежно стелются горячіе пески;
Не тамъ, гдѣ караванъ, томимый жаждой жгучей,
Уныло тянется по розсыпи горючей,
И смуглый сынъ степей, угрюмый бедуинъ,
Пытливый чуткій слухъ напрасно напрягаетъ
И, каждый звукъ ловя, съ тоскою озираетъ
Безжизненную ширь сверкающихъ равнинъ,—
Не тамъ, но въ тихій часъ подъ блѣдною зарею,
Въ прохладной сочной мглѣ пестрѣющихъ долинъ,
Подъ небомъ сѣвера мнѣ грезится порою
Воздушный сонмъ тѣней и призрачныхъ картинъ...
Прощайте всѣ, съ кѣмъ пилъ я чашу круговую
За славу шумную, вѣнки и алтари:
Отъ грезъ моихъ былыхъ иду я въ даль нѣмую,
Иныхъ ищу цвѣтовъ, я жду иной зари...

ная грезится мнѣ слава—тамъ, за далью
евѣдомыхъ равнинъ... не пламенемъ и сталью.
е силой куплена жестокой и слѣпой:
ъ скрижаляхъ мудреца, въ созвучіяхъ поэта
еликой вѣстницей добра, свободы, свѣта
вляется она предъ чуткою толпой.
ѣнокъ ея сплетенъ не изъ цвѣтовъ могильныхъ,
е надъ обломками возносится она,
сть слуги у нея, но нѣтъ рабовъ безсильныхъ,
олитва есть безъ слезъ, веселье безъ вина...
е шуменъ пиръ ея, но вольная дорога
едетъ къ ея столу. Не спрашиваютъ тамъ.
дѣ родина твоя? Въ какого вѣришь Бога?
ому служилъ твой мечъ, курился фиміамъ?...
ридите всѣ, кто жилъ со зломъ и тьмою споря,
то, къ истинѣ стремя всѣ помыслы свои,
оть каплю счастья влилъ въ потокъ людского горя,
оть малое свершилъ для правды и любви!...

вотъ идутъ они — съ восхода и заката,
полуденныхъ полей, отъ сѣверныхъ снѣговъ,
въ шумномъ хорѣ ихъ я слышу голосъ брата,
вобожденнаго отъ вѣковыхъ оковъ...
онъ идетъ туда! И онъ...

Увы! я знаю,
лекъ и, можетъ быть, несбыточенъ мой сонъ,
, Боже! этимъ сномъ я жизнь свою питаю,
гда и мракъ и смерть ползутъ со всѣхъ сторонъ,
къ свѣтлый херувимъ на сумрачныхъ могилахъ,
чта завѣтная встаетъ передо мной...
дай же ей сойти съ небесъ моихъ унылыхъ,
дай померкнуть ей въ душѣ моей больной!...

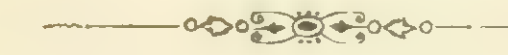
Прометею.

Я внимаю мучительнымъ стонамъ твоимъ
И, съ глубокой тоскою въ груди,
Я гляжу на громады скалы роковой,
На тяжелыя цѣпи твои...
О, Зевесъ былъ жестокій, безжалостный богъ
Безпощадный во власти своей!...
Но—умолкни на мигъ, жертва мести слѣпой,
Посмотри на меня, Прометей!
Не укралъ я у бога святого огня,
Не укралъ: онъ мнѣ самъ его далъ,
И нести его къ людямъ, въ міръ рабства и тьмы,
И беречь, и хранить завѣщалъ!
Не укралъ я у бога святого огня
И не даромъ его получилъ:
И слезами своими, и кровью своей,
Я за этотъ огонь заплатилъ.
И донынѣ еще я плачу за него
И слезами, и кровью своей,
И не коршунъ одинъ мое сердце клюетъ—
Сотни коршуновъ, тысячи змѣй
Въ беззащитную грудь мою жадно впились,
Рвутъ кровавыя раны мои...
Что-же значатъ въ сравненіи съ мукой моей
Всѣ страданья, всѣ муки твои?!...

Изъ древнихъ сказаній.

Чрезъ рощу, топорами нагруженный,
Тащился возъ, грохоча и скрипя.
Полдневный лучъ игралъ на стали закаленной,
Сверкая и дробясь о грани острія;

И вмигъ, заслыша звонъ враждебной стали,
Шумя въ испугѣ нѣжною листвой,
Березки молодыя задрожали,
Предвидя близость смерти роковой.
о старая сосна, питомица столѣтій,
Промолвила березкамъ молодымъ:
„Чего страшитесь вы? Зачѣмъ дрожите, дѣти,
Предъ звукомъ стали мертвымъ и пустымъ?
сть много, много насъ легло подъ топорами. —
Враги не страшны будутъ вамъ,
куда дерева вы не дадите сами
Для рукоятки топорамъ…“



Н. М. МИНСКІЙ.

Наше горе.

Не въ ярко блещущемъ уборѣ
И не на пламенномъ конѣ
Гуляетъ, скачетъ наше горе
По нашей сѣрой сторонѣ.
Пѣшкомъ и голову понуря,
Въ туманно-сумрачную даль
Плетется русская печаль.
Безвѣстна ей проклятій буря,
Чужда хвастливая тоска,
Смѣшна кричащая невзгода.
Дитя стыдливаго народа,
Она стыдлива и робка,
Неразговорчива, угрюма,
И тяжкій крестъ несетъ безъ шума
И лишь въ тѣни родныхъ лѣсовъ,
Подъ шопотъ ели иль березы,

Порой вздохнетъ она безъ словъ
И льетъ невидимыя слезы...
Намъ эти слезы безъ числа
Родная муза сберегла...

Генiй и трудъ.

(I. I. Ясинскому).

I.

У священнаго дуба молились они,
Злополучные пасынки неба:
„Сжалься Зевсъ! Отъ дождей всѣ потухли огни,
Въ шалашахъ мерзнутъ дѣти... Нѣтъ хлѣба...
Сжалься! Въ дерево молнiей жгучей ударь!
Дай огня! Очаги засвѣти намъ, какъ встарь".

II.

Такъ молилися люди. А боги
Пировали въ то время у Зевса—отца.
Оглашались ихъ смѣхомъ чертоги,
Въ кубки свѣтлые нектаръ лился безъ конца.
И за шумомъ рѣчей сладкозвучныхъ
Зевсъ не слышалъ моленiи докучныхъ.

III.

Между тѣмъ въ отдаленной пещерѣ, трудясь,
Прометей замышлялъ роковое.
Онъ не вышелъ молиться, больнымъ притворясь
Но его удержало иное:

Быстро старецъ о дерево дерево третъ,—
Ноютъ руки его, по лицу льется потъ.

IV.

И бормочетъ онъ: «Да, ты прекрасно,
О небесное пламя! Изъ тучъ безъ труда
Ты нежданно летишь, но напрасно
Люди долго стрѣлы твоей ждутъ иногда:
Въ мигъ одинъ мощный дубъ одолѣешь,
Но порой и лачугъ не жалѣешь.

V.

Нѣтъ, иной нуженъ людямъ огонь...» И старикъ
Не бросаетъ тяжелаго дѣла.
Вдругъ въ пещерѣ послышался радости крикъ.
Древесина, дымясь, почернѣла.
Дымъ, синѣя, свиваетъ кольцо за кольцомъ,
И упорныя сучья пылаютъ огнемъ!....

VI.

Среди пира огонь этотъ смѣлый
Вдругъ увидѣли боги съ далекихъ небесъ.
Прерванъ пиръ. Зевсъ нашелъ свои стрѣлы.
Наказать дерзновеннаго мчится Гермесъ.
Но ужъ поздно: старикъ восхищенный
Все повѣдалъ толпѣ изумленной....

VII.

Долго въ тяжкихъ цѣпяхъ Прометей изнывалъ,
Искупая свой грѣхъ благотворный.
Но огня, имъ зажженнаго, Зевсъ не сковалъ:

Разгорался огонь непокорный.
И Олимпъ запылалъ, и наказанъ тиранъ.
И пришелъ человѣкъ, и раскованъ титанъ.

VIII.

Будьте-жъ трижды вы благословенны,
Утѣшенья земныя въ скитаньи земномъ:
Трудъ, будящій огонь вдохновенный.
И огонь, разбуженный упорнымъ трудомъ.
Слезы замысла, потъ исполненья.
И завѣтная кровь искупленья!

Жирондисту.

(Къ картинѣ Мюллера.)

Тронулась въ путь колесница позорная...
Узникъ, какъ снѣгъ, побѣлѣлъ.
Душу окутало облако черное,
Умъ отъ тоски онѣмѣлъ.
Онъ истомился за ночь безпредѣльную
Нечеловѣческихъ мукъ.
Лишь отдается въ немъ болью смертельною
Сердца усиленный стукъ.
Словно сквозь дымку тумана
Движется море головъ,
Слышится бой барабана,
Слышится топотъ шаговъ.
Все это ждалъ онъ, и все неожиданно
Какъ то случилося вдругъ.
Люди бѣгутъ, какъ на праздникъ невиданный...
Всѣхъ ихъ любилъ онъ, какъ другъ.

Страшныя тѣни парятъ надъ душою,
Выплывутъ, снова нырнутъ...
Грудь наболѣвшую съ болью тупою
Медленно, медленно рвутъ.
Что-то рыдаетъ... Туманится взглядъ...
Мрачно и страшно... Назадъ, о назадъ!...
Поздно... Напрасны тоска и рыданія...
Ахъ какъ свѣтло назади!
Вотъ промелькнуло какое-то зданіе.
Дрогнуло что-то въ груди...
Онъ наклонился. Глядятъ любопытные.
Это родной его домъ.
Плачутъ тамъ мать и сестра...
Вотъ за любимымъ окномъ
Первую книгу прочелъ онъ завѣтную,
Другомъ была ему книга дана,
Вечеромъ сѣлъ онъ и ночь непримѣтную
Съ нею провелъ онъ безъ сна.
Помнитъ: онъ всталъ обновленнымъ,
Къ другу скорѣй побѣжалъ;
Крѣпко въ порывѣ смущенномъ
Руку ему онъ пожалъ.—
И полилися вдругъ слезы блаженныя...
День этотъ вмѣстѣ они провели.
Плача давали обѣты священные...
Въ жертву себя обрекли...
Бѣдный ребенокъ! Въ тотъ радостный день
Первую къ гробу прошелъ ты ступень.
Нѣту возврата. О годы счастливые!
Гдѣ ихъ припомнишь теперь?...
Тише, о тише, толпа... Терпѣливѣе!
Ждать ужъ недолго, повѣрь...
Вотъ показалися стѣны угрюмыя...
Помнитъ онъ: судьи сидѣли кругомъ.

Вѣру въ людей звали верхомъ безумія,
Сильнаго вѣрою—звали врагомъ.
Жадно они разметали
Счастья минувшаго прахъ:
Жадно могилу копали,
Рылись въ погибшихъ мечтахъ...
Нѣтъ, онъ не выдержалъ!... Въ сердцѣ кипѣвшая
Рвалась наружу гроза.
Все, что таила душа наболѣвшая,
Все имъ швырнулъ имъ въ глаза...
Зналъ, что проходитъ въ тотъ горестный день
Онъ предпослѣднюю къ гробу ступень.
Да, предпослѣднюю... Шумъ приближается.
Страшно!... Назадъ, о назадъ!
Поздно... Напрасно тоска и рыданія.
О, какъ свѣтло позади!
Бьютъ барабаны... Минута молчанія...
Что-то порвалось въ груди ..
Снова ревущей грозою
Бурно ликуетъ народъ,
Все покрывается мглою,
Все завертѣлось...
Впередъ!
Выше держи свою голову блѣдную,
Ногу смѣлѣй подымай, не страшись...
Это прошелъ ты ступеньку послѣднюю...
. . . .
Кончены мука и жизнь.
Ты жъ успокой, о родная земля,
Кости того, кто погибъ за тебя.

Пѣсня.

Черезъ пучину житейской невзгоды,
Въ гавань, гдѣ плещутся тихія воды,
    Съ пѣсней плыву я сквозь бурю и мракъ.
Не устрашаютъ меня испытанья.
Вѣтромъ попутнымъ мнѣ служатъ страданья.
    Совѣсть—мой кормчій и правда—маякъ.
Въ гавани дальней есть храмъ сокровенный;
Слышу изъ храма я голосъ священный,—
    Не заглушитъ его ропотъ валовъ.
Знаю: съ тѣхъ поръ, какъ хаосъ миновался,
Онъ надъ землею всегда раздавался.
    Голосъ священный! я слышу твой зовъ!
Люди на встрѣчу во мракѣ мелькаютъ,
Стонутъ и тонутъ, кричатъ и смолкаютъ...
Нѣтъ, не случайно мы въ свѣтъ родились!
Гдѣ-то земные, нестройные крики
Въ гимнъ ликованья сольются великій,
Здѣсь, въ моемъ сердцѣ, они ужъ слились!

* *
*

(Посвящается А. Ф. Кони).

Въ тѣ дни, когда изъ духа мщенья
Законъ каралъ безъ сожалѣнья,
И кару совершалъ палачъ,—
Жилъ на Москвѣ тюремный врачъ,
Слова Христовы чтившій свято,
Дитя душой, несчастнымъ другъ,
Въ преступникѣ жалѣвшій брата,
Въ злодѣйствѣ видѣвшій недугъ.
Семьѣ острожной, духомъ нищей,

Служилъ онъ молча, безъ хвалы,
Смотрѣлъ за платьемъ ихъ и пищей
И облегчалъ имъ кандалы.
Однажды къ плахѣ присужденный
Клялся, рыдая предъ врачемъ,
Что неповиненъ онъ ни въ чемъ.
Его слезами убѣжденный,
Искать заступы врачъ предсталъ
Передъ лицомъ митрополита,
Но пастырь выслушалъ сердито
Его разсказъ и отвѣчалъ:
„Не можетъ быть, чтобъ осужденный
Страдалъ невинно: судъ законный
Свое рѣшенье произнесъ,—
Вотъ противъ узника улика.“
И врачъ воскликнулъ: „А Христосъ?
О Немъ забыли вы, владыко!...“
И всѣ, кто былъ тамъ, услыхавъ
Такое слово, онѣмѣли.
Они владыки знали нравъ
И въ страхѣ на врача глядѣли.
А пастырь смолкъ, челомъ поникъ,
Укоръ нежданный обсуждая,
И, наконецъ, сказалъ вздыхая:
„Когда мой суетный языкъ
Глумился надъ несчастнымъ братомъ,
Не я — о Господѣ распятомъ,—
Богъ обо мнѣ забылъ въ тотъ мигъ...“

Весталки.

Печально-блѣдныя, въ одеждахъ бѣлоснѣжныхъ,
Онѣ задумались вдвоемъ,

На мраморъ опершись. Какъ ропотъ волнъ мятежныхъ,
Къ нимъ доносился смутный громъ
Далекихъ голосовъ, безсильно замирая
Подъ сводомъ низкимъ и глухимъ.
И вотъ одна изъ нихъ промолвила, вздыхая:
„Сестра! Опять безумный Римъ
Затѣялъ оргію по манію солдата
Или наложницы. Растетъ
Увы, растетъ потокъ неволи и разврата
И, мутно-гнѣвный, съ корнемъ рветъ
Величье древнее. Римъ гибнетъ. Дремлютъ боги.
Кому молиться и о чемъ?
Римъ гибнетъ, Римъ погибъ. Что пользы въ жизни строгой
Въ молитвахъ, въ бдѣніи ночномъ
И въ чистыхъ помыслахъ? Что пользы въ томъ для Рима,
Что шесть безгрѣшныхъ дѣвъ хранятъ
На ветхомъ алтарѣ огонь неугасимо
И стѣны ветхія кропятъ
Святой струей Каменъ? Римъ гибнетъ, нѣтъ спасенья!
Вотъ шумъ приблизился... Сестра,
Устала грудь моя отъ тайнаго мученья.
Больнѣе пламени костра
Огонь, что душу жжетъ. Томлюсь, изнемогая.
Постыла горестная жизнь...“
И, быстро, вспрянувши, воскликнула другая:
„Сестра! Молю, остановись!
Пусть дряхлый Римъ забылъ свой жребій—надъ вселенной
Безсмертнымъ разумомъ царить,—
Ты, жрица, помни свой—небесъ огонь священный
И сердце чистое хранить.
Кругомъ настала ночь. Въ безмолвномъ упованьѣ
Зажглись священные огни.
Ты слышишь оргій шумъ? удвой свое вниманье
И страхъ заботливѣй гони.

И если-бъ міръ опять ниспалъ въ хаосъ нестройный,
Владѣя искрою одной,
Ты изъ послѣдняго обломка съ ней спокойно
Послѣдній жертвенникъ устрой.
И вѣрь, что лучшій міръ изъ искры той родится
И племя лучшее придетъ,
Отыщетъ твой огонь и съ небомъ примирится,
И небу жертвенникъ зажжетъ.“
Сказала — и, склонясь, въ огонь кореньевъ новыхъ
Подбросила, и вспыхнулъ храмъ
Предъ взоромъ дѣвственницъ задумчиво-суровыхъ,
Внимавшихъ дальнимъ голосамъ.

Предъ зарею.

Приближается утро, но еще ночь.

(Исаія гл. 21, 12).

Не тревожься, недремлющій другъ,
Если стало темнѣе вокругъ,
Если гаснетъ звѣзда за звѣздою,
Если скрылась луна въ облакахъ,
И клубятся туманы въ лугахъ:
Это стало темнѣй — предъ зарею...

Не пугайся, неопытный братъ,
Что изъ норъ своихъ гады спѣшатъ
Завладѣть беззащитной землею,
Что бѣгутъ пауки, что, шипя,
На болотѣ проснулась змѣя:
Это гады бѣгутъ — предъ зарею...

Не грусти, что во мракѣ ночномъ
Люди мертвымъ покоятся сномъ,
Что въ безмолвіи слышны порою
Только глупый напѣвъ пѣтуховъ
Или злое ворчаніе псовъ.
Это—сонъ, это—лай предъ зарею...

Пѣсни о родинѣ.

Пѣсня первая

I.

Не ждалъ меня корабль на лонѣ синихъ водъ,
Не плакалъ горько пажъ любимый
И вѣрный песъ не вылъ предъ замкомъ, у воротъ,
Когда „прости“ странѣ родимой
Печально я шепталъ. Висѣло надъ землей
Тумановъ сѣрыхъ покрывало.
То было вешнимъ днемъ, и съ неба дождикъ злой
Чуть моросилъ бездушно-вяло.
Я засмѣялся вслухъ, припомнивъ, что весной
Зовемъ мы этотъ адъ суровый.
Весна, весна!... Увы въ моей странѣ родной
Звучитъ насмѣшкой это слово.
Весна!... Но нѣтъ весны въ отчизнѣ у меня—
Ни у людей, ни у природы.
И, глядя на тоску рыдающаго дня,
Невольно дѣтства вспомнишь годы...

II.

Я у окна стоялъ... Кругомъ сгущалась тьма,
И подъ покровомъ тьмы кромешной,

Какъ люди, мрачные тянулися дома,
Какъ тѣни, люди шли поспѣшно.
Я думалъ: вотъ прошло пять лѣтъ, пять лучшихъ лѣтъ,
Въ пылу надеждъ, въ чаду сомнѣній.
Но гдѣ священный прахъ, гдѣ въ сердцѣ тайный слѣдъ
Отъ тѣхъ восторговъ и томленій?
Съ отчизной отчего проститься мнѣ не жаль,
И отчего поля чужбины,
Какъ прежде, не влекутъ въ таинственную даль?
Увы, дрожащій листъ осины
Сильнѣе прикрѣпленъ къ родной землѣ, чѣмъ я,
Я—листъ оторванный грозою.
И я-ль одинъ?... Васъ всѣхъ, товарищи-друзья,
Сорвало бурею одною.
Кто скажетъ: почему? Мы-ль не громили ложь,
Мы-ль жертвъ не жаждали?... Нѣтъ края,
Такого въ мірѣ нѣтъ угла, гдѣ-бъ молодежь,
Всѣ блага жизни презирая,
Такъ честно, какъ у насъ, такъ рано обрекла
Себя служенью правдѣ строгой.
Жизнь чуть ли не дѣтьми насъ прямо повела
Тернистой подвиговъ дорогой.
Намъ сжалъ впервые грудь не женскихъ ласкъ восторгъ,
Не сладкій трепетъ страсти новой.
И первую слезу изъ дѣтскихъ глазъ исторгъ
Не взглядъ красавицы суровой.
Надъ скорбной родиной скорбѣвшія уста
Шептали первыя признанья;
Надъ прахомъ дорогимъ товарища-бойца
Звучали первыя рыданья;
Взамѣнъ безпечныхъ словъ бесѣды молодой
Мы совѣсть раскрывали нашу;
Взамѣнъ хмѣльной струи изъ чаши круговой
Мы испытаній пили чашу.

И что-же? Где плоды всѣхъ подвиговъ? Кого
Намъ пламень грѣлъ, кому онъ свѣтитъ?
Нѣтъ насъ честнѣй и нѣтъ злосчастнѣй никого...
Но почему?... О, кто отвѣтитъ!?...

III.

Напрасно надъ тобой, родимая страна,
Промчался правды свѣтлый геній.
Напрасно сѣялъ онъ живыя сѣмена
Высокихъ думъ, святыхъ стремленій.
Напрасно онъ сердца дремавшія будилъ,
Росой надежды окропляя.
Напрасно молодость на зло онъ ополчилъ
И въ битву велъ, благословляя,
Во слѣдъ за геніемъ желаннымъ надъ тобой
Другой промчался мрачный геній.
Какъ вихорь, посланный завистливой судьбой,
Онъ все губилъ въ своемъ стремленьи;
И тамъ, гдѣ падали живыя сѣмена,
Кропилъ онъ мертвою водою;
И тамъ, гдѣ молодость цвѣла, надеждъ полна,
Чертилъ онъ гробъ своей клюкою;
И тамъ, гдѣ слышалась благословенья рѣчь,
Шепталъ проклятья онъ сурово,
Чтобъ кровь безцѣльная багрила братскій мечъ,
Чтобы безплодно было слово ..
Сбылись проклятія!... Порывы и мечты
Изъѣла ржавчина безсилья.
Тоскливо жаждетъ грудь добра и красоты;
Не поднимаясь, бьются крылья..·

IV.

О, въ этотъ грустный часъ, когда прощальный взглядъ
На край родимый я бросаю,

Когда и словъ и дѣлъ и лицъ нестройный рядъ
Тревожной мыслью воскрешаю,—
Какая скорбь и желчь мнѣ заливаютъ грудь!...
Какъ страшно вдругъ обнять мечтою,—
Что видѣлъ я въ пять лѣтъ и что, сбираясь въ путь,
Я покидаю за собою....

. . . .

Дѣтей толпу,—больныхъ, озлобленныхъ дѣтей,
Или мятущихся безцѣльно,
Иль тихо гибнущихъ безъ воли и страстей,
Съ тоскою въ сердцѣ безпредѣльной.
И старцевъ робкій сонмъ... Запуганы давно,
Безъ добродѣтелей, безъ вѣры,
Собою лишь живя, они всѣмъ льстятъ равно,—
Гражданской немощи примѣры.
А тамъ, вдали— его, титана, что къ землѣ
Прикованъ мстительной судьбою
И, вмѣсто коршуновъ, снѣдаемъ въ сонной мглѣ
Невѣжествомъ и нищетою.
Кто знаетъ, можетъ быть, уже давно титанъ
Забылъ свое происхожденье,
И жалобы забылъ и, ослабѣвъ отъ ранъ,
Дряхлѣетъ молча въ заточеньи...
Но нѣтъ, о скорбное перо, остановись,
И сердце, въ грусти безысходной,
Предъ тайной высшею смиренно преклонись,
Когда безсиленъ умъ холодный...

. . . .

V.

Прощай, прощай, страна невыплаканныхъ слезъ,
Страна порывовъ неоглядныхъ,
Силъ неразбуженныхъ, неисполнимыхъ грезъ,

Страна загадокъ неразгаданныхъ:
Страна безмолвія и шумной болтовни,
Страна испуга и задора,
Страна терпѣнія и дѣтской хлопотни,
Страна неволи и простора;
Страна больныхъ дѣтей, безпечныхъ стариковъ,
Веселья мрачнаго, какъ тризна,
Ненужныхъ слезъ и жертвъ....
Прощай, о фриксъ! Прощай, отчизна!....

На Рейнѣ.

Пѣснь вторая.

I.

Холмы за холмами тѣснятся кругомъ
Въ туманахъ синѣютъ вершины;
Вдали, за рѣкой, на утесѣ крутомъ
Сверкаютъ на солнцѣ руины.
Сверкая, извилистый Рейнъ предо мной,
Какъ озеро, тихо струится
И въ берегъ отзывчитый мутной волной
Съ задумчивой лѣнью стучится.
И долго надъ Рейномъ сѣдымъ я сижу
Въ объятіяхъ сладкой истомы.
Вдругъ образъ мелькнулъ... Я невольно дрожу,—
Мнѣ слышится голосъ знакомый.
Не берегъ то шепчется съ сонной рѣкой,
Не вѣтеръ кустами играетъ:
То совѣсти голосъ—и жгучей тоской
Объята, душа замираетъ.

«Быстро рѣка многоводная
Въ краѣ полночномъ течетъ,
Волны лазурно-холодныя
Въ море чужое несетъ.

. . . .

«Скованъ языкъ негодующій,
Скованы крылья мечты...
Что-же, о странникъ тоскующій,
Тамъ не томишься и ты?...“

Въ туманы закутавшись, дремлютъ холмы.
Играетъ свѣтъ мѣсяца съ тучкою бѣлой.
Въ сосновую рощу, въ объятія тьмы,
Вхожу я стопою несмѣлой.
Высокія сосны безмолвно грустятъ,
О чемъ?—можетъ мѣсяцъ провѣдалъ украдкой.
Какія-то тѣни кругомъ шелестятъ.
И тихо, и жутко, и сладко...
Иду—замираютъ шаги. Впереди—
Чу!—шорохъ привѣтный: лепечутъ березы.
Иду и молчу. Накипаютъ въ груди
Счастливыя, дѣтскія слезы.
Но голосъ раздался—исчезли мечты...
Не вѣтеръ играетъ съ вершиной высокой:
То совѣсть, грозя изъ ночной темноты,
Мнѣ жгучіе шепчетъ упреки:

. . . .

„Дни, словно тучи безцвѣтныя,
Тянутся въ снѣжной глуши...
Гдѣ вы, мечтанья привѣтныя,
Гдѣ вы, друзья беззавѣтные,
Гдѣ вы, о силы души?—
„Стынутъ мечты животворныя,

Дремлетъ душа... А друзья?—
Спятъ по гробамъ непокорные;
А малодушно-притворные
Рейнъ воспѣваютъ, грустя...“

II.

Страшный день сегодня... Тамъ, въ душѣ смущенной,
Раздаются звуки пѣсни похоронной,
Кто-то безпощадный приговоръ читаетъ...
Кто-то плачетъ тихо... Кто-то умираетъ...
Самъ ли виноватъ я, рокъ ли такъ сложился,
Но клянусь, что къ правдѣ я всю жизнь стремился...
Что-жъ брожу безъ цѣли, какъ старикъ отжившій?
О, прости, товарищъ—ты, свой долгъ свершившій! ..
Страшный день сегодня... Тамъ, въ душѣ смущенной,
Раздаются звуки пѣсни похоронной.
Знаю: это совѣсть приговоръ читаетъ...
Это юность плачетъ, счастье умираетъ...

Въ Римѣ.

Пѣснь третья.

(*Монологъ*).

I.

Я цѣлый день бродилъ среди руинъ,
Читалъ вѣковъ истертыя страницы,
Смотрѣлъ въ глаза слѣпой, безмолвной смерти
И въ нихъ искалъ разгадку прошлой жизни.
И всякій разъ, какъ легкій вѣтерокъ
Усталаго лица касался нѣжно,
Казалось мнѣ, что слышу я дыханье

Исторіи подкравшейся незримо.
Я съ камнями бесѣдовалъ. Клянусь,
Что ни одинъ арабъ подвижно-пылкій
И ни одна медлительная няня
Не вѣдаютъ такъ много сказокъ страшныхъ.

Взволнованный, усталый, подошелъ
Я подъ-вечеръ къ руинамъ Колизея.
Въ лучахъ зари привѣтно трепетавшимъ,
Въ его стѣнахъ, въ забытомъ переходѣ,
Я легъ въ траву и, головой склонившись
На капитель поверженной колонны,
О видѣнномъ задумался глубоко.
И чуткій сонъ ко мнѣ подкрался тихо,—
Тотъ чуткій сонъ, когда душа порхаетъ
Межъ двухъ міровъ, однимъ крыломъ объемля
Міръ смутныхъ грезъ, дѣйствительность другимъ,
Сливая ихъ въ гармоніи чудесной.
И видѣлъ я: печальный, блѣдный призракъ
Изъ глубины развалинъ показался
И, надо мной склонясь, промолвилъ тихо:

„Въ моихъ чертахъ, ты видишь, скорбь разлита.
Какъ не скорбѣть! Я—духъ развалинъ этихъ.
И тамъ, гдѣ ты нашелъ обломки камней—
Не трупа прахъ, а прахъ гробницы трупа—
Тамъ видѣлъ я свободу, блескъ и силу.
Вотъ посмотри, у статуи безрукой
Разбитый ликъ какъ черенъ и уродливъ!
Богиней былъ обломокъ этотъ. Видѣлъ
Я дивныя черты ея, когда
Онѣ, еще не воплотившись въ мраморъ,
Лишь рѣяли предъ взоромъ ослѣпленнымъ
Художника, рыдавшаго отъ счастья.

Въ тотъ мигъ я самъ въ его безсмертье вѣрилъ..
Здѣсь видѣлъ я, по мраморнымъ ступенямъ,
Которыхъ слѣдъ исчезъ, какъ разливались
Народа волны шумно. Кто-бъ сказалъ
Что навсегда онѣ изсякнуть могутъ?!...
Мой взоръ всегда къ былому обращенъ.
Оно прошло и — не вернется снова,
Какъ въ душу старца первой страсти трепетъ,
Какъ на мои уста улыбка счастья...
,,Но ты, скажи, о чемъ и ты скорбишь?
Зачѣмъ вдали отъ родины блуждаешь,
Зачѣмъ о ней ты плачешь безутѣшно?
Гдѣ ты нашелъ въ своей странѣ родимой
Развалины минувшаго величья,
Гробницы силъ изжитыхъ, думъ погасшихъ.
Священный прахъ свободы умерщвленной,
Иль красоты, иль славы отгремѣвшей?...
Къ минувшему-ль ты взоръ свой обращаешь?
Иль ты-бъ хотѣлъ, чтобъ прошлое вернулось?...
Не первый ли его ты-бъ испугался,
Какъ мертвеца, возставшаго изъ гроба?...

,,Когда гроза весенняя порвала
Желаннымъ громомъ зимнюю дремоту,
И весело взыгралъ, ломая сучья
И старый прахъ взметая, буйный вихорь, —
Ты оробѣлъ, цвѣтовъ не видя тотчасъ...
Иль ты-бъ желалъ сковать вѣнецъ грядущій
Безъ молота, безъ пламени, безъ стука,
И новый храмъ построить безъ деревьевъ
Поверженныхъ, безъ топоровъ, безъ камней?

,,Ты устрашенъ, разочарованъ—въ чемъ?
Гдѣ тотъ алтарь жестокій, на которомъ

Ты приносилъ отвергнутыя жертвы?
Въ какой борьбѣ боролся ты напрасно?
Кто обманулъ довѣрчиваго агнца
Твоихъ надеждъ, запечатлѣнныхъ кровью?
Смѣшна, жалка мнѣ скорбь твоя пустая,
Какъ старику на ложѣ смерти жалокъ
Ребенка плачь, разбившаго игрушку...
О, нѣтъ, сперва облей кровавымъ потомъ
Родной страны чуть вспаханную ниву.
Пускай затѣмъ твой сынъ и внукъ, и правнукъ
Надъ нивой той священной потрудятся;
Пускай она заколосится пышно
И цѣлый міръ накормитъ новымъ хлѣбомъ;
Пусть, наконецъ, мертвящее дыханье
Вѣковъ ее въ пустыню превратитъ:

,,Тогда, тогда, коль твой потомокъ дальній
Придетъ подъ сѣнь моихъ нѣмыхъ развалинъ,
Чтобы скорбѣть о томъ, чего ужъ нѣтъ,—
Его приму я ласково въ объятья
И вмѣстѣ съ нимъ на камень я усядусь,
И вмѣстѣ съ нимъ тихонько буду плакать....“

И призракъ смолкъ, и вздохъ его пронесся
Надъ спящими руинами чуть слышно.
Потомъ, опять склонившись надо мною,
Онъ прошепталъ безкровными устами:

,,Какъ счастливъ ты! Какъ скорбь твоя завидна!
Вечернему подобная туману,
Моя печаль сгущается, чернѣя,
Твоя же грусть и грусть твоей отчизны,
Какъ легкій дымъ въ лучахъ пурпурныхъ утра,
Разсѣется безслѣдно. Ты иль сынъ твой

Великое увидите. Но внемли:
Ужъ въ грудь твою ликующей волною
Врывается весны живящій лепетъ,
И бодрый гость живыхъ надеждъ стучится;
Онъ лишь того, кто молодъ, посѣщаетъ,
И никогда старикъ не слышитъ въ сердцѣ
Его призывъ стыдливый и кипучій.
Проснись душой,—не ты одинъ проснешься.
Великое свершается... Я знаю
И боль родовъ, и муки агоніи..."

И я вскочилъ, видѣньемъ пораженный.
Лобзанья солнца быстро угасали
На каменныхъ развалинахъ, и вѣтеръ
Заботливо изъ сумерекъ покровъ
Набрасывалъ на дрогнущую землю;
На небесахъ темнѣвшихъ проступали
Узоры звѣздъ все ярче и лучистѣй,
Какъ въ старости, сквозь тьму могилы близкой,
Все ярче и отчетливѣе свѣтятъ
О прожитыхъ годахъ воспоминанья.
Стрѣлою ночь летѣла мнѣ на встрѣчу,
А у меня въ душѣ всходило солнце...

II.

ВОЗВРАЩЕНІЕ.

Надъ моремъ голубымъ прекрасная весна
Въ тѣни зеленыхъ пальмъ задумчиво стояла.
Печальный взоръ ея туманился. Она
Устами блѣдными шептала:

„Пора! Мнѣ душно здѣсь. Все расцвѣло кругомъ
Самодовольною, безстыдной красотою:

Вотъ кипарисъ застылъ въ величіи нѣмомъ,
Одѣлись кактусы бронею;

„Вотъ жирныхъ маслинъ спитъ лѣнивая семья;
Вонъ померанцевъ лѣсъ зардѣлся горделиво...
Я—лишняя средь нихъ. На что теперь имъ я
Съ моею ласкою стыдливой,

„Съ моими чарами безплотными, какъ сонъ
Съ моими грезами, воздушными, какъ тѣни?
Что̀ въ тайнахъ призрачныхъ тому, кто опьяненъ
Восторгомъ знойныхъ наслажденій?

„Пора! Манитъ меня иная сторона.
Подъ бѣлымъ пологомъ лежитъ она стыдливо
И первой ласки ждетъ, и грудь ея полна
Любви тоской нетерпѣливой...

„Пройдусь я по снѣгамъ,—растаетъ гладь снѣговъ,
Взгляну на голый лѣсъ,—лѣсъ зашумитъ привѣтно,
И дремлющій ручей на ласковый мой зовъ
Очнется съ ласкою отвѣтной.

„Пора! Тамъ ждутъ меня... Повсюду притаясь,
Трепещутъ юныя, зиждительныя силы!..."
Сказала и, взмахнувъ крылами, понеслась
На сѣверъ дремлющій и милый.

П. Я. (М. РАМШЕВЪ).

Къ родинѣ.

За что любить тебя? Какая ты намъ мать,
Когда и мачиха безчеловѣчно-злая
Не станетъ пасынка такъ безпощадно гнать,
Какъ ты дѣтей своихъ казнишь, не уставая?
Любя, дала-ль ты намъ одинъ хоть красный день?
На нашъ весенній путь, раскинутый широко.
Не навела-ль съ утра унылой тучи тѣнь,
По каплѣ кровь изъ насъ не выпила-ль до срока?
Не ты-ль губила насъ, какъ яростный тиранъ,
Во мракѣ безъ зари живыми погребала,
Гнала на край земли, подъ кровлю чуждыхъ странъ
Во цвѣтѣ силы убивала?...
Узъ чувства не щадя, святѣйшихъ узъ любви,
Счетъ не теряла-ль ты безсмысленнымъ терзаньямъ,
Не отдавала-ль насъ на жертву поруганьямъ,
Лишь омываемымъ въ крови?
Ты сожигала насъ томительной отравой,

Порывы славныхъ дѣлъ въ зародышѣ губя,
Изъ лучшихъ жизни дней создавъ кошмаръ кровавый....
Какая же мать ты намъ! За что любить тебя?
За что, не знаю я, но каждое дыханье.
Но каждый помыселъ мой, всѣ силы бытія
Тебѣ посвящены. тебѣ до издыханья;
Любовь моя и жизнь—твои, о мать моя!
И чтобъ еще хоть разъ твой горизонтъ обширный
Мой глазъ увидѣть могъ, твой сѣрый небосводъ,
Сосновый боръ вдали. сверканье рѣчки мирной,
И нивы скудныя и кроткій твой народъ,
За то, чтобъ день одинъ могъ снова подышать я
Свободою полей и воздухомъ лѣсовъ,
Я крестъ нести бы радъ безъ стона и проклятья,
Тягчайшій изъ твоихъ безчисленныхъ крестовъ.
Я-бъ умереть готовъ безъ тайныхъ сожалѣній
Въ лохмотьяхъ нищеты, въ недугѣ роковомъ.
На кучѣ мусора подъ чуждымъ мнѣ окномъ
Въ жалчайшемъ изъ твоихъ заброшенныхъ селеній! ..

*
* *

Страдай одинъ!... Въ себѣ носи
Твои правдивыя мученья
И, точно нищій, не проси
У встрѣчныхъ взора сожалѣнья!
Слѣды унынья глубже спрячь
И въ день тоски, закрывши двери,
Въ тиши ночной, одинъ оплачь
Свои утраты и потери!

Страдай одинъ!.... Въ твоей груди,
Не у людей,—твое спасенье:

Въ ея сокровищахъ найди
И свѣтъ, и гордое терпѣнье.
А если часъ ударилъ твой,
И всѣ надежды пережиты,—
Ну что же? Сгибни, какъ герой,
Разбей свой кубокъ недопитый!

Молитва.

Дни настали слезъ и гнѣва,
Скорби лютой, страха дни!
Звукъ веселаго напѣва
Смолкъ, погашены огни...
Въ эти дни, когда такъ много
Соблазнившихся, о ней—
Правдѣ вѣчной, правдѣ Бога,—
Я одинъ въ тиши ночей,
Съ кроткимъ сердцемъ, тихимъ плачемъ
Повергаюсь передъ нимъ.

Къ тѣмъ мольбамъ моимъ горячимъ,
Къ тѣмъ мольбамъ моимъ святымъ,
Сильный гнѣвомъ, чуткій слухомъ,
Боже!... слухъ твой преклони:
Чтобы ради слабыхъ духомъ
Сократились эти дни.

*
* *

Не счастье я тебѣ принесъ!
О нѣтъ, я это знаю, знаю;
Я каждый день твой отравляю
Отравою незримыхъ слезъ.

*
* *

Ты плакать, гордая, не стала-бъ—
И муку пытки приняла-бъ
Безъ слезъ и безъ напрасныхъ жалобъ,
Но много плакать ты могла-бъ.

*
* *

Цѣпями насъ судьба сковала:
Ни въ даль меня умчавшій валъ,
Освирѣпѣвъ, ихъ не порвалъ,
Ни ты сама ихъ не порвала!

*
* *

Не разъ, любовь мою проклявъ,
Рвалась на волю ты со злобой,—
И вновь, къ груди моей припавъ,
Клялась любить меня до гроба!...

Падающая звѣзда.

Звѣздное небо, нѣмое, чудесное...
Ярко блеснувъ, какъ опалъ,
Падаетъ звѣздочка: въ царство небесное
Душу Господь отозвалъ.

*
* *

Бѣдная! Долго ей ночь неразсвѣтная
Жизни темницей была,
Вихрь уносилъ ея грезы завѣтныя
Въ море неправды и зла...

*
* *

Сжалился Богъ; колесницу прекрасную
Съ ангеломъ кроткимъ за ней онъ послалъ,—
Людямъ-же звѣздочкой чудною, ясною
Божій посланникъ предсталъ.

Успокоеніе.

Яркія звѣзды горятъ надъ землей:
Тамъ, гдѣ владычицей ночь безконечная,
Движутся стройной, могучей толпой
Хоры ихъ дивные, вѣчные.

Тихо тамъ, тихо, какъ въ храмѣ святомъ
Въ часъ, когда нѣтъ въ немъ докучнаго пѣнія...
Не оттого-ли и въ сердцѣ моемъ
Къ небу такое стремленіе?

Черною злобой устала дышать
Эта душа молодая, мятежная,
И обняла ее кротко, какъ мать,
Ночь безконечная, тихая, нѣжная.

Матери.

Орлица дѣтище свое
Въ разсѣлинѣ скалы укрыла.
Окрѣпъ птенецъ—и быстрокрылый
Умчался, позабывъ ее.

Ей не догнать его! Въ движеніе
Мятежныхъ браней и удачъ

Ему-ль доступно сожалѣнье?...
Не плачь, о мать моя, не плачь!

Настанутъ дни: худой и блѣдный,
Во прахъ низвергнется боецъ,
И съ головы его побѣдной
Сорвется царственный вѣнецъ...

Тогда-то, въ дни ночей темнѣе,
Забытъ, осмѣянъ, заклейменъ,
Средь милыхъ тѣней и именъ,
Всего теплѣй, всего нѣжнѣе

Тогда тебя я вспомяну,
Тебя, кто душу далъ мнѣ въ мукахъ,
И въ лебединыхъ струнныхъ звукахъ
Свою безпечность прокляну!...

Портретъ.

Странная дѣвушка.... Вѣчно веселая,
Какъ ты свой вѣкъ прожила?
Голосъ серебряный; косы тяжелыя,
Смертная блѣдность чела...
Изъ-подъ бровей, округленныхъ рѣшительно,
Звѣзды сіяютъ очей;
Смѣхъ неустанный звучитъ заразительно,
Какъ у безпечныхъ дѣтей...
Что̀ означаетъ онъ? Какъ эту ясную
Душу въ себѣ ты спасла?
Мимо-ль тебя съ непогодой ужасною
Темная туча прошла?
Часто казалось мнѣ—думой унылою

Вдругъ омрачалось чело:
Мигъ..... и улыбкою дѣтскою, милою
Снова, глядишь, расцвѣло!
Снова порхаешь ты птичкой болтливою
Между печальныхъ подругъ
И оживляешь бесѣдой шутливою
Ихъ затуманенный кругъ.
А межъ тѣмъ.... Въ мою душу сомнѣніе
Черной змѣею ползетъ:
Слава о тяжкомъ крестѣ и терпѣніи
Вслѣдъ за тобою идетъ.
Сонъ, позади тебя—терномъ повитая,
Молодость грустно стоитъ,
Сны золотые до срока убитые
Злобой неправдъ и обидъ!
А впереди... О, какая глубокая
Тьма неразсвѣтныхъ ночей!
Жизнь догоритъ, какъ свѣча одинокая.
Жизнь далеко отъ друзей.....
Что-же, смѣешься ты плача достойная?
Чаша еще-ль не полна?
Тише! Веселость твоя безпокойная
Мнѣ, какъ рыданье, страшна.

Въ деревнѣ.

Какъ въ сказкѣ я живу.... Чуть утро зарумянитъ
Верхи сосновыхъ рощъ, и въ окна солнце взглянетъ,
Меня ужъ будитъ рогъ призывный пастуха.
О, я поклясться-бъ могъ, не побоясь грѣха,
Что въ жизни не слыхалъ такихъ я звуковъ странныхъ

Изъ дѣтскихъ грёзъ они и сновъ благоуханныхъ!
И долго чудный рогъ не устаетъ звучать.
Но мнѣ, лѣнивцу, глазъ не хочется разжать;
Мнѣ снится, что колдунъ, завидѣвъ станъ враждебный,
Раскинутый вблизи, трубитъ въ свой рогъ волшебный...

Мой день еще великъ, и много въ немъ чудесъ.
Вхожу-ли полднемъ я въ пышнокудрявый лѣсъ,
Давитъ меня его торжественная дума,
За мертвой тишиной волна глухого шума....
А подъ вечеръ какъ свѣжъ березъ ожившихъ листъ!

Какихъ тутъ звуковъ хоръ, веселый трескъ и свистъ!...
Протяжно вдалекѣ кукушка прокричала,
Проплакалъ ястребокъ, телѣга простучала...
И вотъ по просѣкѣ, наѣзженнымъ путемъ,
Труситъ себѣ рысцой съ понурымъ мужичкомъ.

Нехитрая на видъ, мохнатая клячонка.
Замедленъ ходъ колесъ; кургузая шляпенка
Съ затылка падаетъ въ почтеніи нѣмомъ...
Родной, забытый видъ, онъ кажется мнѣ сномъ!
Не мудрый разговоръ: куда, да кто? откуда?

И самъ себѣ кажусь я чѣмъ то вродѣ чуда.—
Скиталецъ сумрачный съ разбитою ладьей,
Обнявши вновь порогъ отчизны дорогой,
Готовый вновь любить и вѣрить въ царство свѣта,
Печальной родинѣ слагая гимнъ привѣта.

Забытый другъ.

Когда, ледяное молчанье храня,
Угрюмыя стѣны меня обступили....

. . . .

И трупомъ лежалъ я, и твердой руки
Подать не пришелъ сострадательный геній,
И умъ былъ исполненъ безумной тоски,
Холодныхъ и горькихъ сомнѣній,—
Однажды, я помню, въ полуночный часъ
Услышалъ я голосъ желанный: «Воскресни'
Не все еще взято судьбою у насъ,
Не всѣ еще спѣли мы пѣсни».
И поднялъ усталую голову я
На зовъ благодатный надежды и свѣта:
То—муза, то—бѣдная муза моя,
Она не забыла поэта!
Сквозь крѣпкія стѣны, затворы дверей,
Какъ голубь залетный, какъ вѣсть утѣшенья,
Впорхнула, чтобъ ласковой пѣсней своей
Смягчить мою скорбь и мученья.
Она, чьей любви матерински-святой
Платилъ я скупымъ и холоднымъ вниманьемъ,
Кого лишь украдкой, измученъ борьбой,
Дарилъ торопливымъ лобзаньемъ,
Она, что была такъ грустна и блѣдна,
Пугливо глядѣла рабою забитой,
Теперь, какъ царица, явилась она,
Прекрасна, какъ сонъ позабытый!
Друзьями старинными встрѣтились мы
Безъ горечи въ сердцѣ, съ тепломъ всепрощенья.
О, помню ту ночь я подъ пологомъ тьмы,
Блаженную ночь просвѣтлѣнья!
И страхъ, и сомнѣнья прогнали мы прочь
И, словно какъ дѣти, мы стали сердцами,
То громко смѣяться хотѣли всю ночь,
То горькими плакать слезами!
Я все ей повѣдалъ, я все ей открылъ—
Мою изболѣвшую ранами совѣсть,

И какъ я боролся, и какъ я любилъ,
И всю мою скорбную повѣсть....
Съ тѣхъ поръ я ужъ не былъ покинутъ и сиръ.
И часто мы громы съ небесъ призывали,
Но чаще любовь призывали и миръ
И чаще врагамъ мы прощали...
— О, другъ мой! меня не могила страшитъ,
Не ужасъ забвенья, вражды съ клеветою,
Не край чужедальній, гдѣ вьюга шумитъ,
Но только разлука съ тобою!
Дочь свѣта! меня не покинь ты, молю,
И въ часъ, какъ смежитъ мнѣ потухшія вѣжды,
Пропой мнѣ послѣднюю пѣсню свою,
Прощальную пѣсню надежды!

*
* *

Дороже райскихъ благъ, всего, друзья, что есть
Для васъ святого во вселенной,
Сокровищъ больше всѣхъ цѣните вашу честь,
Души алмазъ неоцѣненный!
Блюдите этотъ кладъ, какъ дѣвушка свой стыдъ,
Отъ юныхъ дней и до могилы,
И пусть ни злато васъ собою не прельститъ,
Ни поцѣлуй и смѣхъ Далилы.
Ни слезы матери, ни дряхлый вѣкъ отца,
Ни видъ уже готовой казни—
Пусть вашей гордости не сломятъ до конца,
Открывши сердце для боязни!
Не вѣрьте разуму, когда онъ скажетъ вамъ,
Что не измѣна—ходъ лукавый,
Что можно смыть съ души вины случайный срамъ
Годами подвиговъ и славы.
Не вѣрьте: слабости то шепчетъ духъ больной....
. . . .

И если побѣдитъ сомнѣнья горькій часъ
И роковое зло свершится,—
О, знайте: нѣтъ людей, на вѣкъ несчастнѣй васъ,
И лучше-бъ въ міръ вамъ не родиться!
Ничто, ничто печаль души не усыпитъ,
Она растетъ, растетъ съ годами....
Довольный врагъ вамъ жизнь, свободу возвратитъ,
Осыплетъ золотомъ, дарами;
Свобода будетъ васъ душить, какъ сводъ тюрьмы,
Червонцы руки жечь вамъ станутъ;
Друзья.... О, скорбь! О, стыдъ!—друзья, какъ отъ чумы,
Отъ васъ испуганно отпрянутъ.
Потупитъ взоръ отецъ; мать, дорогая мать,
Родникъ прощенья безконечный,
Грустя о васъ, очей не будетъ осушать...
Міръ обречется въ трауръ вѣчный!
Но пусть простятъ друзья... иль пусть молчитъ пока
Легенда вашего позора:
Коснется-ль вашихъ рукъ товарища рука—
Вы стыдъ почувствуете вора.
Во взглядѣ любящемъ прочтете вы укоръ,
Въ бесѣдѣ дружбы—подозрѣнье;
Все кто-то будетъ вамъ шептать: «Позоръ! позоръ!
Презрѣнье, вѣчное презрѣнье!»
Чрезъ много, много лѣтъ, когда попавъ опять
Въ водоворотъ борьбы кипучей,
Найдете счастье вы, какое можетъ дать
Бойцу вѣнецъ его колючій,
Не разъ, какъ Божій громъ съ безоблачныхъ небесъ,
Какъ адскій духъ средь кущей рая,
Мелькнетъ забытый сонъ.... И солнца свѣтъ исчезъ,
И сердце сжала боль тупая!

. . . .

Отклики.

I.

Поэтовъ нѣтъ! не стало свѣтлыхъ пѣсенъ,
Будившихъ міръ, какъ предразсвѣтный звонъ.
Какъ горизонтъ невыносимо тѣсенъ,
И какъ унылъ тягучій жизни сонъ.
И гра̀жданъ нѣтъ... О, сколько благородныхъ,
Красивыхъ словъ, но... лишь безплодныхъ словъ!
Въ ненастный день не больше волнъ холодныхъ
Рокочетъ у скалистыхъ береговъ.
А между тѣмъ, все такъ же небо сине,
Душисты рощи, нивы и цвѣты;
Въ пучинахъ звѣздъ, въ толпѣ людской, въ пустынѣ
Все столько же безсмертной красоты.
И такъ же скорбь безмѣрна, скорбь людская!...
. . . .

II.

Оборванъ у музы цвѣтущій вѣнокъ,
И звучныя пѣсни допѣты.
Зловѣще молчанье, и сумракъ глубокъ...
О, геній поэзіи, гдѣ ты?
Гдѣ голосъ твой прежній, что̀ юность зажечь
Умѣлъ вдохновеньемъ и страстью?
Свободная, пылкая, честная рѣчь
Съ ея обаяньемъ и властью?
Ужели навѣкъ ты отъ насъ отвратилъ
Свой ликъ лучезарно-прекрасный,
И свѣтъ твой—не утра предвѣстникомъ былъ,

А ночи тревожно-ненастной?..
О, нѣтъ! Эти тучи безсилья и сна
Промчатся надъ родиной бѣдной—
И снова придешь ты, какъ счастья весна,
Въ сіяніи власти побѣдной!
И пѣсня, поникшая грустно челомъ,
Какъ птица въ предчувствіи бури,
Очнется внезапно, ударитъ крыломъ
И гордо взовьется къ лазури!

---

*
* *

Въ безмолвіи ль по́лночи,
Въ тревогѣ ли дня,
Во снѣ, за работою,
Вездѣ близъ меня,
Какъ призракъ блуждающій,
Покоя не знающій,
Мелькаетъ грустя,
Лицо твое кроткое,
Лицо твое блѣдное,
Дитя мое милое,
Дитя мое бѣдное,
Родное дитя!

Все снится мнѣ мертвая
Несчастья страна:
Одѣтая холодомъ
Снѣговъ пелена,
И ты, въ нихъ зарытая,
Былинка забытая...
Какъ будто грустя,
Вокругъ тебя шепчется
Тайга неизслѣдная:
„Дитя беззащитное,
Дитя наше бѣдное,
Больное дитя!“

Чѣмъ другу несчастному
Помочь я могу?
Шепчу лишь безсильныя
Проклятья врагу
Да съ тайною мукою,
Какъ няня, баюкаю,
Лаская, грустя,
Видѣніе нѣжное,
Видѣніе блѣдное:
—Дитя мое сирое,
Дитя мое бѣдное,
Родное дитя!...

Изъ глуши.

Ни дружеской руки, ни любящаго взгляда,
Чтобъ вѣру поддержать, чтобъ горе усладить!

. . . .

Все отнято навѣкъ. Убиты до расцвѣта
Любви и счастья сны. Средь холода и тьмы,
Съ душою, полною тепла, добра и свѣта,
Не грѣя, не свѣтя, должны угаснуть мы!
Угаснуть безъ слѣда, въ тоскѣ невыразимой,
Въ порывахъ ярости, безсильныхъ, какъ мечта...

. . . .

О, безъ названья скорбь,—страданье для забвенья!...
Но, нѣтъ не можетъ быть! Есть правда въ небесахъ:
Когда и смерть и жизнь—одной лишь цѣпи звенья,
Когда въ вѣкахъ живетъ и нашъ бездушный прахъ,
Когда листокъ въ лѣсу не упадетъ безплодно
И вѣтеръ не вздохнетъ, чтобъ не оставить слѣдъ,
Коль это правда все,—скорбямъ души свободной,
Я вѣрю, о друзья, забвенья въ мірѣ нѣтъ!
Какъ грозный океанъ, волнуясь съ плескомъ мѣрнымъ,
Родъ человѣческій, сквозь сумракъ золъ и бѣдъ,
Путемъ медлительнымъ, но неуклонно-вѣрнымъ
Идетъ, за шагомъ шагъ, впередъ, гдѣ брежжетъ свѣтъ.
Тамъ вѣчный день встаетъ: тамъ ни вражды, ни муки,
Свободный, лучшій міръ... Еще рабы страстей,
Все-жъ лучше мы отцовъ,—и также наши внуки
Достойнѣй будутъ насъ названія людей.
Я знаю: на костяхъ погибшихъ поколѣній
Любви и счастія прекрасный свѣтъ взойдетъ;
Кровь теплая бойцовъ и слезы ихъ мученій
Лишь почву умягчатъ, чтобъ дать сторичный плодъ.
Изъ груды ихъ крестовъ создастся рядъ ступеней,
Ведущихъ родъ людской къ высокимъ небесамъ:

Свершится дивный сонъ, и свѣтлыхъ райскихъ сѣней
Достигнетъ человѣкъ и станетъ богомъ самъ.
—О, какъ горитъ звѣзда невѣдомаго счастья!
Какъ даль грядущаго красна и широка!
Что значатъ передъ ней весь этотъ мракъ ненастья,
Всѣхъ этихъ мукъ и слезъ безумные вѣка?

Кузнецы.

Мѣхъ гудитъ и дышитъ шумно,
Близъ горна кромѣшный адъ,
Въ пляскѣ бѣшено-безумной
Милліоны искръ летятъ.
Скачутъ огненныя стрѣлы,
Спѣетъ варъ... И громъ, и шумъ!
Плавны, быстры и умѣлы
Взмахи молота: дзинъ! бумъ!

Вотъ кузнецъ... Онъ весь—забота,
Черенъ, страшенъ, будто гномъ;
Щеки, мокрыя отъ пота,
Краснымъ свѣтятся огнемъ.
Ломитъ спинушку больную,
Очи жжетъ, мутится умъ;
Но кормилицу мірскую—
Соху онъ куетъ: дзинъ! бумъ!

Крѣпче, ноженьки, держите,
Не катись слеза изъ глазъ!
Бѣды жизни проходите,
Но блесни и свѣтлый часъ!
Чу, какъ будто ада звуки,
Пламя, грохотъ, визгъ и шумъ...

А натруженныя руки
Ходятъ весело: дзинъ! бумъ!

Такъ и вы, друзья народа,
Кузнецы земли родной,
Стойте бодро въ дни невзгоды
У горна борьбы святой.
Пусть грохочетъ непогода:
Молотъ вашихъ мышцъ и думъ
Счастье выкуетъ народа,
Волю—долю: дзинъ! дзинъ! бумъ!

Человѣкъ.

Природа говоритъ: «Пускай ты царь творенья—
Кто далъ тебѣ, скажи, вѣнецъ твой золотой?
Уже-ль ты возмечталъ въ безумномъ ослѣпленьи,
Что я раба твоя, а ты властитель мой?
Частицу тайнъ моихъ тебѣ постичь дала я,
И ты возмнилъ, пигмей, что всю меня позналъ?
Что дерзко заглянулъ въ мое святыхъ святая
И свой тамъ начерталъ законъ и идеалъ,
„Глупецъ! Я захочу—и, пораженный страхомъ,
Покорнѣй станешь ты моихъ смирнѣйшихъ псовъ.
Я землю потрясу—и разлетится прахомъ
Величіе твоихъ гигантовъ—городовъ!
Я вышлю грозный моръ съ его сестрой—войною,
Цвѣтущія поля я превращу въ пески,
Я разолью моря, одѣну солнце мглою—
И взвоешь ты, какъ звѣрь, отъ боли и тоски!
„Повѣрь, мнѣ дѣла нѣтъ ни до твоихъ стремленій,
Ни до твоихъ надеждъ. Я знаю лишь числа
Безжалостный законъ. Ни мукъ, ни наслажденій,
Ни блага, ни добра нѣтъ для меня, ни зла.

II.

Такъ въ вихрѣ, въ молніяхъ, въ грозѣ стихій—Природа
Гремитъ, какъ легіонъ нездѣшнихъ голосовъ.
Но съ поднятымъ челомъ, и съ возгласомъ: „свобода“!
Въ обѣтованный край своихъ лазурныхъ сновъ,
Сквозь бурю, ливень, мракъ, къ долинѣ тихой рая,
Шатаясь, падая подъ ношей крестныхъ мукъ,
Впередъ идетъ титанъ, на мигъ не выпуская
Хоругви мятежа изъ напряженныхъ рукъ.
И гордо говоритъ:
«Кто-бъ этотъ пылъ священный
Мнѣ въ душу не вдохнулъ, карая иль любя,
Игра бездушныхъ силъ, иль разумъ сокровенный,
Вновь погасить его нѣтъ власти у тебя!
Казни меня, бичуй—пощады не прошу я,
Но знай: и ты во мнѣ пощады не найдешь!
На грозный бой тебя, на смертный бой зову я—
Цѣпями ты мой трупъ холодный окуешь!
„Мертва ты и слѣпа, въ своей красѣ суровой,
А я согрѣтъ огнемъ безсмертнаго ума.
Изъ книги бытія, законодатель новый,
Я вычеркну порокъ, скажу: погибни тьма!
«Скажу: зажгись, разсвѣтъ! Взойди эдемъ въ пустынѣ,
Гдѣ потъ я засѣвалъ кроваваго труда!
И будешь ты сама служить моей святынѣ,
Иль я съ лица земли исчезну навсегда!»

Снова въ душѣ загораются
Слезы, гроза и смятеніе,
Снова встаютъ—улыбаются
Счастья былого видѣнія!

Въ ужасахъ доли скитальческой,
Въ дальнихъ снѣгахъ угасающій,
Снится мнѣ—бодрый, сіяющій.
Образъ твой блѣдный страдальческій
Снится мнѣ—путы порвалися:
Къ другу спѣшишь ты, веселая...
Косы вкругъ плечъ разметалися,
Черныя косы, тяжелыя...
Взоръ загорѣлся плѣнительно,
Голосъ серебряный чудится..
Вѣрить хочу я мучительно—
Грёза блаженная сбудется!
Сбудется, вѣрь мнѣ, желанная!
Слишкомъ ужъ хочется счастія,
Слишкомъ томитъ неустанная
Жажда любви и участія!
Мы на пиру мірозданія
Были ненужные зрители,
Зноемъ и нѣгой лобзанія
Сердца еще не насытили.
Общимъ судомъ не развязаны
Наши вопросы несмѣтные,
Въ тайныхъ рѣчахъ не досказаны
Думы завѣтныя!

Сестрѣ.

Печально прошла твоя жизнь, моя бѣдная!
Какъ осень холодная, хмурая, блѣдная,
Безъ радостей дружбы, безъ свѣта любви,
Мелькнули всѣ лучшіе годы твои.
Природа, какъ дочь, не родную, постылую,
Тебя красотой обдѣлила и силою;
Сокровища-жъ сердца... Что радости въ нихъ?
Кто перлы считаетъ въ пучинахъ морскихъ?

Въ себѣ ты родникъ отыскала терпѣнія,
Въ душѣ твоей жившаго свѣтлаго генія,
Струившаго волны аккордовъ святыхъ
Изъ блѣдныхъ и немощныхъ пальцевъ твоихъ.
И мертвыя струны подъ чудными звуками
Дрожали живыми слезами и муками,
Тоскуя, надѣясь, мечтая, любя,
И свой лучезарный былъ міръ у тебя!...

Но темная сила, пощады не знавшая,
Проклятьемъ на всей твоей жизни лежавшая,
Дорогу и въ этотъ лазурный эдемъ
Тебѣ заградила, навѣкъ и совсѣмъ:
Изсохли, упали, какъ плети ненужныя,
До срока до времени руки недужныя,
И гибель, конечная гибель грозой
Нависла надъ жизнью твоей дорогой...

Закрылся рояль—и затихли рыданія,
Уснули мечты... Ни мольбы, ни роптанія!
А какъ твое сердце дрожало въ тиши,
Какъ плакали нѣжныя струны души,
Да очи твои молодыя, безвинныя,
Какъ слезы ихъ ночи лишь видѣли длинныя.—
—Кто знаетъ объ этомъ? Упавшей во тьму
Звѣзды не найти никогда никому.

И въ эту-то ночь твоей жизни безбрежную
Всю душу свою милосердную, нѣжную,
Со всѣми дарами любви и тепла
Чужому несчастію ты отдала.
И къ скорбному брату, бойцу недобитому,
При жизни въ глухую могилу зарытому,
Въ юдоль безъисходныхъ сомнѣній и мукъ,
Какъ ангелъ небесный, явилась ты вдругъ.

Явилась какъ кроткая вѣсть утѣшенія.
Любви безъ конца, упованья, терпѣнія,—
И гдѣ та любовница въ мірѣ, та мать,
Къ которой бы могъ я тебя приравнять?
Награды-ль себѣ ты просила, родимая?
Ахъ! даже пѣснь моя, тайно хранимая
Твоей, незнакомой съ корыстью, рукой,
Мой другъ, не тебѣ отзывалась—другой!..

Теперь, когда дни воротились ненастные,
И ты далеко, мое солнышко ясное,
И некому выплакать горечь обидъ,
И такъ я безсиленъ, такъ всѣми забытъ:
Теперь, когда, правду извѣдавъ жестокую,
Страшась за дорогу твою одинокую,
Послѣднюю кровь я отдать бы готовъ,
Лишь былъ-бы твой жребій—не столько суровъ.

Въ часы трудовые, и въ полночь угрюмую
Черты дорогія зову я и думаю:
„О, Слава! нѣтъ правды въ рѣшеньяхъ твоихъ,
Ты только красивыхъ цѣлуешь и злыхъ.
Но если бы я былъ судьей надъ вселенной,
Тебя я короной вѣнчалъ бы нетлѣнной,
Тебя-бъ на вершины безсмертья вознесъ...
О сердце великое, полное слезъ!

*
* *

Если, чувствуя вѣры священное пламя,
Знаешь ты, что не въ силахъ его погасить
Ни друзья, ни враги, что великое знамя
Въ битвѣ правой нести—для тебя значитъ «жить»,

Что любить, не страдая душой, невозможно
Для того, кому чуткое сердце дано...
А спокойное счастье—химерно и ложно,
Такъ какъ всюду кругомъ безотрадно темно...

Если такъ, о, мой братъ! Не сдавайся трусливо!
Жизнь—борьба, а не сонъ. Пока есть
Искра жизни—борись! Сбереги горделиво
До конца свою вѣрность святынѣ и честь.

*
* *

Разсѣянъ мракъ, завѣса поднята,
И въ первый разъ я сознаю безъ страха,
Что умерла о счастіи мечта,
И не подняться ей изъ праха!
Что сожалѣніе—смѣшно,
И лишь дитя такъ долго стонетъ
О томъ, что разъ погребено:
Пусть мертвыхъ мертвые хоронятъ!
Что намъ до мертвыхъ? Разбудить,
Воззвать ихъ къ жизни мы не въ силахъ.
Пока есть капля крови въ жилахъ,
Не будемъ плакать на могилахъ:
Идемъ бороться, мыслить, жить!
Тамъ, гдѣ тревоги и ненастья,
Тамъ счастье любящимъ сердцамъ,
Удѣлъ же призрачнаго счастья
Оставимъ трусамъ и глупцамъ!

*
* *

Я твой, земля! Твои страданья,
Твои восторги мнѣ сродни,

Листка понятно мнѣ шуршанье
И лепетаніе струи.
Я—твой! И волновать до гроба
Земная будетъ жизнь меня—
Ея тоска, любовь и злоба,
Заботы вѣчности и дня.
Люблю на крыльяхъ грезы вольной
Въ края надзвѣдныя летать,
Но страшно мнѣ отчизнѣ дальной
Прости послѣднее сказать!
Тамъ, говорятъ, міръ безтѣлесный
И много благъ въ томъ мірѣ есть..
О, если такъ, то міръ небесный
Хотѣлъ бы силой я чудесной
Сюда, на землю, перенесть!
Когда же смерть погаситъ очи
И умертвитъ мой чуткій слухъ,—
Ни блеска дня, ни мрака ночи
Не различитъ уже мой духъ:
То будетъ смерть иль прозябанье...
О, нѣтъ, земля! Я—твой, я—твой!
Жить есть во мнѣ еще желанье,
Но только жизнію земной.
Я—твой. И силою чудесной,
Какая только въ мірѣ есть,
Хотѣлъ-бы я и рай небесный
Сюда, на землю, перенесть!

Веселый лучъ.

Веселому лучу денницы золотой
Однажды удалось въ окнѣ тюрьмы глухой
Минутнымъ гостемъ появиться.

И узнику ея шепталъ онъ съ вышины,
Что всюду по землѣ промчался богъ весны,
Что все должно перемѣниться!

«Ужъ цѣпи я сорвалъ съ гремучаго ручья,
«Ужъ пухомъ зелени луга украсилъ я;
«Уже проснулся и глядится
«Въ лазури вешнихъ водъ еще прозрачный лѣсъ,
«И жаворонка пѣснь звенитъ среди небесъ...
«И все должно перемѣниться!»

И чу! Вотъ подъ окномъ безпеченъ и шумливъ,
Промчался птичекъ рой, крича наперерывъ
О томъ, какъ весело рѣзвиться,
О тепломъ солнышкѣ, о травкахъ полевыхъ:
Всѣ пѣли радостно, что въ вольномъ царствѣ ихъ
Все, все должно перемѣниться!

И вдругъ, навстрѣчу имъ, и тамъ, въ душѣ больной,
Давно замученной, какъ трупъ давно нѣмой,
Въ своихъ цѣпяхъ уставшей биться,
Пѣвецъ таинственный (откуда, ктò—Богъ вѣсть)
Пропѣлъ желанную пророческую вѣсть:
«Все, все должно перемѣниться!»

Письмо.

Оно дрожитъ въ рукахъ моихъ,
Письмо любви, столь дорогое,
Гдѣ каждый знакъ и каждый штрихъ,
Все говоритъ мнѣ про былое:
Про дни, когда жилось теплѣй,
Свѣтлѣй въ грядущее глядѣлось,

Любилось искреннѣй, полнѣй
И жить такъ пламенно хотѣлось!
Безъ слезъ глядѣть я не могу
На этотъ почеркъ торопливый...
И это все теперь я жгу?
Сейчасъ сожгу рукой пугливой?...
О, нѣтъ,—вѣдь легче было-бъ мнѣ
Сжечь руку въ этомъ-же огнѣ!

Но... если чей неблагородный
Взоръ осквернитъ мой уголокъ?
Рукой безстыдной и холодной
Коснется кто завѣтныхъ строкъ?
Сердечныхъ лучшихъ струнъ коснется,
Надъ всѣмъ нахально насмѣется,
Растопчетъ каждый нѣжный цвѣтъ
Ногою грубою... О нѣтъ!
Гори скорѣй, гори безслѣдно,
Свидѣтель чистыхъ юныхъ дней!
Въ могилѣ памяти моей
Усни, усни, о призракъ бѣдный,
Гори скорѣй, гори скорѣй!...

Фаустъ.

Крикъ нетерпѣнья— и струны послушныя
Громомъ аккордовъ откликнулись вдругъ!
Фауста мрачнаго тайный недугъ
И Маргариты любовь простодушная

Ожили въ чудномъ созданьи мечты.
Ропотъ, и слезы, и смѣхъ чередуются...
А очарованнымъ взорамъ рисуются
Храмы, сады, и огни, и цвѣты.

Что за поэзія дивная, властная,
Близкая скорби завѣтной моей!
И, точно въ царствѣ заоблочныхъ фей,
Я твои очи встрѣчаю прекрасныя:

Дѣтскимъ восторгомъ сверкаютъ они!...
Мягкихъ кудрей я волну вижу зыбкую,
Вижу уста молодыя съ улыбкою—
Не омрачайте ихъ, черные дни!

Ахъ, неужль эти грёзы чудесныя—
Грубый обманъ, потѣшающій умъ?
Весь этотъ блескъ, этотъ праздничный шумъ,
Всѣ эти звуки небесные?!

Черезъ минуту все скроется, все:
Блѣдная жизнь колеею обычною
Вновь потечетъ пустотой безграничною,
Сердце терзая мое...

О! Если такъ... (Мои думы тяжелыя,
Боль мою ты вѣдь поймешь, милый другъ?)
Не преступленье-ль минута веселая,
Каждая греза и радостный звукъ!

Видишь: болитъ мое сердце безумное...
Плакать готовъ я надъ думой моей
И умолять тебя: „Бросимъ скорѣй
Зрѣлище шумное!...“

Не обвиняй меня! Вспомни что тамъ...
Тамъ за стѣною театра волшебнаго—
Море холоднаго мрака, враждебнаго
Нашимъ блестящимъ мечтамъ.

Ежится тамъ нищета! Тамъ утрачено
Жизни желанье! Тамъ горечь кипитъ,
Слово упрека, съ рыданьемъ звучитъ...
—Другъ мой! Кому оно втайнѣ назначено?...

О неужели-же намъ, для кого
Горе народное—горе великое,
Намъ, осудившимъ безправіе дикое,
Намъ, для которыхъ любовь—божество?

Тотъ же все блескъ, та же музыка шумная
Льется, гремя, сладкозвучной волной...
Плачетъ душа моя, стонетъ безумная,
Полная скорби святой...

Сократъ.

Въ кругу друзей, учениковъ
Сидѣлъ Сократъ приговоренный
И кубокъ смерти поднесенный
Спокойно выпить былъ готовъ.

Тогда, не вытерпѣвъ, рыдая,
Предъ нимъ склонился Архелай...
Колѣни старца обнимая,
Онъ говорилъ: «Не умирай!...

Еще не поздно.... кони близко....
Бѣжимъ! я стражу подкупилъ...»
Но сынъ великій Софрониска
Ему, съ упрекомъ возразилъ:

«Иль я, не воинъ, мечъ носившій
И побѣдившій въ оны дни?

На снѣгъ, мой волосъ убѣлившій,
На сѣть морщинъ моихъ взгляни.

Когда-бъ я, жалости послушный,
Въ бою *послѣднемъ* отступилъ,
Скажи—не всякій-ли-бъ рѣшилъ:
— Онъ былъ обманщикъ малодушный!

Такъ вотъ любили вы кого,
Закономъ вамъ чье было мнѣнье!
Такъ вотъ хваленый умъ его
И къ смерти гордое презрѣнье...

Когда-жъ не дрогну сердцемъ я—
Знай, честный пылъ моихъ ученій,
Моя вражда, любовь моя
Достигнутъ дальнихъ поколѣній.

Глупецъ! И это-ль я отдамъ
За лишнихъ двѣ иль три минуты?»
Сказалъ—и страшный ядъ цикуты
Поднесъ къ безтрепетнымъ устамъ.

Поѣздка вокругъ Байкала.

Зеленѣлъ Байкалъ сердитый,
Клокоталъ гремучій валъ;
По бокамъ вздымались грозно
Цѣпи горъ и кручи скалъ.
Утопая въ вихряхъ снѣжныхъ,
Тройка мчалась день и ночь,
Вдаль отъ родины желанной
И отъ счастья съ милой прочь!

Пурга злилась, бушевала,
И рыдала, и кляла,—
Заметая слѣдъ дорожный,
Все назадъ меня звала.
Чѣмъ темнѣй и безотраднѣй
На душѣ росла печаль,
Тѣмъ яснѣе и привѣтнѣй
Прошлыхъ дней свѣтлѣла даль.
И свѣтлѣла, и смѣялась
И вернуть сулила вновь
Неудавшуюся юность
И убитую любовь...
Но, съ стихіей буйной споря,
Тройка мчалась день и ночь,
Вдаль отъ молодости свѣтлой
И отъ счастья съ милой прочь!
Грохоталъ Байкалъ сердитый,
Зеленѣлъ гремучій валъ....
Впереди громадой темной
Возвышались груды скалъ.

*
* *

Я также пѣть бы могъ:
Заката пышный блескъ,
Луны сребристый рогъ,
Волны дремотный плескъ.
О, я, какъ вы-бъ, нашелъ
И нужный складъ, и слогъ,
Ко мнѣ не хуже-бъ шелъ
Дешевый вашъ вѣнокъ.

Но взоръ прозрѣвшій мой
Въ испугѣ увидалъ—
Въ печали край родной,
Въ позорѣ идеалъ.
И рай надеждъ моихъ
Развѣялъ, какъ миражъ—
Вотъ отчего мой стихъ
Такъ не похожъ на вашъ.

Л. Н. ТРЕФОЛЕВЪ.

На бѣднаго Макара и шишки валятся.

(*Русская пословица*).

I.

Макарамъ все не ладится. Надъ бѣдными Макарами
Судьба-злодѣйка тѣшится жестокими ударами.
У нашего крестьянина, у бѣднаго Макарушки,
Ни денегъ нѣтъ на черный день, ни бабы нѣтъ сударушки.
По правдѣ-то, и деньги есть: брянчитъ копейка мѣдная.—
И баба есть: лежитъ она, изсохшая и блѣдная.
Помочь-бы ей, да чѣмъ помочь?—Не по карману дороги
Всѣ лѣкаря и знахари, лихіе наши вороги.

II.

Макаръ бѣднякъ, любя жену, не знаетъ темной ноченьки,
Не спитъ, сидитъ, вздыхаючи, слезой туманя оченьки.
Слезами не помочь бѣдѣ—есть русская пословица,
А бабѣ-то, страдалицѣ, все пуще нездоровится.

— Не плачь, моя голубушка! — рѣшилъ Макаръ съ усмѣшкою:
Продамъ кобылку въ городѣ со сбруей и телѣжкою,
И заплачу я лѣкарю: онъ больно жаденъ, гадина!»
Вошелъ Макаръ въ пустой сарай: кобылка-то.... украдена.

III.

Настало лѣто красное. Стоятъ денечки красные.
И молятся отъ радости на церковь православные.
Повсюду пчелъ жужжаніе въ цвѣтахъ душистыхъ слышится
И рожь обильнымъ колосомъ волнуется, колышется.
Макаръ бѣднякъ утѣшился съ женой надеждой сладкою
И пляшетъ, какъ помѣшанный, предъ бабою, съ присядкою
Плясалъ, плясалъ, и выплясалъ, и рветъ въ досадѣ волосы
Ударилъ градъ.... и выбилъ всѣ Макарушкины полосы.

IV.

Макаръ печально думаетъ: — «Отправлюсь до Симбирска я
Есть у меня одинъ талантъ: есть сила богатырская
Достались отъ родителя мнѣ плечи молодецкія.
И буду я таскать суда тяжелыя купецкія».
Бурлачить сталъ Макарушка. Идетъ дорогой долгою,
Знакомится подъ лямкою съ кормилицею Волгою,
Поетъ свою «дубинушку» съ тоскою заунывною,
Домой-же возвращается съ одною мѣдной гривною.

V.

Проклявъ купца обманщика и дальную сторонушку,
Идетъ Макаръ на торгъ въ село продать свою буренушку
По ней ребята плакали, какъ будто о покойникѣ;
Жена бѣжала улицей въ изношенномъ повойникѣ
И голосила жалобно, больная, истомленная:
— «Прощай, моя скотинушка, прощай, моя кормленая»

Макаръ, вернувшись, кается передъ женою строгою:
—«Я деньги за корову взялъ, да... потерялъ дорогою».

VI.

Жена его осыпала и бранью, и упреками:
— Разбойникъ, простофиля ты! Какъ быть теперь съ оброками?
Ужъ сколько горя горькаго въ замужствѣ испытала я?
Я кашляю,—и кровь течетъ изъ горла блѣдно-алая...
Проси отстрочки подати!—И гонитъ въ изступленіи.
Макаръ пошелъ на судъ мірской; но въ волостномъ правленіи,
За недоимки старыя, какъ водится съ Макарами,
Не дешево отдѣлался... побоями, ударами.

VII.

Макара пуще прежняго грызетъ нужда проклятая.
Вдругъ слышитъ онъ: пріѣхала помѣщица богатая,
Такая добродушная, такая сердобольная,
Собою величавая и страшно богомольная,
Съ народомъ обращается безъ хитрости, не съ фальшею,
И величаютъ всѣ ее „почтенной генеральшею".
Макаръ бѣднякъ въ хоромы къ ней пришелъ за покровительствомъ,
Но... выгнанъ былъ, какъ пьяница, ея превосходительствомъ.

VIII.

Ошиблась крѣпко барыня. Не воръ онъ и не пьяница,
Да съ горя и Макарушкѣ понадобилась скляница.
Идетъ въ кабакъ Макаръ бѣднякъ нетвердою походкою,
Залить свою печаль-змѣю усладой русской—водкою;
Но баба цѣловальница не вѣритъ въ долгъ, ругается!

—«Вина-то здѣсь безплатнаго для всѣхъ не полагается,
Ступай назадъ, проваливай, не то скажу я сотскому!»
И побѣжалъ Макарушка стрѣлой къ лѣску господскому.

IX.

Лѣсочекъ былъ соснякъ густой. Шумѣли сосны дикія.
Повѣдалъ имъ Макарушка бѣды свои великія:
Какъ жизнь прошла нерадостно, какъ бѣдствовалъ онъ смолоду,
Какъ привыкалъ подъ старость онъ и къ холоду, и къ голоду.
Довольно жить Макарушкѣ, пришлось бѣднягѣ вѣшаться...
Но даже сосны старыя надъ горемыкой тѣшатся.
Онъ умереть сбирается, изъ глазъ слезинки выпали...
Вдругъ шишки, стукнувъ въ голову, всего его осыпали.

Грамотка.

Дарья молодка отъ радости плачетъ:
Есть письмецо къ ней,—изъ Питера, значитъ.
Стало быть, мужъ посылаетъ поклонъ.
Скоро ли самъ-то воротится онъ?
Не зачѣмъ медлить въ холодной столицѣ,
Время вернуться къ женѣ-молодицѣ,
Платьемъ-обновкой утѣшить ее...
Славное будетъ въ деревнѣ житье!
Сбѣгала Дарья къ дьячку Еремею,
Проситъ его:—«Я читать не умѣю.
Ты прочитай мнѣ, хоть ради Христа!
Дамъ я за то и новинъ, и холста».
Горло прочиствивъ забористымъ квасомъ,
Началъ читать онъ октавою—басомъ,
Свистнулъ отчаянно, въ носъ промычалъ,
И бородою, съ тоской, покачалъ.

— «Дарья голубушка! Вѣсти о мужѣ...
Жаль мнѣ тебя, горемычная, вчуже!
Слезъ понапрасну ручьями не лей....
Умеръ въ больницѣ твой мужъ Пантелей.»
Грохнулась оземь со стономъ бабенка.
— Какъ воспитаю безъ мужа ребенка?
Я вѣдь на сносяхъ!» — «Вижу я самъ.
Значитъ, угодно сіе небесамъ;
Значитъ, сіе испытаніе свыше.
Ты причитай, ради чада, потише!
Главное дѣло, терпѣнье имѣй!
Молвилъ любовно дьячокъ Еремей.)
Слушай, что пишутъ тебѣ изъ артели:
Васъ письмецомъ извѣстить мы хотѣли,
Что ужъ давненько, Великимъ постомъ.
Умеръ супругъ вашъ, и спитъ подъ крестомъ.
Плохи у насъ, у рабочихъ, квартеры:
Гибнемъ, какъ мухи, отъ тифа, холеры.
Всякихъ недуговъ нельзя перечесть,
Сколько ихъ — дьяволовъ — въ Питерѣ есть!
Тифъ и спалилъ, какъ огонь, Пантелея.
Грѣшную душеньку слезно жалѣя,
Мы пригласили попа. Причастилъ,
Добрый такой: всѣ грѣхи отпустилъ.
Гробъ мы устроили цѣлой артелью;
Вырыть могилу велѣли Савелью;
Дядя Гаврило и дядя Орестъ
Сдѣлали живо березовый крестъ.
Сенька (онъ грамотенъ больно, разбойникъ!)
Надпись наляпалъ: — «Спи, добрый покойникъ!»
Баринъ ее, эту надпись, читалъ,
Въ стеклышко щурясь, и вдругъ засвисталъ.
— «Что ты свистишь?» — обозлился Ананій.
Знаковъ не вижу....» — «Какихъ?» — «*Припинаній!*»

Добрые люди, чтобъ намъ удружить,
Знакъ и на мертвыхъ хотятъ наложить
Знаковъ наложено слишкомъ—довольно!...
Тутъ, умилясь, по душѣ, сердобольно
Выпили мы на поминкахъ...»

...За симъ
Слѣдуетъ подпись: «*Артельщикъ Максимъ.*»

*
* *

Дальше нѣтъ рѣчи о Дарьиномъ горѣ,
Дальше—поклоны: невѣсткѣ Ѳедорѣ,
Бабкѣ Оринѣ и братцу Ѳомѣ,
Теткѣ Матренѣ и Феклѣ кумѣ.

Два Мороза Морозовича.

СКАЗКА.

I.

Вѣтеръ холодный уныло свиститъ,
По полю тройка, какъ вихорь, летитъ.
Ѣдетъ на тройкѣ къ женѣ молодой
Старый купчина съ сѣдой бородой.
Ѣдетъ и думаетъ старый кощей:
То-то обрадую до̀ма жену!
Съ ней на лебяжьей перинѣ усну,
Утромъ молебенъ попамъ закажу:
Грѣшенъ я, грѣшенъ, мамонѣ служу!
Если мильонъ барыша получу,
Право, Николѣ поставлю свѣчу.

II.

Вѣтеръ, что дальше, становится злѣй,
Снѣгъ обметаетъ съ широкихъ полей,

Клонитъ верхушки березъ до земли.
Тройку, за вьюгой, не видно вдали.
Слѣдомъ за тройкой, въ шубенкѣ худой
Ѣдетъ мужикъ, изнуренный нуждой,
Ѣдетъ и думаетъ: — Чортъ-те возьми!
Плохо живется съ женой и дѣтьми;
Радъ я копейкѣ, не то, что рублю....
Грѣшникъ, казенныхъ дровецъ нарублю;
Если за нихъ четвертакъ получу,
Право, Николѣ поставлю свѣчу.

III.

Два молодца́ подъ березкою въ рядъ
Сѣли и вѣжливо такъ говорятъ:
— «Братецъ мой старшій, Морозъ Синій Носъ,
Что это вы присмирѣли давно-съ?»
— «Братецъ мой младшій, Морозъ Красный Носъ,
Я предложу вамъ такой-же вопросъ.»
— «Видите, братецъ, случилась бѣда:
Добрые люди не ходятъ сюда;
Только медвѣдицы злыя лежатъ,
Нянчатъ въ берлогахъ своихъ медвѣжатъ;
Шуба у нихъ и тепла, и толста.
Нѣтъ здѣсь добычи, глухія мѣста́.»

IV.

— «Правду изволили, братецъ, сказать:
Некого въ здѣшнемъ краю наказать.
Нашъ Пошехонскій обширный уѣздъ —
Это одно изъ безлюднѣйшихъ мѣстъ.
Но погодите, не плачьте пока:
Я замѣчаю вдали сѣдока.
Вотъ и добыча пришла, наконецъ!
Съ ярмарки ѣдетъ богатый купецъ!

Вы догоните его на скаку,
Да и задайте капутъ старику!
Пожилъ, помучилъ крещеный народъ....
Что-же стоите? Бѣгите впередъ!»

V.

— «Братецъ любезный, Морозъ Синій Носъ.
Это исполнить весьма мудрено-съ.
Старый купчина отлично одѣтъ;
Въ шубу медвѣжью; мнѣ доступа нѣтъ.
Какъ подступиться къ мѣхамъ дорогимъ?
Лучше потѣшусь сейчасъ надъ другимъ.
Ѣдетъ на клячѣ мужикъ по дрова...
Эхъ, безшабашная дурь—голова!
Ветхая шапка... овчинный тулупъ...
Братецъ, признайтесь: мой выборъ не глупъ?»
— «Ладно посмотримъ. Да чуръ не пенять!
Живо, проворнѣй, пора догонять!»

VI.

Ночью въ лѣсу два мороза сошлись;
Крѣпко, любовью они обнялись.
Старшій не охаетъ: веселъ и смѣлъ;
Младшій избитую рожу имѣлъ.
— „Что съ вами, братецъ, Морозъ Красный Носъ?“
— „Ахъ, я желаю вамъ сдѣлать доносъ!“
— „Жалобу—просьбу я выслушать радъ,
Хоть и пора бы ложиться намъ, братъ.
Сонъ такъ и клонитъ къ холодной землѣ,
Полночь, пробили въ сосѣднемъ селѣ;
Въ небѣ спокойно гуляетъ луна,
Такъ же, какъ вы, и грустна, и блѣдна.“

VII.

—«Братецъ, мнѣ больно: вездѣ синяки,
Страшные знаки мужицкой руки.
Какъ еще только дышать я могу,
Въ лапы попавшись лихому врагу!
Я невидимкой къ нему подбѣжалъ.
Вижу: разбойникъ, какъ листъ, задрожалъ,
Морщится, ёжится, дуетъ въ кулакъ,
Крѣпко ругается, такъ вотъ и такъ:
„Стужа проклятая, дьяволъ—морозъ!“
Я хохоталъ втихомолку до слезъ,
Ловко къ нему подъ шубенку залѣзъ,
Началъ знобить,—и пріѣхали въ лѣсъ.

VIII.

Лѣсъ былъ огромный. Зеленой стѣной
Онъ, понахмурясь, стоялъ предо мной.
Сосны и ели шумѣли кругомъ,
Чуя смертельную битву съ врагомъ.
Вотъ онъ вскочилъ и, схвативши топоръ,
Ель молодую ударилъ въ упоръ.
Брызнули щепки... Работа кипитъ...
Вздрогнуло деревцо, гнется, скрипитъ,
Проситъ защиты у старыхъ подругъ—
Елокъ столѣтнихъ—и падаетъ вдругъ
Передъ убійцей... А онъ, удалой,
Шапку отбросилъ, шубенку—долой!

IX.

Вижу, согрѣлся злодѣй—мужичокъ,
Будто пріѣхалъ не въ лѣсъ—въ кабачокъ,

Будто онъ выпилъ стаканчикъ винца,
Крупныя капли струятся съ лица...
Мнѣ подъ рубашкою стало невмочь,
Вздумалъ я горю лихому помочь,
Въ шуму забрался съ великимъ трудомъ·
Шуба покрылась и снѣгомъ, и льдомъ;
Стала она, какъ желѣзо, тверда...
Тутъ приключилась другая бѣда:
Этотъ злодѣй, подскочивши ко мнѣ,
Ловко обухомъ хватилъ по спинѣ.

X.

Спереди, сзади, больнѣй палача,
Долго по шубѣ возилъ онъ съ плеча,
Словно овесъ на гумнѣ молотилъ,
Сотенки двѣ фонарей засвѣтилъ,
Сколько, при этомъ, я слышалъ угрозъ:
— „Вотъ тебѣ, вотъ тебѣ, дьяволъ-морозъ!
Какъ же тебя, лиходѣя, не бить?
Вздумалъ шубенку мою зазнобить.
Вздумалъ шутить надо мной, сатана?
Вотъ тебѣ, вотъ тебѣ, вотъ тебѣ, на̀!“
Мягкою стала овчина опять,
И со стыдомъ я отправился вспять.“

XI.

Съ трескомъ морозъ Синій Носъ хохоталъ,
Крѣпко себя за бока онъ хваталъ.
— „Господа Бога въ поруки беру,
Моченьки нѣту, со смѣху умру!
Глупый, забылъ ты, что русскій мужикъ
Съ дѣтскихъ пеленокъ къ морозамъ привыкъ,

Смолоду тѣло свое закалилъ,
Много на барщинѣ поту пролилъ.
Надо почтенье отдать мужику:
Все перенесъ онъ на долгомъ вѣку,
Силы великія въ немъ не умрутъ:
Грѣетъ его—благодѣтельный трудъ!"

Чума.

Пришла съ лопатою чума,
Могилы рыла, и сама
Бросала въ землю мертвецовъ—
Дѣтей, и женщинъ, и отцовъ,
И „Со святыми упокой!"
Не пѣла жалобно, съ тоской.
Съ лопатой шла чума селомъ,
Людей мела, какъ помеломъ.

*
* *

Весна. Въ селѣ цвѣтутъ сады.
Росой умылися поля.
Не чувствуя людской бѣды,
Пируетъ весело земля.

*
* *

Покрылись зеленью луга,
Но люди небеса винятъ
И отъ жестокаго врага,
Какъ стадо струсившихъ ягнятъ,
Укрылись въ хатахъ: тамъ и мрутъ.
Волы голодные ревутъ;
Пасутся сами табуны

На всемъ раздоліи степномъ;
Подъ обаяніемъ весны,
Уснули люди вѣчнымъ сномъ.

*
* *

Недѣля Свѣтлая пришла,
Но не гремятъ колокола,
Не вьется синій дымъ изъ трубъ,
Огни въ избушкахъ не горятъ.
Вездѣ лежитъ близъ трупа трупъ,
Вездѣ могилъ чернѣетъ рядъ.

*
* *

Покрывшись шкурой, засмолясь,
Могильщики селомъ идутъ
И, трупъ увидя, не молясь,
Крючкомъ зацѣпятъ—и кладутъ
Погибшихъ братьевъ, какъ рабовъ,
Въ сырую землю безъ гробовъ.

*
* *

Минули мѣсяцы. Село
Крапивой жгучей поросло
И онѣмѣло. И въ пыли,
Близъ хатъ, могильщики легли,
И тихо спятъ, уснувъ навѣкъ;
Не выйдетъ добрый человѣкъ,
Чтобъ ихъ съ молитвой схоронить:
Они должны открыто гнить...

*
* *

Какъ оазисъ, въ чистомъ полѣ
Нива зеленѣетъ;
Но никто туда не ходитъ,
Только вѣтеръ вѣетъ,
Листья желтые разноситъ,
Сѣетъ ихъ по полю,
Людямъ пѣсню напѣвая
Про лихую долю.

*
* *

Долго поле зеленѣло,
Разнося заразу;
Наконецъ рѣшились люди
Истребить все сразу;
Подожгли—село сгорѣло,
Нѣтъ ему и слѣду...
Такъ-то люди одержали
Надъ чумой побѣду!

Дубинушка.

По кремнистому берегу Волги рѣки,
Надрываясь идутъ бурлаки.
Тяжело имъ, на каждомъ шагу устаютъ
И „дубинушку“ тихо поютъ.
Хоть бы дождь оросилъ, хоть бы выпала тѣнь
Въ этотъ жаркій, безоблачный день!
Все бы легче народу неволю терпѣть,
Все бы легче „дубинушку“ пѣть.

*
* *

— „Ой, дубинушка, ухнемъ!“ И ухаютъ въ разъ...
Покатилися слезы изъ глазъ.

Истомилася грудь. Лямка рѣжетъ плечо...
Надо „ухать“ еще и еще!
...Отъ Самары до Рыбинска пѣсня одна:
Не на радость она создана:
Въ ней звучитъ и тоска—похоронный напѣвъ.
И безсильный, страдальческій гнѣвъ.
Это—праведный гнѣвъ на злодѣйку-судьбу,
Что вступила съ народомъ въ борьбу
И велѣла ему, подъ ярмомъ за гроши,
Добывать—для другихъ—барыши...

*
* *

—„Ну, живѣе!“—хозяинъ на баркѣ кричитъ
И костями на счетахъ стучитъ...
...Сосчитай лучше ты, борода-грамотей,
Сколько сложено русскихъ костей
По кремнистому берегу Волги рѣки,
Нагружая твои сундуки!

Ив. Горбуновъ-Посадовъ.

*
* *

Намъ жизнь дана, чтобы любить.
Любить безъ мѣры, безъ предѣла,
И всѣмъ страдальцамъ посвятить
Свой разумъ, кровь свою и тѣло.

Намъ жизнь дана, чтобъ утѣшать
Униженныхъ и оскорбленныхъ,
И согрѣвать, и насыщать
Нуждой и скорбью угнетенныхъ.

Намъ жизнь дана, чтобъ до конца
Бороться съ тьмой, бороться съ ложью
И сѣять въ братскія сердца
Одну святую правду Божью.

А правда въ томъ, чтобы любить,
Любить безъ мѣры, безъ предѣла
И всѣмъ страдальцамъ посвятить
Свой разумъ, кровь свою и тѣло.

Святая.

Надрываясь отъ стоновъ пронзительныхъ,
Какъ грозой пораженные, вдругъ
Люди падали въ корчахъ томительныхъ,
Трепеща отъ испуга и мукъ.

*
* *

Чьи-то руки чужія, суровыя
Поднимали страдальцевъ съ земли
И кидали въ повозки въ холщевыя
И куда-то поспѣшно везли.

*
* *

Подъ досчатыя крыши барачныя
День и ночь, каждый мигъ, безъ конца
Подходили носильщики мрачные
И бросали—почти мертвеца.

*
* *

Сотни тѣлъ, полутруповъ чуть бившихся,
Тамъ ложились одинъ предъ другимъ
И въ сосѣда очахъ закатившихся
Каждый видѣлъ, что смерть передъ нимъ.

*
* *

И, ничьею рукой не пригрѣтыя,
Зачумленныя груды людей,
Всѣми брошены, всѣми отпѣтыя,
Задыхалися въ мукѣ своей.

*
* *

Въ эту страшную бездну страданія,
Гдѣ отъ ужаса стыла душа,
Ты явилась, полна состраданія,
Безпредѣльной любовью дыша.

*
* *

Терпѣливая, твердая, ясная,
Ты готова была умереть,
Только бъ страждущихъ души несчастныя
Чѣмъ-нибудь оживить и согрѣть.

*
* *

Вся сіяя отъ тайнаго счастія,
Ты ласкала спасенныхъ тобой,
И съ небесной улыбкой участія
Съ улетавшей прощалась душой.

*
* *

Очи милыя, очи скорбящія,
Очи, полныя сдержанныхъ слезъ,
Улыбались, какъ звѣзды блестящія,
Всѣмъ, кто муки смертельныя несъ.

*
* *

Точно мать надъ дѣтьми умиравшими,
Ты склонялась въ послѣдній ихъ мигъ
И шептала устами дрожавшими
На колѣняхъ молитву за нихъ.

*
* *

И вливался въ сердца наболѣвшія
Свѣтлый, тихій, послѣдній покой,
И усопшихъ глаза потускнѣвшіе
Закрывала ты нѣжной рукой.

*
* *

Смерть вездѣ надъ тобою носилася,
Скоръ твой былъ лучезарный конецъ, —
Надорвалося сердце—разбилося
Посреди воскрешенныхъ сердецъ.

*
* *

Успокоилось тѣло, убитое
Страшнымъ ядомъ и страшнымъ трудомъ...
Бѣлымъ саваномъ мирно обвитая,
Отдохнула въ гробу ты своемъ!

*
* *

Свѣтъ спокойный, торжественный, радостный
На застывшемъ виднѣлся челѣ, —
Вся любовью исполнена благостной,
Ты святою прошла по землѣ.

*
* *

И могила у моря далекая
Учитъ насъ, какъ любить и страдать,
Какъ съ отрадой и вѣрой глубокою
За несчастныхъ всю душу отдать.

Матери и дѣти.

Вчера былъ чудный день... Съ утра въ мое окно
Весна лазурная любовно засіяла...
Забилось сердце, радостью полно,
И въ даль, куда-то въ даль неудержимо звало...
Вчера все утро я, безпечный, какъ дитя,
Бродилъ по улицамъ, смотря, какъ расцвѣтаютъ
Подснѣжники въ садахъ, и весело слѣдя,
Какъ тучки по небу проносятся и таютъ.

Былъ часъ обѣденный, когда передо мной
Большая улица предмѣстья развернулась...
Гудѣлъ свистокъ на фабрикѣ... Домой
Голодная толпа рабочихъ потянулась...
Шли мальчики-ткачи, тянулися потомъ
Толпы мужчинъ, измученныхъ трудомъ,
Невольничьимъ трудомъ, трудомъ однообразнымъ,
Недѣлю согнутыхъ надъ вѣчнымъ колесомъ
И отдыхающихъ въ разгулѣ безобразномъ.

Шли дѣвочки-работницы: онѣ
Шутили весело и солнцу улыбались
И подъ лучомъ его румяными казались,
Но въ жалкихъ лицахъ ихъ виднѣлось ясно мнѣ,
Что бѣдные цвѣты оборваны жестоко,
Что пьяное насилье и развратъ
На всѣхъ углахъ добычу сторожатъ,
И сердцу дѣтскому знакомъ ужъ ядъ порока.

Шли матери-работницы, спѣша
Къ голоднымъ дѣточкамъ... Ихъ грустная душа
Была полна заботъ; и не было имъ дѣла,

Что юная весна вездѣ цвѣла и пѣла
Милліономъ голосовъ, что теплый вѣтерокъ
Ужъ гдѣ-то колебалъ лазоревый цвѣтокъ
И тихо трепеталъ въ былинкахъ воскрешенныхъ...
Нѣтъ, только личики малютокъ изнуренныхъ
Виднѣлись матерямъ сквозь нѣжный блескъ весны.
Минуты жалкія на отдыхъ имъ даны,
Чтобъ только добѣжать до дѣтокъ истомленныхъ,
Чтобъ только увидать ихъ бѣдный, робкій взглядъ,
И покормить скорѣй... И поспѣшить назадъ —
Туда, гдѣ надъ станкомъ, безъ солнца, безъ свободы,
Ползутъ за днями дни и за годами годы.

Памяти Гоголя.

(Къ юбилею «Ревизора»).

Взовьется занавѣсъ предъ жадными очами
Ликующей толпы, подъ звуки голосовъ,
Подъ гимнъ, несущійся воздушными волнами
Надъ моремъ свѣта и головъ, —

И вспыхнетъ вдругъ толпа и, по безсмертной волѣ
Безсмертнаго творца, раскроется предъ ней
Міръ темныхъ образовъ въ позорномъ ореолѣ
Гнетущей пошлости своей.

И вечеръ пролетитъ, и вслѣдъ за стройнымъ рядомъ
Картинъ, гдѣ жизнь кипитъ могучею струей,
Предстанетъ самъ поэтъ съ его глубокимъ взглядомъ,
Съ его улыбкою больной.

смѣхъ, сквозь дымку слезъ, надъ вѣчной нашей ложью
акъ будто содрогнетъ лица его черты,
хлынутъ къ мрамора холодному подножью
Стихи и лавры, и цвѣты...

о мчится мысль моя отъ праздничной тревоги
ъ тому, кому теперь раздастся громъ похвалъ:
нъ былъ себѣ судья неумолимо-строгій,
Онъ въ мукахъ каждый штрихъ рождалъ.

 каждый перлъ вѣнца платя своею кровью,
сю душу въ творчество онъ набожно вложилъ;
нъ весь горѣлъ одной великою любовью,
Одною жаждой правды жилъ.

рвавъ густой покровъ съ душевной нашей гнили,
нъ къ новой жизни звалъ, карая старый грѣхъ;
 мы въ безпечную забаву обратили
Его проникновенный смѣхъ.

ы любимъ лепетать чудесныя страницы,
 чуждъ намъ ихъ призывъ вступить на путь иной.
ожили ль мы въ себѣ хоть жалкія крупицы
Горячей проповѣди той?

однившись съ душной мглой, мы не могли полвѣка
йти наперекоръ безсмысленной судьбѣ,
бъ разбудить въ себѣ живого человѣка,
Чтобъ свѣтъ любви зажечь въ себѣ!

не стыдимся мы и шумною толпою,
распутною душой, гдѣ торжествуетъ зло,
шимъ на празднество и грязною рукою
Вѣнчаемъ генія чело!...

Въ Христову ночь.

Въ Христову ночь то было. Предо мной
Вдоль исполинской лѣстницы соборной
Спѣшившая толпа текла рѣкою черной.
Въ угрюмой тишинѣ ночной,
На всѣхъ устахъ былъ слышенъ только шепотъ:
Лишь чей-то грубый смѣхъ да ржаніе и топотъ
Жандармскихъ лошадей, метавшихся окрестъ,
Да нищенокъ-дѣтей тоскливыя стенанья
Смущали робкій трепетъ ожиданья.
Но вотъ сквозь полумракъ блеснулъ подъятый крестъ,
На золотыхъ шестахъ хоругви задрожали,
Лучъ фонаря сверкнулъ на тусклыхъ образахъ,
И ризы пастырей тревожно замерцали.
Въ какомъ-то облакѣ таинственной печали
Прошли они искать измучившійся прахъ
И не нашли его въ тиши могильной сѣни...
Но ихъ не обуялъ смертельный, тяжкій страхъ,
И поднялись они на паперти ступени,
И бросился народъ за ними жадно вслѣдъ..
Раскрылися врата, и брызнулъ яркій свѣтъ,
И гимнъ любви, смерть смертью побѣдившей,
Помчался надъ толпой, въ молчаніи застывшей!..
И выстрѣлъ пушечный донесся, точно стонъ,
И хоръ колоколовъ отвсюду отозвался...
Въ морозномъ воздухѣ поплылъ протяжный зво
И звуковъ океанъ гудѣлъ и разливался.
Обвился городъ весь гирляндою узорной
Желтѣвшихъ плошекъ, флаговъ и свѣчей;
И восемь ангеловъ надъ кровлею соборной
Изъ каменной кадильницы своей
Бросали въ высь пурпуровое пламя,—
Оно взвивалося, какъ знамя,

Какъ царственный привѣтъ земного торжества,
Къ незримому престолу Божества.

II.

О дѣтскихъ дняхъ воспоминанье,
Какъ радостной весны душистое дыханье,
Повѣяло во мнѣ ласкающимъ тепломъ:
Я счастливъ былъ тогда въ невѣдѣньи своемъ.
Въ сіяньи дѣтскихъ грезъ вставала безъ конца
Слѣпившая своимъ величіемъ картина:
Торжественный возлетъ воскреснувшаго Сына
На лоно вѣчнаго Творца.
Тогда въ Христову ночь казались люди мнѣ
Простыми, милыми и кроткими дѣтями
Любимаго Отца. Въ какомъ-то чудномъ снѣ
Весь міръ я обнималъ наивными мечтами.
Мнѣ чудилось—потокъ любви лился съ небесъ.
Уста мои блаженно отвѣчали
На братскій поцѣлуй и набожно шептали:
«Воистину воскресъ, воистину воскресъ!»

III.

А въ эту ночь я былъ исполненъ горькихъ думъ
Давно я свергъ съ себя невѣдѣнья оковы,
Давно съ людскихъ сердецъ сорвалъ я всѣ покровы,
Давно ихъ душный мракъ раскрылъ мой алчный умъ
И страшно одинокъ я былъ въ тотъ шумный мигъ,
Когда меня вносилъ наплывъ народныхъ волнъ
Въ ликующій соборъ.—Я съ ужасомъ постигъ,
Какимъ обманомъ былъ восторгъ минутный полнъ:
И вѣщія слова пророка давнихъ дней,
Какъ погребальный плачъ, уныло зазвучали
Изъ темныхъ тайниковъ больной души моей.

Его святую скорбь они съ моей сливали,
Какъ будто въ вышинѣ, тамъ гдѣ-то надо мной
Склонился тихо Онъ, а сердца чуткимъ слухомъ
Ловилъ я рѣчь Его:
„О бѣдный міръ земной,
Какъ нищъ ты въ эту ночь любви могучимъ духомъ!
Какъ мертвенъ человѣкъ безбожныхъ вашихъ дней,
Для подвиговъ добра такъ лживъ онъ и безсиленъ.
Онъ только на словахъ горячій другъ людей,
Онъ только на словахъ любовью изобиленъ.
Но тяжкимъ холодомъ полна душа его
И дикой гордостью душа его объята:
Все человѣчество онъ обнялъ бы, какъ брата,
Но не обниметъ—нѣтъ—онъ брата своего.
Дрожащій, въ рубищѣ, бродяга изможденный
Пусть въ эту ночь къ нему, какъ къ брату, подойдетъ:
Братъ о Христѣ его съ презрѣньемъ оттолкнетъ,
Безумной дерзостью безмѣрно изумленный!..
Кто приметъ странника, кто нищаго возлюбитъ
И все раздѣлитъ съ нимъ—и хлѣбъ свой, и кафтанъ,
Тотъ пріютитъ Христа, Христа тотъ приголубитъ,
Но какъ далекъ Христосъ отъ этихъ христіанъ!
Подъ кровлей ихъ домовъ Христу закрытъ пріютъ,
Они Христа безжалостно изгнали
Въ ночлежные дома, въ темницы, въ госпитали,
И христіанами себя они зовутъ!..
И жизнь черствѣетъ въ нихъ. Мертвящій образъ скуки
Растетъ въ нихъ и твердитъ: нѣтъ лучше не живи...
И люди на себя накладываютъ руки...
Вашъ міръ становится могилой безъ любви.

VI.

И мука этихъ думъ, какъ буря, возмутила
Всю душу мнѣ... Она меня манила

Пробиться сквозь толпу, взбѣжать по ступенямъ
На бархатный помостъ надменнаго амвона
И крикнуть съ высоты на весь огромный храмъ
Сквозь гулъ пальбы, сквозь переливы звона:
„Вы христіане?!.. Вы? Теперь упоены
Восторгомъ радости безпечной,
На днѣ сердецъ, какъ прежде, вы полны
Одной враждой безчеловѣчной!
Вы христіанки!?.. Вы? Изнѣженное тѣло
Вы рады выставлять и въ храмѣ на показъ,
То мишурой прикрывъ, то наготою смѣлой
Дразня распутства жадный глазъ.
Вы полуматери и полусодержанки!
О, если бъ тѣнь смиренной христіанки
Апостольскихъ временъ явилась бы межъ насъ,—
Какимъ стыдомъ, какой тоской за васъ
Зажегся бъ взоръ ея!... И, жалости полна,
Предъ вами бъ ницъ повергнулась она
И умоляла бъ васъ, сестеръ ея несчастныхъ,
Забыть безумный бредъ мечтаній сладострастныхъ,
Отъ нѣги и страстей пойти во слѣдъ Христу,
Спасая сердца чистоту
Трудомъ, святымъ трудомъ для нищихъ и болящихъ,
Для всѣхъ отверженныхъ, гонимыхъ и скорбящихъ!
Вы христіане?!.. Вы? Растерянной толпой
Отъ колыбели и до гроба
Вы рабски тащитесь преступною тропой.
Надъ вашей вѣрою трусливой и слѣпой
Смѣется вашъ развратъ, насиліе и злоба!
Вся ваша жизнь—насмѣшка надъ Христомъ,
Надъ мудростью Его божественныхъ стремленій,
Сплошной позоръ кощуственныхъ глумленій
Надъ человѣчества растерзаннымъ Вождемъ!..
Чтобъ безбоязненно день изо дня тянуть

Цѣпь черныхъ дѣлъ и пиршествъ беззаботныхъ,
Вы жалкимъ лепетомъ моленій мимолетныхъ
Стремитесь Бога обмануть!
Опомнитесь!..“

Но мертвъ былъ мой языкъ.
Что значитъ голосъ мой?!.. Предъ вѣковымъ обманомъ
Онъ прозвучалъ бы такъ, какъ чайки слабый крикъ
Звучитъ надъ мрачнымъ океаномъ...

Псаломъ.

Христосъ, ты вывелъ насъ на путь,
Омывъ его своею кровью;
Ты безконечною любовью
Вдохнулъ духъ жизни въ нашу грудь.

* *
*

Христосъ, съ тобой соединяясь,
Живемъ мы въ темномъ мірѣ этомъ,
Какъ въ небѣ, полномъ дивнымъ свѣтомъ,
Для царства Божьяго трудясь.

* *
*

Пусть градомъ смѣха и клеветъ
Рабы грѣха насъ поражаютъ,—
Въ сердцахъ у насъ они встрѣчаютъ
Прощенье вѣчное въ отвѣтъ.

* *
*

И если намъ сынами тьмы
Уже готовится темница,
Не омрачатся наши лица
И не отчаятся умы.

* *
*

Ты отдавалъ всего Себя,
Какъ агнецъ кроткій на закланье,

И мы готовы на страданье,
Твое ученье возлюбя.

* *
*

Другъ другу въ скорби помогая
Горячей вѣрою въ Отца,
Мы все претерпимъ до конца,
Своихъ враговъ благословляя.

* *
*

Пусть гонятъ насъ и гонятъ вновь,
Но мы не можемъ ненавидѣть —
Ты далъ намъ радость Бога видѣть,
И Богъ тотъ въ насъ, и Онъ — любовь.

Друзьямъ добра.

Когда надъ кораблемъ въ зловѣщихъ небесахъ
Клубятся тяжкія, грохочущія тучи,
И вѣтеръ мечется и свищетъ въ парусахъ,
И океанъ реветъ, бездонный и могучій;
Когда чрезъ бортъ волна безумная летитъ
И бьетъ о палубу своей сѣдою пѣной,
И мачта, какъ тростникъ, согнулась и дрожитъ,
Грозя внезапною измѣной,—

Никто тогда не спитъ на вахтѣ корабля...
Всѣ на ногахъ предъ близкою бѣдою:
И рулевой впился въ тяжелый кругъ руля,
Борясь со злобою морскою;
И руки твердыя безстрашныхъ моряковъ
Мелькаютъ межъ снастей надъ лѣстницей дрожащей
И паруса крѣпятъ... и весь корабль готовъ
Грудь съ грудью встрѣтиться съ грозой, на нихъ летящей.

Въ тѣ дни, когда вездѣ густѣетъ ночи тьма,
Когда живая жизнь куда-то исчезаетъ;

Когда нѣтъ воздуха для сердца, для ума,
И истина предъ ложью отступаетъ;
Когда призывъ любви зовется мятежомъ,
Когда проклятьями клеймится все святое,
Когда царитъ надъ сдавленнымъ умомъ
Все мертвое, слѣпое и глухое,—

Всѣ на ноги, кому свѣтъ дорогъ, тьма страшна!
Всѣ на ноги, въ комъ совѣсть не разбита,
Въ комъ къ истинѣ любовь свободна и сильна
И страхомъ за себя сознанье не убито!
Друзья добра, не опускайте взоръ
Передъ людьми вражды и святотатства:
Пусть каждый злобы крикъ найдетъ у васъ отпоръ
Въ горячей проповѣди братства!

Друзья добра, несите въ эту тьму
Всѣмъ страждущимъ слова призыва и привѣта,
Несите въ душную, огромную тюрьму
Ученіе любви, сознанія и свѣта!
Будите мысль вездѣ, гдѣ спитъ теперь она,
Будите жизнь вездѣ, гдѣ жизнь едва мерцаетъ,—
Пусть всюду мысль встаетъ отъ гробового сна,
Для жизни жизнь пусть всюду воскресаетъ!

Друзья добра, не бойтесь ни костровъ,
Ни плахи, ни меча, ни пытокъ, ни глумленій...
Внимая правдѣ вашихъ словъ,
Палачъ отступится отъ крови и мученій,
Тюрьма раскроется подъ братскою рукой
И выпуститъ измученныхъ на волю...
Жизнь новая, иди! Неси скорѣй съ собою
Рабамъ свободную и любящую долю!

С. А. АНДРЕЕВСКІЙ.

Пигмей.

Слѣдя кругомъ вседневныя кончины,
Страшусь терять бѣгущій мимо часъ:
Отжившій міръ въ безмолвіи погасъ,
А будущій не вызванъ изъ пучины —
Межъ двухъ ночей мы царствуемъ одни,
Мы въ полосѣ движенія и свѣта,
Всесильные, пока насъ грѣютъ дни,
Пока для насъ не грянулъ часъ запрета...
И я страшусь за нашъ отвѣтный постъ,
Гдѣ генію возможенъ смѣлый ростъ,
Гдѣ только разъ мы можемъ быть полезны —
И жутко мнѣ надъ краемъ бездны!

Но демонъ есть: онъ весь—лукавый смѣхъ;
Онъ говоритъ, спокойный за успѣхъ:
—„Какъ даръ судьбы, великое—случайно,
И генія вѣнчаютъ не за трудъ,
Неправеденъ потомства громкій судъ,
И ты, пигмей, сойдешь со сцены тайно.
Порывъ души заносчивый умѣрь,
Войди въ тотъ рай, куда открыта дверь:

Подъ этимъ солнцемъ видимымъ и яснымъ,
Въ живомъ теплѣ, которымъ дышишь ты,
Владѣй любовью свѣжей красоты —
Цвѣтущимъ тѣломъ гибкимъ и атласнымъ...
Объѣхавъ міръ, насыть кристаллъ очей
Эффектами закатовъ и восходовъ,
Величьемъ горъ и вольностью морей,
И пестрой вереницею народовъ...
Порой забавься вымысломъ чужимъ
За книгою, на сценѣ, въ галлереѣ,
Не предаваясь пагубной затѣѣ
Свой умъ и чувство жертвовать другимъ...
Къ земнымъ дарамъ питай въ себѣ охоту;
Люби вино, и шелкъ, и позолоту,
Здоровый сонъ, живую новость дня,
И шумъ толпы, и поздній свѣтъ огня...
Твой вѣкъ продливъ разумнымъ воздержаньемъ,
Ты отпадешь, какъ полновѣсный плодъ,
Не сморщенный до срока увяданьемъ,
Не сорванный разгуломъ непогодъ».

Но, слушая тѣ здравые совѣты,
Задумчиво внимаетъ имъ пигмей:
Претятъ ему доступные предметы,
Манитъ его туманный міръ идей,
Тревожимый упрекомъ потаеннымъ,
Въ невыгодной заботѣ о другихъ—
Идетъ онъ мимо прелестей земныхъ
Съ лицомъ худымъ и гнѣвомъ убѣжденнымъ!
И созданный въ подобіе звѣрямъ,
Въ оковахъ плоти спутанный, какъ сѣтью,
Онъ, не стремясь къ благому долголѣтью,
Идетъ на смерть, служа своимъ мечтамъ...
И если міръ цвѣтущій и прелестный

Іа полный мракъ имъ гордо обмѣненъ,
Зато во всей могучей поднебесной
Іѣтъ ничего прекраснѣе, чѣмъ онъ!
Іѣтъ ничего священнѣе для взора,
Какъ бѣлые, сухіе черепа
Работниковъ, сошедшихъ безъ укора —
Молись ихъ памяти, толпа!

Твердость.

Іюблю твоихъ глазъ непорочную ясность
І смѣлую правду рѣчей,
І добрыхъ дѣяній святую негласность
Въ кругу незамѣтныхъ людей.
Іо ежели счастье тебя отуманитъ
І съ лаской подкрадется лесть,
І блага, которыхъ не счесть,
ортуна къ тебѣ раболѣпно протянетъ,—
Іезыблемъ останься межъ нихъ:
акъ струны прямыя лучей золотыхъ,
нопомъ ниспадая изъ купола храма,
едвижны въ кудрявыхъ волнахъ оиміама..

Укоръ.

асы бѣгутъ съ поспѣшностью обычной
ля жизни праздничной и жизни горемычной,
каждаго безслѣдный ихъ полетъ
ъ иные дни къ раскаянью зоветъ...

о безъ борьбы, со вздохомъ незамѣтнымъ,
ы шлемъ „прости“ мечтамъ своимъ завѣтнымъ:

Теряя жизнь, предъ будущимъ пустымъ
Мы со стыдомъ безпомощно стоимъ.

А какъ подчасъ настойчивы укоры!
Вы помните ль: на улицѣ глухой,
Подъ ровный шагъ походки дѣловой
Слѣдили васъ невидимые взоры...

Въ сырую ночь, при блескѣ фонаря,
Въ которомъ газъ отъ вѣтра волновался,
Не злой ли вихрь въ душѣ у насъ промчался
И лучшихъ дней не вспыхнула ль заря?

Иль, громоздясь стѣной подъ небесами,
Ряды домовъ не жали вашу грудь?
Ихъ мрачный видъ съ докучными мечтами
Не звалъ ли васъ разсчесться какъ-нибудь?..

Не все жъ безъ дѣлъ, со вздохомъ незамѣтнымъ,
Мы шлемъ „прости“ мечтамъ своимъ завѣтнымъ,
Мы шлемъ „прости“ восторженнымъ мечтамъ, —
А злой укоръ все ходитъ по пятамъ...

К. М. ФОФАНОВЪ.

* *
*

Что-то будетъ у насъ впереди, и куда намъ итти?
Міръ такъ много страдалъ, человѣчество плакало много.
И съ безумьемъ во взорѣ, съ тоскою на трудномъ пути
Въ блѣдныхъ призракахъ сердца искала то правду, то Бога.
Низвергалися царства и вновь созидались они,
Создавались кумиры и въ прахъ низвергалися снова,
Сѣрый мракъ уносилъ лучезарно расцвѣтшіе дни.
Боевые мечи заглушали свободное слово.
Міръ изъ бездны вставалъ, колебался надъ бездною вновь,
И отвѣта просилъ у судьбы,—но судьба молчалива.
И распятая правда, сожженная злобой любовь
Вознеслись маяками—и блещетъ надъ бездной пугливо.

* *
*

Міръ ликуетъ въ безуміи алчномъ своемъ;
Люди мечутся, стонутъ и страждутъ;
Отстрадавшіе спятъ заколдованнымъ сномъ,
И нежившіе жизни не жаждутъ.

Стягъ добра и любви, всезиждительный стягъ,
Опустился въ безсильи холодномъ,
А позоръ и печаль, и нужда—что ни шагъ...
Нѣтъ порыва мечтамъ благороднымъ.

Все темно или полно загадки слѣпой,
Иль позорно, какъ рабъ вѣроломный.
И проходитъ толпа по дорогѣ глухой
Безъ свѣтильника полночью темной.

Мы родились подъ знаменемъ чистой любви,
Насъ вспоили народныя слезы,
И огонь разливали въ горячей крови
Лучшихъ дней благородныя грезы.

Между раннихъ гробовъ, между жертвъ роковыхъ
Мы—съ грядущимъ незримыя звенья.
Если мы замолчимъ, то на нивахъ мірскихъ
Не забрежжетъ заря обновленья...

Отче нашъ.

Отче нашъ! Богъ, въ небесахъ обитающій,
Оку не зримый, не зримый сердцами,
Все созидающій, все разрушающій,
Грѣющій землю живыми лучами!
Мы принесли Тебѣ въ жертву безкровную
Нашу молитву въ часы покаянія,—
Дай же, о Боже, намъ пищу духовную,
Дай намъ источникъ святого желанія!
Въ годы сомнѣнія, въ годы ненастные
Намъ измѣнили мечты неизмѣнныя;
Мы загасили свѣтильники ясные,
Мы расплескали елеи священные,
Отче нашъ! Богъ безутѣшно страдающихъ,

олнце вселенной! къ Тебѣ мы съ молитвою—
ѣхъ сохрани за любовь погибающихъ,
ѣхъ угнетенныхъ мучительной битвою!
че нашъ! дай намъ пути благодатные
отстрани отъ соблазна лукаваго...
возсіяютъ лучи незакатные
авды небесной и помысла праваго!

---

*
* *

Еще тѣ звѣзды не погасли
Еще заря сіяетъ та,
Что̀ озарила міру ясли
Новорожденнаго Христа...
Тогда—ведомые звѣздою,
Чуждаясь ропота молвы,
Благоговѣйною толпою
Къ Христу стекалися волхвы...
Пришли съ далекаго Востока,
Неся дары съ восторгомъ грезъ,—
И былъ отъ Иродова ока
Спасенъ властительный Христосъ!..
Прошли вѣка... И Онъ, распятый,—
Но все попрежнему живой,—
Идетъ,—какъ истины глашатай,
По нашей пажити мірской;
Идетъ — попрежнему обильный
Святыней, правдой и добромъ,
И не поборетъ Иродъ сильный
Его предательскимъ мечомъ...

Стансы.

Ты долго и молча страдала,
Я гордо и молча терпѣлъ;
Ты мнѣ ничего не сказала,
А я вопрошать не хотѣлъ.

Мы шли по пути роковому
И въ немъ узнавали всегда
Чужое несчастье по грому,
Свое—по безсилью труда.

Не грѣли насъ алыя зори,
И страхъ сторожилъ насъ во тьмѣ:
Слеза застывала во взорѣ,
Мечта умирала въ умѣ.

Взирая на чуждыя цѣли,
Къ своей мы нерадостно шли;
Мы къ міру взывать не хотѣли,
А къ небу взывать не могли.

И въ вихрѣ веселья мірского
Блистали намъ въ мракѣ ночей
Свѣтильники пира чужого
И пламя чужихъ алтарей.

Намъ вьюга тропы заметала,
И вѣтеръ угрозы намъ пѣлъ...
Ты молча и долго страдала,
Я гордо и смѣло терпѣлъ.

На добрую память.

Живите, люди добрые; живите, люди честные!
Стремися, юность смѣлая, безъ устали впередъ!—

ебѣ земля цвѣтущая, тебѣ огни небесные,
ебѣ весна румяная и шепотъ вешнихъ водъ.

Живете, возлюбившіе все свѣтлое, все чистое,—
ы, правдѣ неизмѣнные, глашатаи земли!
Не даромъ солнце знанія, какъ истина, лучистое,
се ярче разгорается и блещетъ вамъ вдали.

Живите—будьте счастливы! Тотъ счастливъ, кто съ мла-
денчества
ъ тоскѣ желаній призрачныхъ не зналъ лукавыхъ грезъ.
счастливъ тотъ, кто съ вѣрою погибъ за человѣчество,
то рано легъ въ холодный гробъ, кто зла не перенесъ.

о тѣ еще счастливѣе, кому борьба печальная
е смѣла крылья юныя до времени разбить,—
ье слово вдохновенное, какъ арфа, музыкальное,
сталось въ мірѣ дремлющихъ на доброе будить.

счезнетъ зло мятежное, пройдутъ мечты лукавыя,
ройдутъ непостоянные, безумные года,—
огибнутъ всѣ жестокіе, погибнутъ всѣ неправые,
истина великая и слово—никогда!

Отошедшимъ.

Отходятъ старые глашатаи свободы
Подъ своды вѣчные, подъ гробовые своды,
И лавры провожаютъ ихъ,
И смерти торжеству внимаетъ скорбь живыхъ!
Они родилися въ мятущіеся годы,
Въ дни предразсудковъ роковыхъ.
Въ тѣ дни, когда еще зарей освобожденья
Не озарился мракъ отчизны дорогой..

При нихъ порвалися гнилого рабства звенья,
Отъ нихъ повѣялъ духъ благого просвѣщенья
Надъ пробужденною страной.
Понятна ихъ борьба, разумна ихъ тревога,
Благословенъ ихъ трудный путь...
Страдая и любя, они творили много,
Ихъ есть чѣмъ помянуть!
А мы! Мы робкое, больное поколѣнье,
Смиривъ въ своихъ сердцахъ пытливое волненье,
Мы все хотимъ просить и все благословить.
Но цѣль потеряна; кумиръ давно разрушенъ...
Мы къ міру холодны, и міръ къ намъ равнодушенъ:
Мы не умѣемъ жить!

Д. С. МЕРЕЖКОВСКІЙ.

Кораллы.

Широко раскинулся вѣтвями,
Чуждый неба, звуковъ и лучей,
Цѣлый лѣсъ кораллов подъ волнами,
Въ глубинѣ тропическихъ морей.
Милліонамъ тружениковъ вѣчныхъ—
Колыбель, могила и пріютъ,
Дивный плодъ усилій безконечныхъ,
Этотъ міръ полипы создаютъ.
Каждый родъ,—ступень для жизни новой,—
Будетъ смертью въ камень превращенъ,
Чтобы лечь незыблемой основой
Поколѣньямъ будущихъ временъ;
И встаетъ изъ бездны океана,
И растетъ коралловый узоръ;
Презирая натискъ урагана,
Онъ стремится къ небу на просторъ,
Онъ вознесся кружевомъ пурпурнымъ,
Исполинской чащею вѣтвей
Въ полусвѣтѣ мягкомъ и лазурномъ

Преломленныхъ, трепетныхъ лучей.
Часъ придетъ,—и гордо надъ волнами,
Раздробивъ ихъ влажный изумрудъ,
Новый островъ, созданный вѣками,
Съ торжествомъ кораллы вознесутъ...

О, пускай въ глухой и темной долѣ,
Какъ полипъ, ничтоженъ я и слабъ,—
Я могучъ святою жаждой воли,
Утомленный труженикъ и рабъ!
Тамъ, за далью, вижу я надъ нами
Новый рай, лучами весь облитъ,
Новый островъ, созданный вѣками,
Высоко надъ бездною царитъ.

Жертва.

У ясныхъ волнъ священной Брамапутры
Проводитъ дни въ молитвѣ и постѣ
Божественный подвижникъ Усинара.
Однажды царь небесъ, могучій Индра,
Отшельника задумалъ испытать.
Тогда въ голубку Агни превратился,
И соколомъ за ней помчался Индра.
Но на груди подвижника святого,
Увидѣвъ въ немъ защиту отъ врага,
Дрожащая голубка пріютилась;
Онъ бережно покрылъ ее рукой
И ласково промолвилъ ей: „не бойся!“
Но въ тотъ же мигъ на каменный уступъ—
Угрюмъ и мраченъ—соколъ опустился
И злобно крикнулъ: „по какому праву,
„Могучій Усинара, ты дерзнулъ
„Отнять мою законную добычу?“

—Во имя милосердья и любви
Тому, кто слабъ, я долженъ дать защиту.
—„Что значитъ милосердье и любовь?
„Въ моемъ гнѣздѣ голодные птенцы
„И день, и ночь кричатъ: „отецъ, дай пищи!“
„Лишивъ меня послѣдняго куска,
„Старикъ, ты предалъ ихъ голодной смерти!“
—„Я дамъ тебѣ волшебные дворцы
И грудами каменьевъ драгоцѣнныхъ,
И золотомъ осыплю я тебя,—
Но,—видитъ Богъ,— я выдать не могу
Гонимую, безпомощную жертву...“
Онъ говорилъ и старческой рукой
Любовно гладилъ бѣлую голубку.
—„Нѣтъ, Усинара,—грозно молвилъ соколъ:—
„Къ чему мнѣ золото, къ чему дворцы:
„Я не отдамъ за нихъ моей добычи.
„Смерть—побѣжденнымъ, сильнымъ—торжество —
„Таковъ законъ природы безпощадный.
„Я голоденъ, не мучь меня, старикъ...
„Мнѣ надо теплаго, живого мяса!
„Я требую, чтобъ ты мнѣ возвратилъ
„Кусокъ, моей добычѣ равный вѣсомъ.
„И, если ты не хочешь, чтобъ погибла
„Иная жертва—мяса для меня
„Изъ собственной груди ты долженъ вырвать“.
Но ласково, морщинистой рукой,
Отшельникъ гладилъ бѣлую голубку,
Потомъ взглянулъ на сокола, и жалость
Ко всѣмъ живымъ, ко всѣмъ, кого томитъ
Нужда и голодъ, жалость кроткимъ свѣтомъ
ажглась въ его божественныхъ очахъ,
адумчивыхъ и безконечно-добрыхъ.
нъ тихо молвилъ соколу: «ты правъ».

И острый ножъ онъ въ грудь себѣ вонзилъ
И вырѣзалъ кусокъ живого мяса,
И бросилъ соколу взамѣнъ добычи.
Но тотъ сказалъ: „мы смѣримъ на вѣсахъ,
„Чтобъ былъ кусокъ голубкѣ равенъ вѣсомъ“.
И повелѣлъ отшельникъ, и предъ нимъ
Явился рой духовъ его служебныхъ.
Тяжелые, огромные вѣсы
Они къ скалѣ гранитной прицѣпили,
И на одну изъ чашекъ голубь сѣлъ,
И на другую бросилъ Усинара
Кусокъ кровавый собственнаго тѣла.
Но чаша съ голубемъ не поднялась.
Еще кусокъ онъ вырѣзалъ и бросилъ
Потомъ еще, еще.... и кровь струилась,
И не было на немъ живого мѣста:
Срывалъ онъ тѣло съ бедеръ, съ плечъ, съ груди
И все кидалъ на эту чашу,
Чтó неподвижно въ воздухѣ висѣла.
Вся плоть его—зіяющая рана,
Подъ ней въ крови кой-гдѣ бѣлѣетъ кость,
А между тѣмъ въ очахъ глубоко-ясныхъ—
Все та же необъятная любовь.
Онъ подошелъ къ вѣсамъ и покачнулся,
И навзничь грохнулся, но среди мукъ
Онъ упрекалъ себя за эту слабость,
Онъ говорилъ: „позоръ, позоръ тебѣ,
О жалкое, безсмысленное тѣло!...
Иль мало я училъ тебя страдать,
Томилъ постомъ, сушилъ полдневнымъ зноемъ...
Впередъ, скорѣй,—конецъ твой недалекъ:
Еще одно послѣднее усилье!...“
Изъ лужи крови бодро онъ поднялся,
Приблизился къ вѣсамъ и въ нихъ вошелъ,

И чаша опустилась до земли,
И радостно къ лазуревому небу
Спасенная голубка вознеслась.
Вздохнулъ онъ и промолвилъ: «какъ я счастливъ!...»
И блѣдное, прекрасное чело
Безоблачнымъ блаженствомъ просіяло.

Сакія-Муни.

По горамъ, среди ущелій темныхъ,
Гдѣ ревѣлъ осенній ураганъ,
Шла въ лѣсу толпа бродягъ бездомныхъ
Къ водамъ Ганга изъ далекихъ странъ.
Подъ лохмотьями худое тѣло
Отъ дождя и вѣтра посинѣло.
Ужъ они не видѣли два дня
Ни пріютной кровли, ни огня.
Межъ деревъ во мракѣ непогоды
Что-то тамъ мелькнуло на пути;
Это храмъ—они вошли подъ своды,
Чтобы въ немъ убѣжище найти.
Передъ ними на высокомъ тронѣ—
Сакья-Муни, каменный гигантъ.
У него въ порфировой коронѣ—
Исполинскій чудный брилліантъ.
Говоритъ одинъ изъ нищихъ: «Братья,
Ночь темна, никто не видитъ насъ,
Много хлѣба, серебра и платья
Намъ дадутъ за дорогой алмазъ.
Онъ не нуженъ Буддѣ: свѣтятъ краше
У него, царя небесныхъ силъ,
Груды брилліантовыхъ свѣтилъ
Въ ясномъ небѣ, какъ въ лазурной чашѣ...»

Поданъ знакъ, и вотъ ужъ по землѣ
Воры тихо крадутся во мглѣ.
Но, когда дотронуться къ святынѣ
Трепетной рукой они хотятъ,—
Вихрь, огонь и громовой раскатъ,
Повторенный откликомъ въ пустынѣ,
Далеко откинулъ ихъ назадъ.
И отъ страха все окаменѣло,—
Лишь одинъ—спокойно-величавъ—
Изъ толпы впередъ выходитъ смѣло,
Говоритъ онъ богу: «ты неправъ!
Или намъ жрецы твои солгали,
Что ты кротокъ, милостивъ и благъ,
Что ты любишь утолять печали
И, какъ солнце, побѣждаешь мракъ?
Нѣтъ, ты мстишь намъ за ничтожный камень,
Намъ, въ пыли простертымъ предъ тобой, —
Но, какъ ты, съ безсмертною душой!
Что за подвигъ сыпать громъ и пламень
Надъ безсильной, жалкою толпой,
О стыдись, стыдись, владыка неба,
Ты воспрянулъ—грозенъ и могучъ,—
Чтобъ отнять у нищихъ корку хлѣба!
Царь царей, сверкай изъ темныхъ тучъ,
Грянь въ безумца огненной стрѣлою,—
Я стою, какъ равный, предъ тобою,
И, высоко голову поднявъ,
Говорю предъ небомъ и землею,
Самодержецъ міра, ты неправъ!»
Онъ умолкъ, и чудо совершилось:
Чтобы снять алмазъ они могли,
Изваянье Будды преклонилось
Головой вѣнчанной до земли,
На колѣняхъ, кроткій и смиренный,

Предъ толпою нищихъ царь вселенной,
Богъ, великій богъ лежалъ въ пыли!

Пророкъ Іеремія.

О, дайте мнѣ родникъ, родникъ воды живой!
Я плакалъ бы весь день, всю ночь въ тоскѣ нѣмой
Слезами жгучими о гибнущемъ народѣ.
О, дайте мнѣ пріютъ, пріютъ въ степи глухой!
Покинулъ бы навѣкъ я край земли родной,
Ушелъ бы отъ людей скитаться на свободѣ.
Зачѣмъ меня, Господь, на подвигъ ты увлекъ?
Открою лишь уста, въ устахъ моихъ—упрекъ.
Но ненавистенъ Богъ—служителямъ кумира!
Усталъ я проклинать насилье и порокъ;
И что имъ истина, и что для нихъ пророкъ!
Отъ сна не пробудить царей и сильныхъ міра...

И я хотѣлъ забыть, забыть въ чужихъ краяхъ
Народъ мой, гибнущій въ позорѣ и цѣпяхъ.
Но я не могъ уйти—вернулся я въ неволю.
Огонь—въ моей груди, огонь—въ моихъ костяхъ...
И какъ мнѣ удержать проклятье на устахъ?
Оно сожжетъ меня, но вырвется на волю!

---

* *
*

Часовой на посту долженъ твердо стоять:
У тебя молодыя, здоровыя руки,
Ты не въ правѣ на міръ и на Бога роптать,—
Ты рожденъ для труда, не для призрачной муки.
Надоѣли намъ вѣчные стоны твои;

Постыдись! неужель ты умѣешь, какъ дѣва,
Лишь вздыхать при лунѣ о погибшей любви,
Неужель въ тебѣ нѣтъ ни отваги, ни гнѣва!
О, повѣрь,—если въ битву съ могучимъ врагомъ.
Презирая мученья, ты кинешься смѣло,
Полонъ жгучей любовью, враждой и стыдомъ,
Если жизнь ты отдашь за великое дѣло,—
Будутъ дѣтской игрою казаться тебѣ
Твои прежнія пѣсни, мечты и страданья,
Ты смертельныя раны забудешь въ борьбѣ,
Вмѣсто жалобъ и слезъ и проклятій судьбѣ—
Ты въ крови будешь пѣть въ свѣтлый день упованья!

Совѣсть.

Поэтъ, у ногъ твоихъ волнуется, какъ море,
Голодная толпа и ропщетъ, и грозитъ;
Стучится робко въ дверь безпомощное горе,
И призракъ нищеты въ лицо тебѣ глядитъ,—
А ты... изнѣженный, больной и пресыщенный,
Ты заперся на ключъ отъ воплей и скорбей;
Не начиная жить, ты жизнью устрашенный,
Бѣжалъ, закрывъ глаза, отъ міра и людей.
Надъ книгой ты скорбѣлъ, ты плакалъ надъ собою,
И, презирая трудъ, о подвигахъ мечталъ,
И, въ праздности гордясь печалью міровою,
Стенаньямъ гибнущихъ безчувственно внималъ.
Игралъ ты, какъ дитя, въ искусство и науку.
Въ уютной комнатѣ ты для голодныхъ пѣлъ
Свою развратную, безсмысленную скуку,
И хлѣбъ чужой, какъ воръ, всю жизнь безпечно ѣлъ.
Объ истинѣ кричалъ, но въ истину не вѣрилъ,
И, чувства мнимаго любуясь красотой,

Какъ въ зеркалѣ актеръ любуется собой,—
Въ слезахъ раскаянья ты лгалъ и лицемѣрилъ!

Что могъ бы ты сказать измученному міру?
Кому свою печаль ничтожную поешь?..
Твой безполезный стихъ—кощунственная ложь;—
Разбей ненужную, безсмысленную лиру!..
Съ людьми ты не хотѣлъ бороться и страдать,
Ни разу на мольбу ты не далъ имъ отвѣта,
И смѣешь ты себя, безумецъ, называть
Священнымъ именемъ поэта!

Донъ-Кихотъ.

Шлемъ—надтреснутое блюдо,
Щитъ—картонный, панцырь жалкій...
Въ стременахъ висятъ, качаясь,
Ноги тощія, какъ палки.

*

Но зато какъ много дѣтской
Доброты въ улыбкѣ нѣжной,
И въ лицѣ худомъ и блѣдномъ
Сколько вѣры безмятежной!

*

Для него хромая кляча—
Конь могучій Россинанта,
Эти мельничныя крылья—
Руки мощныя гиганта.

*

Видитъ онъ въ тавернѣ грязной
Роскошь царскаго чертога,
Слышитъ въ дудкѣ свинопаса
Звукъ серебрянаго рога.

*

Санхо Панса ѣдетъ рядомъ;
Гордый видъ его серьезенъ:
Какъ прилично копьеносцу,
Онъ величественъ и грозенъ.

*

Въ красной юбкѣ, въ пятнахъ дегтя,
Тамъ, надъ кучами навоза—
Эта царственная дама—
Дульцинея де-Тобозо...

*

Страстно, съ юношескимъ жаромъ
Онъ толпѣ крестьянъ голодныхъ,
Вмѣсто хлѣба, разсыпаетъ
Перлы мыслей благородныхъ:

*

„Люди добрые, ликуйте, —
„Наступаетъ праздникъ вѣчный:
„Міръ не солнцемъ озарится,
„А любовью безконечной...

*

„Будутъ всѣ равны; другъ друга
„Перестанутъ ненавидѣть;
„Ни алькады, ни бароны
„Не посмѣютъ васъ обидѣть.

*

„Пойте, братья, гимнъ побѣдный!
„Этотъ мечъ несетъ свободу,
„Справедливость и возмездье
„Угнетенному народу!"

*

Изъ приходской школы дѣти
Выбѣгаютъ, бросивъ книжки,
И хохочутъ, и кидаютъ
Грязью въ рыцаря мальчишки.

*

Апплодируя, какъ зритель,
Жирный лавочникъ смѣется;
На крыльцѣ своемъ трактирщикъ
Весь отъ хохота трясется.

*

И почтенный патеръ смотритъ,
Изумленіемъ объятый,
И громитъ безумье вѣка
Онъ латинскою цитатой.

*

Изъ окна глядитъ цырюльникъ,
Онъ прервалъ свою работу,
И съ восторгомъ машетъ бритвой,
И кричитъ онъ Донъ-Кихоту:

*

„Благороднѣйшій изъ смертныхъ!
„Я желаю вамъ успѣха!...“
И не въ силахъ кончить фразы,
Задыхается отъ смѣха.

*

Всѣ довольны, всѣ смѣются
Съ гордымъ видомъ превосходства,
И никто въ немъ не замѣтитъ
Красоты и благородства.

*

Онъ не чувствуетъ, не видитъ
Ни насмѣшекъ, ни презрѣнья:
Кроткій ликъ его—такъ свѣтелъ,
Очи—полны вдохновенья.

*

Смѣйтесь, люди; но, быть можетъ,
Вы когда-нибудь поймете,
Чтó возвышенно и свято
Въ этомъ жалкомъ Донъ-Кихотѣ:

*

Святы въ немъ — любовь и вѣра,
Этой вѣрою согрѣты
Всѣ великіе безумцы,
Всѣ пророки и поэты!

---

*
* *

Voluntas est superior intellectu.
Дунсъ Скоттъ.

Блаженъ, кто цѣль избралъ, кто вышелъ на дорогу
И мужествомъ бойца, и вѣрой надѣленъ,
Кто бросился стремглавъ въ житейскую тревогу,
Кто весь насущною заботой поглощенъ.
Волнуемъ злобой дня, въ работѣ торопливой
Онъ поневолѣ чуждъ сомнѣній роковыхъ,
И некогда ему отыскивать пытливо
Завѣтнаго ключа вопросовъ міровыхъ.
Со знаменемъ въ рукахъ вступая въ бой кровавый
Онъ можетъ ранами гордиться предъ толпой,
Онъ можетъ совершить свой подвигъ величавый
И на виду у всѣхъ погибнуть, какъ герой,
Погибнуть, какъ орелъ, чтó гордо умираетъ,
Пернатою стрѣлой пронзенный въ облакахъ,
И гаснущій зрачокъ на солнце устремляетъ,
Встрѣчая свой конецъ въ родимыхъ небесахъ.
Но горекъ твой удѣлъ, мечтатель безполезный:
Ненуженъ никому, отъ жизни ты далекъ.
И трепетно склонясь надъ сумрачною бездной

Неразрѣшимыхъ тайнъ, ты вѣчно одинокъ...
Струной, надорванной мучительнымъ разладомъ,
Твой каждый чуткій нервъ болѣзненно дрожитъ.
И каждый твой порывъ неотразимымъ ядомъ
Сомнѣній роковыхъ въ зародышѣ убитъ.
Въ бездѣйствіи проживъ, погибнешь ты безцѣльно...
Не тронетъ никого твой заунывный плачъ,
Не въ силахъ ничему отдаться нераздѣльно,—
Ты самъ своей души—безжалостный палачъ.
Порой ты рвешься въ даль, надеждой увлеченный,
Но воля скована тяжелымъ, мертвымъ сномъ:
Ты недвижимъ,—какъ трупъ, въ безсильи роковомъ,
Ты живъ,—какъ заживо въ могилу погребенный
Хотя бы вѣчностью влачился каждый мигъ,
Изъ гроба вырваться на волю не пытайся;
Не вылетитъ изъ устъ ни жалоба, ни крикъ,—
Молчи и умирай, терпи и задыхайся!

Поэту нашихъ дней.

Молчи, поэтъ, молчи: толпѣ не до тебя.
До скорбныхъ думъ твоихъ кому какое дѣло?
Твердить былой напѣвъ ты можешь про себя,—
Его намъ слушать надоѣло...

Намъ каждый ли твой стихъ сокровища души
За славу мнимую безумно расточаетъ,—
Такъ за глотокъ вина послѣдніе гроши
Порою пьяница бросаетъ.

Ты опоздалъ, поэтъ: нѣтъ въ мірѣ уголка,
Въ груди такого нѣтъ блаженства и печали,
Чтобъ тысячи пѣвцовъ объ нихъ во всѣ вѣка,
Во всѣхъ краяхъ не повторяли.

Ты опоздалъ, поэтъ: твой міръ опустошенъ,—
Ни колоса—въ поляхъ, на деревѣ—ни вѣтки;
Отъ сказочныхъ пировъ счастливѣйшихъ временъ
Тебѣ остались лишь объѣдки...

Попробуй слить всю мощь страданій и любви
Въ одинъ безумный вопль, въ негодованьи гордомъ
На лирѣ и въ душѣ всѣ струны оборви
Однимъ рыдающимъ аккордомъ,—

Ничто не шевельнетъ потухшія сердца,
Въ священномъ ужасѣ толпа не содрогнется,
И на послѣдній крикъ послѣдняго пѣвца,
Никто, никто не отзовется!

К. Н. ЛЬДОВЪ.

Кармелитка *).

(Средневѣковая легенда).

Луна, какъ факелъ, освѣтила
Безмолвный садъ;
Въ лазури звѣздныя кадила
Чуть, чуть дрожатъ...
Въ оградѣ звякнула калитка,
Шуршитъ сирень,
И молодая кармелитка
Скользитъ, какъ тѣнь.
Трепещетъ грудь подъ рясой черной,
Раскрытъ клобукъ,
И четки змѣйкою проворной
Сбѣгаютъ съ рукъ.
Вдохнулъ ей замыселъ грѣховный
Учитель зла...
—«Ты звалъ меня, отецъ ....,
И я пришла».

*) Кармелитка — монахиня католическаго ордена. Явленія, подобныя описанному въ этомъ стихотвореніи, конечно, давно уже отошли въ область историческаго, почти легендарнаго прошлаго.

Прим. автора.

Но, вмѣсто страстнаго объятья,
Сердечныхъ словъ,
Надъ ней раздалися проклятья
И звонъ оковъ.
— «Покайся, грѣшная черница!
Забывши стыдъ,
Ты не монахиня, — блудница,
Твой грѣхъ открытъ!
Тебѣ — костеръ, тебѣ — отрава
И мракъ могилъ...
Я искусилъ тебя лукаво, —
Но искусилъ».
Она трепещетъ въ смертномъ страхѣ,
Звучатъ ключи.
Идутъ суровые монахи,
Какъ палачи.
Упали темныя одежды,
Обнажена,
Безъ покаянья, безъ надежды
Стоитъ она...
Судья съ пергаментнаго свитка
Сорвалъ печать, —
И услыхала кармелитка:
«Замуровать!»
И скрылась тайна въ темной нишѣ,
Исчезъ тайникъ,
И замиралъ все тише, тише
Предсмертный крикъ.

Спиноза *).

Легенда.

(Посв. А. Л. Ф—у).

Nec ridere, nec lacrimari, sed intelligere.
Spinoza

Затмился день. Ночная мгла,
Какъ паутина, облегла
Всѣ очертанья... Амстердамъ
Безмолвенъ, пустъ, какъ людный храмъ.
Когда обѣдня отошла, —
И небо куполомъ надъ нимъ
Сіяетъ блѣдно-голубымъ...

Съ террасы низкой въ темный садъ,
Глубокой думою объятъ,
Выходитъ юноша... Кругомъ
Льютъ гіацинты ароматъ,
Въ аллеяхъ тополи шумятъ
И точно сыплютъ серебромъ...
Но блѣдный юноша идетъ
Такъ ровно, медленно впередъ—
И, только выйдя изъ воротъ,
Послѣдній взглядъ, прощальный взглядъ
Бросаетъ горестно назадъ...

Какъ догорѣвшая звѣзда
Съ зарею гаснетъ безъ слѣда,
Такъ въ сердцѣ гаснетъ у него

---

*) У Амстердамскаго врача Фонъ-денъ-Энде была дочь Олимпія — красивая ѣвушка, хорошо владѣвшая латинскимъ языкомъ. Сохранилась легенда, что пиноза, пожелавъ научиться этому языку, одно время былъ ея ревностнымъ ченикомъ и... поклонникомъ. Разсчетливая дѣвушка предпочла однако стыдливому и робкому философу богатства молодого гамбургскаго купца Керкеринга, мѣвшаго подкрѣплять свои притязанія жемчужными ожерельями, кольцами и ругими соблазнами. *Прим. автора.*

Святое чувство... Божество
Само низвергнуло себя,
Само алтарь разбило свой,
И, все минувшее губя,
Слилось со тьмою вѣковой...
Какъ обманулся онъ, любя!
Предъ чѣмъ клонилъ свое чело!..
Но солнце разума взошло,
И смолкло сердце... Мощный умъ
Разгонитъ тѣнь печальныхъ думъ,
И свѣтъ обманчивый любви
Въ сіяньи радостной зари
Затмится скоро навсегда...
Такъ догорѣвшая звѣзда
Съ зарею гаснетъ безъ слѣда...

И бросилъ онъ послѣдній взглядъ
На этотъ домъ, на этотъ садъ,
Гдѣ столько радостныхъ минутъ
Дано Олимпіей ему...
Какъ увлекалъ ихъ общій трудъ,
Отрадный сердцу и уму!
Какъ звученъ былъ въ ея устахъ
Латинскій стихъ, пѣвучій стихъ!...
Въ очахъ, какъ небо голубыхъ,
Сквозила мысль...
И онъ въ мечтахъ,
Въ мечтахъ полуночныхъ своихъ
Ее такъ нѣжно называлъ.—
Своей подругой... Онъ мечталъ
По жизни тѣсному пути
Ее любовно повести, —
Но счастья пѣнистый бокалъ
Изъ рукъ невыпитымъ упалъ...

Богачъ пустой, голландскій Крезъ,
Плѣнился нѣжной красотой, —
И дождь разсыпалъ золотой
У ногъ прелестной, — какъ Зевесъ...
И, какъ Даная, смущена,
Позорный даръ взяла она, —
Какъ даръ, ниспосланный съ небесъ...

Невольный зритель, въ этотъ мигъ
Онъ бездну горести постигъ,
И все доступное уму
Понятнымъ сдѣлалось ему...
Безсильнымъ юношей входилъ
Онъ такъ недавно въ этотъ домъ, —
Но вышелъ мыслящимъ бойцомъ
И взрослымъ мужемъ, полнымъ силъ...
И, взоръ глубокій отвративъ
Отъ стѣнъ, гдѣ юности весна
Навѣки имъ погребена,
Пошелъ онъ вдаль, какъ на призывъ
Незримыхъ геніевъ... И въ немъ,
Какъ будто выжжена огнемъ,
Блеснула мысль — и думалъ онъ:
„Къ чему безсильный, жалкій стонъ,
Къ чему безсилія печать
На тѣхъ, кто въ силахъ — *понимать!*“

И тихо взоръ онъ опустилъ...
Онъ *понялъ* все — и все *простилъ*.

Въ Публичной библіотекѣ.

На Невскомъ есть дворецъ, — простой и величавый.
Онъ точно думою возвышенной объятъ;

Его колоннами украшенный фасадъ
И лики мудрецовъ, увѣнчанные славой,
О чемъ-то вѣчномъ говорятъ...
Напротивъ — изгородь чугунная и садъ,
И пышный монументъ Державинской Фелицы.
Нерѣдко, утомясь волненіемъ столицы,
Сюда я прихожу пытливо изучать
Поэтовъ міровыхъ пѣвучія страницы,
Вписать случайный стихъ въ завѣтную тетрадь
И на досугѣ помечтать...
И такъ бѣгутъ часы, смѣняяся часами...
Вотъ шумно вспыхнули вечерніе огни, —
И длинный рядъ столовъ, сливавшихся въ тѣни,
Внезапно запестрѣлъ подъ яркими лучами...

. . . .

Какъ любо мнѣ слѣдить за умными чертами
Десятковъ юныхъ лицъ, открытыхъ, добрыхъ лицъ,
Склоненныхъ вдумчиво надъ блѣдными листами
Ученыхъ лекцій и таблицъ!
Вся зала — точно храмъ... Какой-то смутный шорохъ,
Таинственно звуча, какъ шопотъ, въ тишинѣ
Молитву робкую напоминаетъ мнѣ...
И чутко я ищу на лицахъ и во взорахъ
Скользящаго, какъ тѣнь, намека на мечту,
На ту духовную, святую красоту,
Которой нѣтъ границъ, которой нѣтъ предѣла...
Здѣсь—молодая мысль идетъ еще не смѣло
По проторенному слѣду...
Но крылья выростутъ... Я вѣрю: мощный геній
Орлинымъ взмахомъ отряхнетъ
Запутанную сѣть страданій и сомнѣній—
И къ алтарямъ любви и частыхъ вдохновеній
Направитъ царственный полетъ!..

Швея.

На небѣ блещетъ солнце,
Какъ золоченный щитъ...
Насупротивъ въ оконцѣ
Работница строчитъ.

Машина, что кузнечикъ,
Выводитъ тикъ да тукъ!
Какъ будто дождь колечекъ
Посыпался изъ рукъ.

Убогая косынка,
Склоненная швея...
Нехитрая картинка,—
А заглядѣлся я!

Вся сцена словно рамой
Окномъ обведена—
И жизненною драмой
Загадочно полна.

И впрямь, почти картина:
Такъ вѣчно можетъ быть,—
Стучать должна машина,
Швея должна строчить.

*
* *

Бѣлая ночь. Небеса, точно дымка,
Странно прозрачны и странно туманны.
Городъ уснулъ. Прикурнувши къ сидѣнью,
Дремлетъ извозчикъ. Родимое поле
Снится ему. Озаренная солнцемъ,

Тихо колышется рожь золотая.
Блещутъ серпы. Подъ веселую пѣсню
Дѣло спорится. Сынишка подростокъ
Жнетъ, точно взрослый, и матка съ нимъ рядомъ...
Сладкія грезы! Улыбка играетъ
Въ темномъ лицѣ...
Вдругъ послышался окликъ:
— «Ишь, нализался!» Извозчикъ съ просонокъ
Дернулъ возжами. Блюститель порядка
Смотритъ во слѣдъ и грозитъ ему пальцемъ.

Отшельникъ.

Въ бору ароматномъ, гдѣ сосны и ельникъ
Сплотилися тѣсно въ зеленый плетень,
Гдѣ дятелъ стучитъ и блуждаетъ олень,—
Отъ грѣшнаго міра спасался отшельникъ.
И вотъ омрачила предсмертная тѣнь
Черты изможденнаго лика...
И старецъ воскликнулъ: «Господь мой, Владыка
Незримыхъ и зримыхъ пространствъ и міровъ,
Прими мою душу и бренный покровъ,
На ней тяготѣвшій, какъ цѣпи!
Я въ жизни томился, какъ въ сумрачномъ склепѣ.
Я жаждалъ безумно грядущей зари,
Покинулъ людей и твои алтари,
И все, что́ къ земному меня привлекало...
Но истины сердце напрасно алкало:
Во мракѣ я жилъ и во мракѣ умру...
И совѣсть мою, какъ змѣиное жало,
Язвитъ сожалѣніе... Въ темномъ бору
Я былъ равнодушенъ къ земному добру;

Мірскія тревоги, мірскія печали
Смиренной молитвы моей не смущали,
Я духомъ стремился въ небесную даль—
И вотъ у могилы чего-то мнѣ жаль,
О чемъ-то быломъ я тоскую!
О Боже, Ты пѣнишь пучину морскую
И вновь превращаешь въ зеркальную гладь,—
Верни же Твой миръ и Твою благодать,
Душѣ, омраченной сомнѣньемъ!
Легко умереть, тяжело умирать...
О Боже, обвѣй мою душу забвеньемъ
И въ очи мнѣ славой Твоею блесни.
Зажги на мновенье святые огни,
Огни вѣковѣчнаго свѣта!..»
Но сумрачно въ кельѣ... Послышался гдѣ-то
Двухъ совъ заунывный, глухой переkликъ...
И старецъ съ мольбою къ святынѣ приникъ,—
И не было старцу отвѣта...

В. Л. ВЕЛИЧКО.

Легенда о суфи Халаджѣ.

Святой Халаджъ, подвижникъ и мудрецъ,
За слово истины смиренно шелъ на плаху
И недоступенъ былъ ни слабости, ни страху:
Отраденъ былъ ему страдальческій вѣнецъ.

*

Толпа, шумѣвшая на улицахъ Багдада,
Какъ разъяренныхъ волнъ мятущаяся рать,
— Того, кто въ мукахъ шелъ за ближнихъ умирать,
— Халаджа растерзать, какъ звѣрь, была бы рада.

*

Толпа рвалась къ нему; проклятій, камней градъ
Летѣлъ ему въ лицо, дышавшее любовью...
Онъ шелъ безропотно, шелъ, обливаясь кровью,
И слезъ, и гнѣва чуждъ былъ мученика взглядъ.

*

Вдругъ нечестивою, нетвердою рукою
Въ страдальца грязи комъ швырнулъ одинъ дервишъ,
Халаджъ затрепеталъ, какъ подъ грозой камышъ,
И слезы потекли изъ глазъ его рѣкою...

*

Игновенно стихло все. Въ гонителей сердцахъ
Какъ будто въ этотъ мигъ проснулось состраданье,
Иль озарило ихъ внезапное сознанье,
Что неземная скорбь сіяла въ тѣхъ слезахъ...

*

Но визирь Аль-Гамидъ, не вѣдавшій пощады,
Его съ улыбкою змѣиною спросилъ:
«Что вижу я, Халаджъ! Иль не хватило силъ?!
Отъ боли плачешь ты, отъ страха, иль съ досады?!»

*

И съ кротостью ему страдалецъ отвѣчалъ:
«Гоненія ведутъ меня къ престолу Бога,
Даютъ свободу мнѣ — и снесть готовъ я много!
Ты видѣлъ: до сихъ поръ терпѣлъ я и молчалъ!

*

Скорблю я за людей! За цѣлый міръ мнѣ больно!
Тебѣ-то Богъ проститъ, усердный, льстивый рабъ!
Тщеславью, золоту служа, ты духомъ слабъ,
И гонишь истину порою и невольно!

*

Слѣпцовъ — мучителей несмѣтную семью,
Что проливаютъ кровь невинную мою,
Всевидящій Господь сквозь милосердья двери
Введетъ въ познанья рай и миръ имъ дастъ въ раю:
Они — безумные! Они не люди — звѣри!...

*

Но нѣтъ! мнѣ жаль того, кто грязью бросить могъ
Въ идущаго на смерть, измученнаго брата!
Кто истину позналъ — и ею пренебрегъ!
Не звѣрь онъ — человѣкъ! И нѣтъ ему возврата
Изъ темныхъ дебрей зла въ добра святой чертогъ!

*

И, покидая плѣнъ своей темницы тѣсной,
Къ Тебѣ, о кроткій Богъ, съ мольбой летитъ мой духъ!

Прости! Прости его! Несчастія недугъ
Въ злодѣѣ исцѣли любовію небесной
*

«И къ свѣту призови бродящаго въ ночи!..»
— Молчали всѣ кругомъ... А черезъ мигъ безъ страху
Спокойной поступью взошелъ Халаджъ на плаху
И тихо вымолвилъ: «Свершайте, палачи!..

Отцвѣло.

Перчатку въ юности она швырнуть посмѣла
И свѣту, и семьѣ; она презрѣть сумѣла
Приманку роскоши, тщеславья суету;
Съ избранникомъ души, убогимъ и гонимымъ,
Сильна сознаніемъ добра непобѣдимымъ,
Она пошла на все,—на скорбь и нищету!..

И годы потекли,—мучительные годы!
Въ тяжелые часы житейской непогоды
Не угасали въ ней ни правда, ни любовь—
И въ этомъ жизнь была, и въ этомъ было счастье!..
Но вотъ на склонѣ лѣтъ разсѣялось ненастье:
Богатство и почетъ судьба дала ей вновь...

И на закатѣ дня, родившагося въ тучахъ,
Дитя ея любви, дитя страданій жгучихъ, —
Сіяетъ дочь ея безоблачной красой!
Вся—вылитая мать: станъ горделиво-стройный,
Въ лазури глазъ—огонь рѣшимости спокойной,
И теменъ цвѣтъ кудрей, змѣящихся косой.

Но что съ ней, Боже мой?! Сверкаетъ залъ огнями,
Пѣвучій льется вальсъ, веселыми роями
Мелькаютъ, кружатся десятки юныхъ паръ,

Кругомъ веселье, шумъ...—Но съ дѣвушкой что сталось?!
Схватилась зá сердце, блѣднѣя, зашаталась
И сѣла... Кто жъ нанесъ незримый ей ударъ?!.

Въ томъ залѣ, гдѣ кипитъ все жизнью молодою,
Стоитъ развалина во фракѣ со звѣздою —
И съ матерью ея о чемъ-то говоритъ...
Мамаша польщена... глаза горятъ восторгомъ...
—И сердцемъ чуетъ дочь, съ какимъ постыднымъ торгомъ,
Съ какою тьмой борьба ей, свѣтлой, предстоитъ!..

Иноплеменнику.

Какъ мать, мила отчизна мнѣ:
Святой вѣнецъ ея страданій,
Завѣтный кладъ ея преданій
И зыбкій пламень упованій
Ношу я въ сердца глубинѣ.

Рѣки могучей, многоводной,
Мнѣ сладко быть живой волной.
Но свѣточъ радости иной
Зажженъ мнѣ близостью съ тобой,
Иноплеменникъ благородный!

Мнѣ даль грядущаго видна.
Пусть враждовали наши дѣды! —
Стонъ пораженья, кличъ побѣды—
Умолкнетъ все! Исчезнутъ бѣды,
Падетъ китайская стѣна!..

Еще всесильна мгла тумана...
Но руку жметъ твоя рука:
Отходятъ звѣрскіе вѣка,
Быстрѣй родимая рѣка
Несется къ безднѣ океана!..

Гнѣвъ.

Не замѣтилъ я, какъ юность отцвѣла,
Какъ любовь воспоминаньемъ стала,
Какъ мечту мою, что̀ въ небесахъ витала,
Охватила мертвенная мгла!

Не замѣтилъ я, покинутый друзьями,
Какъ я сталъ въ день скорби одинокъ!
Море жизни бьетъ въ убогій мой челнокъ,
Ярко плещетъ мутными струями!..

Обезкрыленный, печальный и больной,
Жду я смерти,—смерти жду иль чуда!...
Но не сдамся я нечестію, покуда
Гнѣвъ святой, завѣтный гнѣвъ со мной!

Равнодушіе презрѣнное не смѣетъ
Въ храмъ души змѣею заползти:
Мечъ архангела закрылъ туча пути!
Гнѣва мечъ разитъ и пламенѣетъ!..

Чѣмъ наглѣй шумитъ неправды торжество,
Чѣмъ тяжѐлѣ, гуще мракъ унылый,
—О, тѣмъ пламеннѣй мой гнѣвъ, источникъ силы,
Гнѣвъ, хранитель сердца моего!

Сердцу шепчетъ онъ чуть слышно: «Ты устало?!
«О, повѣрь, не вѣчна эта мгла!
«Кто сказалъ тебѣ, что юность отцвѣла,
«Что любовь воспоминаньемъ стала?!...»

Голодъ.

, какъ мучительно глядѣть на эти лица
Рабовъ земли, обманутыхъ землей!
акъ сердце и замретъ, какъ хищною рукою
Внезапно схваченная птица!...
*
емлисто-сѣрый цвѣтъ понураго чела,
Уныніе тупое въ мутномъ взорѣ...
емля дѣтей своихъ, за тяжкій трудъ, на горе,
На муки, нà смерть обрекла!

*

е пусто: закрома, убогій хлѣвъ и клѣти!...
Скорѣй бы далъ Господь въ могилу лечь,—
шь не видать бы, какъ въ нетопленую печь
Глядятъ заплаканныя дѣти!

*

іубкой трепетной надъ ними вьется мать...
Звенитъ въ ушахъ, въ виски бьетъ кровь, какъ молотъ,
въ тьмѣ души ея сверкаетъ слово «голодъ!»...
Какъ тяжко это понимать!

*

какъ мучительно глядѣть на эти лица,
Какъ совѣстно!... Какъ дымъ, летучій дымъ,—
ъ суетна, жалка предъ бѣдствіемъ такимъ,
Печалей мнимыхъ вереница!...

*

дишь—и кажется, что въ чемъ-то виноватъ.
Потупишь взоръ, и дыбомъ встанетъ волосъ,

И въ глубинѣ души звучитъ немолчный голосъ:
«Гдѣ Авель?! Гдѣ твой братъ?!»

*

И опускаются, въ нѣмомъ безсильи, руки...
Я лишь пѣвецъ! Голодныхъ и больныхъ
Не оживитъ мой даръ,—поникшій долу стихъ
Печалью скованные звуки!...

*

Нѣтъ, пѣснь моя, воспрянь! Воспрянь и всѣхъ зови,
Какъ благовѣстъ разсвѣтный на молитву,
Какъ спящихъ воиновъ труба зоветъ на битву,
Весь край на подвиги любви!...

*

На черствыя сердца слезой пролейся жгучей,
Святымъ огнемъ сердца воспламени
И равнодушія дремоту разгони
Молніеносной, грозной тучей!

*

Пади златымъ дождемъ на грудь родной земли;
Въ унылой тьмѣ, какъ дальняя зарница,
Надеждой озари измученныя лица,
Надеждой скорби утоли!

*

Ты слово, ты не хлѣбъ,—но Царь земли и неба
Спаситель нашъ былъ Словомъ нареченъ!
Съ мольбой предъ нимъ склонись: тебя услышитъ О
И станешь ты—горами хлѣба...

Ключъ.

Грозна, всесильна смерть! Побѣждена природа!
Глубокій снѣгъ покрылъ дубравы и поля!

Корою ледяной подернулися воды,
И замерла въ цѣпяхъ страдалица—земля.

Кругомъ, вездѣ царитъ унылое молчанье—
И въ чащѣ лишь порой мороза слышенъ трескъ...
Но... чу! откуда-то доносится журчанье.
Возможно ль? Это сонъ?... Но нѣтъ, то водный плескъ!

Изъ-подъ крутой горы струею серебристой,
Какъ слово истины, непобѣдимъ, живучъ,
По камнямъ прыгаетъ и плещетъ влагой чистой,
Какъ дитятко, рѣзвясь, неугомонный ключъ.

Задумавшись, надъ нимъ стоятъ двѣ стройныхъ ели,
Два мощныхъ витязя родимой стороны.
А вольный ключъ бѣжитъ, журча, къ далекой цѣли
И навѣваетъ имъ чарующіе сны.

И передъ нимъ зима суровая безсильна:
Она—сковавшая такъ много мощныхъ рѣкъ,
Все задушившая подъ пеленой могильной,
Малютки-ручейка сдержать не въ силахъ бѣгъ.

Лишь онъ не побѣжденъ! Одинъ изъ всей природы
Онъ лишь не рабъ—за то, что трудный путь избралъ,
Что съ грязью не смѣшалъ свои живыя воды,
Что чистъ и свѣтелъ онъ, какъ блещущій кристаллъ!

За то, что холоденъ онъ былъ въ разгарѣ зноя,
Не сдался золоту полуденныхъ лучей,—
Теперь, когда царитъ молчанье гробовое,
Не смолкъ веселый плескъ его живыхъ рѣчей...

Такъ ты иди, пѣвецъ, тяжелою дорогой,
Надъ жизни холодомъ и зноемъ властелинъ,

Смѣясь надъ золотомъ—приманкою убогой—
И грязной роскошью сверкающихъ долинъ!

. . . .

Печаль Юсуфа.

(*Восточные мотивы*).

Юсуфу сильно повезло:
Халифъ призвалъ его въ число
Премудрыхъ визирей своихъ!
Юсуфъ въ халатахъ парчевыхъ,
Ему почетъ всѣ воздаютъ,
Червонцевъ—куры не клюютъ!..

Казалось бы,—ликуй, живи!..
Но у Юсуфа жаръ въ крови:
Онъ дѣла жаждетъ! Дѣла жъ.... нѣтъ!
Не милъ Юсуфу бѣлый свѣтъ—
И пристаетъ къ халифу онъ:
—«Я праздной жизнью истомленъ!»

Ему отвѣтствуетъ халифъ:
—«Ты подозрительно ретивъ!
«Тебѣ завидуетъ вся знать!
«Чего жъ еще,—нельзя ль узнать?—
«Прибавки жалованья, что ль,
«Желаешь ты?!... Я дамъ! изволь!»

—«О нѣтъ! Клянусь, доволенъ я..
«Но дѣла ждетъ душа моя!..»
—«Здѣсь разсуждать способенъ такъ
«Лишь иноземецъ иль дуракъ!

«Всѣ эти бредни—сѣмя смутъ!
«Отстань-ка!... Видишь этотъ кнутъ?!..»

Съ тѣхъ поръ бездѣйствіемъ своимъ
Юсуфъ нимало не томимъ...

Очень просто

(Изъ восточныхъ мотивовъ.)

Съ дикихъ горъ, твердынь свободы,
Въ гости къ жителю равнинъ
Прибылъ разъ вольнолюбивый,
Гордый вольностью лезгинъ.

И очамъ его орлинымъ
Не понравилась Нуха̀ *);
Совращать онъ сталъ знакомца
На опасный путь грѣха:

—«Ну, порядки! Ханъ вашъ—просто
«Кровожадный лютый звѣрь!
«Двадцать лѣтъ, какъ вы боитесь
«Показать ему на дверь!...

«Онъ слуга, намѣстникъ шаха:
«Пусть бы шахъ его прогналъ! —
«А не то,—у васъ, надѣюсь,
«Есть у каждаго кинжалъ!..»

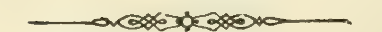
---

*) *Нуха̀* —бывшая столица нѣкогда грознаго Шекинскаго ханства.

Но прервалъ хозяинъ:—«Полно!
«Слишкомъ пылокъ ты, мой другъ,
«Ханъ, положимъ, вѣшать любитъ,—
«Но страшнѣй намъ шайка слугъ!

«Слуги хана—мы же сами,
«Корень зла не въ немъ, а въ насъ,
«Хану рай открыть кинжаломъ
«Мы могли бы хоть сейчасъ!

«Ну,—и что жъ за перемѣна?!.
«Развѣ то, что ханъ другой
«Сталъ бы, для разнообразья,
«Вѣшать книзу головой!!!...»



В. П. ЛЕБЕДЕВЪ.

Посѣвъ.

Въ полѣ влажномъ, за оврагомъ,
По неровнымъ бороздамъ
Ходитъ пахарь мѣрнымъ шагомъ,
Сѣя, сѣя, здѣсь и тамъ.
Вотъ умѣренной рукою
Онъ взмахнулъ, и въ глубь земли
Сѣмена его отъ зною
Солнца лѣтняго ушли.
Дальше, дальше! Полукругомъ
Улетаютъ сѣмена;
Много здѣсь пахали плугомъ,
Здѣсь пылила борона...
Много силы, много поту
Здѣсь истрачено—и вотъ
За упорную работу
Жатва пышно расцвѣтетъ.
Въ жаркій полдень, отливая
Синевой и серебромъ,

Эта нива молодая
Залепечетъ съ вѣтеркомъ.
Часъ придетъ, и въ полѣ чистомъ
Разгуляются серпы,
Рядомъ свѣжимъ и душистымъ
Лягутъ желтые снопы;
Цѣпъ застукаетъ, и зерна,
Въ полѣ зрѣвшія давно,
Вдругъ посыплются проворно
На метеное гумно...

Шутъ Іоанна Грознаго.

Когда, гнѣвясь на козни москвитянъ,
Жилъ въ слободѣ суровый Іоаннъ.
Когда, запятнанъ кровью неповинныхъ,
Онъ пировалъ на пиршествахъ безчинныхъ;
Когда, въ сѣкиры бранные мечи
Перековавъ, трудились палачи,
И смѣшанъ былъ за трапезою царской
И смердовъ родъ, и чванный родъ боярскій,—
Въ тѣ дни убійствъ, и казней, и гульбы
Дрожали всѣ—-бояры и рабы.
Лишь царскій шутъ въ заплатанномъ кафтанѣ
Шутить дерзалъ при грозномъ Іоаннѣ,
И иногда, стыдясь кровавыхъ дѣлъ,
Царь въ хитрой шуткѣ истину терпѣлъ.

Разъ Іоаннъ, держась за посохъ гнутый,
Пришелъ на пиръ съ Басмановымъ, съ Малютой.
Онъ мраченъ былъ... Въ застѣнкѣ до утра

Багрила кровь желѣзо топора,
Свистали плети, жертвѣ истомленной
Нагую грудь язвилъ свинецъ топленый,
И озарялъ костра пунцовый свѣтъ
Сквозь синій чадъ обугленный скелетъ.
Еще усталый, блѣдный и суровый,
На стулъ рѣзной въ узорчатой столовой
Сѣлъ Іоаннъ. Толпа нарядныхъ слугъ
Засуетилась съ винами вокругъ;
Всѣ въ клобукахъ, сидѣли, пили въ страхѣ
Изъ чашъ рѣзныхъ опричники, монахи,
А смѣлый шутъ у самыхъ царскихъ ногъ
На бѣлой шкурѣ весело прилегъ.
— „Эхъ, царь Иванъ", онъ молвилъ властелину:
„Залей виномъ, виномъ залей кручину..."
— „Пошелъ, дуракъ!...." — и мощною рукой
Царь опрокинулъ кубокъ золотой,
И со стола на бѣлый мѣхъ и на полъ
Напитокъ сладкій пурпуромъ закапалъ.
Страхъ оковалъ опричниковъ ряды,
Но, красныхъ капель яркіе слѣды
Стряхнувъ полой съ мишурнаго кафтана,
Шутъ отвѣчалъ на окрикъ Іоанна:
— „Не лей ручьемъ заморскаго вина...
„Вино не кровь!..." Настала тишина...
Поражены, изъ-за столовъ воспрянувъ,
Смѣшались всѣ; но посохъ Іоанновъ
Уже сверкнулъ и свистнулъ на лету,
Впиваясь въ горло дерзкому шуту...
И съ той поры никто изъ слугъ царёвыхъ
Не смѣлъ шутить на пиршествахъ дворцовыхъ.
Но много разъ суровый Іоаннъ,
Поднявъ виномъ наполненный стаканъ,
Жалѣлъ шута, не слыша шутокъ смѣлыхъ
Изъ рабскихъ устъ убійцъ освирѣпѣлыхъ...

Путникъ

Сверкали зеленыя очи драконовъ
Изъ мрака угрюмыхъ пещеръ;
Былъ камень кремнистый ущелій и склоновъ
И жостокъ, и сѣръ...
Колючій терновникъ росъ хмуро и чахло,
Роняя на камни иглу за иглой;
Изъ пропасти пахло
Разрытой могильной землей...
Шелъ путникъ, и горные склоны
Безъ стона онъ кровью кропилъ;
Не слышалъ онъ вѣянья близкихъ могилъ,
Не слышалъ, что выли драконы,
Что иглы терновыя грудь
И руки ему обнаженныя рвали,
Что бѣшено въ горномъ провалѣ
Потокъ пролагалъ себѣ путь....
Онъ шелъ и пылающимъ взоромъ
Безумно стремился туда,
Гдѣ, тѣшась небеснымъ просторомъ,
Къ звѣздѣ прилетала звѣзда...
Онъ шелъ... Все труднѣе и круче
Былъ путь по кремнистой скалѣ,—
А звѣзды сверкали, прекрасны и жгучи,
Все такъ же во мглѣ
Все такъ же очами изъ мрака пещеры
Драконы грозили, плылъ запахъ могилъ,
И такъ же, исполненъ пылающей вѣры,
Очей не сводя со свѣтилъ,
Онъ кровью холодные камни кропилъ...

На улицѣ.

День померкъ, и ночи тьма
Спускалась съ вышины,
И были улицы, дома
Зарей освѣщены.

По ней, ступая тяжело,
Шелъ каторжниковъ рядъ,
И велъ ихъ — сабли наголо —
Угрюмый взводъ солдатъ.

И въ блескѣ оконъ и домовъ,
Въ весенней красотѣ,
Былъ дикъ и страненъ звонъ оковъ
Столичной суетѣ,

И съ любопытствомъ тамъ и тутъ,
Среди забавъ и дѣлъ,
Счастливый людъ, свободный людъ
На скованныхъ глядѣлъ...

Мраморъ.

(Фреска).

Усталый рабъ въ каменоломнѣ тѣсной
Свершалъ свой трудъ тяжелый и безвѣстный
Гиметскій мраморъ, бѣлый, точно снѣгъ,
Онъ острымъ ломомъ скалывалъ и сѣкъ...
Тянулась долго трудная работа,
Ломилась грудь, струилились капли пота,
Надсмотрщикъ злой отсчитывалъ съ плеча
Рабу удары тонкаго бича —

И кровь текла по бѣлоснѣжной глыбѣ
И алой каплей рдѣла на изгибѣ...
И кончилъ рабъ и, выронивши ломъ,
Упалъ безъ силъ...
Съ державой и съ орломъ,
Бѣлѣлъ подъ аркой мраморной Юпитеръ;
Змѣясь, бѣжала цѣпь узорныхъ литеръ
На пьедестала гладкой бѣлизнѣ...
Народъ шумѣлъ... Ликуя, въ сторонѣ
Творецъ скульпторъ, питомецъ мирныхъ студій,
Внималъ рѣчамъ цѣнителей и судей:
„Какой орелъ! Живой! Взгляни:—вотъ, вотъ,
„Воспрянетъ онъ и крылья развернетъ!...
„А мантія!? А гордый взоръ владыки!?..“
Скульпторъ ловилъ восторженные клики,
Скульпторъ сіялъ—и, полный торжествомъ,
Онъ и не зналъ, не помышлялъ о томъ,
Чей трудъ служилъ въ горахъ во мглѣ суровой
Его труду зачаткомъ и основой.

А. Н. БУДИЩЕВЪ.

Послѣ битвы.

Военачальники избиты.
И уничтоженъ нашъ отрядъ...
Какъ очи гнѣвныя, горятъ
Созвѣздья, тучами повиты.
И вѣтеръ стонетъ, да луна
Глядитъ, печальна и блѣдна.

Я тихо выползъ изъ оврага,
Куда врагами сброшенъ былъ;
Росою жажду утолилъ
И, окровавленною шпагой
Смолистыхъ сучьевъ нарубивъ,
Зажегъ костеръ. Верхушки ивъ
Въ оврагѣ темномъ лепетали;
Безъ грома молніи сверкали
Вдали надъ сумрачной горой,
Да гдѣ-то звонко кони ржали,
И сычъ кричалъ, да волкъ порой
Протяжно вылъ во тьмѣ ночной...

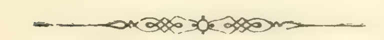
И вспомнилъ я: мы въ кучу сбились,
Спасая знамя отъ враговъ;
Тамъ стонъ стоялъ; ряды бойцовъ
Травою скошенной ложились.
И умирающій—кто могъ
Еще дышать,—спускалъ курокъ;
И холодѣвшими устами,
Послѣдній испуская стонъ,
Просилъ подать еще патронъ...
Мы въ злобѣ спорили съ звѣрями
И лишь о томъ жалѣли тутъ,—
Что руки рѣзать устаютъ!

И долго я въ оцѣпенѣньи
Сидѣлъ съ поникшей головой
И размышлялъ съ самимъ собой,
Но разрѣшить не могъ сомнѣнья:
Трусъ возбуждалъ во мнѣ презрѣнье,
И отвращеніе—герой!...

Изъ зимняго альбома.

Заря надъ полями алѣетъ.
Свѣтаетъ. Рѣдѣетъ туманъ,
И звѣздами инея сѣетъ
На скатѣ оврага бурьянъ.
Тамъ, нюхая воздухъ, лисица
Голодную мышь сторожитъ.
А въ садикѣ бѣломъ синица
Порхаетъ, поетъ и звенитъ;
Щебечетъ, какъ будто смѣется.
Знать, сердце надеждой живетъ,
Что красное лѣто вернется

И къ намъ мимоходомъ зайдетъ:
Заглянетъ въ холодныя хаты,
Въ окошко дождемъ застучитъ.
„За сохи, за косы, солдаты!“
Надъ соннымъ селомъ закричитъ:
„Взгляните: весна надъ полями!
Проснулись и птица, и звѣрь.
Чтó срублено древле отцами,
Подъ пашни корчуйте теперь!
Глядите на будущность смѣло,
И дѣти вамъ славу споютъ...
Да здравствуетъ честное дѣло,
Да здравствуетъ солнце и трудъ!...“



В. Н. ЛАДЫЖЕНСКІЙ.

На могилѣ Лермонтова.

Какъ море, гладь степей раскинулась кругомъ,
Лишь изрѣдка мелькнетъ убогое селенье,
И церковь бѣдная съ сіяющимъ крестомъ
На мирныя поля зоветъ благословенье...
Такъ вотъ куда, пѣвецъ, всевластною мечтой
Такъ часто мысль тебя, тоскуя, уносила,
Загубленный пророкъ страны моей родной—
Великій Лермонтовъ, такъ вотъ твоя могила!
Цвѣтущія поля ласкаютъ жадный взоръ,
Вотъ старый домъ, и садъ, и милыя Тарханы,
И роща вдалекѣ, а тамъ—опять просторъ,
Гдѣ вечеромъ въ степи синѣются туманы,
Какъ стая птицъ, на югъ несутся облака,
И если твой привѣтъ, съ собой, въ страну изгнанья,
Казбеку вѣчному снесутъ издалека,
То скажутъ, что поэтъ давно забылъ страданья,
Что горе спитъ въ землѣ, и что могильный сонъ

Ни клевета друзей, ни зависть не встревожитъ.
Что роемъ свѣтлыхъ грезъ покой твой окруженъ,
И злоба самая развѣять ихъ не сможетъ.

*
* *

Но, если бъ иногда страны своей родной
Ты могъ увидѣть жизнь,—проснулось бы мученье
Печально бъ ты глядѣлъ, съ щемящею тоской,
На племя жалкое, на „наше поколѣнье".
Напрасно протекли привычной чередой
Полвѣка долгаго томительные годы,
Безславенъ, какъ и встарь, нашъ скучный путь земной,
И сами мы бѣжимъ отъ счастья и свободы.
Лишь наглей дерзостью твой слухъ бы поразилъ
Разнузданныхъ страстей пиръ далеко не новый,
И съ головы „вѣнецъ пѣвца, вѣнецъ терновый"
Ты самъ сорвалъ бы и разбилъ!...

Умирающій пѣвецъ.

(Дорогой памяти А. Н. Плещеева).

Пѣвецъ умиралъ, истомленный борьбой;
Въ немъ сердце сжималось предсмертной тоской.

Холодная вьюга, прощаясь надъ нимъ,
Рыдала, какъ мать надъ ребенкомъ больнымъ.

Ужъ смерть леденила страдальческій взоръ,
И въ скорби друзей онъ читалъ приговоръ.

И вѣчную ночь—свой желанный покой—
Страдалецъ встрѣчалъ безысходной тоской.

Вдругъ слышитъ онъ пѣсню, поется она.
Любовью и нѣгой, и лаской полна,

И дышитъ свободнѣй усталая грудь.
Подъ пѣсню пѣвцу такъ отрадно заснуть.

Онъ самъ эту пѣсню когда-то сложилъ,
Въ нее онъ любовь и мечты перелилъ;

Тѣ звуки къ забытому счастью зовутъ.
Пѣвцы умираютъ, но пѣсни живутъ!

Покой и прощанье—тому, кто любилъ,
Кто пѣснями людямъ, какъ братьямъ, служилъ.

Пусть вянутъ надъ бѣдной могилой цвѣты,
Но жить будутъ вѣчно любовь и мечты!

---

*
* *

Блаженъ, кто съ вѣрою святою
Могъ къ цѣли доблестной итти,
Кто непогодой и грозою
Задержанъ не былъ на пути.

Блаженъ, кому дана судьбою
Отвага мощнаго бойца;
Прекрасенъ лавръ, рукой родною
Вплетеный въ тернъ его вѣнца.

Но не кори, страна родная,
И тѣхъ, кто палъ на полпути.
И ихъ, какъ мать, благословляя,
За ихъ любовь къ тебѣ прости!

Венеры.

(На мотивъ изъ Сюлли-Прюдома)

Я посѣтилъ пріютъ искусства—
Роскошный Лувръ. Передо мной,
Чаруя взоръ, лаская чувства,
Сіяла гордой наготой
Толпа Венеръ. Едва казался
Дворецъ царей достойнымъ ихъ—
И я красою любовался
Ихъ формъ—холодныхъ и нагихъ.
Я уходилъ. Передо мною—
Печальный образъ нищеты
Мелькнулъ съ тревожною мольбою,
Но съ той же властью красоты.
Лохмотья жалкія одежды,
Печать страданья на челѣ,
И взоръ, молящій безъ надежды
О лучшей долѣ на землѣ;
Недавнихъ дней живыя муки,
Блескъ потухающій очей,
Иглой исколотыя руки—
Вотъ что я видѣлъ. Прочь скорѣй,
Дитя несчастья и страданья,
Торгуй на улицахъ собой.
Мы пріютили изваянья,
Но мы не тронемся мольбой.
Для красоты не жаль намъ траты,
Но вотъ суровый нашъ отвѣтъ:
Для женщинъ мраморныхъ палаты,—
А для живыхъ—пріюта нѣтъ!

А. Н. ЛЕНЦЕВИЧЪ.

Вдова.

(Памяти Некрасова).

Дыша борьбой,—прекрасенъ и могучъ,—
Гремѣлъ аккордъ свободнаго напѣва.
Не стало струнъ; угасъ, какъ Божій лучъ.
Пророкъ суда, возмездія и гнѣва.

И съ той поры—печальною вдовой,
Храня завѣтъ минувшаго союза,
Влачитъ какъ тѣнь, съ поникшей головой,
Остатокъ силъ— тоскующая муза.

Но снится ей, что грозная судьба
Еще не все во мракѣ подавила:
Еще живетъ могучая борьба,
Еще цвѣтетъ невянущая сила!

Въ завѣтный мигъ, въ часъ утра—снится ей,—
Томясь мечтой блаженнаго союза,

Придетъ пѣвецъ и скажетъ: будь моей,
Довѣрься мнѣ, чарующая муза!

Уснула ты развѣнчанной вдовой,
Проснись на зовъ невѣстой вдохновенной,—
И мы зажжемъ
„волшебный факелъ твой,
Погашенный рукою дерзновенной!“ *

Портреты.

Я по стѣнамъ ихъ развѣсилъ съ волненіемъ:
Съ трепетомъ—въ каждомъ лицѣ
Я прочиталъ отраженіе скрытое
Правды въ терновомъ вѣнцѣ...
Пень озарялъ ихъ прощальнымъ сіяніемъ.
Дихо спускаясь во слѣдъ,
Тунная ночь разметала торжественно
Лвой электрическій свѣтъ...
С,—какъ живые.—въ лицо мое пристально
Исѣ они смотрятъ теперь...
Стань же предъ ними съ нѣмою молитвою,
Все имъ свободно повѣрь!
Думы ихъ зла и неправды не вѣдали,
Руки не мыты въ крови;
Міру завѣтъ они чистый оставили
Подвига, жертвы, любви.
Совѣсть померкшая, честь позабытая,
Правда безсмертныхъ рѣчей,—
Все ими вложено съ силою скрытою,
Въ сердце отчизны твоей...

---

* Стих. Некрасова: „Поэту (*памяти Шиллера*)“. Прим. авт.

Ночь подвигается... Въ дымку закутавшись,
Тускло мерцаетъ луна,
Тѣни—что призраки; сонная комната
Жуткаго мрака полна...
Лица ихъ только бѣлѣютъ загадочно:
Чудится, будто во мглѣ—
Съ терніемъ свитые лавры незримые
Блещутъ на каждомъ челѣ...

Подвижница.

Ласковый, блѣдный, съ печатью страданія,
Передо мною твой образъ рисуется.
Въ горлѣ моемъ закипаютъ рыданія;
Сердце мое замираетъ, волнуется.
Гдѣ ты, родная? Подъ жизненнымъ бременемъ
Грудь ли твою надорвало работою?
Жаръ ли священный смѣнился со временемъ
Въ сердцѣ остывшемъ—иною заботою?
Нѣтъ, не осилила тьма безпросвѣтная!
Вѣрю,—подвижница духомъ не падаетъ;
Вѣрю,—и нынѣ надежда завѣтная
Сердце ея согрѣваетъ и радуетъ.
Смолоду зрѣла мечта благородная,
Крѣпли сознательно помыслы честные.
И повлекло тебя въ море народное,
Въ глушь деревенскую, въ хижины тѣсныя.
Жить начинавшая,—рано ты свергнула
Жизни безцѣльной ярмо ненавистное;
Міръ искушеній ты гордо отвергнула.
Благо тебѣ, существо безкорыстное!
Душу свою не напрасно вложила ты
Въ дѣло великое долга суроваго:

Знаю,—тернистый вѣнецъ заслужила ты
Краше, свѣтлѣй и почетнѣй лавроваго...

Лѣсъ.

Столѣтній лѣсъ раскинулся на диво,
Какъ витязь, полный торжества.
Со всѣхъ концовъ трепещетъ горделиво
Его зеленая листва.
Въ сіяньи дня, когда, залитый свѣтомъ,
Онъ сѣть вѣтвей колеблетъ тяжело,—
Осѣнено покоемъ и привѣтомъ
Его державное чело.
Когда закатъ по гранямъ небосклона
Вечерній сумракъ озаритъ,—
Сквозь алый свѣтъ узорная корона
Багрянцемъ царственнымъ горитъ.
Нѣмая ночь—въ одеждахъ серебристыхъ,
Дыша привольемъ сонныхъ грезъ,
Лелѣетъ миръ дубовъ широколистыхъ
И бѣломраморныхъ березъ...

. . . .

Но холодна дремучая трущоба,
Тамъ тяжело... тамъ царство душной мглы...
Тамъ сводъ вѣтвей, подобно крышѣ гроба,
Нависъ ярмомъ на мрачные стволы.
Въ густой травѣ, бурьяномъ обрастая,
Деревья мертвыя гніютъ;
И солнца нѣтъ; и птицы, прилетая,
Завѣтныхъ пѣсенъ не поютъ.
Въ уныломъ снѣ, въ угрюмой непогодѣ,
Полузачахнувъ на корню,
Побѣги юные не грезятъ о свободѣ

Навстрѣчу радостному дню. .
Давнымъ давно,—сдается,—тамъ ходила
По чащѣ смерть верховнымъ палачомъ;
И ничего-то смерть не пощадила
Своимъ озлобленнымъ мечомъ...

. . . .

Но погоди: на склонѣ блѣдно-аломъ
Послѣдній лучъ полоской проведетъ.
Смотри,—заря въ мерцаньи запоздаломъ,
Потупясь, очереди ждетъ.
И если ночь, обвитая туманомъ,
Придетъ и смѣнитъ шумный день,
И разольетъ воздушнымъ океаномъ
Свою серебряную тѣнь,
И блики звѣздъ, подобныя коронамъ,
Разсыплетъ въ сумракѣ небесъ,—
То будешь ты внимать невнятнымъ стонамъ:
Не стоны льются,—плачетъ лѣсъ.
Дрожатъ листы; гармонія созвучій,
Вся гнѣвной жалобы, вся—ропота полна...
То плачетъ лѣсъ; въ его глуши дремучей
Не все сковали чары сна!...

На вершинахъ.

Стынетъ воздухъ,—и влагой туманы кропятъ
Опустѣвшія къ ночи дороги.
Свечерѣло... засни...
До разсвѣта не спятъ
Лишь одни повелители боги.
Разостлавши кругомъ олимпійскую тѣнь,—
У себя во дворцахъ и на тронахъ
Зажигаютъ онѣ перламутровый день
И садятся въ узорныхъ коронахъ.

Искрометный шатеръ—надъ ложницей боговъ
Окаймленныя дымкой тумана.—
Ихъ одежды свѣтлѣй бѣлотканныхъ снѣговъ
И серебряныхъ волнъ океана...
Полетѣть бы туда, за границу небесъ,
Въ голубую надзвѣздную сферу!
Тамъ киваетъ богинямъ украдкой Зевесъ,
Чуть косясь на ревнивую Геру;
Тамъ зоветъ Афродиту красавецъ Арей,
Щеголяя нарядымъ доспѣхомъ,—
И проказникъ Эротъ за шатромъ, у дверей
Заливается радостнымъ смѣхомъ;
Тамъ аккорды звучатъ,—и богиня Зари
Нѣжно вторитъ румяному Фебу...
...А внизу, на землѣ—поднялись алтари,
Закурились и молятся небу:
Ѳиміамы легли по росистымъ лугамъ,
Ароматы плывутъ по дубравамъ!...
. . . .
О! кому жъ, какъ не имъ, властелинамъ богамъ,
Наслаждаться божественнымъ правомъ?...

Похороны.

(*Памяти Шелгунова*).

По веснѣ, въ полутемной квартирѣ—
Незамѣтно—подъ шумъ городской,
Надорвался работникъ и, въ мирѣ,
Догорѣвъ, отошелъ на покой...
Не бѣлѣла парча гробовая...
Похоронному пѣнью въ отвѣтъ—
Не стонала, дрожа, мостовая
Подъ колесами чинныхъ каретъ...

На прощанье пальбы не гремѣло
Опочившему въ Бозѣ рабу...
Но когда безсловесное тѣло
Понесли въ деревянномъ гробу,—
Молодежь перѣдѣющимъ хоромъ
До могилы шагала пѣшкомъ;
И на солнцѣ зеленымъ узоромъ
Колыхались вѣнокъ за вѣнкомъ.
А на кладбищѣ рѣчи звучали.
Разливался торжественный свѣтъ,
И въ лучахъ его,—полной печали,—
Трепеталъ похоронный привѣтъ...
И казалось,—ночною порою
Въ синемъ сумракѣ, полномъ чудесъ,
До зари—надъ могилой сырою
Втайнѣ плакали звѣзды небесъ.
А внизу—на могилѣ, не слышно,
Подъ покровомъ ночной темноты—
Сѣялъ сѣятель сѣмя... и пышно
Расцвѣтали живые цвѣты...

Въ царствѣ лирики и мелодіи.

Полонъ творчества, полонъ мелодіи,—
Вдохновенно игривъ и красивъ,—
Упоительно за душу трогаетъ
И ласкаетъ залетный мотивъ...

*

Звѣзды яркія... волны жемчужныя...
Ароматъ поцѣлуевъ и розъ,—
Все въ одно музыкальное цѣлое
Широко̀ и свободно слилось.

*

Тутъ—и смѣхъ, и любовь, и лобзанія;
Звонъ бокаловъ и лавры вѣнца...
Только крови да слезъ человѣческихъ
Не дало вдохновенье пѣвца...

*

Трепеща недосказанной жалобой,
Схоронясь отъ очей—въ тишинѣ
За кулисами сцены сверкающей
Пріютились и дремлютъ онѣ...

*

Придавилъ ихъ узорчатый занавѣсъ:
Онъ украшенъ гирляндами розъ...
А подъ розами глохнетъ—*„кипѣніе*
Человѣческихъ крови и слезъ“.

На солнцѣ.

Миновалъ я деревья послѣднія;
Вѣтви парка шумятъ позади,—
И картина, плѣнительно чудная,
Открывается мнѣ впереди:

* * *

Прямо-прямо на греблю, на улицу,
На сверкающій прудъ, на плетень
Съ голубой высоты позолотою
Распахнулся причудливо день.
И не слышно ни звука, ни голоса,
Лишь—одна за другою подъ рядъ—
Хатки бѣлыя смотрятъ изъ зелени
И, какъ сахаръ, на солнцѣ горятъ.
А за хатами даль разстилается,—
За лугами синѣютъ лѣса,

И висятъ надъ ярами зелеными
Бирюзовымъ шатромъ небеса.
Подо мной чешуей перламутровой
Отливаетъ на солнцѣ вода.
Гуси плаваютъ; овцы со свиньями
Вперемежку сошлись у пруда.

*
* *

И не видно души человѣческой.
Только вижу: подъ сѣнью ракитъ
Чернокудрая смуглая дѣвочка,
Наклонясь надъ водою, стоитъ.
Наклонилась и мокрыми ручками
На просторѣ полощетъ бѣлье...
И такъ вздрогнуло—сладко и радостно—
Отогрѣтое сердце мое.

*
* *

Такъ мнѣ любо смотрѣть въ это личико,
Въ эти дѣтски-живыя черты:
Сколько въ нихъ безыскусственной прелести,
Сколько ласковой въ нихъ красоты!
И мнѣ кажется—все, что́ ни вижу я,
Къ этой крошкѣ любовью полно:
Этотъ воздухъ дрожитъ поцѣлуями:
Это солнце въ нее влюблено.
Разгораясь алмазомъ и золотомъ
Въ синевѣ безпредѣльныхъ высотъ,—
Слышу, слышу я,—солнце влюбленное
Лучезарную пѣсню поетъ:

*
* *

„Краше зорь и цвѣтовъ,—ненаглядная,—
Я люблю тебя, крошка моя!
Погляжу на тебя,—вплоть до вечера
Улыбаюсь привѣтливо я.
Я вскормило тебя и взлелѣяло;

Я здоровье тебѣ принесло
И на щечки твои, на румяныя,
Золотистымъ загаромъ легло.
Расцвѣла ты кудрявою березкою
Въ свѣтлой зелени майскаго дня:
Какъ дитя мое, крошка работница,
Ты похожа во всемъ на меня,
Только-только заря просыпается,
Ты со мной на работу встаешь;
Въ колыбели сестренка расплакалась.
Ты подсядешь и пѣсню поешь.

*
* *

До полудня подъ говоръ и пѣсенку
Сколько дѣла придѣлаешь ты!
Припасешь ты солому на топливо,
Принесешь изъ криницы воды,
Всѣ горшки перемоешь и выскребешь;
Чисто-начисто полъ подметешь;
Приглядишь за домашнею птицею;
Къ водопою коровъ поведешь.
Часто слышу, какъ тоненькимъ голосомъ
Созываешь ты утокъ и куръ;
И плыветъ и звенитъ переливами:
«Буль,-буль-буль... Тась-тась-тась... Цыпъ-цыпъ-цюрръ».
Въ мягкомъ воздухѣ звуки пѣвучіе,—
Долетаютъ они до меня
Простодушною свѣтлою музыкой
Въ тишинѣ деревенскаго дня...

*
* *

Тихій день пеленой покрывается...
Надъ садами, надъ кровлями хатъ
Сквозь деревья багрянцемъ и золотомъ
Догараетъ румяный закатъ...

Заросятся вишневые садики,
Закурятъ ароматомъ цвѣты...
При вечернемъ огнѣ занимаешься
Вышиваньемъ и пряжею ты.

*
* *

Тишина... Только муха бездомная
Сиротливо надъ лампой гудитъ...
Свѣтлый мѣсяцъ выходитъ изъ облака
И въ окно твое молча глядитъ...

*
* *

И, склонивъ головку,
Запоешь ты пѣсню;
Старая то̀ пѣсня:
Въ пѣснѣ говорится
Про Катрю дивчину,
Про парубка Гриця.
„Ой, не ходи, Грицю
„Та на вечерницу,
„Бо на вечерниці
„Дівки паривници...“
Недругъ опозорилъ,
Въ очи насмѣялся!
Сердце, обезумѣвъ,
Местью загорится...
Старая то́ пѣсня...
Пой, моя голубка:
Безъ пѣвучей пѣсни
Дѣло не спорится...

*
* *

Ты рубашку нарядную вышила;
Ты съ обновкою въ церковъ пойдешь:
„Чернобривці“, „барвінокъ“ невянущій,
Ленты алыя въ кудри вплетешь.
Вонъ одѣлись; пестрѣютъ; разсыпались

Вдоль по улицѣ... Говоръ и крикъ.
Ленты въ косахъ... рубахи узорныя...
Босикомъ... а головка—цвѣтникъ!

*
* *

Все наполнили пташки весеннія
Лучезарнымъ сіяньемъ своимъ.
Даже церковь съ иконами хмурыми
Улыбается нéхотя имъ.
Улыбаются лики святителей,
И апостоловъ строгихъ семья,
И въ простѣнкахъ крылатые ангелы,
И при входѣ пророкъ Илія...

. . . .

*
* *

Рѣки таютъ... Зорьки рдѣютъ...
Вишня расцвѣтаетъ...
Круглолицая дивчина
Въ хатѣ подрастаетъ.

—„На̀ що въ ха́ту похова́лась;
„Дэ жъ моé серде́нько?
—„Не займай менé, козаче:
„Я ще молоденька...
„Одченись відъ мéне, хлóпче;
„Я тебé не хо̀чу,
„Не тобі,—собі спиваю
„Пісеньку дівóчу...“

*
* *

Подросла ты; румяная, статная;
На тебя загладѣнье смотрѣть...
Ахъ, на службѣ у пана-помѣщика
Не пришлось бы тебѣ захирѣть!
Но польстится на тридцать „карбóванцевъ“

Старый батько: пойдешь ты служить
Въ „экономію“—черной работницей
Подъ господскою кровлею жить,
На своихъ ты съ охотой работала;
Поработай теперь на „пановъ“,—
Ты, что́ выросла въ хатѣ родительской,
Не извѣдавши дѣвичьихъ сновъ!
До того ли?... Ты за день измаешься;
Какъ убитая, ночью заснешь...
Ты безъ отдыха въ будни работаешь,
Да и праздникомъ рѣдко вздохнешь.

*
* *

Ты—и швейка, и прачка, и скотница...
Ты въ обѣдъ накрываешь на столъ;
По утру́ съ самоварами возишься...
Передъ праздникомъ вымоешь полъ...
Ты со щеткою бродишь по комнатамъ...
Ты приставлена печи топить...
Подвернется минута свободная,—
Ты стряпухѣ бѣжишь подсобить...

*
* *

Не страшна бы работа привычная;
Да работать путемъ не даютъ:
Отрываютъ отъ дѣла начатаго,
Десять новыхъ до срока суютъ.
То—„бѣги ты проворнѣе въ лавочку“,
То—„умыться подай паничамъ...“
Переполнится: слезы горючія
Подступаютъ невольно къ очамъ.
Но смотри,—осторожнѣй съ посудою.
Вонъ тарелка сверкнула и—трахъ!
За убытокъ служанку неловкую
Оштрафуютъ на первыхъ порахъ...

***

И штрафныя, и брань экономкина,—
Все притерпится; все ничего!
Кабы только на томъ и не ладилось.
Кабы не было хуже того...
Будетъ хуже!.

***

...Бѣда надвигается,
Словно по небу туча плыветъ:
Смотришь,—панъ межеваться задумаетъ,
По веснѣ землемѣра зоветъ.
Пріѣзжаетъ изъ дальняго города
Къ пану въ гости чиновникъ сѣдой.
При чиновникѣ—въ шапкѣ съ кокардою—
На подмогу паничъ молодой,
Онъ взглянулъ на тебя; онъ прищурился...
. . . О, панычу, далеко пойдешь!
Ты смазливъ: ты невѣсту пригожую
Скоро-скоро къ вѣнцу поведешь.
Поцѣлуешь,—зардѣетъ, потупится
На глазахъ у счастливой родни,
Такъ тогда вотъ, панычу забывчивый,
Ты „покрытку“ мелькомъ вспомяни!

***

Не найти оскорбительнѣй имени;
Нѣтъ позорнѣй клейма на челѣ:
Нѣтъ безславнѣе доли той проклятой,
Какъ покрытки въ родимомъ селѣ!
Людъ забитый! грѣхи твои многіе
Богъ отпуститъ тебѣ безъ суда.
Но за долю покрытки — жестокому —
Не простится тебѣ никогда!...“

***

Схоронилось, умолкло, нахмурилось,
Опечалилось солнце... и вдругъ
Просіяло внезапной улыбкою
И разсыпало искры вокругъ.
И, попрежнему, въ радостномъ воздухѣ,
Величавой свободы полны,—
Пѣсни прерванной отзвуки свѣтлые,
Торжествуя, звучатъ съ вышины:

* * *

«Полно-полно! о чемъ я пророчило?
Для чего я ту пѣсню пою,
Чтó вѣнкомъ изъ колючаго тернія
Упадетъ на головку твою!
Ты моими лучами взлелѣяна,
Ты росла неразлучно со мной!...
Выростай же невѣстой цвѣтущею,
Становись молодою женой!
Становись величавою матерью;
Подымай трудовую семью;
Пой ты пѣсню, что пѣла ты смолоду.
„Бáю—баюшки—бáю—баю..."
Ты сестренку той пѣснью баюкала
И вскормила, взростила шутя...
Наклоняйся теперь надъ колыскою,
Убаюкай родное дитя!...
Спитъ ребенокъ, во снѣ улыбается.
Сядь поближе; смотри на него;
Поцѣлуй его личико нѣжное,
Бѣлоснѣжную грудку его.
Въ грезахъ сна раскидалъ онъ ручонками
Словно ищетъ—кого бы обнять?
Спитъ румяная дочка... Какъ выростетъ,
Вѣрно будетъ похожа на мать..."

Заступница.

Только ляжетъ по нивамъ безбрежнымъ
Дымной ризой полночная тѣнь
И схоронитъ подъ пологомъ снѣжнымъ
Очертанья родныхъ деревень;
Только выйдутъ ночныя метели —
Наметать передъ окнами снѣгъ,
И свернется на жесткой постели
Заморенный нуждой человѣкъ:
Позднимъ часомъ — въ одеждѣ убогой —
По сугробамъ лѣсовъ и болотъ —
Занесенной снѣгами дорогой
Деревенская дѣва идетъ...
Облекло ее холодомъ ночи;
Стынетъ снѣгъ у нея на щекахъ.
Но любовно глядятъ ея очи;
И не плачетъ дитя на рукахъ.
Обнаживъ отъ морозныхъ пеленокъ
Безбоязненно дѣтскую грудь,
Молча смотритъ чудесный ребенокъ
Въ даль полей на синѣющій путь...
И когда полумракъ выясняетъ
Очертанья нѣмыхъ деревень, —
Очи дѣвы печаль осѣняетъ,
На чело надвигается тѣнь.
До беззвѣздныхъ небесъ долетая,
На просторѣ безлюдныхъ полей
Раздается молитва святая
За голодныхъ и нищихъ людей.
Проситъ путница; молитъ у неба, —
Преклоняясь съ младенцемъ на снѣгъ, —

Чтобы медленной смертью безъ хлѣба
Не погибъ трудовой человѣкъ.
Чтобы,—силы потративъ задаромъ,—
Христа-ради бѣднякъ не просилъ;
Чтобы моромъ, сумою, пожаромъ
Неповинному рокъ не грозилъ...
И, послыша сквозь ропотъ метели
Чудный отзвукъ молитвы святой,
Слаще спитъ на холодной постели
Человѣкъ, заморенный нуждой...
Только ляжетъ унылымъ покровомъ
На равнины полночная тѣнь,
И потонутъ во мракѣ суровомъ
Очертанья родныхъ деревень:

Сонъ.

Въ полночь угрюмую будитъ уснувшаго
Зовъ неожиданный:
„Братъ, выходи!
Стража разбросана,
Клѣтка растворена,
Цѣпи раскованы;
Врагъ—позади".
Флаги на площади... Пѣсня побѣдная
Льется по городу звонкой волной!..
И говоритъ онъ испуганнымъ голосомъ:
„Братья весны моей! Вы ли со мной?
„Братья спасители! Кѣмъ вы ниспосланы?
„Кто вамъ, какъ ангеламъ, дверь отворилъ?
„Гнѣвъ обезсиленный, сердце разбитое
„Здѣсь, у порога, давно я смирилъ.

„Очи мои слѣпотой затуманены;
„Кудри мои серебрятся, какъ снѣгъ...
„Братья! но все жъ-таки, пыткой поруганный,
„ Я—человѣкъ!
„Ожилъ я... Вѣра моя позабытая,
„Геній мой свѣтлый—воскресли въ груди!„..

. . . .

Сторожъ, гремящій
Ключами желѣзными!
Стой,—не буди...

К. Д. БАЛЬМОНТЪ.

Искры.

Если капли дождевыя
Съ неба падаютъ на землю,—
На просторѣ поля всходы
Разрастутся пышной нивой!
Если искры свѣтлой мысли
Въ душу падаютъ глубоко,—
Въ тайникахъ сокрытыхъ сердца
Вспыхнутъ чувства молодыя!

Памяти И. С. Тургенева.

1.

Уходятъ дни. И вотъ ужъ десять лѣтъ
Прошло съ тѣхъ поръ, какъ смерть къ тебѣ склонилась
Но смерти для твоихъ созданій нѣтъ,
Толпа твоихъ видѣній, о поэтъ,
Безсмертіемъ навѣки озарилась.

2.

Въ нѣмомъ гробу ты спишь глубокимъ сномъ:
Родной страны суровыя метели
Рыдаютъ скорбно въ сумракѣ ночномъ,
Баюкаютъ тебя въ твоей постели
И шепчутъ о блаженствѣ неземномъ.

3.

Ты заслужилъ его. Во тьмѣ невзгоды
Когда, подъ тяжкимъ гнетомъ, край родной,
Томясь напрасно жаждою свободы,
Переживалъ мучительные годы,
Ты былъ исполненъ думою одной:

4.

Кумиръ неволи сбросить съ пьедестала,
Живой волной ударить въ берега,
Сломить ту силу, что умы сковала,—
И ты поклялся клятвой Ганнибала,
Жить лишь затѣмъ, чтобъ растоптать врага.

5.

И ты спустился въ темныя пучины
Народной жизни, горькой и простой,
Плѣняющей печальной красотой,
И подсмотрѣлъ цвѣты средь грязной тины,
Средь грубости—любви порывъ святой.

6.

И слился ты съ той свѣтлою плеядой,
Предъ чьимъ огнемъ разсѣялася тьма,
Предъ чьимъ тепломъ растаяла зима;
Нахлынули борцы живой громадой,—
И пала крѣпостничества тюрьма.

7.

Но въ этотъ мигъ зиждительный и чудный
Ты не хотѣлъ душою отдохнуть,
Святымъ огнемъ твоя горѣла грудь,
И вотъ опять—далекій, многотрудный
Передъ тобой открылся новый путь.

8.

Дворянскихъ гнѣздъ завѣтныя аллеи.
Забытый садъ. Полузаросшій прудъ.
Какъ хорошо, какъ все знакомо тутъ!
Сирень, и резеда, и эпомеи,
И георгины гордыя цвѣтутъ.

9.

Затмилась ночь. Чуть слышенъ листьевъ ропотъ.
За рощей чуть горитъ луны эмаль.
И въ сердцѣ молодомъ встаетъ печаль.
И слышенъ чей-то странный, грустный шопотъ.
Кому-то въ этотъ часъ чего-то жаль.

10.

И тамъ вдали, гдѣ роща такъ туманна,
Гдѣ лучъ едва трепещетъ надъ тропой.—
Елена, Маша, Лиза, Маріанна
И Ася, и несчастная Сусанна—
Собралися воздушною толпой.

11.

Знакомыя причудливыя тѣни,
Созданія любви и красоты,
И дѣвственной, и женственной мечты;
Ихъ вызвалъ къ жизни чистый, нѣжный геній,
Онъ далъ имъ форму, краски и черты.

12.

Не будь его, мы долго бы не знали
Страданій женской любящей души.
Ея завѣтныхъ думъ, нѣмой печали;
Лишь съ нимъ для насъ впервые прозвучали
Тѣ пѣсни, что таилися въ тиши.

13.

Онъ возмутилъ стоячихъ водъ молчанье,
Запросамъ тайнымъ громкій далъ отвѣтъ.
Изъ тьмы онъ вывелъ женщину на свѣтъ,
Въ широкій міръ стремленій и сознанья,
На путь живыхъ восторговъ, битвъ и бѣдъ.

14.

Вотъ почему, съ любовью вспоминая
О томъ, кто удалился въ міръ иной,
Предъ кѣмъ зажегся свѣточъ неземной,
Здѣсь собралась толпа ему родная,
Съ нимъ слившаяся мыслію одной:

15.

Пусть мы съ тобой разлучены судьбою
Ужъ десять невозвратныхъ долгихъ лѣтъ,
Но ты, нашъ другъ, учитель и поэтъ,
Средь насъ живешь! Сверкаетъ надъ тобою
Безсмертія нетлѣнный чистый свѣтъ!

---

* *
*

Одна есть въ мірѣ красота,
Не красота боговъ Эллады,
И не влюбленная мечта,
Не горъ тяжелыя громады,

И не моря, не водопады,
Не взоровъ женскихъ чистота.
Одна есть въ мірѣ красота—
Любви, печали, отреченья
И добровольнаго мученья
За насъ распятаго Христа.

Нить Аріадны.

Межъ прошлымъ и будущимъ нить
Я тку неустанной проворной рукою:
Хочу для грядущихъ столѣтій покорно и честно служить
Борьбой, и трудомъ, и тоскою,—

Тоскою о томъ, чего нѣтъ,
Что дремлетъ пока, какъ цвѣтокъ подъ водою,
О томъ, что когда-то проснется чрезъ многія тысячи лѣтъ,
Чтобъ вспыхнуть падучей звѣздою.

Есть много не сказанныхъ словъ
И много созданій, не созданныхъ нынѣ,—
Ихъ столько же, сколько песчинокъ среди безконечныхъ
песковъ
Въ нѣмой аравійской пустынѣ.

Болото.

О, нищенская жизнь, безъ бурь, безъ ощущеній,
Холодный полумракъ, безъ звуковъ и огня!
Ни воплей горестныхъ, ни гордыхъ пѣснопѣній,
Ни тьмы ночной, ни свѣта дня!
Туманы, сумерки. Средь тусклаго мерцанья
Смѣшались контуры, и краски, и черты,

И въ царствѣ мертваго, безсильнаго молчанья
Лишь дышатъ ядовитые цвѣты,
Да жабы черныя, исчадіе трясины,
Порою вынырнутъ изъ грязныхъ спящихъ водъ
И, словно радуясь обилью скользкой тины,
Ведутъ зловѣщій хороводъ.

Туманы.

Туманы таяли и вновь росли надъ лугомъ,
Ползли, холодные, надъ мертвою травой,
И блѣдные цвѣты шептались другъ съ другомъ,
Скорбя застывшею листвой.
Они хотѣли жить, блистая лепестками,
Вздыхать, дышать, горѣть, лелѣять ароматъ,
Любиться съ пчелами, дрожать подъ мотыльками,
Изъ міра сдѣлать пышный садъ.
Они изнемогли подъ сыростью тумана,
И жаждали зари, и жаждали огня,
И плакали, что смерть приходитъ слишкомъ рано,
Что поздно вспыхнутъ краски дня.
И день забрезжился. Туманы задрожали,
Воздушнымъ кораблемъ повисли надъ землей,
И вѣтры буйные, смѣясь, его качали,
И свѣтъ боролся съ тусклой мглой.
Все жарче день пылалъ сверкающимъ привѣтомъ,
Холодный кругъ земли дыханьемъ горяча,—
И облако взвилось, пронизанное свѣтомъ
Непобѣдимаго луча!

А. М. ѲЕДОРОВЪ.

Въ ледоходъ.

(Пасхальный разсказъ).

Посвящается Н. Н. Златовратскому.

Дѣло было въ пасхальную, вешнюю ночь
Золотистыя, яркія звѣзды, точь въ точь—
Рой несмѣтный свѣтящихся пчелокъ,
Темносиній усѣяли пологъ.
И какъ будто бы силой Господнихъ чудесъ,
На усталую землю съ счастливыхъ небесъ
Пять-шесть звѣздочекъ яркихъ скатились
И въ избушкахъ села пріютились.
И одна-то изъ нихъ, что всѣхъ ярче была.
Пріютилась на самой окраинѣ села,
Въ покривившейся, бѣдной лачужкѣ,
Что стоитъ наподобье старушки.
Въ той лачужкѣ съ семьей проживаетъ рыбакъ
Съ старымъ дѣдомъ, женой да сынишкой; бѣднякъ
Получилъ еще съ ранняго дѣтства
Рыболовныя снасти въ наслѣдство.
Работящъ и совсѣмъ еще молодъ Андрей,
Оттого и доволенъ судьбою своей,

Да къ тому же не держится водки;
Старики его чтутъ въ околоткѣ.
На селѣ въ этотъ вечеръ хозяина нѣтъ:
За припасами въ городъ уѣхалъ чуть-свѣтъ.
Взялъ рыбешку послѣдняго лова:
Шутка ль, день Воскресенья Христова?!...
Очень ранняя Пасха въ тотъ выдалась годъ,
И на матушкѣ-Волгѣ ужъ тронулся ледъ;
Но крестьяне по льдинамъ на славу
Совершаютъ весной переправу.
Не обходится дѣло, порой, безъ бѣды,—
Ну, да русскій народъ ни огня, ни воды
Не боится, въ бояхъ не блѣднѣетъ:
«Смѣлымъ Богъ», говоритъ онъ, «владѣетъ».
Только ждетъ Катерина, пождетъ,—мужа нѣтъ.
Спитъ на лавкѣ сынокъ; до заутрени дѣдъ
Прикорнулъ на лежанкѣ. Ужъ вскорѣ
Зазвонятъ за рѣкою въ соборѣ.
А потомъ зазвонятъ и на нашемъ селѣ,
И пойдетъ дивно-радостный звонъ по землѣ.
Этотъ звонъ Катерина любила:
Въ немъ великая кроется сила
«Ну, однако замѣшкался что-то Андрей»,
Размышляетъ она... И что мигъ, то сильнѣй
Разгорается въ сердцѣ тревога:
Всѣ во власти у Господа Бога
«Что, коль, Боже избави, случилась бѣда!?...
Что я буду, безчастная, дѣлать тогда?
Дѣдъ, ребенокъ, другой ужъ на сносѣ...»
Страшно бабѣ при этомъ вопросѣ.
Поблѣднѣло отъ горькой тревоги лицо.
Вотъ она торопливо идетъ на крыльцо
И встревоженнымъ взглядомъ, подолгу,
Смотритъ вдаль за широкую Волгу.

Мать кормилица-Волга угрюмо шумитъ;
А за нею, какъ небо, огнями горитъ
Шумный городъ торговый, громадный...
Вѣетъ сыростью вѣтеръ прохладный...
Чу... какіе-то звуки звенятъ издали,
Точно съ неба... Должно быть, летятъ журавли,
Окликая другъ-друга призывно...
И на сердцѣ становится дивно:
То молиться захочется жарко ему,
То туда, къ этимъ звѣздамъ, въ небесную тьму
Улетѣть, улетѣть безвозвратно,
То рыдать... А о чемъ?—Непонятно!...

. . . .

Вдругъ на Волгѣ послышались ей голоса.
Катерина очнулась... Прошло съ полчаса,
Но не слышно ужъ больше ни звука...
Въ сердцѣ—жгучая, острая мука:
Точно кто-то вонзилъ ей невидимый ножъ...
До костей пробираетъ невольная дрожь,
Но не холодъ весенній—причина:
Врядъ замѣтитъ его Катерина!
И тогда возвратилася въ избу она...
Сладко дремлетъ сынокъ; не отбился отъ сна
И старикъ... Все безмолвно и тихо...
Боже правый, избави отъ лиха!...

Въ это время на Волгѣ, средь сумрачныхъ волнъ,
Острой льдиной рыбацкій прорѣзало челнъ.
Чѣмъ поправить несчастье такое?!
А сидѣло въ немъ молодцевъ двое:
Былъ одинъ то—Андрей; онъ домой, на бѣду,
Запоздалъ; а ночною порою по льду
Ужъ какая теперь переправа!
Ледоходъ—не пустая забава!

А другой—былъ его односелецъ бобыль:
Жизнь его замотала, какъ вѣтеръ—ковыль;
Горькій пьяница, парень безпутный.
Онъ скитался совсѣмъ безпріютный;
Но къ Христовому празднику, словно на зло,
Поспѣшилъ разговѣться въ родное село.
Ихъ челнокъ ужъ давно накренила вода.
Что тутъ дѣлать? Близка роковая бѣда...
Берегъ тонетъ средь мглы въ отдаленьи...
Здѣсь и думать нельзя о спасеньи!
Закричали, но крикъ средь бушующихъ волнъ
Потерялся. Какъ вдругъ опрокинулся челнъ.
И въ водѣ очутилися оба,
У предверья холоднаго гроба.
Закипѣла борьба... Въ озлобленьи рѣка
Потопить ихъ грозила... За бортъ челнока
Ухватились они въ утомленьи...
Боже правый, даруй имъ спасенье!..
Душегубку отъ тяжести тянетъ ко дну...
Врядъ ли имъ суждено пересилить волну!
«Слушай!—молвилъ бобыль:—дѣло скверно!
Одного-то челнъ сдержитъ навѣрно,
А обоимъ надеждъ на спасеніе нѣтъ!...
Хошь не хошь, а ужъ, видимо, больше на свѣтъ
И глазкомъ поглядѣть не придется...
Обо мнѣ никому не взгрустнется;
Пропаду,—не бѣда. Ну, а ты, братъ,—не я.
У тебя—молодая жена и семья,
Ну... и все. Такъ не помни же лиха,
Помолися...» Потомъ еще тихо
Онъ добавилъ: «Найдусь, не забудь, схорони,
Да въ могилу-то крестикъ сосновый воткни!»...
И, крестомъ троекратно себя осѣня,
Громко крикнулъ: «Прощай!»... Волга, тихо стеня,

Приняла горемыку любовно,
И въ нѣмомъ удивленіи, словно
Замерла... Онѣмѣлъ на минуту Андрей;
Но въ умѣ промелькнуло: «Спасенъ!» и скорѣй
Онъ гребетъ съ неестественной силой,
Жизнь купивши чужою могилой.

Мать.

Прекрасная, склонясь надъ дѣтской колыбелью,
Гдѣ ангелъ сна хранилъ невинное дитя,
Задумалася мать...
Съ зеленой, стройной елью
Боролся буйный вихрь, за окнами свистя;
Угрюмой ночи мракъ, какъ тяжкій бредъ больного,
Пугалъ тревожный взоръ; а на стеклѣ морозъ,
Казалося, чертилъ увѣренно, сурово
Отвѣтъ на роковой, таинственный вопросъ.
И спрашивала мать: «О, Боже! Боже правый!
Гдѣ тотъ святой алтарь, куда ребенокъ мой
Въ грядущемъ принесетъ съ торжественною славой
Достойный даръ души богатой и живой?
Скажи мнѣ: гдѣ онъ? гдѣ? И я всю жизнь, всѣ силы
Потрачу, чтобы онъ, мой первенецъ, мой сынъ
Отважно шелъ туда, не дрогнувъ, до могилы,
Какъ въ будничной толпѣ—великій властелинъ.
Скажи мнѣ только—гдѣ?»
И взоръ ея любовный
Вперился въ полумракъ передняго угла,
Гдѣ тихо догоралъ лампады свѣтъ неровный
И чей-то строгій ликъ смотрѣлъ изъ-за стекла:
То былъ священный ликъ Владыки-Саваоѳа.
И ей казалося: въ тоскливой тишинѣ,
Съ безмолвнаго холста, сіяя, какъ въ огнѣ,
Онъ кротко прошепталъ: «Такой алтарь—Голгоѳа».

Посвящается матери.

Мучительная ночь!... Усталый и разбитый,
Окончивъ трудный день, вернулся я домой;
Въ груди кипѣла желчь волною ядовитой.
И чей-то голосъ мнѣ шепталъ въ тиши ночной:
«Безумецъ! о, къ чему стремишься ты напрасно?
Далекъ грядущихъ дней желаемый восходъ:
Сурово, какъ палачъ, и, какъ палачъ, безстрастно
Твои усилья жизнь, смѣяся, разобьетъ.
Смотри: вокругъ тебя съ безсмысленнымъ забвеньемъ
Ликуетъ цѣлый сонмъ довольныхъ всѣмъ глупцовъ:
Имъ имя—легіонъ; въ борьбѣ съ такимъ теченьемъ
Безслѣдно пропадутъ усилія борцовъ.
Смотри...» Но, утомленъ сомнѣньемъ и скорбями,
Забылся я, и вотъ, въ полночной тишинѣ,
Какъ ангелъ, вѣющій незримыми крылами,
Ея святая тѣнь явилася ко мнѣ.
Да, то была она, склоненная къ постели,
Отъ острыхъ терній кровь виднѣлась на челѣ.
Она, которая учила съ колыбели
Меня терпѣть, любить и вѣрить на землѣ.
Ея скорбящій ликъ, припавшій къ изголовью,
Небесной красотой и нѣжностью сіялъ,
И взоръ ея горѣлъ печалью и любовью,
И голосъ дорогой, какъ музыка, звучалъ:
«Борись, пока въ груди не смолкли жизни силы,
Пока въ зловѣщей тьмѣ твой свѣточъ не погасъ,
Пока, какъ Божій громъ, не грянулъ смерти часъ,
И не окуталъ мракъ могилы!
Хвала и честь тому, кто страстной, свѣтлой вѣры
Не потерялъ въ борьбѣ со злобою людской!
А ты? Такъ молодъ ты! Стыдись, когда сомнѣнье

О торжествѣ добра вползетъ въ твой мозгъ змѣей!...»
И скорбный голосъ смолкъ, и дивное видѣнье
Исчезло, какъ заря, окутанная тьмой...

* *
*

Горя-то, горя-то сколько кругомъ!
Божьяго свѣта не видно.
Право, о собственномъ горѣ своемъ
Думать становится стыдно!

Стоны да вопли кругомъ—безъ конца;
Слезы потоками льются.
Тщетно изъ этого ада сердца
Къ свѣту и счастію рвутся.

Хочешь всѣмъ сердцемъ несчастнымъ помочь,
Всѣхъ осчастливить побѣдно...
Гдѣ тутъ! Какъ искры въ ненастную ночь,
Гаснутъ усилья безслѣдно.

Господи! Какъ еще люди темны!
Много ль для счастія нужно?!
Будьте, о братья, любовью сильны,
Вмѣстѣ работайте дружно!

Заповѣдь эта, какъ солнце, стара,
Но и, какъ солнце, нетлѣнна.
Братья, любите, и царствомъ добра
Станетъ весь міръ неизмѣнно.

Переселенцы.

I.

Неприглядная сторонушка,
Божьей милостью забытая,

Долей-счастьемъ обойденная,
Вѣковой нуждой повитая!
Въ ней на тронѣ, лыкомъ вязаномъ,
Укрѣпилось горе лютое,
Въ горючихъ слезахъ крещеное,
Въ рвань одѣтое, обутое.
А въ недобрый часъ къ проклятому
Снаряжались гости вѣрные:
Голодъ, холодъ, злой пожарище,
Недоимки безпримѣрныя,
О землицу истощенную
Притупились сохи, бо́роны,
Жито вышло непригодное,
Да и то склевали во́роны.
Потомъ нива поливалася
Да слезой крестьянъ горючею.
Вольный вѣтеръ къ ней не жаловалъ
Съ дождевой желанной тучею.
Отъ чумы да отъ безкормицы
Сталъ валиться скотъ измученный.
Взвылъ народъ. Ютясь отъ холода
Въ конурахъ толпою скученной,
Сталъ питаться онъ мякиною,
Да сухой корой дубовою,
И ему ль бороться, бѣдному,
Со своей судьбой суровою?!
И пошелъ Христовымъ именемъ
Нашъ кормилецъ съ просьбой слезною.
И рыдали вьюги снѣжныя
Надъ его судьбою грозною.
Нѣтъ на всей землѣ безропотнѣй,
Выносливѣе—забитаго
Мужика простого, русскаго,
Вѣковой нуждой повитаго:

Вынесъ онъ и зиму лютую,
И, порой неурожайною,
Голодъ, холодъ, злой пожарище
Силой смирною и тайною!
Ярче смотритъ солнце красное
На поля оледенѣлыя,
Надъ землей весна-красавица
Распростерла крылья смѣлыя.
Къ ручейкамъ и рѣчкамъ скованнымъ
Съ вѣстью облачко примчалося,
Что къ себѣ де море синее
Дорогихъ гостей заждалося.
Встрепенулись рѣчки быстрыя
И ручьи средь царства соннаго,
И спѣшатъ утѣшить ласкою
Старика неугомоннаго.
А земля? земля кормилица
Снѣговой водой умылася,
И въ уборы непорочные,
Какъ невѣста, нарядилася.
Ждетъ она къ себѣ изъ-за̀ моря
Дорогихъ гостей съ волненіемъ,
И летятъ къ ней гости званые
Съ свистомъ радостнымъ и пѣніемъ.
Вотъ они, какъ бусы черныя,
Испестрили высь сапфирную
И на землю опускаются
Стаей дружною и мирною.

II.

Ой ты, мать земля-кормилица!
Гости вновь къ тебѣ слетаются,
А другіе гости, старые

Съ гнѣздъ насиженныхъ снимаются.
Какъ невѣста, лаской нѣжною
Ты гостей пернатыхъ встрѣтила.
Что же ты кормильцевъ пахарей
Теплой лаской не привѣтила?
Вонъ они село родимое
Покидаютъ вереницею,
Распрощавшись съ храмомъ Божіимъ
И съ родимою землицею.
Видно больно ихъ измучили
Голодовка и лишенія,
Что они въ чужую сторону
Поплелись искать спасенія?
Горсть земли съ могилокъ дѣдовскихъ,
Одеженка обветшалая,
Сухари, какъ камень. черствые
Да кляченка исхудалая,—
Вотъ и все, чѣмъ только родина
Наградила съ злобой черною
Ихъ за трудъ, Творцомъ завѣщанный,
За борьбу съ нуждой упорною.

III.

Стонъ стоитъ въ избѣ Савельевой:
Воютъ бабы предъ дорогою,
Причитая, какъ по мертвому,
Надъ землянкою убогою.
Самъ Савелій ходитъ сумрачный.
Наконецъ, собравшись съ силою,
Онъ сказалъ: «Ну, полно маяться!
Воютъ, точно предъ могилою!
Въ путь пора!» И, какъ подкошенный,
Сѣлъ на лавку. Причитанья

Вдругъ замолкли. За хозяиномъ
Сѣли всѣ въ нѣмомъ молчаніи.
А потомъ, какъ стая чуткая
Голубей средь поля чистаго,
Поднялись, и предъ иконою
Пали ницъ, крестяся истово.
«Ну, аминь!» хозяинъ вымолвилъ,
Образъ снялъ рукой костлявою,
Вышелъ въ сѣни, да не выдержалъ,
Зарыдалъ слезой кровавою.
Въ телѣженку чуть не за̀мертво
Уложили бабку древнюю:
Не подъ силу ей прощаніе
Со своей родной деревнею, —
Тяжело склонить головушку
Не въ родной землѣ, какъ водится,
А навѣкъ разстаться съ кровными
И подавно, не приходится!

IV.

Чуть плетется кляча тощая,
А за ней, толпой печальною,
Горемычные хозяева
Поплелись въ дорожку дальнюю.
Впереди — отецъ съ сынишкою.
Парню скоро десять сбудется,
Онъ въ семьѣ подспорье главное
И съ утра до ночи трудится,
А за нимъ, худая, босая,
То и дѣло спотыкаяся,
Мать бредетъ съ грудною дѣвочкой,
Вся слезами обливаяся.
На холмѣ, отколь въ послѣдній разъ

Видно ихъ село печальное,
Встали всѣ и помолилися.
Эхъ ты, голь многострадальная!
Жаль тебѣ разстаться навѣки
Съ непривѣтливой сторонкою.
Жаль!.. И жаворонокъ жалобно
Сѣетъ съ неба трелью звонкою.

V.

Вотъ она Сибирь кормилица!
Хороши лѣса дремучіе,
Рѣки рыбныя, глубокія,
Ручейки быстротекучія!
Хороши поля пустынныя,
Золотыя, хлѣбородныя,
Гдѣ подъ шапкой-невидимкою
Вѣтры носятся свободные!
Но зашепчутъ вѣтры съ травами,
Тѣ слезою обливаются,
А съ цвѣтами, — такъ ихъ чашечки
Алой кровью наливаются.
Полетятъ ли къ небу синему, —
На него, какъ думы черныя,
Тучи грозныя слетаются,
Блещутъ молніи узорныя,
И тогда въ смущеньи горестномъ
Возвращаются бездомные
Въ глушь тайги непроходимую,
Въ дебри мрачныя и темныя.

VI.

Ой ты, мать Сибирь кормилица!
Какъ дары небесъ завѣтные,

Ты хранишь въ груди таинственно
Драгоцѣнности несмѣтныя.
И за этими-то перлами
Отъ твоей сестры измученной
Приплелись крестьяне русскіе,
Приплелись толпою скученной.
Но не съ ломомъ и не съ заступомъ
Приплелись толпою пестрою,
А съ сохою вѣковѣчною
Да съ серпомъ, съ косою острою.
Къ нимъ примкнула и знакомая
Намъ давно семья Савелія.
Ой, да какъ она убавилась!
Нищета-то хуже зелія!
Продана за грошъ татарину
Лошаденка ихъ поджарая
И тайкомъ въ дорогѣ скрылася
Отъ семейства бабка старая:
Все по родинѣ убогая
Тосковала да томилася.
Вѣсть пришла, что умирать она
Въ глушь родную воротилася.
Умерла въ пути и дѣвочка:
Не пришлось ей долго маяться.
Ну, да это горе — съ полгоря:
Ей надѣлъ не полагается!
Грѣхъ сказать, а все вольготнѣе
Послѣ этого вздохнулося.
Дай-то, Господи, чтобъ счастіе
Хоть теперь имъ улыбнулося!

Молитва.

Не у подножья алтаря
Въ обычный часъ богослуженья
Къ престолу Вышняго Царя
Я возношу свои моленья.
Не хоръ божественный пѣвцовъ
Имъ вторитъ трепетно и стройно, —
Какъ стая раненыхъ волковъ,
Рыдаетъ вьюга безпокойно;
Тоскливый, блѣдный свѣтъ свѣчи
Тьму одиночества пугаетъ,
Да въ окна тусклыя бросаетъ
Луна холодные лучи...
Спаситель міра! Не словами,
И грудь крестомъ не осѣня, —
Святыми, жаркими слезами,
Молю я: выслушай меня!
Не надо мнѣ богатства, славы,
Я не молю мнѣ жизнь продлить!
Но сохрани мнѣ, Боже правый,
Блаженство вѣрить и любить!
О, Всеблагой! Небесной силой
Мой стихъ печальный оживи,
Чтобъ, какъ заря во тьмѣ унылой,
Сіялъ онъ вѣстникомъ любви,
Въ сердца обиженныхъ судьбою
Забвенье сладкое вливалъ,
И обезсиленныхъ борьбою
Въ житейской битвѣ ободрялъ.
Услышь меня! Какъ лучъ въ неволѣ,
Разсѣй души угрюмой ночь,
Иль разорвется грудь отъ боли,
Что я безсиленъ имъ помочь

Хлѣба!

Какъ тяжелый, карающій молотъ,
Въ этотъ сумрачный памятный годъ,
Опустился губительный голодъ
На тебя, горемычный народъ.
Не дало всемогущее небо
Землепашцамъ награды за трудъ.
«Братья! Братья! Откликнитесь! Хлѣба.»
Ради Бога страдальцы зовутъ.
Вѣчно полны тупого смиренья,
По простору великой страны
Подъ снѣгами родныя селенья
Притаилися вплоть до весны.
Дымъ изъ трубъ закоптѣлыхъ не вьется.
Опустѣвшая печь холодна.
«Хлѣба! Хлѣба!» Какъ стонъ раздается.
«Въ закромахъ не осталось зерна!»...
Кто жъ останется къ нимъ безучастнымъ?!
Помогите упавшимъ въ борьбѣ!
Помогая голоднымъ, несчастнымъ,
Вы поможете, братья, себѣ!

---

*
* *

Народъ гонимый! Твой страдальческій удѣлъ
Порой волнуетъ сердце мнѣ до боли.

Лишенный родины, участія и воли,
Подъ тучей ядовитыхъ стрѣлъ,
Скитаешься вездѣ ты въ мірѣ одинокій,
Какъ ночью голуби, когда пожаръ жестокій,
Разрушивъ гнѣзда ихъ, разсѣеваетъ птицъ
Въ пріюты мрачные расщелинъ и гробницъ.

Въ былыя времена твой геній величавый

Сіялъ по всей землѣ торжественною славой,
И людямъ гибнущимъ онъ первый завѣщалъ
Любви и истины священный идеалъ.
Но зерна дивныя пророческой святыни
Пигмеи жалкіе забросили въ пустыни.

Загадоченъ, какъ міръ, твой сумрачный удѣлъ.
Возстанешь ли ты вновь непобѣдимъ и смѣлъ?
Услышатъ ли вдали грядущаго народы
Изъ блѣдныхъ устъ твоихъ великій гимнъ свободы?
Иль, какъ ярмо оковъ, небесный гнѣвъ влача
Повсюду за собой, погибнешь ты безслѣдно
Въ пыли, униженный, осмѣянный и бѣдный
Подъ грубою рукою палача?

Кто дастъ отвѣтъ?.. Твой стонъ, народъ разъединенный,
Мнѣ душу точно звонъ тревожитъ похоронный.

Деревенскіе пожары.

Пожаръ! Пожаръ! Какъ знамя Божьей кары,
Клубится дымъ надъ стонущей землей.
Гудятъ, гудятъ набатные удары,
Сливая звонъ въ ужасный, скорбный вой.
Горятъ хлѣба, горятъ деревни, села,
Голодный скотъ горитъ въ его хлѣвахъ.
Какъ дикій врагъ съ грозою произвола,
Летаетъ смерть на огненныхъ крылахъ.
Поля золой, какъ трауромъ, одѣты;
Ихъ мрачный видъ ужаснѣе кладбищъ.
Порой людей встрѣчаются скелеты,
На черныхъ грудахъ бѣдныхъ пепелищъ.
О, Божій гнѣвъ! Кого казнишь ты властно?
Остановись!.. Безмолвенъ небосводъ.
А солнце льетъ потокъ лучей безстрастно,

А черный дымъ густѣетъ и растетъ.
Пожаръ! Пожаръ!.. И ужасъ, точно сталью,
Сковалъ сердца испуганныхъ крестьянъ.
Гдѣ имъ теперь, охваченнымъ печалью,
Унять огня мятежный океанъ?!
Куда ни глянь: на грудахъ обгорѣлыхъ
Сидятъ они угрюмою толпой.
Въ глазахъ, отъ слезъ и горя отупѣлыхъ,
Видна печать покорности слѣпой.
Порой, какъ стонъ, послышится рыданье
И вдругъ замретъ... Родимая страна!
Ужель твоихъ хранителей стенанья
Заглохнутъ здѣсь, какъ подъ скалой — волна.
Ужель набатъ немолчный и ужасный,
Какъ тяжкій вопль, ревущій день и ночь,
Не разобьетъ холодности безстрастной?
Не призоветъ униженнымъ помочь?...
Гудитъ набатъ надъ стонущей отчизной.
Горятъ хлѣба, деревни и лѣса,
И ѣдкій дымъ безмолвной укоризной
Отъ пепелищъ уходитъ въ небеса.

---

*
* *

Ты угасла, какъ гаснетъ заря золотая,
Когда темная ночь свой раскинетъ покровъ.
Ты угасла, ни ласкъ, ни привѣта не зная,
Отдыхай же теперь, о моя дорогая:
Путь твой былъ безотрадно тяжелъ и суровъ.
Въ міръ вошла ты, красою небесной сіяя,
И вступила въ борьбу со зловѣщею тьмой.
Ты боролась, предѣла отвагѣ не зная,
И оружьемъ твоимъ была вѣра святая,

Свѣтъ и истина были твоею броней!
Но напрасно такъ долго ты къ людямъ взывала,
Чуждъ былъ имъ голосъ, полный горячей любви,
И въ тебя безпощадно каменья бросала
Та толпа, за которую ты такъ страдала,
Забывая страданья и муки свои.
Не о мести просила ты предъ небесами.
Но молилась: «Прости имъ, Премудрый Творецъ.
Они — дѣти: не знаютъ, что́ дѣлаютъ — сами».
И съ улыбкой надѣла терновый вѣнецъ.

Балъ.

Вокругъ меня кипѣлъ блестящій, шумный балъ.
Въ потокахъ ослѣпительнаго свѣта
И въ волнахъ музыки какъ будто утопалъ
И залъ, и вся толпа приверженцевъ паркета.
Но мнѣ вся эта жизнь казалась душнымъ сномъ.
И, чуждый ихъ тревогъ и праздничнаго шума,
Стоялъ я одинокъ въ раздумьи роковомъ,
И жгла пытливый умъ мучительная дума.
Въ безпечномъ говорѣ веселыхъ голосовъ
Мнѣ слышались въ тотъ мигъ и вопли, и стенанья
Страдальцевъ, чей удѣлъ былъ мраченъ и суровъ,
И въ сердцѣ пробуждалъ святое состраданье.
За жизнью праздности я видѣлъ тьму гробницъ,
Лохмотья нищеты сквозь пышные наряды,
И въ выраженіяхъ тупыхъ и сытыхъ лицъ
Больныхъ, голодныхъ массъ страдальческіе взгляды.
Безсмысленной судьбы безсмысленный законъ!
И есть, и будетъ онъ отъ вѣка и до вѣка:
За смѣхъ безпечнаго страдальцевъ платитъ стонъ;
Несчастіе толпы — за счастье человѣка.

Ж. Ж. Руссо.

Онъ умеръ. Это ложь! Тотъ вѣчно не умретъ,
Чье имя громкое отзывчивый народъ
Хранитъ въ своихъ сердцахъ, ревниво, какъ святыню,
Чья пламенная рѣчь, какъ бурный ураганъ,
Сомнѣній роковыхъ разсѣяла туманъ,
Въ поля преобразивъ безплодную пустыню.
Учитель и пророкъ! Священный голосъ твой
Во Франціи гремѣлъ, какъ ропотъ громовой,
Когда подъ игомъ зла, унынья и безсилья,
Какъ царственный орелъ, оставлена въ пыли,
Она была поднять не въ силахъ отъ земли
Неволей тяжкою измученныя крылья.
Какъ живо вижу я прекраснѣйшій моментъ!
Католикъ, протестантъ, рабочій и студентъ,
Несмѣтною толпой, разлившейся, какъ пламя,
Презрѣвъ свою вражду, въ одинъ собравшись храмъ,
Возносятъ, какъ одинъ, къ священнымъ небесамъ
Свободы, истины, любви и братства знамя —
Прекраснѣйшій моментъ, апоѳеозъ любви!
Какъ призракъ истины, потопленный въ крови,
Ты солнцемъ засіялъ на темномъ небосводѣ,
Но ночь была темна, — померкнулъ скоро ты,
Мильономъ яркихъ звѣздъ сверкнувъ средь темноты,
Мильономъ вѣчныхъ звѣздъ разсыпавшись въ народѣ.

Л. М. МЕДВѢДЕВЪ.

Сѣятелю.

Зародыши добра и мысли благородной
На нивѣ дѣвственной, на нивѣ плодородной,
На пажити святой, на пажити народной
Со всѣмъ стараньемъ сѣй!

*

И подаритъ зерно потомъ благіе всходы,
Исчезнутъ бѣдствія, и пролетятъ невзгоды,
Хоть медленно идутъ желанные тѣ годы
Для родины твоей!

*

Но подойдетъ пора, потомъ наступитъ время —
Сторицей возрастетъ посѣянное сѣмя,
И сохранитъ его родное племя
На вѣкъ въ груди своей!

*

И тихо ты умрешь забытый, неизвѣстный,
И бросишь этотъ міръ обманчивый и тѣсный,
Но вѣрь, что заронишь порывъ благой и честный
Въ душѣ другихъ людей!

Война.

«Война, война!» несется кличъ,
Повсюду шумная тревога,
Она идетъ, какъ страшный бичъ,
Какъ злое наказанье Бога.

*

Она идетъ, за ней вослѣдъ
Въ сіяньи безпощадной славы
Несется адскій шумъ побѣдъ
И пораженій вздохъ кровавый.

*

Она идетъ — и вотъ кругомъ
Встаютъ жестокія картины:
Истреблены дома огнемъ,
Въ крови и горы, и долины.

*

Внимая голосу войны,
Идутъ безсмысленные люди,
И подъ ударъ обращены
Ихъ жизнью дышащія груди.

*

Подъ страшнымъ именемъ солдатъ
Они идутъ на гулъ сраженья, —
И убиваетъ брата братъ
Безъ всякой искры сожалѣнья.

*

Уста несчастныхъ матерей
Сквозь сонъ твердятъ слова молитвы
За ихъ любимыхъ сыновей,
Погибшихъ жертвой грозной битвы.

*

Но не услышатъ нѣжныхъ словъ
Они, угасшіе такъ рано

Подъ пулей мѣткою враговъ,
Подъ дикій грохотъ барабана.
*

Война, проклятая война,
Не ты ли намъ еще отъ вѣка
Какъ наказанье суждена
За преступленья человѣка?

---

*
* *

Все, чѣмъ мы богаты, все, что́ міръ имѣетъ
Создавала битва, созидала кровь:
Оттого надъ міромъ злоба тяготѣетъ,
Оттого чужда намъ вѣчная любовь.
*

Городъ, лѣсъ и поле, горы и долины
Слышали отъ вѣка звонкій трескъ мечей,
Умирали царства, гибли исполины
И лихой неправды, и святыхъ идей.
*

Вотъ она открыта мрачная завѣса,
Міровыхъ событій намъ извѣстенъ ходъ,
Бились изъ-за мрака и изъ-за прогресса,
Бились за господство, бились за народъ.
*

И еще понынѣ льется кровь рѣкою,
Все играютъ люди въ «мирныхъ и враговъ»,
И еще пройдемъ мы этой же стопою
Въ безграничномъ ходѣ множества вѣковъ.
*

Но въ кровавой почвѣ зародилось сѣмя,
Зародилось мысли истинной зерно,
И другіе нравы, и другое время
Для потомковъ нашихъ подаритъ оно.
*

Тамъ, гдѣ бѣсновались яростныя битвы,
Тамъ, гдѣ проливалась неповинныхъ кровь, —
Тамъ произнесутся тихія молитвы,
Воцарится правда, счастье и любовь!

Въ родной глуши.

И этотъ городъ малолюдный,
И это мертвое молчанье,
И сонъ позорно-непробудный —
Во мнѣ родятъ одно страданье.

*

Какъ въ нѣдрахъ сумрачной могилы
Здѣсь вѣетъ леденящей тьмою,
Умы людей, таланты, силы
Обречены навѣкъ застою.

*

Здѣсь глохнетъ проблескъ мысли свѣжей
Царитъ здѣсь спячка вѣковая...
Да, этотъ русскій сонъ медвѣжій —
Прообразъ твой, страна родная!

Надъ моремъ.

Я съ грустью гляжу на шумящее море,
Стремится волна за волною;
Не такъ ли и ты, безконечное горе,
Разлилось надъ русской землею?

*

Не видно конца этой буйной пучинѣ,
Повсюду зеленыя воды;
Такъ точно не видно исхода кручинѣ,
Конца не отыщешь невзгоды.

Старая пѣсня.

Словно птичка рѣзвая
Въ небѣ разыгралась —
Мысль живая, трезвая
Къ знанью порывалась.

*

Жизнь другимъ постылая
Дѣвушку плѣняла,
Ты искала, милая,
Въ правдѣ идеала.

*

Ты семью оставила,
Свѣтъ и наслажденья
И свой шагъ направила
По тропѣ ученья.

*

Къ нуждамъ непривычная —
Бѣдность ты узнала,
И судьба обычная
Свой законъ свершала...

*

То дорога торная:
Ослабѣла сила,
Тамъ болѣзнь тлетворная,
А затѣмъ — могила.

*

Бурная, ненастная
Ночь вокругъ висѣла,
Жизнь твоя несчастная
Вонъ рвалась изъ тѣла.

*

Но родныхъ — ошибкою
Ты не попрекала

И съ святой улыбкою
Ихъ благословляла.

*

А они той ночкою
Видно догадались...
Но съ родимой дочкою
Больше не встрѣчались.

*

Мирно спи, сердечная,
Подъ сырой землею...
То ошибка вѣчная
Не съ одной тобою.

Памяти прiятеля.

(А. А. Воейкова).

Межъ насъ не долго онъ побылъ,
Но всѣми былъ любимъ,
Никто изъ насъ не позабылъ
Часовъ прожитыхъ съ нимъ.
Онъ былъ прекрасный человѣкъ,
Но жилъ лишь краткiй вѣкъ
И въ цвѣтѣ юной силы
Сошелъ подъ сѣнь могилы.

*

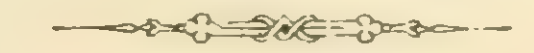
Онъ правдѣ преданъ былъ душой,
Любилъ родной народъ
И порывался въ грозный бой
Съ жестокостью невзгодъ,
Но брошенъ жребiй роковой—
И онъ унесъ во гробъ съ собой
Рой пламенныхъ мечтанiй
И свѣтлыхъ ожиданiй.

*

Онъ только-только расцвѣталъ...
Пробилъ урочный часъ...
Онъ общій жребій испыталъ:
Безвременно угасъ.
У насъ всегда такъ гибнетъ тотъ,
Кто истиннымъ путемъ идетъ —
Путемъ святыхъ стремленій
И честныхъ убѣжденій.

*

Но мирно спи, усопшій братъ,
Отъ насъ хоть скрылся ты,
Но избѣжалъ и злыхъ утратъ
И міра пустоты.
Ты не успѣлъ еще страдать,
А намъ придется испытать
Страданья горькой муки
И съ лучшими разлуки.



Ф. ФИЛИМОНОВЪ.

Русской женщинѣ.

Бурною волною время проносилось.
Въ вѣчность роковую невозвратно мчась.
Въ теремѣ высокомъ ты вѣка томилась,
Вольною душою на просторъ рвалась.

И когда отъ муки, изболѣвъ душою,
Падали мы духомъ, проклиная тьму...
Ты являлась другомъ, нѣжною сестрою,
Ангеломъ небеснымъ въ душную тюрьму.

Ты средь мирной жизни другъ нашъ неизмѣнный...
И тогда, когда мы падали въ крови,
На поляхъ сраженій, ты подъ громъ военный,
Намъ шептала рѣчи, полныя любви.

Ты изъ тьмы стремилась къ свѣту понемногу,
Ты весь вѣкъ служила правдѣ и добру,
И настало время. — Женщинѣ дорогу
И почетъ, и мѣсто въ жизненномъ пиру!

Въ минуту раздумья.

Настанетъ ночь, и мѣрной чередою.
Какъ мертвецы, покинувши гроба,
Картины бѣдъ проходятъ предо мною.
Кипитъ за жизнь кровавая борьба!
Мнѣ чудятся станки. гигантскія машины,
Расплавленная мѣдь. ползущая рѣкой,
И лица блѣдныя, и согнутыя спины.
И мертвыхъ глазъ какой-то блескъ стальной.
Ужасная, тяжелая картина!
«Да, вотъ вопросъ: страшнѣй ли ада видъ?»
Страдай, терпи! реветъ, свистя, машина:
Страдай, терпи! вся фабрика гремитъ.
Задумался я вновь надъ муками моими,
И чей-то голосъ мнѣ вдругъ шепчетъ, слабъ и тихъ:
«Сравни ихъ жизнь съ своей. страданья ихъ съ своими,
Ну, что твоя печаль передъ печалью ихъ?
Ничтожный. слабый стонъ средь стона мірового,
Единая слеза средь океана слезъ.
Ихъ тяжкій стонъ — бредъ тяжело больного;
Твоя тоска — плодъ юношескихъ грезъ.
Учись у нихъ. безропотно страдавшихъ.
Несущихъ крестъ на согнутыхъ плечахъ;
Учись у нихъ — лишь въ вѣрѣ почерпавшихъ
Запасы силъ съ молитвой на устахъ.
О, какъ они живутъ, какъ мучатся глубоко.
Въ смиренномудріи не ждущіе вѣнка!
Учись у нихъ страданью безъ упрека,
Учись у нихъ — терпѣнью безъ конца!»
Уходятъ призраки обычной чередою,
Не видно ужъ ихъ лицъ, не слышится ихъ стонъ.
А я... я все сижу съ поникшей головою,
До утра самаго въ раздумье погруженъ.

На фабрикѣ.

(Отрывокъ).

Блѣдныя лица, согнутыя спины,
Жаромъ пылаетъ кипящая мѣдь...
Грохотъ колесъ... Отъ движенья машины
Стѣны качаются... Страшно глядѣть.

Носится облако дыма и смрада,
Грудь надрывается — нечѣмъ дышать.
Въ поле уйти бы отъ этого ада,
Дальше бъ куда убѣжать.

Дальше... туда, гдѣ качаются ивы,
Гдѣ отъ зари до зари
Тихо колышутся хлѣбныя нивы,
Пѣсни поютъ косари.

В. ГИЛЯРОВСКІЙ.

* * *

Тянутся дикія степи далеко,
Снѣгомъ покрыты равнины глубоко.

Степью дороги идетъ полоса,
Дальше за нею чернѣютъ лѣса.

Сосны да ели, дубы вѣковые,
Словно какъ стражи, стоятъ роковые.

Словно богатства страны берегутъ;
Ну и богатства несмѣтныя тутъ!

Бурныя рѣки, болотныя топи,
Все это чистаго золота копи,

Золото всюду — въ болотѣ, въ рѣкѣ
И глубоко подъ землей въ рудникѣ.

Только богатства далеко зарыты,
Сверху землею и снѣгомъ покрыты...

Золота много, — но эта страна,
Хоть и богата, но все же бѣдна!..

Гдѣ же въ ней люди? Тунгусъ одинокій
Мчится на лыжахъ по тундрѣ широкой,

Иль самоѣдъ да лопарь иногда
Гонятъ по степи оленей стада;

Лось пробѣжитъ, отъ волковъ убѣгая;
Птицъ перелетныхъ протянется стая;

Къ западу крадется смѣлый варнакъ,—
Родину хочетъ увидѣть бѣднякъ.

Чаще всего по замерзнувшей степи
Звякаютъ мѣрно тяжелыя цѣпи,

И подъ унылый томительный звукъ,
Полная горя, терзаній и мукъ,

Пѣсня поется про край отдаленный,
Западъ веселый и вѣчно зеленый

Да про родные луга и поля...
Слезы пѣвцовъ принимаетъ земля.

Золото! въ землю, гдѣ ты пролежало,
Слезъ этихъ горькихъ упало не мало...

Блескъ свой ты, золото, взяло у нихъ,
У замерзающихъ слезъ дорогихъ...

Въ горахъ.

Ночь темна, а темнѣй подо мною
Пропасть грозная, мрака полна,
Съ дикимъ звѣремъ, — гремящей рѣкою, —
Эта бурная пропасть страшна.
Въ ней стучатъ и грохочутъ каменья
Подъ могучею бурной волной.
А подъ шумъ тотъ, какъ мигъ сновидѣнья,
Рядъ картинъ промелькнулъ предо мной.
Все, что́ въ юности читано было,
Что́ твердили порой старики,
Все то въ памяти ясно такъ всплыло,
Встало живо подъ говоръ рѣки.
Межъ утесовъ — штыки и шинели,
Клики горцевъ — за волю бойцовъ,
Грохотъ ружей въ отчаянномъ дѣлѣ,
Что ни выстрѣлъ, — то смерть удальцовъ!..
И бѣжитъ за картиной картина,
Бурно мчится волна за волной,
Подо мной все чернѣе пучина,
Низко тучи сошлись надо мной...
Вѣтеръ пѣсню поетъ по ущелью,
Вторитъ буйному вѣтру волна,
Ни любви въ пѣсни нѣтъ, ни веселья,
Горя-горькаго пѣсня полна...
Слышу я: пало все подъ булатомъ,
Сгибла воля со смертью бойцовъ,
Передъ ложнымъ почетомъ да златомъ
Пала доблесть лихихъ удальцовъ.
Тѣхъ, что́ славно дрались за отчизну,
Позабылъ суетливый народъ...
Имъ рѣка правитъ горькую тризну,

«Память вѣчную» вѣтеръ поетъ...
Пропоетъ про былое ихъ счастье
Въ темной пропасти этой рѣка,
Коль порою въ грозу и ненастье
Разбушуется, грозно дика...
Про несчастную горькую долю
Съ бурей пѣсню она пропоетъ,
Тотъ, кто любитъ несчастныхъ да волю,
Только тотъ эту пѣсню пойметъ.
Кто не знался съ неправдой людскою,
Кто за деньги себя не продастъ, —
Тотъ поплачетъ съ бурливой рѣкою,
Честь погибшимъ за волю отдастъ.

Зима въ деревнѣ.

Длиненъ, скученъ зимній вечеръ..
Хату снѣгомъ замело,
Слышенъ вьюги вой сердитый
Сквозь замерзшее стекло,
Да гудитъ уныло вѣтеръ,
Воя жалобно въ трубѣ...
Неуютно, неприглядно,
Въ развалившейся избѣ...
Шелеститъ солома крыши,
Да сверчокъ кричитъ въ углу
Да больной ребенокъ стонетъ
Возлѣ печки — на полу.

Неравный бракъ.

Солнце грѣетъ землю яркими лучами,
Весело щебечутъ птички надъ лугами,
Воздухъ ароматный дышитъ нѣгой страстной,

Въ этотъ день весенній, теплый и прекрасный,
Все располагаетъ къ страсти и желаньямъ;
Кажется, что даже мѣста нѣтъ страданьямъ...
Подъ лучомъ отраднымъ солнечнаго свѣта,
Сердце жаждетъ жизни, ласки и привѣта,
Дышится вольнѣе наболѣвшей груди —
Но и дни такіе отравляютъ люди,
Солнца лучъ отрадный въ тину погружая,
Сердце человѣка, душу продавая...
Въ свѣтлыхъ окнахъ храма солнышко играло
Да лучи сквозь стекла яркія бросало.
Предъ святымъ налоемъ, за большой толпою,
Тамъ стоитъ невѣста: чудной красотою,
Молодостью свѣжей отъ нея сіяетъ.
Только взглядъ печальный горе выражаетъ,
Полонъ онъ ужасной муки безысходной.
Видно разставанье съ жизнію свободной
Да покорность въ немъ судьбѣ неумолимой...
Вотъ женихъ съ ней рядомъ—дряхлый, нелюбимый.
Посмотрите, какъ онъ на невѣсту смѣло,
Полнымъ сладострастья, плотояднымъ взоромъ
Смотритъ, покупая молодое тѣло...
Что жъ? Не назовутъ поступокъ твой позоромъ!
Тотъ, кто такъ покрытъ невѣжественнымъ мракомъ,
Назоветъ поступокъ твой *законнымъ* бракомъ;
Да и ей, невѣстѣ, проданной за злато,
Подъ законнымъ флеромъ наглаго разврата,
Множество завистницъ межъ толпы найдется.
Скажутъ: «Что же старый? Слюбится — сживется,
А кого любила, такъ того забудетъ.
Да зато нужды вовѣкъ ужъ знать не будетъ!»
Зрители полны всѣ любопытствомъ празднымъ,
Смотрятъ, увлекаясь дѣломъ безобразнымъ.
Между тѣмъ священникъ, безпристрастный, старый

Кольца ужъ мѣняетъ у неравной пары.
А на волѣ солнце яркими лучами
Свѣтитъ, да щебечутъ птички надъ лугами,
Воздухъ ароматный дышитъ нѣгой страстной,
Въ этотъ день весенній, истинно-прекрасный,
Подъ лучомъ живящимъ солнечнаго свѣта
Сердце жаждетъ жизни, ласки и привѣта!

***

Къ свѣту тянется ребенокъ и въ младенческіе годы
Любитъ небо голубое, любитъ солнца свѣтъ веселый.
Кто хранитъ любовь ту вѣчно въ жизни долгой и тяжелой,
Къ свѣту знанья и науки, свѣту правды и свободы,
Тотъ душою, какъ ребенокъ, такъ же свѣтелъ, чистъ и ясенъ,
И тому, какъ и ребенку, мрака темный міръ ужасенъ:
Онъ боится тьмы и мрака, тьмы невѣжества великой,
Гдѣ чудовища ютятся, полны къ свѣту злобы дикой!

Памяти А. Н. Плещеева.

Предъ нами свѣжая могила...
Иль такъ природой суждено,
Чтобъ все — талантъ, надежда, сила,
Все было въ ней погребено?...
Нѣтъ, нѣтъ... Не все! Лишь только тѣло,
Лишь тлѣнный прахъ отъ насъ уйдетъ,
Но мы, друзья, мы вѣримъ смѣло,
Душа въ твореньяхъ не умретъ!...
Ты насъ училъ впередъ стремиться,
Мракъ ненавидѣть, вѣрить въ свѣтъ,
Училъ страдать и съ тьмою биться,
Училъ весь міръ любить, поэтъ!

И не умрутъ твои творенья,
Живая заповѣдь твоя:
«Впередъ! безъ страха и сомнѣнья
На подвигъ доблестный, друзья!»

На сѣверѣ.

Въ странѣ бурана и метели,
Гдѣ слышенъ только бури вой,
Гдѣ сосны старыя да ели
Ведутъ бесѣду межъ собой, —
Тамъ человѣкъ бываетъ рѣдко,
Его пустыни не влекутъ.
Лишь самоѣдъ, охотникъ мѣткій
Стрѣлой каленой, да якутъ,
Туда являясь для охоты,
Летятъ по снѣжнымъ глубинамъ,
Чрезъ занесенныя болота,
Къ пустыннымъ моря берегамъ...
Тамъ рыщетъ лось, да волкъ голодный
Себѣ добычу сторожитъ,
Да иногда лишь край холодный
Несчастныхъ пѣсня огласитъ.
Но что печальнѣе, она ли,
Или волковъ голодныхъ вой,
Что̀ долеталъ изъ снѣжной дали
До слуха тѣхъ пѣвцовъ порой, —
Рѣшить нельзя... А пѣсня льется,
Родной въ ней слышится мотивъ...
Она про родину поется,
Про золото родимыхъ нивъ,
Родныхъ, оставленныхъ далеко,

Навѣкъ покинутыхъ друзей...
Звучитъ та пѣсня одиноко
Подъ звонъ заржавленныхъ цѣпей!

Бродяга.

Не смѣйтесь, что все я о волѣ пою,
Какъ мать дорогую, я волю люблю...

Не смѣйтесь, что пѣлъ я о звукѣ оковъ,
О скрипѣ дверей и о лязгѣ штыковъ...

О холодѣ, голодѣ пѣлъ, о бѣдѣ,
О горѣ глубокомъ и горькой нуждѣ.

Родился я въ холодѣ, повитъ бѣдой,
Я выросъ въ тюрьмѣ и воспитанъ нуждой...

Подъ звуки тюремныхъ дверей и оковъ
Не слышалъ я матери ласковыхъ словъ,

Она не баюкала нѣжно меня,
Судьбу, умирая въ темницѣ, кляня.

А послѣ слѣпца я за палку водилъ
И жалобно пѣлъ, когда хлѣба просилъ.

Несчастіе спутникомъ было ему,
И снова попалъ со слѣпцомъ я въ тюрьму.

Но волю узналъ я, въ лѣсу побывалъ
И, бросивъ слѣпца, изъ тюрьмы убѣжалъ.

Работалъ въ деревнѣ, пригрѣли меня,
Но дожилъ опять до несчастнаго дня,

Опять оторвали меня отъ земли
И снова въ тюрьму въ кандалахъ повели...

Отъ шумнаго лѣса, отъ желтыхъ сноповъ,
Отъ матки сохи, за желѣзный засовъ!

Стенька Разинъ.

I.

Гудитъ Москва. Народъ толпами
Къ заставѣ хлынулъ, какъ волна.
Вооруженными стрѣльцами
Вся улица запружена.
А за заставой зеленѣютъ
Цвѣтами яркими луга,
Колеблясь, волны ржи желтѣютъ.
Рѣки чернѣютъ берега...
Дорога сѣрой полосою
Играетъ змѣйкой между нивъ,
Окружена живой толпою
Высокихъ придорожныхъ ивъ.
А по дорогѣ пыль клубится
И что-то движется вдали:
Казакъ припалъ къ коню и мчится,
Конь чуть касается земли.
— Веземъ, встрѣчайте честью гостя.
Готовьте два столба ему,
Земли немного на погостѣ
Да попросторнѣе тюрьму,
Веземъ!
И вотъ ужъ у заставы
Красивыхъ всадниковъ отрядъ.
Они въ пыли, ихъ пики ржавы.
Пищали за спиной висятъ.
Везутъ телѣгу. Палачами
Окружена телѣга та,
На ней прикованы цѣпями
Сидятъ два молодца. Уста
У нихъ сомкнуты, грустны лица,
Въ глазахъ то злоба, то туманъ...

Не такъ къ тебѣ, Москва-столица,
Мечталъ пріѣхать атаманъ
Низовой вольницы! Со славой,
Съ побѣдой думалъ онъ войти,
Не къ плахѣ грозной и кровавой
Мечталъ онъ голову нести!
Не зная неудачъ и страха,
Не охладивши сердца жаръ,
Мечталъ онъ самъ вести на плаху
Дьяковъ московскихъ и бояръ.
Мечталъ, а сдѣлалось другое:
Какъ вора, Разина ведутъ,
И передъ нимъ встаетъ былое,
Картины прошлаго бѣгутъ:
Вотъ берега родного Дона...
Отецъ замученный.... Жена....
Вотъ Русь, народъ.... Мольбы и стона
Полна несчастная страна....
Монахъ угрюмый и высокій,
Блеститъ его орлиный взоръ....
Вотъ Волги-матушки широкой
И моря Каспія просторъ...
Его ватага удалая,
Поволжья бурная гроза....
И персіянка молодая,
Она предъ нимъ.... Ея глаза
Полны слезой, полны любовью,
Полны восторженной мечты....
Вотъ руки, облитыя кровью—
И нѣтъ на свѣтѣ красоты!
А тамъ все висѣлицы, битвы,
Пожаровъ безпощадныхъ чадъ,
Убійства въ полѣ, у молитвы,
Въ бою.... Вонъ висѣльниковъ рядъ

На Волгѣ, на степныхъ курганахъ,
Въ покрытыхъ пепломъ городахъ,
Въ расшитыхъ золотомъ кафтанахъ,
Въ цвѣтныхъ, боярскихъ сапогахъ...
Подъ Астраханью бой жестокій....
Врагъ убѣжалъ, разбитый въ прахъ.. .
А вотъ онъ ночью одинокій
Въ тюрьмѣ, закованный въ цѣпяхъ....
И надо всѣмъ Степанъ смѣется.
И казнь, и пытки—ничего:
Однимъ лишь больно сердце бьется—
Свои же выдали его.

II.

Утро ясно встаетъ надъ Москвою,
Солнце ярко кресты золотитъ,
А народъ еще съ ночи толпою
Къ Красной площади, къ казни спѣшитъ.
Чу, ведутъ! Взволновалась столица,
Вся толпа колыхнулась волной,
Зачернѣлась надъ ней колесница
Съ перекладиной, съ цѣпью стальной.
Атаманъ и разбойникъ мятежный
Гордо всталъ у столба впереди,
Онъ въ рубахѣ одѣтъ бѣлоснѣжной,
Крестъ горитъ на широкой груди.
Рядомъ съ нимъ, и усталъ, и взволнованъ,
Не высокъ, но плечистъ и сутулъ.
На цѣпи на желѣзной прикованъ,
Фролъ идетъ, удалой есаулъ;
Братъ любимый, рука атамана.
Всей душой онъ былъ преданъ ему
И, узнавъ, что забрали Степана,
Самъ охотно явился въ тюрьму.
А на черномъ, высокомъ помостѣ

Дьякъ, съ дрожащей бумагой въ рукахъ,
Ожидаетъ желаннаго гостя,
На лицѣ его злоба и страхъ.
И дождался. На помостъ высокій
Разинъ съ Фролкой спокойно идетъ,
Мирно колоколъ гдѣ-то далекій
Православныхъ молиться зоветъ;
Тихо дальніе тянутся звуки,
А народъ недвижимый стоитъ:
Кровожадный, ждетъ Разина муки—
Часъ молитвы для казни забытъ....
Подошли. Расковали Степана,
Онъ кого-то глазами искалъ....
Передъ взоромъ бойца-атамана,
Словно листъ, весь народъ задрожалъ.
Дьякъ указъ „про несказаны вины“
Прочиталъ, взялъ бумагу въ карманъ,
И къ Степану съ сѣкирою длинной
Катъ пришелъ... Не дрогнулъ атаманъ;
А палачъ и жестокъ, и ужасенъ,
Ноздри вырваны, нѣтъ и ушей,
Глазъ одинъ, весь кровавый, былъ красенъ;
По сложенью медвѣдя сильнѣй.
Взялъ онъ за руку грознаго ката,
И, промолвивъ, поникъ головой:
«Передъ смертью прими ты за брата,
Помѣняйся крестомъ ты со мной».
На глазу палача одинокомъ
Брилліантикъ слезы заблисталъ,—
Человѣкъ тотъ о прошломъ далекомъ,
Можетъ быть, въ этотъ мигъ вспоминалъ...
Жилъ и онъ вѣдь, какъ добрые люди,
Не была его домомъ тюрьма,
А потомъ ужъ коснулося груди

Раскаленное жало клейма,
А потомъ ему уши рубили,
Рвали ноздри, ременнымъ кнутомъ
Чуть до смерти его не забили
И заставили быть палачомъ.
Омочивъ свои щеки слезами,
Подалъ крестъ атаманъ ему свой—
И враги помѣнялись крестами....
«Братья!» шопотъ стоялъ надъ толпой...
Обнялися ужасные братья.
Да, такой не бывало родни,
А какія то были объятья—
Задушили бъ медвѣдя они!
На востокъ горячо помолился
Атаманъ, полный воли и силъ,
И народу кругомъ поклонился:
— Православные, въ чемъ согрубилъ
Все простите, виновенъ не мало,
Катъ за дѣло Степана казнитъ,
Виноватъ я.... — Въ отвѣтъ прозвучало:
«Мы прощаемъ, и Богъ тя проститъ!..»
Поклонился, и къ крашеной плахѣ
Подошелъ своей смѣлой стопой,
Разстегнулъ бѣлый воротъ рубахи,
Легъ... Накрыли Степана доской.
— Что жъ, руби—злобно дьякъ обратился:—
Али дѣло забылъ свое, катъ?
— «Не могу бить родныхъ—не рядился,
Мнѣ Степанъ по кресту теперь братъ,
Не могу!» И сѣкира упала,
По помосту гремя и стуча.
Тутъ народъ подивился не мало....
Дьякъ другого позвалъ палача.
Новый катъ топоромъ размахнулся,

И рука откатилася прочь.
Дрогнулъ помостъ, народъ ужаснулся...
Хоть бы стонъ! Лишь глаза, словно ночь,
Чернымъ блескомъ кого-то искали
Близь помоста и сзади вдали...
Яркой радостью вдругъ засверкали,—
Знать желанныя очи нашли.
Но не вынесъ той казни Степана,
Этихъ мукъ, есаулъ его Фролъ:
Какъ упала рука атамана,
Закричалъ онъ, испуганъ и золъ....
Вдругъ глаза непрогляднѣе мрака
Посмотрѣли на Фролку. Онъ стихъ.
Крикнулъ Стенька:
— Молчи ты, собака —
И нога отлетѣла въ тотъ мигъ.
Все сѣкира быстрѣе блистаетъ,
Нѣтъ ноги и другой нѣтъ руки,
Голова по помосту мелькаетъ,
Тѣло Разина рубятъ въ куски.
Изрубили за нимъ есаула,
На колъ головы ихъ отнесли,
А въ толпѣ среди шума и гула,
Слышно—женщина плачетъ вдали.
Вотъ ее-то своими глазами
Атаманъ межъ народа искалъ,
Поцѣлуй огневыми очами
Передъ смертью онъ ей посылалъ.
Оттого умиралъ онъ счастливый,
Что напомнилъ ему ея взоръ,
Донъ далекій, родимыя нивы,
Волги-матушки вольный просторъ,
Всѣ походы его боевые,
Гдѣ онъ самъ никого не щадилъ,

Оставлялъ города огневые,
Воеводъ ненавистныхъ казнилъ....

Владимірка—большая дорога.

(Посвящаю И. И. Левитану).

Межъ чернѣющихъ подъ паромъ,
Плугомъ поднятыхъ полей
Лентой тянется дорога,
Изумруда зеленѣй...
То Владимірка...
Когда-то
Оглашалъ ее и стонъ
Безконечнаго страданья,
И цѣпей желѣзныхъ звонъ.
По бокамъ ея тянулись
Стройно линіи березъ,
А трава, что́ зеленѣетъ,
Рождена потокомъ слезъ...
Незабудки голубыя—
Это слезы матерей,
Въ лютомъ горѣ провожавшихъ
Въ даль безвѣстную дѣтей...
Вотъ фіалки... Здѣсь невѣста,
Разбивая чары грезъ,
Попрощавшись съ другомъ милымъ,
Пролила потоки слезъ...
Все цвѣты, гдѣ прежде слезы,
Прибивали пыль порой,
Гдѣ гремѣли колымаги

По дорогѣ столбовой.
Помню ясно дни былые,
И картинъ мелькаетъ рядъ:
Стройной линіей березы
Надъ канавами стоятъ...
Вижу торную дорогу
Саженъ въ тридцать ширины,
Травки нѣтъ на той дорогѣ
Нескончаемой длины...
Телеграфъ гудитъ высоко,
Полосатая верста,
Да часовенка въ сторонкѣ
У ракитова куста.
Пыль клубится предо мною
Ближе... ближе. Стукъ шаговъ,
Мѣрный звонъ цѣпей желѣзныхъ
Да тревожный лязгъ штыковъ...
„Помогите намъ, несчастнымъ,
Помогите бѣднымъ—намъ!..“
Такъ поютъ подъ звонъ желѣза,
Чтó приковано къ ногамъ.
Вотъ сквозь пыль штыки сверкаютъ;
Блещутъ ружья на плечахъ,
Дальше сѣрыя шеренги—
Всѣ закованы въ цѣпяхъ.
Врагъ и другъ соединились,
Всѣхъ связалъ желѣзный прутъ
И подъ строгимъ карауломъ
Люди въ каторгу бредутъ!
Но насталъ конецъ.
Дорога,
Чтó за мной и предо мной,
Не услышитъ звонъ кандальный
Надъ зеленой пеленой...

Я спокоенъ—не увижу
    Здѣсь картинъ забытыхъ дней,
Не услышу пѣсенъ стоны,
    Лязгъ штыковъ и звонъ цѣпей...
Я иду впередъ спокойный...
    Чу!.. свистокъ. На всѣхъ парахъ,
Вдаль къ востоку, мчится поѣздъ,
    Часовые на постахъ,
На площадкахъ возлѣ двери,
    Гдѣ одинъ, гдѣ двое въ рядъ...
А въ оконца, сквозь рѣшетки,
    Шапки сѣрыя глядятъ!

А. А. КОРИНФСКІЙ.

*
* *

Я счастливъ тѣмъ, мой другъ далекій,
Что по желанному пути
Въ ночи беззвѣздной и глубокой
Могу хоть ощупью итти!...
Я счастливъ тѣмъ, что сердца голосъ,
Не смолкъ подъ бременемъ невзгодъ,
А зрѣетъ, какъ на нивѣ колосъ,
Подъ знойнымъ вихремъ непогодъ.
Я счастливъ тѣмъ, что духъ надъ тѣломъ
Во мнѣ побѣду одержалъ,
Что вынесъ я въ порывѣ смѣломъ
Житейскихъ волнъ девятый валъ,—
Что въ эти дни больного вѣка,
Сгубивъ запасъ кипучихъ силъ,
Я свѣтлый обликъ человѣка
Въ себѣ здоровымъ сохранилъ...

*
* *

(Н. А. Панову).

Я видѣлъ, какъ въ углу подвала умиралъ
Больной старикъ, дѣтьми покинутый своими:
Онъ взоромъ гаснущимъ кого-то все искалъ,

Устами блѣдными шепталъ онъ чье-то имя...
Онъ одиноко жилъ, и друга не нашлось
Закрыть въ предсмертный часъ померкнувшія очи;
И онъ ушелъ навѣкъ во мракъ загробной ночи
Одинъ съ своей тоской невыплаканныхъ слезъ...

Я видѣлъ, какъ стоялъ мужикъ надъ полосой,
Распаханной его могучими руками,
Заколосившейся пшеницей золотой
И градомъ выбитой... Горючими слезами
Онъ не встрѣчалъ своей негаданной бѣды;
Угрюмъ и даже дикъ былъ взоръ его унылый,
И молча онъ стоялъ, безпомощный и хилый,
Согбенный тяжестью безвыходной нужды...

Я видѣлъ, какъ дитя единственное мать
Сама несла въ гробу.—какъ въ церкви отъ страданья
Она ужъ не могла молиться и рыдать...
Окончился обрядъ печальный отпѣванья,—
Она была безъ чувствъ... Малютку понесли
Въ послѣдній путь,—она, собравъ остатокъ силы.
Едва могла дойти до дорогой могилы
И сыну бросить горсть послѣднюю земли...

Я видѣлъ, какъ въ тюрьмѣ на дремлющую степь
Сквозь переплетъ окна задумчиво смотрѣла
Колодниковъ толпа; и слышалъ я, какъ цѣпь
Нежданно въ тишинѣ на комъ-то прозвенѣла;
И лица темныя исполнились у нихъ
Такого жгучаго сознанія и боли,
Что сразу понялъ я, что въ этотъ самый мигъ
Забылись узники въ мечтахъ о прежней волѣ.

Я видѣлъ, какъ въ тоскѣ голодной протянулъ
Оборванный бѣднякъ нарядной дамѣ руку

И, милостыню взявъ, въ лицо ея взглянулъ
И замеръ,—какъ стоялъ,—не проронивъ ни звука...
Нѣмая скорбь прошла, и бросилъ деньги прочь
Съ рыданіемъ старикъ: въ раскрашенномъ созданьѣ,
Проѣхавшемъ съ толпой гулякъ на посмѣянье,
Бѣднякъ узналъ ее—свою родную дочь!...

Я видѣлъ это все, когда одна печаль
Роднилася съ моей пытливою душою,
Когда до боли мнѣ чего-то было жаль,
Къ кому-то рвался вновь я съ горькою мольбою...
Я видѣлъ это все и понялъ, что тоска—
Тоска моей души, исполненной желанья,
Предъ всѣми этими примѣрами страданья
Ничтожна и мелка...

Изъ „Пѣсни о погибающихъ“.

(Е. А. Мал—кой).

Трудна, трудна работа
Для рукъ и для очей;
Но, если жить охота,
Тогда не спи ночей,
Тогда трудись до пота,
Безъ устали ты шей!
Ты круглой сиротою
У матери росла,
Для всѣхъ родныхъ чужою,
Далекою была;
Но съ дѣтскихъ дней съ тобою
Сдружилася игла...
Не выйти бы изъ круга,
Гдѣ жизни блѣдный цвѣтъ
Сталъ вянуть безъ недуга

На зорькѣ раннихъ лѣтъ,—
Игла—твоя подруга,
Ты съ ней узнала свѣтъ!
Заброшена судьбою,
Ты бросила родныхъ,
Взяла свободу съ бою
У близкихъ и чужихъ,—
Узнала ты съ иглою
Жизнь нашихъ мастерскихъ...
Опаснѣй этой доли
Не встрѣтить на пути,
Печальнѣй этой воли
На свѣтѣ не найти;
Но станешь поневолѣ
И тяжкій крестъ нести!..
Стучатъ, стучатъ машины —
Не веселъ этотъ звукъ!..
Сидятъ, согнувши спины,
Не покладая рукъ...
Унылыя картины,
Однообразный стукъ!..
Минуты нѣтъ досуга
По цѣлымъ днямъ у нихъ —
Рабынь «большого круга»,
Модистокъ и портнихъ...
Игла — ночей подруга —
Спасетъ ли только ихъ?!
Не мало есть приманокъ
За окнами для всѣхъ, —
Забывшихъ спозаранокъ
Живой, веселый смѣхъ,
Блондинокъ и смуглянокъ, —
Не мало есть утѣхъ!..

Трудна, трудна работа
Для сердца и очей,
Губителенъ безъ счета
Безсонный рядъ ночей,
Но... честной быть охота,—
Такъ дни и ночи шей!..

Въ поляхъ.

I.

Ѣду я, ѣду... Вездѣ предо мной
Чахлыя нивы родимыя
Стелются мертвенно-блѣдной волной,
Солнца лучами палимыя...
Колосъ пустой отъ межи до межи
Перекликается съ колосомъ;
Чудится: кто-то надъ волнами ржи
Стонетъ пронзительнымъ голосомъ...
Слышится ропотъ тревоги больной,
Слышатся слезы смиренія;
Это — рыдаетъ надъ нивой родной
Геній труда и терпѣнія!...

II.

Чутко дремлетъ въ поляхъ недожатая рожь,—
Съ нетерпѣньемъ жнецовъ дожидается;
Побурѣлъ — пожелтѣлъ шелковистый овесъ,—
Точно пьяный, отъ вѣтру шатается.
Нарядилась гречиха въ цвѣтной сарафанъ
И бѣлѣетъ надъ горными скатами...
Вѣтерокъ, пробѣгая хлѣбами, шумитъ:
«Будемъ золото гресть мы лопатами!..»

Солнце красное сыплетъ надъ грудью земли.
Надъ рабочею ратью могучею,
Золотые снопы искрометныхъ лучей,
Ни на мигъ не скрываясь за тучею..
Улыбается солнце... До ясныхъ небесъ
Съ нивы пѣсня доносится женская...
Улыбается солнце и шепчетъ безъ словъ:
«Исполать тебѣ, мощь деревенская!..»

* *
*

(А. К. Шеллеру).

Тонетъ въ зловѣщемъ туманѣ
Темный мятущійся міръ;
Зиждется все на обманѣ,
Золото — общій кумиръ...
Правда слыветъ предразсудкомъ,
Мраку не видно конца;
Скованы черствымъ разсудкомъ —
Окаменѣли сердца́...
Дружба съ холодной враждою
Объ руку дерзко идетъ,
Зависть шипитъ клеветою,
Въ чувства закрался расчетъ...
Властно раскинула сѣти
Ложь, не щадя ничего...
Жутко тому жить на свѣтѣ —
Кто не отъ міра сего!..

О. Н. ЧУМИНА.

Новгородъ.

Великій Новгородъ! Тебя ли предъ собою
Я вижу съ навсегда поникшею главою?
Ты ль это, исполинъ, когда-то величавый,
Гремѣвшій далеко богатствами и славой, —
Стоишь развѣнчанный? И храмы лишь одни
Напоминаютъ намъ твои былые дни

Святая Софія... Отъ этихъ гордыхъ словъ
Какъ бились радостно сердца твоихъ сыновъ!
А мы, внимая имъ съ улыбкой сожалѣнья,
Читаемъ лишь одни страницы разрушенья
Когда-то гордыхъ стѣнъ и башенъ боевыхъ —
Величья прежняго свидѣтелей нѣмыхъ...

Замолкнулъ громкій звонъ на башнѣ вѣчевой,
Народа гордый кличъ не слышенъ боевой, —
И молча ты стоишь, какъ памятникъ унылый,
Надъ этой славною безвременной могилой,
И только Волховъ, твой старѣйшій, лучшій сынъ,
Къ тебѣ попрежнему ласкается одинъ...

ИВАНОВЪ-КЛАССИКЪ.

(А. О. Ивановъ).

---

*
* *

Любовью чистой мы не любимъ
И, разрывая дружбы связь,
Всѣ наши дни безплодно губимъ
И святость чувства топчемъ въ грязь.

Какъ жалкій трусъ, въ безсильной злобѣ
Мирясь съ ликующимъ врагомъ,
Въ гнилой, болотистой трущобѣ
Позорный торгъ ведемъ кругомъ.

На проблескъ честнаго желанья
Циничный смѣхъ бросаемъ вслѣдъ,
И въ прахъ разбиты упованья
Давно минувшихъ юныхъ лѣтъ.

Чего-то ждемъ... бредя къ бездолью,
Мы равнодушны ко всему,
И сердце сжато тайной болью,
И нѣтъ здѣсь отзыва ему.

И лишь порой, смыкая вѣжды,
Въ безмолвный часъ полночной тьмы,
Былыя свѣтлыя надежды
Сквозь сонъ оплакиваемъ мы!

Изъ забытой тетради.

Помнишь, другъ, въ былые годы,
Противъ зла и тьмы,
За мечту святой свободы
Ратовали мы?

Не пугало насъ ни горе,
Ни гроза нужды...
Съ той поры не мало въ море
Утекло воды.

Утекло струею чистой,
Свѣтлой, какъ кристаллъ...
Но потокъ нашъ серебристый
Не такимъ ужъ сталъ!

И давно ли такъ струилась
Нашихъ дней волна?
Ты взгляни, какъ замутилась,
Какъ грязна она?

Хоть бы вѣтеръ, что ли, съ поля
Разогналъ ту грязь,
Чтобъ мы, правду не неволя,
Жили, примирясь.

Изъ забытой тетради.

Гусли — мысли мои, пѣсня — думка моя,
Откликались друзьямъ подъ шумокъ ихъ рѣчей.
Въ часъ отрадныхъ минутъ, въ годы злого житья,
Въ блескѣ майскаго дня, въ тьмѣ декабрьскихъ ночей.

На разгульномъ пиру золотыхъ юныхъ лѣтъ,
Въ необъятной, родной для души, сторонѣ,
Счастье — солнце мое, какъ лазоревый цвѣтъ,
Только разъ, навсегда, улыбнулося мнѣ.

Но завялъ тотъ цвѣтокъ, и погасъ ясный лучъ,
Одиночества грусть отуманила взѳръ,
Измѣнилась судьба, и громадами тучъ
Затянуло кругомъ роковой кругозоръ.

Не боясь грозныхъ бурь, продолжалъ я итти
Все впередъ да впередъ, въ неизвѣданный путь,
И проклятое зло, на раздольномъ пути,
Не могло надломить мнѣ открытую грудь.

Пѣсня — думка моя, гусли — мысли мои,
Вдохновляли меня, ободряли къ труду,
Собирали друзей подъ напѣвы свои,
Гнали горюшко прочь, облегчали нужду.

А безвременья дни доказали легко,
Что нельзя бодрыхъ силъ горькой долей сгубить,
Вѣру въ сердце они занесли глубоко,
Научили прощать и сильнѣе любить.

Божій міръ такъ хорошъ... въ немъ есть правда и трудъ,
А за нихъ всей душой постоитъ добрый людъ:
Не одни же цвѣты въ чистомъ полѣ цвѣтутъ,
Не однѣ же въ лѣсахъ нашихъ пташки поютъ.

Рано кончить мнѣ путь... Помня юные сны,
Я надеждой живу, вѣря въ правду и честь,
Не бываетъ безъ бурь лучезарной весны,
Если въ жизни есть грусть, то и радости есть!

Счастливъ тѣмъ я, друзья, что за эти лѣта
Полной чаши своей я не допилъ до дна,
Что свободу люблю, и что совѣсть чиста,
Что не знала весь вѣкъ злыхъ укоровъ она!

П. В. БЫКОВЪ.

Изъ „зимнихъ пѣсенъ".

Прочнѣе, чѣмъ цѣпью желѣзной, тяжелой,
Морозами скована плотно земля.
Уныло и жалко лѣсъ выглядитъ голый,
И мертвы подъ саваномъ бѣлымъ поля.
Въ степи средь тиши гробовой, непробудной
Лишь волки голодные воютъ... И лучъ
Холоднаго солнца, и блѣдный, и скудный,
Тусклѣй еще свѣтитъ подъ массою тучъ.
Лежатъ снѣговые сугробы повсюду,
Метель и свиститъ, и реветъ, и гудитъ...
Бѣда въ эту пору убогому люду,
Ни сильныхъ, ни слабыхъ зима не щадитъ.
И какъ бы она ни глядѣла сурово,
Устроивши царство покоя и сна,
Наступитъ конецъ ея власти, — и снова
Обрадуетъ міръ чародѣйка — весна.
Въ природѣ начнется вездѣ пробужденье,
Съ веселымъ журчаньемъ польется потокъ,
Все праздновать станетъ свое возрожденье, —

И мелкая пташка, и каждый цвѣтокъ...
А мы, въ эти дни обновленья природы,
Иную жизнь новую также ль начнемъ?...
И сбросимъ ли старое горе, невзгоды,
Зажгутся ль сердца наши правды огнемъ?...
Увы!... Насъ весна не измѣнитъ ни мало,
Ничтожные, жалкіе будемъ мы жить
Попрежнему — жизнью вполнѣ обветшалой
И рабски страстямъ недостойнымъ служить.
И глохнуть мы будемъ средь жизни безплодной,
Какъ чахлыя травы въ песчаныхъ мѣстахъ,—
Со злобой въ душѣ лицемѣрной, холодной,
Съ улыбкой и словомъ любви на устахъ....
Во всемъ мы останемся тѣ же, что были,
Останутся скованы наши сердца
Морозомъ жестокимъ, и, словно въ могилѣ,
Мы спать будемъ, спать безъ конца...

Утѣшеніе.

Полно, полно, моя ненаглядная!
Или ты надъ собой невластна,
Что, какъ зимняя ночь непроглядная,
Молчалива ты стала, грустна?

Измѣнилась и сдѣлалась блѣдною,
Не сверкаетъ въ глазахъ огонекъ
И поникла головкой побѣдною,
Словно бурей помятый цвѣтокъ.

И, отчаянья крику послушная,
Не знававшая ранѣе грезъ,
Ты клянешь свой удѣлъ, малодушная,
Удержаться не въ силахъ отъ слезъ.

Гдѣ же, гдѣ твоя волюшка гордая
И готовность бороться со зломъ,
Молодая увѣренность твердая.
Что ты сможешь пойти на проломъ?...

Въ первый разъ, на пути своемъ жизненномъ,
Неудачъ повстрѣчала ты рядъ,—
И во взорѣ твоемъ укоризненномъ
И унынье, и ропотъ сквозятъ.

И, невзгоды терпя скоротечныя,
Опускаешь ты руки сейчасъ,
А ничтожныя раны сердечныя
Ты спѣшишь выставлять на показъ!

Обманули тебя сны чудесные,
Злобно шутитъ съ тобой рокъ слѣпой,
За порывы благіе и честные
Ты осмѣяна грубо толпой...

Д. Н. САДОВНИКОВЪ.

Къ Волгѣ.

Тебѣ несу стихи, рѣка моя родная,—
Они—навѣяны и созданы тобой—
Мелькали предо мной, окраскою сверкая,
Какъ рыбки вольныя сверкаютъ чешуей.
Просторъ песковъ твоихъ, лѣсовъ живыя краски,
Разливы вешніе ликующей воды
И темныхъ Жегулей преданія и сказки
На нихъ оставили замѣтные слѣды.
Я выросъ близъ тебя, среди твоей природы:
На берегахъ твоихъ я-рѣчь свою ковалъ
Въ затишьи вечеровъ и въ шумѣ непогоды,
Когда, сердитая, ты разгоняла валъ...
И я не позабылъ, живя съ тобой въ разлукѣ,
Разбѣга мощнаго твоей живой волны,
И вотъ несу тебѣ мятежныхъ пѣсенъ звуки,
Ты навѣвала ихъ, тобой они полны!...

Въ Жегуляхъ.

Курганы, кручи и вершины
Тѣснятся въ непривѣтный рядъ:
До сей поры они хранятъ
Свои суровыя былины...
Зайдетъ ли рѣчь о давней были,—
Намъ старики передаютъ:
—„Здѣсь изъ оврага выходили,
„Тамъ барки грабили, а тутъ—
„На самой вышкѣ, у Дурмана,
„Въ лѣсу разбойничій былъ станъ.
„Да Стеньки—слышь ты—атамана
„Подстерегали караванъ!...“
Подъ шапкой утреннихъ тумановъ
Молчатъ сосновые лѣса
Про удальство и чудеса
Давно погибшихъ атамановъ...
Давно въ горахъ не свищетъ пуля,
Кистень въ лѣсу не сторожитъ;
Лишь чайка въ воздухѣ дрожитъ,
Свою добычу карауля.
Изъ трубъ поселка дымъ взлетаетъ;
Земля сохою поднята,
Стучитъ топоръ, и выплываютъ
Въ горахъ сѣдые беркута...
Но духъ людей, которымъ тѣсенъ
Казался міръ въ избыткѣ силъ,
Родной напѣвъ поволжскихъ пѣсенъ
Въ своемъ размахѣ сохранилъ.
И пѣсня та, путиной долгой,—

И, величава, и стройна—
Несется вмѣстѣ съ синей Волгой,
Кидая въ души сѣмена...
Кто пѣсню вольную заслышитъ,
Кто отъ души ее споетъ,—
Любое сердце расколышетъ,
Любые цѣпи разобьетъ!...

* *
*

Вѣтеръ безъ устали дуетъ,
Волгу взрывая до дна,
Буря шумитъ и лютуетъ,
Мутная ходитъ волна...
Волнъ бѣлогривые гребни
Грозно рядами идутъ
И, разбѣгаясь на щебнѣ,
Пѣной пески обдаютъ...
Вѣтеръ въ налетѣ могучемъ
Тучей вздымаетъ пески;
О землю бьются по кручамъ —
Чуя бѣду—тальники...
Къ пристани свалены груды
Бревенъ, раскиданныхъ дровъ;
Щепки разбитой „посуды“
Тянутся вдоль береговъ...
—„Зла безъ добра не бываетъ!“
Такъ разсуждаетъ народъ:
„Буря купцовъ разоряетъ,
„Дровъ бѣдняку подаетъ!...“

ЯКУНИНЪ.

(И. Н. Захарьинъ).

Четыре ангела.

„Tout comprendre — c'est tout pardonner."
M-me de Staël.

Минулъ холодный, зимній день,—
И, лишь настала ночь,
Въ своихъ кроваткахъ улеглись
Три мальчика и дочь.

Четыре ангела съ небесъ
Слетѣли тихо къ нимъ—
И тихо встали въ головахъ,
Воздушные, какъ дымъ.

При тусклой лампѣ, у стола,
Склоняся головой,
Сидитъ, работая, отецъ,
И блѣдный, и худой.

Въ сыромъ углу, на сундукѣ,
Больная мать лежитъ
И, глядя въ сторону дѣтей,
Вздыхая, говоритъ:

„Мы десять лѣтъ живемъ съ тобой,
Въ заботахъ и трудѣ,
Но мало знали свѣтлыхъ дней,—
И вѣчно мы въ нуждѣ.

На Бога часто я ропщу,
Браню тебя и всѣхъ;—
Придется мнѣ отвѣтить *тамъ*
За этотъ тяжкій грѣхъ!“

Отецъ работаетъ сильнѣй
И, хмуряся, молчитъ;
Но шепчутъ ангелы въ отвѣтъ:
—„За это Богъ проститъ!“—

„Молиться стала рѣдко я,
Работая весь день,—
И этотъ грѣхъ на душу мнѣ
Давно ужъ легъ, какъ тѣнь“.

Отецъ, поникнувъ головой,
Вздыхаетъ—и молчитъ;
Но шепчутъ ангелы въ отвѣтъ:
—„И это Богъ проститъ!“—

„Богатымъ стала я теперь
Завидовать, порой;
И часто ихъ кляну въ душѣ...
—Вѣдь это грѣхъ большой!“

Отецъ, вздохнувъ, проговорилъ:
„Да кто ихъ не бранитъ!“
И шепчутъ ангелы въ отвѣтъ:
—„Вамъ это Богъ проститъ!“—

„Охъ, даже стыдно вспомнить мнѣ,
—Прости, мой другъ, меня!—
Съ тобой бранилась я не разъ,
Судьбу свою кляня“.

„Я все забылъ», сказалъ отецъ:
„И Богъ тебя проститъ!“
И шепчутъ ангелы въ отвѣтъ:
—«*Аминь* онъ говоритъ».—

„Еще тяжелѣ на душѣ,
—И этотъ грѣхъ не снесть:
Бивала я дѣтей моихъ,
Когда просили ѣсть;

А въ домѣ не было куска—
И ты добыть не могъ...»
Но шепчутъ ангелы въ отвѣтъ:
—„Проститъ и это Богъ!“—

„Всего больнѣе вспомнить мнѣ
Про грѣхъ одинъ большой:
Въ нуждѣ, чтобъ дѣтокъ прокормить,
Кривили мы душой,—

И въ поясъ кланялися тѣмъ,
Кто грязи былъ чернѣй,
И унижалися не разъ—
Для счастія дѣтей“.

Отецъ вдругъ страшно поблѣднѣлъ,—
Вздохнулъ—и задрожалъ...
Къ женѣ, шатаясь, подошелъ
И тихо ей сказалъ:

„Да, намъ придется отвѣчать
За этотъ грѣхъ и стыдъ!...“
Но шепчутъ ангелы въ отвѣтъ:
—„Вамъ *все* Господь проститъ!...

Въ голодный годъ.

Воспоминаніе.

Поклонъ мой вамъ, поля мои родныя,
Далекія, но милыя поля!
Давно я кинулъ васъ,—и образы иные,
Заботы мелкія объяли ужъ меня;
Но вѣчно помню я тебя, мой край родной,
Въ годину бѣдъ твоихъ страдаю я съ тобой.

*

Я помню все. Еще ребенкомъ малымъ
Я такъ любилъ родныхъ полей просторъ,—
И цѣлые часы, задумчивый, бывало,
Невѣдомый мнѣ слушалъ разговоръ:
И пѣснь унылую, и ржаніе коней—
Всю эту музыку таинственныхъ полей...

*

Въ палящій жаръ я слушалъ плачъ ребенка,
Забытаго уснувшею жнеей,
Любилъ я слушать топотъ жеребенка,
Въ степи вечернею порой;
А близъ огней, въ *ночномъ*—разсказъ пугливый
О вѣдьмахъ злыхъ и домовомъ,
И въ праздникъ хороводъ игривый
Съ горѣлками и съ пляской, вечеркомъ.

*

Я помню страшную, тяжелую годину:
Плачъ женъ и матерей, и общую кручину,—
Какъ будто моръ какой ходилъ по деревнямъ...
То шла война!... Ей въ жертву отдавались
Всѣ силы лучшія... назадъ не возвращались!—
И всѣ почти легли безмолвно тамъ,
Въ томъ городѣ, что́ залитъ былъ огнями
И вымощенъ желѣзомъ—и тѣлами...

*

Въ то время, помню я, весенняя пора
Едва настала лишь, какъ сдѣлали качели,—
Попрежнему, близъ барскаго двора;
Но бѣдные крестьяне не хотѣли
Ихъ посѣщать... весна прошла безъ пѣсенъ,—
И даже я, ребенокъ, былъ не веселъ.

*

И въ тотъ же годъ войны,—я помню это,—
Въ день Троицы, всѣ дѣвушки пошли
На озеро, въ орѣшникъ. Каждымъ лѣтомъ,
Въ тотъ день, онѣ вѣнки тамъ весело плели
И въ воду, кинувъ ихъ, о женихахъ гадали,—
Полны, затѣмъ, веселья иль печали...
Но въ этотъ годъ невинное гаданье
Не развлекло бѣдняжку ни одну
И вызвало лишь новое страданье
Всѣ ихъ вѣнки—пошли ко дну!...

*

Я помню все. *На посидѣлкахъ* зимнихъ
Я сиживалъ, порой, до позднихъ пѣтуховъ,—
И съ жадностью внималъ словамъ тѣхъ пѣсенъ дивныхъ,

Которыхъ смыслъ былъ мнѣ еще такъ новъ:
„*Чужая сторона*“ — и „*лютая свекровь,*“
„*Разлучница-змѣя,*“ „*зазноба*“ — и „*любовь...*“

*

То былъ волшебный міръ — изъ словъ однихъ и пѣсенъ
Съ слезами радости иль горькою тоской!...
Для звуковъ ихъ весь міръ казался тѣсенъ,
Ничтоженъ былъ просторъ степной;
И, чуткою душой внимая эти звуки,
Я полонъ былъ блаженства сладкой муки.

*

О, Боже мой! какъ все давно ужъ это было!...
Но образы минувшаго, какъ сонъ, —
Еще недавній, свѣтлый сонъ и милый, —
Встаютъ въ душѣ моей... И онъ,
Родной мой край, далекій и скорбящій,
Стоитъ передо мной — болящій...

*

Какъ, иногда, лампада гаснетъ тихо,
Когда изсякнетъ въ ней елей, —
Такъ гаснутъ *тамъ,* безъ ропота и крика,
Среди снѣговъ, среди полей...
И мнится мнѣ, что самая война
Для нихъ, теперь, была бы не страшна.

Ночью въ степи.

Звѣздная ночь... такъ свѣтло...
Степь разметнулась кругомъ...
Кони идутъ тяжело, —
Жутко мнѣ въ краѣ родномъ!

Тѣни повсюду легли...
Дубъ одинокій стоитъ...
Зарево видно вдали —
Гдѣ-то деревня горитъ...

Послѣдняя полоса.

Клонится къ западу солнце прекрасное,
Прячетъ лучи за свинцовою тучею —
Словно грозу обѣщаетъ гремучую,
Или на утро погоду ненастную.
— Солнце румяное, солнышко милое!
Дай старику сжать послѣднюю полосу!..
Грудью склонившись надъ тощею жнивою,
Съ пѣсней идетъ онъ отъ колоса къ колосу:
„Жнивка, жнивка,
Отдай нашу силку“ *).

*

Вспомнилъ онъ время, вдругъ, старое, грозное:
Малымъ парнишкою, съ дѣдомъ и съ мамою,
Съ пѣснею дѣтскою, съ пѣсенкой слезною,
Жалъ онъ полóсыньку эту же самую.
Хлопая громко ременной нагайкою,
По полю несся бурмистеръ безжалостный;
Грозно прикрикнулъ онъ дѣдушкѣ съ мамкою,
Мимо промчавшись, — довольный и радостный...
„Жнивка, жнивка,
Отдай нашу силку“,

---

*) Въ нѣкоторыхъ великороссійскихъ губерніяхъ, напримѣръ, въ Костромской, существуетъ у крестьянъ слѣдующій обычай: при уборкѣ полей, во время жнитвы, послѣдній жнецъ (или жнея), дожинающій свою полосу, когда уже все поле (озимое или яровое) сжато, обязанъ, по окончаніи послѣдняго взмаха серпа, *покататься* всѣмъ тѣломъ на своей полосѣ, приговаривая при этомъ: „жнивка, жнивка, отдай нашу силку!...“ *Прим. автора.*

Съ любой женой, молодою, болѣзною,
Дружно жалъ полосу онъ золотистую,
Падала рожь подъ серпами желѣзными,
Быстро снопы выростали волнистые.
Трудно имъ было сжать эту полосыньку! —
Солнце палило лучомъ сожигающимъ...
Выбилась женина русая ко́сынька,
Градомъ катился съ нихъ потъ изнуряющій...
„Жнивка, жнивка.
Отдай нашу силку!“

*

Всѣхъ-то онъ, всѣхъ схоронилъ безо времени,
Вырылъ своими руками могилушки!...
Сталъ бобылемъ онъ безъ роду, безъ племени, —
Нѣтъ ему радостей, прежней нѣтъ силушки.
— Солнышко красное, солнышко милое,
Дай старику сжать послѣднюю полосу! —
Горькую пѣснь допѣвая надъ жнивою,
Тихо идетъ онъ отъ колоса къ колосу:
„Жнивка, жнивка,
Отдай нашу силку!..“

Н. М. СОКОЛОВЪ.

***

Царица мысль! Вѣнокъ душистыхъ розъ,
Стыдливо на челѣ зардѣвшись бѣлоснѣжномъ,
Чуть оттѣнилъ твой взоръ, безсмертныхъ полный грезъ,
Глубокій, ласковый и нѣжный...
Посланница небесъ, ты шла въ толпѣ людской,
Вся вдохновенная, чарующе-простая,
И всѣхъ тоскующихъ звала ты за собой
На пиръ, царица молодая!
И подневольный рабъ, измученный борьбой,
Шелъ за тобой, какъ гордый царь вселенной,
Слагая гимнъ невѣстѣ молодой,
Взволнованъ страстью вдохновенной.
Ты въ міръ несла надзвѣздной жизни сны,
Въ яремъ земли цвѣты небесъ вплетая...
И тѣни блѣдныя забытой старины,
Свои могилы оставляя,
Живымъ шептали вновь мечты погибшихъ дней...
Въ прозрачномъ сумракѣ грядущее свѣтилось...
И сердце сонное измученныхъ людей
Вновь жизнью радостною билось.

Такою въ первый разъ тебя я увидалъ,
Царица свѣтлая и вѣчно молодая!
До той поры, безпечный, я вѣнчалъ
Свое чело, тебя не зная,
Наивной радости и жизни молодой
Недолговѣчными, но яркими цвѣтами,
И, убаюканный минутною мечтой,
Я спалъ съ открытыми глазами.
Я увидалъ тебя, царица мощныхъ думъ!..
И сердце дрогнуло невѣдомой тоскою.
И проклялъ я безпечный жизни шумъ,
И зарыдалъ передъ тобою...
И за тобой, влюбленный, я бѣжалъ,
Я звалъ тебя на пиръ любви счастливой,
Прійти ко мнѣ тебя я заклиналъ
И вновь рыдалъ, нетерпѣливый...
Я бросилъ все, чѣмъ прежде счастливъ былъ.
Безсонныхъ думъ волненіемъ тревожнымъ
Измученный, всѣмъ сердцемъ полюбилъ
Я сонъ о счастьи невозможномъ.

Горѣлъ мой мозгъ невѣдомымъ огнемъ.
Больная грудь порывисто вздымалась.
Молчала ночь... И тихо подъ окномъ
Ко мнѣ царица постучалась...
Она пришла... И скорбный, блѣдный ликъ,
Слезами жгучаго страданія облитый,
Я увидалъ — и головой поникъ
Подъ пыткой грусти ядовитой...
Безсильная, упавъ передо мной,
Она въ отчаяньи порывисто рыдала,
И руки блѣдныя съ какою-то мольбой
Въ какомъ-то ужасѣ ломала...
Я цѣловалъ черты ея лица,

Чтобы согрѣть холодное страданье,
Но все лились рыданья безъ конца,
Непобѣдимыя рыданья!..
И съ той поры въ мой скорбный домъ она
Приходитъ часто, полная тоскою,
Задумчива, безмолвна и блѣдна,
Сидитъ всю ночь передо мною...
И вспыхнетъ смѣхъ въ чертахъ ея порой,
Зловѣщій смѣхъ, всесильный и холодный,
И встанетъ, мощная, она передо мной
Съ улыбкой скорби неисходной...
И, непонятная, божественнымъ огнемъ
Нѣмыхъ міровъ освѣтитъ вереницы,
Въ движеніи застывшихъ вѣковомъ,
Счастливыхъ грезъ моихъ гробницы...
И въ нихъ ничтожнаго, въ ярмѣ тупой нужды,
Раба голоднаго покажетъ —человѣка,
Его безплодные и жалкіе труды,
И рабство вольное отъ вѣка...
И открывается въ видѣніи судьба,
Обвившая, какъ жертву змѣй голодный,
Цѣпями ржавыми безсильнаго раба,
Нѣмого въ мукѣ неисходной...
Любовь царицы сердце мнѣ сожгла,
Ея лобзанья мозгъ мой прожигаютъ,
И борозды средь блѣднаго чела,
Какъ плугъ желѣзный, пролагаютъ,
Какъ смерть, ея мучительна любовь!..
Она придетъ и, скорбная, тоскуетъ,
Рыдая сердце мнѣ цѣлуетъ
И пьетъ изъ сердца кровь...
Но я зову царицу вновь и вновь.
Я вѣренъ ей, одной моей подругѣ;
Я ей одной отдамъ досуги,

Пока во мнѣ струится кровь...
Кто полюбилъ ее, тотъ не измѣнитъ ей:
Тотъ рабъ ея, кто разъ ее полюбитъ.
И ласками мучительныхъ ночей
Она любовника погубитъ.

---

*
* *

Зачѣмъ ты снова предо мной
Явился, геній благодатный,
Съ своею лаской молодой,
Съ своею властью непонятной?

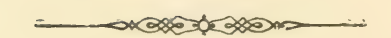
Въ добро я вѣровать отвыкъ
Подъ гнетомъ горя и мученій;
Сковалъ я смѣлый свой языкъ,
Глашатай свѣтлыхъ вдохновеній.

Неволи я не замѣчалъ,
Гремя желѣзными цѣпями...
Зачѣмъ ты, геній, вновь предсталъ
Съ своими чудными рѣчами?

Огонь божественныхъ очей
Блеснулъ въ стѣнахъ моей темницы
И вспыхнулъ заревомъ денницы,
Ударясь въ сталь моихъ цѣпей.

И онъ божественной рукой
Моей тюрьмы раздвинулъ своды,
И вдаль смотрѣлъ я, и съ тоской
Внималъ вѣщаніямъ свободы.

Мой гордый нравъ минувшихъ дней
Съ былою мощью пробудился...
О, какъ въ тотъ мигъ я устыдился
За мракъ тюрьмы, за звонъ цѣпей!...



В. Н. СИМБОРСКІЙ.

Сонъ.

Мнѣ снится, съ косою, съ сѣдой бородой,
Усѣлся Сатурнъ, недвижимъ;
Событія міра, картиной живой,
Мѣняясь идутъ передъ нимъ.
Онъ видитъ: въ чаду вакханалій, пировъ,
Обрызганный кровью, виномъ,
У праха разбитыхъ родимыхъ боговъ,
По латамъ повитый плющомъ,
Какъ левъ, пораженный нещадной стрѣлой,
Агоніей смерти томимъ,
Въ лучахъ восходящихъ зари молодой
Хрипитъ обезсиленный Римъ...
Онъ видитъ: гигантъ, умирая, поникъ
Подъ юной, могучей рукой,
И въ бороду тихо смѣется старикъ,
Качая сѣдой головой...

Онъ видитъ: подъ знаменемъ правды, креста
Работаетъ петля, топоръ,

И дикій аскетъ, призывая Христа,
Молясь зажигаетъ костеръ...
Средь стоновъ, проклятій, Te Deum гремитъ,
Купается рыцарь въ крови,
И пѣснь миннезингера кротко звучитъ,
Полна беззавѣтной любви...
Онъ слышитъ виллана отчаянный крикъ
Подъ тяжкой баронской пятой, —
И въ бороду тихо смѣется старикъ,
Качая сѣдой головой.

Вѣкъ новый блестящихъ идей и труда
Предъ старымъ Сатурномъ идетъ.
И истины ярко сіяетъ звѣзда,
И таетъ невѣжества ледъ.
Онъ видитъ: свободѣ грядущей народъ
Въ восторгѣ куритъ оиміамъ,
И, тишь нарушая, свиститъ пароходъ,
Весь въ брызгахъ идетъ по волнамъ.
Работаетъ пушка Армстронга и штыкъ,
И штуцеръ блеститъ нарѣзной...
Хохочетъ, хохочетъ, хохочетъ старикъ,
Качая сѣдой головой.

ОПЕЧАТКИ.

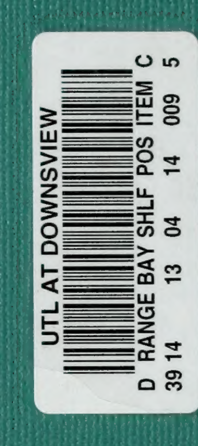
Убѣдительно просимъ читателя исправить опечатки прежде, чѣмъ начать читать книгу.

Стран.		Строка сверху.	Строка снизу.	Напечатано:	Слѣдуетъ:
1		—	4	вырвалъ	вырвалъ
—		—	1	замерзшія	замершія
9		—	13	серца	сердца
13		—	5	созданія	созданья
23		—	9	вдали.	вдали,
24		10	—	Вновъ	вновь
30		1	—	солнцѣ	солнце
31		16	—	И такъ	Итакъ
33		7	—	землѣ!	землѣ?
35,	1 столб.	—	8	самъ—другъ	самъ-другъ
—	2 "	2	—	Ну тащися	Ну! тащися
—	" "	9	—	травка. —	травка,—
40	1 "	—	5	Горемышное	Горемычное
43		17	—	привыкъ.	привыкъ
44		4		бѣшенно	бѣшено
47		1	—	наперстники	наперсники
49		12		бѣлѣющихъ	бѣлѣющихъ
51		15	—	достоенъ	достоинъ
55		—	6	заразъ	за разъ
57		8	—	къ тому? что	къ тому, что̀
—		9	—	свята такъ,	свята, такъ
59		9	—	Боже	Боже:
—		—	4	И звеня.	И, звеня
60		—	7	Гдѣ то	Гдѣ-то
64		—	13	Что-жъ,	что жъ?
—		—	7	не прихотливый	неприхотливый
65		12	—	Тѣмъ то	Тѣмъ-то
68.	1 столб.	—	12	Вахарю мерещется	Пахарю мерещится
—	»	—	10	скоблется	скоблится
72		—	2	нахмурясь	нахмурясь:
75			3	проснулася...	проснулася?..
76			3	одинъ	одинъ!
—		—	1	гражданинъ	гражданинъ?
78		—	13	ночь!	ночь!?
—		—	11	въ душной тюрьмѣ:	въ душной тюрьмѣ:
9		4	—	ночь.	ночь!?
1		—	13	ее	ея
6		11	—	покамѣсть	покамѣстъ
2		—	12	оструганъ	отструганъ
3		—	10	Кровь то ..... грудь то	Кровь-то ..... грудь-то
-		—	5	знаю я	знаю я.
4		—	8	всѣхъ то	всѣхъ-то
[illegible]		7	—	Dà	Да,
		2	—	мечтаній	мечтаній:
		6	—	Вашему	— Вашему

Стран.	Строка сверху.	Строка снизу.	Напечатано:	Слѣдуетъ:
109	—	3	въ гробу то	въ гробу-то
110	6	—	Все выносящаго	Всевыносящаго
115	3	—	богомольница	богомолица
—	4	—	Вѣковая	Вѣкова
116	4	—	преставился...“—	преставился...
117	—	2	младости!“	младости!—
125	10	—	ноймутъ	поймутъ
126	—	13	больной	больной!
129	6	—	проситъ.	проситъ“.
139	6	—	улыбкою	улыбкой
143	2	—	Къ чему, мнѣ ..... голосъ:—	Мнѣ робко ..... голосъ:
154	7	—	богъ	Богъ
155	5	—	богъ	Богъ
158	—	13	точетъ	точитъ
—	—	2	божій	Божій
159	9	—	бога	Бога
—	10	—	твой.	твой
—	11	—	томленья:	томленья!
160	7	—	синайской высоты	Синайской высоты,
171	4	—	божью	Божью
173	11	—	бѣшенно	бѣшено
176	—	8	минуту,	минуту
182	—	3	Какъ то	Какъ-то
184	—	8	моихъ...	моихъ?..
185	—	4	вѣтреной	вѣтренной
201	—	13	гдѣ то	гдѣ-то
211	—	6	Терпелъ	Терпѣлъ
212	—	11	горьстью	горстью
224	—	18	съ бою	съ бою,—
—	—	6	Пагубное.	Пагубное
226	—	7	за то	зато
231	—	4	За то	Зато
243	8	—	не видалъ;	не видалъ,—
248	4	—	тоже	то же
—	6	—	энохъ:	Энохъ;
250	17	—	пальмъ	пальмъ—
—	—	9	Не зналъ	Но зналъ
251	—	7	творцу	Творцу
—	—	5	наконецъ!	наконецъ?
252	7	—	надежы	надежды
253	—	9	Кога	Когда
254	—	7	боже	Боже
—	—	1	божій	Божій
256	—	12	боже	Боже
258	—	11	водоема;	водоема
259	7	—	вокругъ	вкругъ
—	—	3	семнадцати	двѣнадцати
260	15	—	де-скать	дескать
—	22	—	безумью	Безумью
263	4	—	за то ..... краю,	зато ..... краю
264	3	—	сердце	сердца

Стран.	Строка сверху	Строка снизу	Напечатано:	Слѣдуетъ:
6	—	5	часовымъ.	часовымъ
3	1	-	вещамъ:	вещамъ:
4	10	—	Росписанныхъ	Расписанныхъ
0	6	—	настежъ	настежь
5	—	1	Какъ	какъ
7	—	4	скора	скоро
8	—	19	приказала.	приказала:
-	—	16	А, улица	А улица
[illegible]	—	10	стояло	стояла
4	2	—	ищешь	ищешь
8	2	—	не земнымъ.	неземнымъ
5	—	11	идеи.	идеи
3	—	12	Тяжела,	Тяжела
7	6	—	по чаще	по чащѣ
9	10	—	Чей то	Чей-то
6	6	—	сөрдце	сердце
9	2	—	тажкій	тяжкій
6	2	—	споемъ.	споемъ
9	91	2	пахаря то	пахаря-то
1	—	—	не умытые	неумытые
—	1	--	божія	Божія
—	7	—	Ни чѣмъ	Ничѣмъ
61	8	—	также	такъ же
68	2	—	Разцвѣло	Расцвѣло
71	—	7	еллиновъ	эллиновъ
75	13 и 14	—	также	такъ же
80	3	—	Шемяка	Шемяки
81	14	—	винѣ ихъ:	вины ихъ,
—	16	—	твоими многими	твоими, князь,
82	2	—	также	такъ же
83	9	—	тихо—	тихо:
84	5	—	совершенъ	свершенъ
—	14	—	Отвѣчу	– Отвѣчу
—	—	7	нынѣ,	нынѣ
—	—	6	посягалъ.	посягалъ.—
85	7	—	Идутъ... узнали...	„Идутъ!.. узнали!“
—	—	3	Сказалъ—теперь	Сказалъ: „теперь
—	|	1	каморку...	каморку“...
86	—	8	великій	Великій
87	5	—	Привели, вошелъ	Привели. Вошелъ
89	11	—	привозный	привозной
90	11	—	ганза	Ганза
91	—	13	у нее	у нея
97	—	4	бѣшенной	бѣшеной
00	8	—	накануне для нови	*накануне* для *нови*
13	—	5	торгошами	торгашами
17	9	—	собраться	собратья
19	13	—	Со свѣтлой	Съ свѣтлой
—	—	9	усталые	усталыя
21	—	8	Грубое	Глубокое
27	15	—	Гордится	Гордиться
30	12	—	созида	созидай
33	3	—	темнитъ нѣмой гранитъ,	нѣмыхъ темницъ гранитъ.

Стран.	Строка сверху.	Строка снизу.	Напечатано:	Слѣдуетъ:
433	7	—	льется.	льется...
434	—	18	дышутъ	пышутъ
435	12	—	тамъ	тамъ:
436	10 и 14	—	бога	Бога
441	—	3	Какъ то	Какъ-то
448	—	1	кромешной	кромѣшной
452	9	—	фринксъ	сфинксъ
459	3	—	семь я	семья
461	5	—	помыселъ	помыслъ
467	—	15	мужичкомъ.	мужичкомъ,
—	—	9	чѣмъ то вродѣ	чѣмъ-то въ родѣ
473	13	—	Но, нѣтъ не можетъ быть!	Не можетъ быть — нѣтъ!
476	12	—	не вдохнулъ	ни вдохнулъ
477	3	—	сіяющій.	сіяющій
—	4	—	страдальческій	страдальческій.
479	13	—	извѣда въ	извѣдавъ
484	2	—	Илизкая	Близкая
—	3	—	заоблочныхъ	заоблачныхъ
—	9	—	неужль	неужель
485	3	—	упрека, сърыданьемъ	упрека съ рыданье[illegible]
—	—	3	Ему съ упрекомъ	Ему съ упрекомъ
—	—	2	я, не воинъ,	я не воинъ,
493	2	—	вчуже	вчужѣ
495	—	12	Нянчатъ	Няньчатъ
496	—	11	любовью	любовно
498	5	—	шуму ..... трудомъ	шубу ..... трудомъ:
—	—	6	морозъ	Морозъ
511	—	2	оныло	уныло
512	6	—	дюдей	людей
544	—	6	называлъ—	называлъ —
549	12	—	мновенье	мгновенье
551	—	10	туча	туда
562	—	16	Іоаннъ,	Іоаннъ;
578	—	2	онъ	они
579	1	—	боговъ	боговъ,
583	4	—	кудрявою	кудрявой
584	—	14	наривници	чарівници
585	—	9	Одченись	Одчепись
—	—	4	загладѣнье	загляденье
590	14	—	деревень:	деревень.
—	—	15	полночъ	полночь
598	5	—	ночь	ночь.
600	—	4	одинъ то	одинъ-то
605	10	—	безпримѣрныя	безпримѣрныя
611	—	1	помочь	помочь!
612	8	—	Хлѣба.	Хлѣба!
614	13	—	волна.	волна?
615	5	—	ты такъ	такъ ты
647	—	4	спозоранокъ	спозаранокъ


UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 14 13 04 14 009 5